

ISSN 2307-2539

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 2 (30)

2020

ISSN 2307-2539

№2 (30) • 2020

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор,
чл.-корр. РАН;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), д-р ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук, доцент (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор (Венгрия);
М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является
ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет».

Утвержден к печати
Объединенным
научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или
издателя.

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный
университет, 2005–2020.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (30) • 2020

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul

Altai State
University Press
2020

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshepin, Doctor of History, Professor, Cor-
responding Member, Russian Academy of Sciences;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Doctor of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History, Associate Profes-
sor (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University.

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"
© Altai State University, 2005–2020.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Казаков А.А.</i> Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа)	7
<i>Руденко К.А.</i> Маркеры металлургического и ювелирного производства на поселениях VI–VII вв. н.э. Среднего Поволжья (на примере Тетюшского II городища в Татарстане)	24
<i>Савинов Д.Г.</i> Последовательность и динамика распространения влияния хуннских традиций с востока на запад (и с запада на восток?)	35

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Вертман Е.Г., Плетнёва Л.М.</i> Технологии изготовления и химический состав металла по результатам анализов методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой предметов торевтики развитого средневековья из Томского Приобья ...	59
<i>Папин Д.В., Святко С.В.</i> Структура диеты населения андроновской культуры Алтая по данным изотопного анализа (предварительные результаты)	71

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бейсенов А.З.</i> Крестообразный мазар султана Асана Чингисова и курган с менгиром в долине Бесоба, Центральный Казахстан	77
<i>Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.</i> «Яростные птицы с огненными перьями»	95
<i>Лукпанова Я.А.</i> Женские погребения из кургана №1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане	111
<i>Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М.</i> Изучение пространственного зонирования каменных артефактов на стоянке Толбор-4 (Северная Монголия) в финале МИС-3 посредством кластерного анализа	128
<i>Му Ц.</i> Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне	138
<i>Табарев А.В., Гаврилина Т.А., Литвинова К.А.</i> Изначальный дзёмон, японский архипелаг: хронология и некоторые особенности каменного инвентаря ...	148

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А.</i> Орудия на отщепах с поселения Рубцовское (из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска)	159
<i>Сопиев А.О.</i> Меч или копье? (об одном экспонате Государственного музея Туркменистана)	172
<i>Тишкин А.А., Тишкина Т.В.</i> Опись музейной коллекции как источник для изучения культуры тюрок Алтая (по материалам Государственного исторического музея)	178

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кузин-Лосев В.И.</i> Заметки на полях книги (И.В. Ковтун «Андроновский орнамент»)	187
<i>Список сокращений</i>	204
<i>Сведения об авторах</i>	205

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kazakov A.A.</i> Blizhnie Elbany-4 Settlement (based on the materials of the State Hermitage Museum)	7
<i>Rudenko K.A.</i> Markers of Metallurgical and Jewelry Production in the Settlements of the 6 th – 7 th Centuries Ad of the Middle Volga Region (On the Example of Tetyushi Ii Hillfort in Tatarstan)	24
<i>Savinov D.G.</i> The Sequence and Dynamics of the Spread of the Influence of Xiongnu Traditions from East to West(and from West to East?)	35

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Vertman E.G., Pletneva L.M.</i> Manufacturing Techniques and Chemical Compositions of Metals, Determined By Inductively Coupled Plasma Mass Spectrometry, in Toreutics of the High Middle Ages from the Tomsk Ob Region	59
<i>Papin D.V., Svyatko S.V.</i> Structure of Paleodiets of Andronovo Culture Population in Altai By the Data of Isotopic Analysis (preliminary results)	71

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Beisenov A.Z.</i> Cross-Shaped Mazar of Sultan Asan Chingisov and the Barrow With Menhir in the Valley of Besoba, Central Kazakhstan	77
<i>Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A.</i> “Fierce Birds With Fiery Feathers”	95
<i>Lukpanova Ya.A.</i> Female Burials from Mound 1 of the Zhaiyk-1 Burial Ground in Western Kazakhstan	111
<i>Marchenko D.V., Rybin E.P., Khatsenovich A.M.</i> Cluster Analysis for Spatial Distribution of Lithic Artifacts at the Tolbor-4 Site (Northern Mongolia) During Final MIS-3	128
<i>Mu Ts.</i> The Sites of Pazyryk Culture in Xinjian	138
<i>Tabarev A.V., Gavrilina T.A., Litvinova K.A.</i> Incipient Jomon, Japanese Archipelago: Chronology and Some Peculiarities of Lithic Tool-Kit	149

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Kiryushin K. Yu., Onnikov A. V., Tishkin A.A.</i> Stone Tools on Flakes from the Rubtsovskoye Settlement (based on the collections of “Museum of Local Lore” in Rubtsovsk)	161
<i>Sopiev A.O.</i> A Sword or a Spear? (about one exhibit of the State Museum of Turkmenistan)	174
<i>Tishkin A.A., Tishkina T.V.</i> The Description of Museum Collection as a Source to Study the Culture of Altai Turks (based on materials from the State Historical Museum)	180

REVIEWS

<i>Kuzin-Losev VI.</i> Notes in the Margins of the Book (I.V. Kovtun “Andronovsky Ornament”)	189
<i>Abbreviations</i>	208
<i>Authors</i>	209

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.4:7(571.150)

А.А. Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ-IV (по материалам Государственного Эрмитажа)

В статье впервые в полном объеме представлены материалы поселения Ближние Елбаны-IV, которые ранее публиковались крайне фрагментарно, что не позволяло провести комплексный анализ всего памятника. Публикация материалов и их анализ, проведенный в сравнении с новыми, полученными и недавно введенными в научный оборот материалами фоминского этапа кулайской культуры, происходящими с территории Барнаульско-Бийского Приобья и сопредельных регионов, позволили говорить о наличии в Барнаульско-Бийском Приобье керамики саровского этапа кулайской культуры, что ранее отрицалось исследователями. Кроме того, публикация этого комплекса дает возможность выделить характерные, культуриодиагностирующие признаки керамических комплексов собственно фоминского этапа кулайской культуры. Разграничение саровских и фоминских коллекций позволяет говорить о наличии в Барнаульско-Бийском Приобье как саровских, так и фоминских памятников, а также смешанных, саровско-фоминских, свидетельствующих о трансформации саровского этапа в фоминский именно на территории Лесостепного Алтая. Проведенная работа позволила несколько удревнить начало освоения кулайским населением Лесостепного Алтая и скорректировать пути миграции «кулайцев» на эту территорию.

Ключевые слова: поселение, кулайская культура, анализ, керамика, морфология, орнаментация, миграция

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-01

Введение

К сожалению, не всегда удается полностью ввести в научный оборот все комплексы материалов, полученные в результате полевых исследований. Это связано с различными причинами (как объективными, так и субъективными). Некоторые археологи намеренно «копят» находки интересующего периода, постоянно работая с ними, дополняя и готовя фундаментальные, крупные исследования. Иногда большие объемы накопленного материала не всегда вписываются в существующие научные концепции, и ученый осмысливает их, пытаясь найти объяснения и вписать полученный материал в схему культурно-исторического развития региона или по-новому ее осмыслить, изменив саму парадигму системы знаний о древней истории. Бывает, что полученные в ходе полевых работ большие объемы материала делят на важные и второстепенные комплексы, публикуя главное и не публикуя полностью, а лишь упоминая кажущиеся второстепенными материалы.

Подобные положения сильно тормозят поступательное развитие наших представлений о древней истории, не позволяя при формировании гипотез оперировать всем объемом материала, что значительно снижает репрезентативность научных построений, а порой приводит к формулировке ложных заключений, которые в последующем приходится пересматривать. К сожалению, нечто подобное случилось и с незначительной частью материалов базового для археологии (не только Лесостепного Алтая, но и всей Западной Сибири) памятника Ближние Елбаны.

Несмотря на то что материалы были получены достаточно давно (с момента окончания работ М.П. Грязнова в урочище Ближние Елбаны (1949 г.) прошло почти 70

лет) и опубликованы качественно, с построением культурно-хронологических схем, являющихся базовыми для исследователей древней истории Сибири и в настоящее время, материалы с части памятников опубликованы не в полном объеме. Примером может служить ситуация с поселением Ближние Елбаны-IV [Грязнов, 1956].

На этом памятнике была исследована достаточно большая площадь (280 кв. м) и найдены не только фрагменты керамики (не менее чем от 42 сосудов) [Грязнов, 1956, с. 132], но и сопутствующие им вещи [Грязнов, 1956, с. 11]. Однако была опубликована крайне незначительная часть материалов, представленная лишь четырьмя частично реконструированными и одним реконструированным сосудами [Грязнов, 1956, табл. 49.-1-5]. Это несмотря на то, что М.П. Грязнов [1956, с. 132] признавал, что полученный керамический комплекс отличается от большинства сосудов, найденных в погребениях, «...некоторыми особенностями орнамента...».

Среди вещей названы «...обломки двух неопределимых железных предметов, железный нож, железная пряжка, бронзовая, луженая крестовидная подвеска...» [Грязнов, 1956, с. 132]. Согласно сноске, сделанной сразу после перечисления вещей, бронзовая луженая крестовидная подвеска опубликована в более ранней работе «Археологическое исследование территории одного древнего поселка» [Грязнов, 1951]. К сожалению, на рис. 30 под №163 [Грязнов, 1951, с. 109], на который сделана сноска, изображена эполеообразная застежка из могилы-32 могильника Ближние Елбаны-VII [Грязнов, 1956, табл. 52.-11; Ширин, 2003, с. 181].

Несмотря на существенный объем материала с поселения Ближние Елбаны-IV, в распоряжении исследователей имеется лишь его крайне незначительная часть, представленная четырьмя сосудами, и нет ни одной вещи.

Работая с материалами М.П. Грязнова в Государственном Эрмитаже, Т.Н. Троицкая [1979, с. 43] насчитала фрагменты не менее чем от 62 сосудов фоминского типа и в целом описала керамический комплекс с данного поселения. Кроме того, ею опубликованы фрагменты еще от четырех сосудов [Троицкая, 1979, с. 120, табл. 44.-1, 3, 4, 7].

Больше нам о материалах указанного поселения ничего не известно.

Задачей настоящей работы является публикация материалов поселения Ближние Елбаны-IV, хранящихся в Государственном Эрмитаже (№1620).

Материалы и методы

Публикуемый комплекс является культурно-хронологически однородным. Об этом свидетельствуют как полевые наблюдения великолепного специалиста М.П. Грязнова, так и выводы крайне бережно и щепетильно относящейся к мелким нюансам при описании керамики Т.Н. Троицкой [1979], у которой при работе с этим комплексом не возникло предположения о его возможной неоднородности, что позволило ей сделать важные наблюдения при характеристике керамических комплексов кулайской культуры Новосибирского Приобья и Верхнего Приобья. При работе автора с коллекцией (рис. 1-7) также не возникло сомнения в ее целостности.

Судя по отсутствию в составе керамического комплекса фрагментов плоских или приотстранных днищ, сосуды были круглодонными. О круглодонности всего комплекса косвенно свидетельствует и полностью реконструированный М.П. Грязновым [1956, табл. 49.-4] круглодонный сосуд.

Сосуды сформованы из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, с тонкими стенками. Причем можно наблюдать более толстые стенки в верхней части сосуда, которые утончаются на протяжении первой трети, переходя в пример-

но одинаковую толщину тулова и дна. Фрагменты керамики очень плотные, хорошего качества, «звонкие».

Судя по венчикам, сосуды как закрытой баночной формы (диаметр венчика незначительно меньше наибольшего диаметра тулова) (рис. 1.-1, 4, 7; 2.-1-3, 5, 7-8; 3.-1, 5, 7, 8, 13; 4.-1, 4-7; 5.-5, 6; 6.-2, 7), так и открытой (диаметр тулова не превышает диаметра венчика) (рис. 1.-2; 2.-6, 9; 3.-10-12; 4.-2, 3; 5.-1, 2, 8, 9; 6.-1, 8-10; 7.-1, 2, 5). Крайне редко (2 случая) можно наблюдать чуть заметную профилировку венчика (рис. 1.-3; 3.-2). Однако о горшковидных формах можно говорить достаточно условно и лишь в одном случае (рис. 1.-3), скорее всего, при такой слабой профилировке это переходная к горшковидным форма.

Если формы сосудов стабильные, то формы венчиков разнообразнее.

В подавляющем большинстве венчики прямые, срезаны вовнутрь сосуда (рис. 1.-1-6; рис. 2.-1-3, 6-7, 9; рис. 3.-1-5, 7-8, 10-11, 13; рис. 4.-1-7; рис. 5.-1-3, 6, 8, 10; рис. 6.-1, 2, 4, 5, 9; рис. 7.-1-3, 5). Достаточно редко встречаются горизонтальные (рис. 2.-5, 8; рис. 3.-12; рис. 4.-7; рис. 5.-5; рис. 6.-3, 10), срезанные наружу (рис. 1.-7) и воротничковые (рис. 5.-4).

Сами срезы венчиков чаще плоские (рис. 1.-2, 4, 5; рис. 2.-1-3, 5-9; рис. 3.-1, 3, 4, 7, 8, 12, 13; рис. 4.-1, 2, 4-7; рис. 5.-1-5, 9; рис. 6.-1-5, 7, 10; рис. 7.-1-3, 5), встречаются округлые (рис. 1.-3, 6, 7; рис. 3.-2, 5, 11; рис. 4.-3; рис. 5.-8; рис. 6.-8, 9).

На венчиках встречаются карнизки как с внутренней (рис. 1.-4; рис. 2.-2, 6, 8; рис. 3.-4; рис. 4.-4, 5; рис. 7.-1, 2), так и с внешней стороны (рис. 1.-6; рис. 3.-7; рис. 5.-1, 8; рис. 6.-2, 5). Есть и карнизки с двух сторон (рис. 5.-2, 3; рис. 6.-10; рис. 7.-3, 5). Причем в некоторых случаях карнизки очень четко выражены, что позволило Т.Н. Троицкой [1979, с. 43] высказать предположение об использовании при формовке сосуда внутреннего ободка, который «...либо сгорал при обжиге, либо вынимался».

Говоря о морфологических особенностях описываемого керамического комплекса, стоит отметить, что практически на всех сосудах «жемчужины» на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены полностью (рис. 1.-1, 3-6; рис. 2.-1, 3, 5; рис. 3.-1, 4, 7, 11, 13; рис. 6.-1-5) либо частично (рис. 1.-2, 7; рис. 2.-7; рис. 3.-2, 8, 10; рис. 6.-7, 8, 10). Но встречены и сосуды, у которых «жемчужины» не сглаживались вообще (рис. 7.-1, 2, 5).

Немного забегая вперед, вслед за Т.Н. Троицкой можно говорить о том, что самые четкие карнизки и незаглаженные «жемчужины» встречаются только на сосудах с резным волнообразным орнаментом (рис. 7).

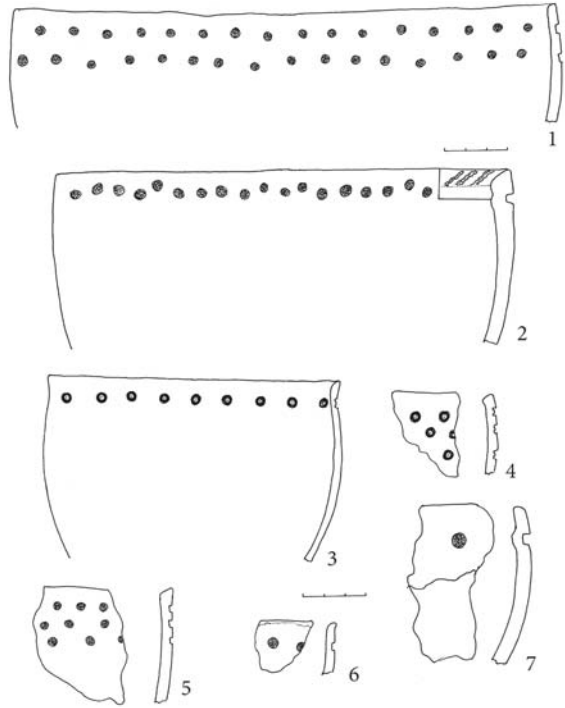

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с ямочным орнаментом

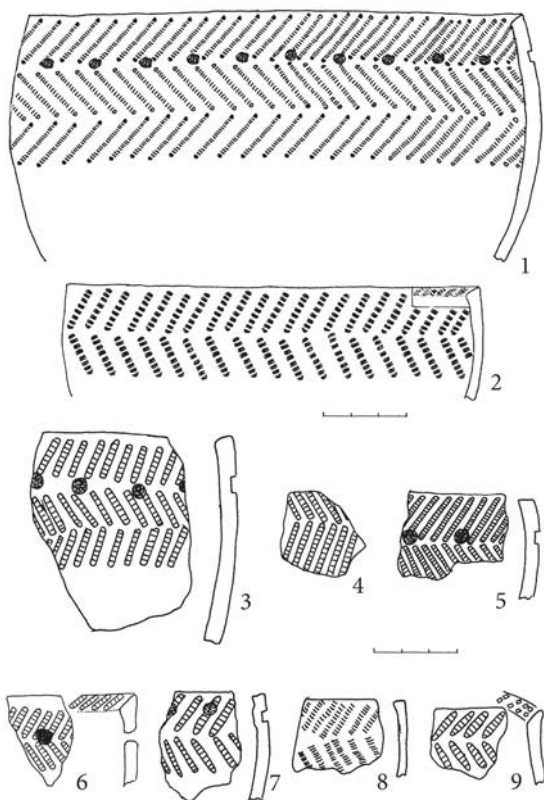

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с простым гребенчатым орнаментом

рис. 3.-7; рис. 6.-1, 2, 8; рис. 7.-5). Вероятнее всего, одни наносились орнаментиром с плоским рабочим концом, другие – с полым (возможно, трубчатой костью птицы).

Треугольный штамп (рис. 4.-1, 3, 5; рис. 5.-2-4, 6, 8, 9) также имел разновидности, а именно форму, близкую к шеврону, с закругленным углом немного вытянутого треугольника (рис. 4.-2, 4, 6, 7; рис. 5.-1, 5, 7).

Наибольшая вариабельность наблюдается у гребенчатого штампа. Самым распространенным является так называемая гусеничка, когда отпечаток имеет четко выраженную форму рабочего края орнамента, который при штамповании полностью погружался в глиняное тесто. Зубцы у этого штампа большие, с тонкими и невысокими перегородками между ними. «Гусеничка» имела, как правило, прямоугольную форму со слегка округлыми углами (рис. 2.-3-6; рис. 3.-1, 2, 7, 8, 13; рис. 4.-2, 3; рис. 5.-2, 3, 8; рис. 6.-1, 4, 6, 8-10; рис. 7.-1), встречены сильно вытянутоовальные (рис. 2.-7, 9; рис. 5.-4; рис. 6.-2, 3, 5) и четко прямоугольные формы (рис. 3.-5, 6, 12). Можно увидеть и «гусеничку» с усиленным концом, когда один из концов (верхний или нижний) не пропечатывался на орнаментальном поле (рис. 3.-10). В одном случае встречена достаточно редкая дугообразная гребенчатая «гусеничка» (рис. 5.-5).

Распространенной формой гребенчатого штампа-«гусенички» является гребенчатая «уточка». На фрагментах керамики встречены как классические формы «кулай-

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются наколы различной формы и отпечатки гребенчатого, реже гладкого штампа.

подавляющее большинство орнаментальных элементов наносилось в статичной манере, однако встречены и орнаментальные элементы (причем не в единичном количестве), нанесенные в динамичной манере. Это резные волнообразные линии выполнены как протасенной гребенкой, о чем свидетельствует их параллельность (рис. 7.-2, 3, 5), так и специальным инструментом с одним рабочим краем или зубом, на что указывают непараллельность волнистых линий и разное их количество на одном и том же сосуде (рис. 7.-1). Встречен и фрагмент сосуда с отступающей гребенкой (рис. 3.-12).

Из наколов наиболее часто встречаются ямки и треугольный штамп. Следует отметить, что ямки наносились разными орнаментами. У одних дно плоское (рис. 1.-1, 2, 5-7; рис. 2.-1, 3, 5, 7; рис. 3.-1, 2, 4, 8, 10-13; рис. 6.-3-5, 7, 10; рис. 7.-1, 2), другие имеют форму кольца с выпуклиной посередине (рис. 1.-3, 4;

ской «уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах (рис. 6.-1, 3, 5, 6), так и эсовидный гребенчатый штамп-«гусеничка» (рис. 6.-2, 4; рис. 7.-2, 4), являющийся разновидностью «уточки».

Кроме «гусенички» встречен и обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы, а сама форма орнамента не оставляет отпечатка на орнаментальном поле. Имеются его разновидности: частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента (рис. 2.-1, 2, 8), крупнозубый гребенчатый штамп (рис. 3.-3, 4, 9, 11; рис. 4.-6, 7) и крупнозубый дугообразный гребенчатый штамп (рис. 5.-1).

Гладкой «уточки» на керамике не встречено, однако имеется гладкий штамп непонятной формы, напоминающей «уточку» с сильно раздутым туловом (рис. 6.-7, 8, 10). К сожалению, более точно описать этот штамп достаточно сложно, аналогии ему автору неизвестны, как и термин, которым подобный штамп обозначается.

Достаточно редким орнаментальным элементом является и такая разновидность гладкого штампа, как полулунный (рис. 6.-9).

Орнаментальные мотивы, как и орнаментальные элементы, разнообразны. Наиболее распространенные – горизонтальный (рис. 1.-1-6; 5.-1, 5; 6.-1-10; 7.-1, 2, 4, 5), вертикальный (рис. 3.-1-3, 8-13; 4.-2; 5.-6), наклонный (рис. 3.-4-6, 9, 12; 4.-3, 6, 7; 5.-2-4, 6, 8; 6.-3, 7, 9, 10; 7.-1) и ленточный (рис. 3.-3). Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный (рис. 3.-8, 7), «елочка» (рис. 2.-1-9; 4.-2; 6.-1, 2, 4-6), паркетный (рис. 4.-1-3, 5; 5.-2-4, 6-9), ромбический (рис. 3.-8), волнообразный (рис. 7.-1-5).

Как правило, украшалась только верхняя часть сосуда, орнаментальные элементы не опускались ниже трети его высоты.

В большинстве случаев орнаментировался и срез венчика. Орнамент по срезу, как правило, наносился одним из штампов, которым украшалось и тулово (рис. 2.-2, 6, 9; 3.-1-4, 7, 8, 10-13; 4.-2-7; 5.-1, 2, 4-6; 6.-1-5, 7-10; 7.-1, 5). У сосудов, орнаментированных только такими элементами, как ямки или треугольный штамп, срез венчика чаще всего не орнаментирован (рис. 1.-1, 3-7; 4.-1; 5.-9).

Орнаментальная композиция достаточно сложна.

Как уже отмечалось, ямки (кольца) и треугольники (фестоны) на одном сосуде ни разу не совмещались. В некоторых случаях ямки и треугольники могли выступать как

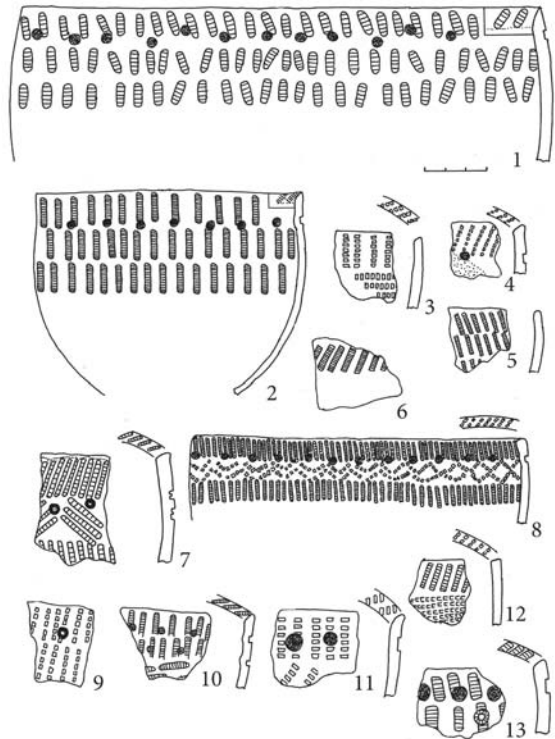

Рис. 3. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с простым и сложным гребенчатым орнаментом

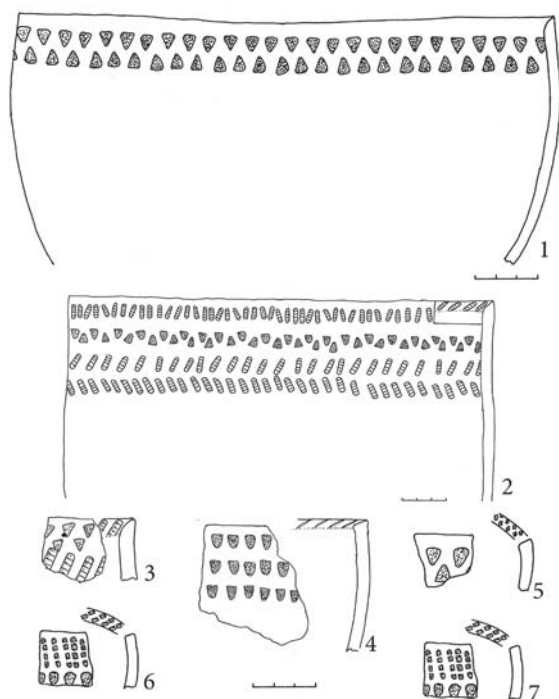

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV.

Сосуды с фестонами и паркетным мотивом

разделительная функция ямок не всегда читается явно, то треугольники всегда достаточно четко вписаны между орнаментальными строками, нанесенными гребенчатым штампом. Следует отметить, что треугольники с другими орнаментальными элементами, кроме гребенчатого штампа, не встречаются. Очень часто ямки наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно. При орнаментации сосуда использовался только один гребенчатый штамп.

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от одной до семи. Наряду с достаточно свободным размещением орнаментальных элементов часто обнаруживается и очень плотное заполнение орнаментального поля четкими отпечатками штампа, что характерно в основном для сосудов, в орнаментальной композиции которых присутствует «уточка» (рис. 6.-1-4, 6, 7, 9) или волнистые линии (рис. 7.-1, 2, 4, 5). «Уточка» всегда встречается в сочетании с гребенчатой «гусеничкой» и ямками, образуя не менее двух горизонтальных строк между отпечатками гребенки (рис. 6.-1-3, 5, 7, 8). Только в одном случае встречена разновидность «уточка» (эсвидный гребенчатый штамп), нанесенной в одну орнаментальную строку между волнистыми линиями (рис. 7.-2).

Столь подробное описание публикуемого керамического комплекса необходимо для его более обоснованной культурно-хронологической интерпретации.

Полученные результаты и их обсуждение

Даже на первый взгляд видно, что в работе представлен ранее неизвестный исследователям на территории Лесостепного Алтая керамический комплекс, а точнее комплекс,

самостоятельные элементы декора, образуя один или несколько (до трех орнаментальных строк) горизонтальных поясков по верхней части сосуда (рис. 1.-1-7; 4.-1, 4, 5; 5.-7, 9). Треугольники одной орнаментальной строкой не наносились, как самостоятельный элемент использовались только в паркетном мотиве (рис. 4.-1, 5; 5.-7, 9) или несколькими орнаментальными строками (рис. 4.-4).

Более сложные композиции состояли из двух элементов орнамента, за исключением композиций, в построении которых использовались гребенчатые «уточки». Одним из обязательных элементов сложных орнаментальных композиций являлись ямки или треугольный штамп. Они выступали как разделители орнамента. Достаточно редко орнаментальная композиция строилась только из отпечатков гребенчатого штампа, образующего мотив «елочка» (рис. 2.-2, 8, 9). Причем если

фрагментарная публикация которого не позволяла составить о нем целостное представление, благодаря чему его трактовали как относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, считая однородным с керамическим комплексом могильника Ближние Елбаны-VII [Грязнов, 1956, с. 132; Троицкая, 1979, с. 43; Чиндина, 1984, с. 162, 225].

Введение в научный оборот этого материала позволяет по-новому взглянуть на культурно-исторические процессы, происходившие в Барнаульско-Бийском Приобье на рубеже эр.

В настоящее время в связи со значительным пополнением корпуса источников следует признать, что отнесение керамического комплекса с поселения Ближние Елбаны-IV к фоминскому этапу кулайской культуры следует пересмотреть.

Об этом свидетельствуют достаточно представительные комплексы фоминской керамики, полученные с исследованных в последние годы (после исследования на Ближних Елбанах) памятников, представленных в основном поселениями и тремя погребениями могильника Татарские могилки [Ширин, 2003] (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия см: [Григоров и др., 2018, с. 6–7]).

К поселениям, материалы которых позволяют составить достаточно полное представление об их керамических комплексах, относятся Усть-Чумыш-1 [Шамшин и др., 1992], Чудацкая гора [Ширин, 2004], Малоугренево-1 [Казаков, 2016а], Енисейское [Казаков, 2016а], Бийское городище-2 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Бийское городище-4 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Бийское городище-6 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Троицк-1 [Бородаев и др., 1993], Фоминское [Казаков, 2016б], Малый Иткуль-1 [Абдулганеев, 2001], Кислянский Рыбак-1 [Сайберт, 2017].

Большое количество памятников, содержащих однородные керамические комплексы, позволяет охарактеризовать поселенческую фоминскую керамику в целом: это тонкостенные, сформованные из тонкоотмученного глиняного теста с мелкими фракциями отощителя круглодонные сосуды преимущественно баночной формы (как открытые, так и закрытые) [Казаков, 2016а, рис. 1.-1-3, 6-8, 11-13, 15-16; рис. 3.-1, 3-5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 5, 7, 8, 13, 17, 18, 21; рис. 4.-8, 9, 12, 14, 15, 17, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2-10; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1-7, 9-10; рис. 3.-1, 2, 4, 5, 9-10; Сайберт, 2017, рис. 2] с прямыми венчиками. Встречаются и переходные к горшкам формы со слабопрофилированными венчиками [Казаков, 2016а, рис. 1.-5, 8, 9, 10, 14, 17; рис. 3.-2, 6; Абдулганеев, 2001, рис. 3.-3, 7, 11, 12; Сайберт, 2017, рис. 2]. Срезы венчиков в основном горизонтальные [Казаков, 2016а, рис. 1.-1-3, 11, 14; рис. 3.-1-3, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-5, 7, 13, 18; рис. 4.-9, 15; Казаков, 2016б, рис. 1.-5-8, 10; Абдулгане-

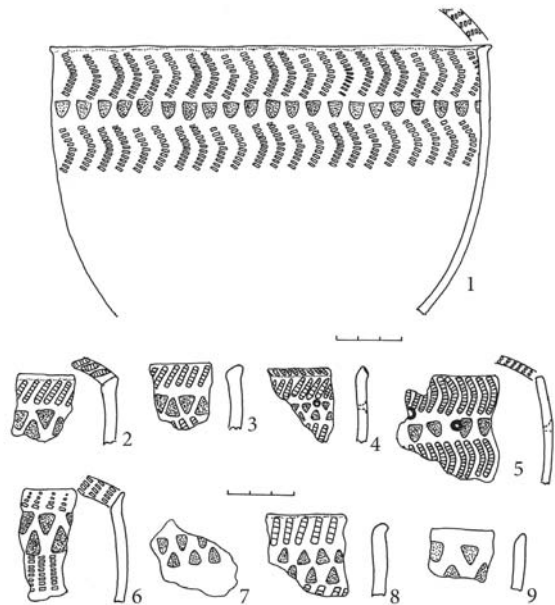

Рис. 5. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с фестонами и сложным паркетным мотивом

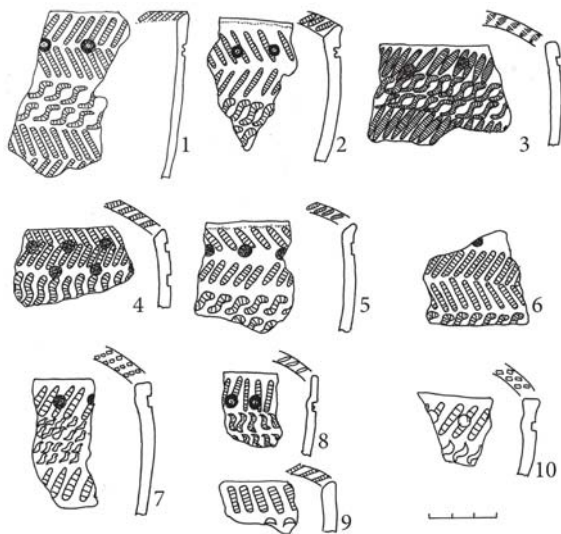

Рис. 6. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с фигурным штампом

«Жемчужины» на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены либо полностью [Казаков, 2016а, рис. 1.-1, 10, 11, 13; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 7, 18; рис. 4.-8, 9; Казаков, 2016б, рис. 1.-4, 7; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2-4, 6, 9; Сайберт, 2017, рис. 2], либо частично [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 6-8, 15, 16; рис. 3.-3, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-8, 21, 25; Казаков, 2016б, рис. 1.-3, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-5; Сайберт, 2017, рис. 2]. Сосуды, у которых «жемчужины» не сглаживались, отсутствуют.

Все орнаментальные элементы наносились только в статичной манере.

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются ямки с плоским дном, наносимые орнаментиром с плоским рабочим краем. Кольчатые ямки встречены только на одном сосуде [Сайберт, 2017, рис. 2]. Отпечатков треугольного штампа не встречено вообще.

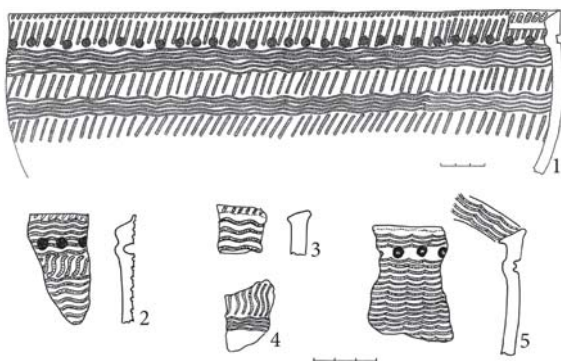

Рис. 7. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с волнообразными линиями

ев, 2001, рис. 2.-1, 4, 7; Сайберт, 2017, рис. 2] или округлые [Казаков, 2016а, рис. 1.-6, 9, 10, 12-15, 17; рис. 3.-4, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 8, 17, 25; рис. 4.-8, 14, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 3, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2, 3, 6, 9, 10], встречаются как срезанные внутрь сосуда [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 16; рис. 3.-1; Казаков и др., 1993, рис. 4.-17; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1, 2, 5, 9; Сайберт, 2017, рис. 2], так и наружу [Казаков, 2016а, рис. 1.-5]. Иногда мы можем наблюдать утолщения с внутренней стороны венчика [Казаков, 2016а, рис. 1.-3, 6, 17; рис. 3.-2, 4, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-17; рис. 4.-8, 9, 15, 17; Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 10]. Карнизиков не встречено.

Вторым по распространенности элементом является гребенчатый штамп, с незначительной вариабельностью. В основном это обычный гребенчатый штамп, при работе которым отпечатываются только зубцы. Встречены его разновидности: крупнозубый гребенчатый штамп [Казаков, 2016а, рис. 1.-1, 5, 17; Казаков, 2016б, рис. 1.-3; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-6; Сайберт, 2017, рис. 2], частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными параллельно длинной оси орнамента [Казаков, 2016а, рис. 1.-7;

Казаков и др., 1993, рис. 3.-1] и частый мелкозубый штамп с зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента [Казаков и др., 1993, рис. 3.-7]. Гусеничка, как правило, прямоугольной формы со слегка скругленными углами [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 8, 16; рис. 3.-6; Казаков, 2016б, рис. 1.-4, 6, 7, 10; Сайберт, 2017, рис. 2] или сильно вытянутооформленной формы [Казаков, 2016а, рис. 1.-15]. Встречена и дугообразная гребенчатая гусеничка [Казаков, 2016а, рис. 1.-3, 6, 14; рис. 3.-2, 3].

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-«гусенички» является «гребенчатая уточка». Причем классические формы «кулайской уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах отсутствуют, их заменяет эсвидный гребенчатый штамп-«гусеничка», являющийся разновидностью «уточка» [Казаков, 2016а, рис. 1.-9–11, 13; рис. 3.-1, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-13, 17; рис. 4.-15, 17; Казаков, 2016б, рис. 1.-8; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2; Сайберт, 2017, рис. 2]. Достаточно распространенным является и гладкий эсвидный штамп [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 4; рис. 3.-4; Казаков и др., 1993, рис. 3.-24, 25; рис. 4.-8–9, 11–12, 14, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-5, 6]. Еще одна разновидность гладкого штампа – полулунный [Казаков, 2016а, рис. 1.-12; рис. 3.-6].

Из других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе встречаются аморфные штампы непонятной формы, вероятнее всего, имитирующие «уточку», так называемые змейки [Бородаев и др., 1993, рис. 1.-9; рис. 2.-13; Казаков, 2016б, рис. 1.-5] и в одном случае – двучленная имитация «уточка» [Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1] и гладкий штамп [Абдулганеев и др., 1994, рис. 2.-4].

Наиболее распространенными являются такие мотивы, как горизонтальный, который присутствует практически на всех сосудах, наклонный [Казаков, 2016а, рис. 1.-5, 7, 8, 15–17; рис. 3.-6; Казаков, 2016б, рис. 1.-6, 10; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-4, 6; Сайберт, 2017, рис. 2] и ленточный [Казаков, 2016а, рис. 1.-13; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-6]. Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный [Казаков, 2016а, рис. 1.-1; Казаков, 2016б, рис. 1.-7; Сайберт, 2017, рис. 2] и елочка [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 16; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 7; Казаков, 2016б, рис. 1.-4; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-4; Сайберт, 2017, рис. 2].

Вертикальный, паркетный, ромбический и волнообразный мотивы отсутствуют полностью.

Украшалась только верхняя часть сосуда, орнаментальные элементы не опускались ниже трети его высоты.

Изредка орнаментировался срез венчика [Казаков, 2016а, рис. 1.-8, 17; рис. 3.-6; Казаков и др., 1993, рис. 4.-8; Казаков, 2016б, рис. 1.-3, 4, 6, 7; Абдулганеев, 2001, с. 107].

Орнаментальные композиции состоят, как правило, не более чем из двух элементов. Одним из обязательных элементов таких двусоставных композиций являются ямки. Они выступают как разделители орнамента. Разделительная функция ямок не всегда явная. Очень часто они наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы четкие, но пропечатаны не очень аккуратно и тщательно, имеют разные углы наклона и не всегда составляют четкую горизонтальную линию, немного отклоняясь от нее в разные стороны. Интервалы между элементами также не всегда одинаковы.

Только в одном случае встречена орнаментальная композиция, совмещающая вместе с ямками три орнаментальных элемента [Казаков, 2016а, рис. 3.-6].

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от одной до семи, элементы размещены достаточно свободно. Плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа не встречено. «Уточка», как гладкая, так и гребенчатая, выступает как самостоятельный элемент орнамента [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 4, 9, 10, 11, 13; рис. 3.-1, 4, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-13, 17, 24, 25; рис. 4.-8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 8, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2, 5, 7; рис. 3.-2, 3, 4, 7, 12], не сочетаясь ни с какими другими орнаментальными элементами, кроме ямок, которые выполняют скорее не декоративную, а разделительную функцию, являясь чуть ли не обязательным элементом любой орнаментальной композиции.

Особо отметим, что керамический комплекс поселения Троицк-1 [Бородаев и др., 1993] абсолютно ничем не отличается от описанной выше поселенческой керамики фоминского этапа кулайской культуры.

Керамика фоминского типа из погребально-поминальных комплексов достаточно подробно охарактеризована Ю.В. Шириным [2003, с. 91–100]. Она идентична поселенческой керамике и составляет с ней единый комплекс.

Исключением является один сосуд из могилы-33 комплекса Ближние Елбаны-VII, в орнаментации которого встречены треугольники, паркетный и вертикальный мотивы [Ширин, 2003, с. 182], и один сосуд из могилы-98 комплекса Ближние Елбаны-VII, в орнаментации которого встречен вертикальный мотив и плотное, ровное, четкое расположение орнаментальных элементов, с классической «кулайской уточкой» [Ширин, 2003, с. 199].

Еще раз оговорюсь, что из всего представительного комплекса, насчитывающего около 100 сосудов только из погребений [Ширин, 2003, с. 91], всего два сосуда не отвечают его достаточно стандартным характеристикам и явно являются исключением. Вполне возможна хронологическая неоднородность погребального поля могильника Ближние Елбаны-VII, или захоронение членов коллективов, недавно принятых в их состав в результате брачно-семейных либо иных отношений с соседями, имеющими несколько отличные традиции орнаментации.

Заключение

Сравнение керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры и поселения Ближние Елбаны-IV позволяет нам говорить, что керамический комплекс поселения достаточно сильно отличается от керамики фоминского этапа. Эти различия прослеживаются и в морфологических, и в орнаментальных особенностях и заключаются в следующем:

1. Крайне малое представительство в формах сосудов горшковидных или переходных к горшковидным форм, достаточно распространенных в фоминской керамике.
2. Широкое распространение карнизиков, которые отсутствуют на фоминской керамике.
3. Наличие не заглаженных с внутренней стороны сосуда «жемчужин», образовавшихся после нанесения ямок. Подобного на фоминской керамике не встречается.
4. Наличие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной манере, чего на фоминской керамике не встречено ни разу.
5. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как ямки в форме кольца с выпуклой посередине. Подобный элемент отмечен на фоминской керамике лишь в одном случае.
6. Широкое распространение в орнаменте треугольников, полностью отсутствующих на фоминской керамике.
7. Присутствие классической формы «кулайской уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным, четким одинаковым углом в изломах.

8. Отсутствие гладкой «уточка», широко распространенной на фоминской керамике.

9. Присутствие волнообразных резных линий, полностью отсутствующих на фоминской керамике.

10. Наличие в орнаментальной композиции вертикального, паркетного, ромбического и волнообразного орнаментальных мотивов, которые отсутствуют на фоминской керамике.

11. Орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, плотно заполняют орнаментальное поле, что не характерно для фоминской керамики.

12. «Уточка» как самостоятельный элемент орнамента никогда не использовалась, всегда сочетаясь с другими элементами, не считая ямок и треугольного штампа. На фоминской керамике ни одного случая сочетания «уточка» с другими орнаментальными элементами не зафиксировано.

13. Присутствие сложных орнаментальных композиций, совмещающих с наколами различной формы (ямками или треугольным штампом) трех и более орнаментальных элементов, чего нет на фоминской керамике.

Выявленные различия не позволяют нам отнести публикуемый комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры.

Почти полные аналогии керамическому комплексу поселения Ближние Елбаны-IV мы находим в саровской керамике (группы 7–9 по Л.А. Чиндиной [1984, с. 92–94]) Томского Приобья. Индикаторами принадлежности к саровским керамическим комплексам, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 89–90], служат следующие признаки:

1. На саровской керамике мало горшковидных форм (прямые венчики).

2. Только на саровской керамике срез венчика скошен внутрь или горизонтально уплощен, с нависающим внутрь бортиком (карнизиком).

3. Наличие отступающей техники нанесения орнамента.

Т.Н. Троицкой [1979, с. 40] выделена и такая особенность саровской керамики, как плотный дробный орнамент, который присутствует и на рассматриваемом комплексе поселения Ближние Елбаны-IV.

Кроме того, практически все выделенные особенности, отличающие рассматриваемый комплекс от фоминского, характерны для керамики саровского этапа кулайской культуры.

О горшковидных формах, карнизиках на венчиках, динамичной технике нанесения, плотном и дробном орнаменте мы уже говорили. Другие выделенные особенности мы находим в работе Л.А. Чиндиной [1984, с. 92], которая характеризует саровскую керамику следующим образом: «набор элементов: гребенка, всех вариантов уточка, треугольники, ... шевроны... Преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные мотивы, широко использовалось паркетное сочетание различных треугольников, змейки, уточки. ... волна здесь проходит лейтмотивом. ... применялась отступающая техника.

Все охарактеризованные особенности позволяют нам отнести поселение Ближние Елбаны-IV к саровскому типу памятников кулайской культуры».

Для территорий Верхнего Приобья, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 94], характерен упрощенный вариант 7-й группы и комплексы 9-й группы. А 9-я группа представляла собой финальный тип саровского этапа.

Для 9-го этапа Л.А. Чиндиной выделены такие признаки, как «открытые и закрытые (сферических очертаний) банки и чаши, горшки как исключение. Набор элементов: гребенка, уточка, различные шевроны, треугольники, ямки, трехчленный штамп. Господствуют горизонтальные, вертикальные, наклонные и паркетные мотивы. Обыч-

но одно-, двухрядные пояса уточек, гребенки чередуются с паркетно расположенными треугольниками и шевронами» [Чиндина, 1984, с. 94].

Таким образом, мы наблюдаем тенденцию к упрощению орнаментальной композиции на фоминском керамическом комплексе. Фоминская керамика представляет собой более простые варианты, из которых полностью исключены некоторые орнаментальные элементы и мотивы.

Это позволяет нам либо выделить самостоятельный, действительно финальный тип (группу) кулайской керамики, отражающий как хронологические, так и региональные особенности развития керамического комплекса кулайской культуры, либо согласиться с некоторыми авторами, предлагающими выделить самостоятельную фоминскую культуру [Ширин, 2003].

Кроме комплексов с Ближние Елбаны-IV и некоторых сосудов из могильника Ближние Елбаны-VII, о которых уже упоминалось выше, подобные, саровские комплексы известны из культурного слоя (возможно, более раннего поселения на территории фоминского могильника) могильника Ближние Елбаны-VII [Ширин, 2003, табл. 5.-7].

Кроме того, комплекс саровской керамики, обладающий тем же набором признаков, которые выделены для керамического комплекса поселения Ближние Елбаны-IV, встречен на поселении Усть-Чумыш-1 (плотное заполнение орнаментального поля орнаментальными элементами [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 2, 5], наличие ярко выраженных карнизиков на венчиках и незаглаженные жемчужины с внутренней стороны сосуда [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 2, 7], наличие элементов, нанесенных в динамичной манере, – волна [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-5, 9]).

Следует уточнить, что комплекс поселения Усть-Чумыш-1 представляет нам переходный от саровского к фоминскому тип керамики. Об этом свидетельствует наличие на фрагментах такого орнаментального элемента, как гладкая «уточка» [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 12, 14, 15], и уже наблюдаемая в орнаментальной композиции некоторая небрежность нанесения орнаментальных элементов [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1] и их разреженность [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-12–15].

Кроме этих памятников саровская керамика встречена в культурном слое могильника Ближние Елбаны-VII (возможно, более раннего поселения на месте фоминского могильника) [Троицкая, 1979, табл. 44.-2, 5; Ширин, 2003, табл. 5.-3, 5, 6, 8].

Наличие саровских комплексов на памятниках Верхнего Приобья позволяет серьезно дополнить, а в некоторых случаях даже пересмотреть существующую на сегодняшний день концепцию освоения Алтайского края кулайскими племенами. Исходными тезисами всех построений служит:

1. Признание генетической преемственности саровского (кулайского) и фоминского керамических комплексов и более ранняя относительная, а, следовательно, и абсолютная датировка комплексов фоминской керамики [Троицкая, 1979, с. 44, 50; Чиндина, 1984, с. 162; Ширин, 2003, с. 19; Казаков и др., 2016а, с. 240; Абдулганеев, 2001, с. 107; Казаков и др., 1994, с. 331; Григоров, 1998, с. 213; Шамшин и др., 1992, с. 62; и др.]. В настоящее время в этом положении практически никто из исследователей не сомневается.

2. Следует признать, что фоминские комплексы появились именно в районах Верхнего Приобья в результате взаимодействия пришлых саровских племен с местным населением, представленным староалейской и каменной археологическими культурами [Троицкая, 1979, с. 47; Чиндина, 1984, с. 162; Казаков и др., 2016а, с. 240; Фролов, 2008, с. 159–162; и др.].

Исходя из этих положений, можно утверждать, что фоминская керамика никак не могла появиться в районах Верхнего Приобья раньше саровской, так как взаимодействие именно саровских традиций с местными привело к формированию фоминского комплекса. Поэтому фоминские комплексы нельзя датировать ранее проникновения «саровцев», так как они являются следствием этого взаимодействия.

Кроме того, из этих положений вытекает еще одно умозаключение, суть которого сводится к тому, что более ранние проникновения племен кулайской культуры (васюганского этапа) в районы Верхнего Приобья не привели к трансформации местных традиций в фоминские, а только подготовили почву для мирного взаимодействия с переселенцами саровского этапа [Троицкая, 1979, с. 47; Казаков и др., 2016а, с. 210].

А о том, что такие проникновения населения васюганского этапа кулайской культуры и его взаимодействие с местными племенами существовали, свидетельствуют памятники Новообинцево [Бородаев, 1987; Ширин, 2004], Бочанцево-I [Ширин, 2004; Григоров, 1998; Иванов, 1991], Новоалтайское [Шамшин, 1993], Чудацкая гора [Ширин, 2004; Григоров, 1998; Абдулганеев и др., 1994], Обские Плеса-II [Горбунов, 1996], Калиновка-I [Ширин, 2004], Крестьянское-III [Ширин, 2004], Кармацкий (кул.) [Тишкин и др., 2012].

Об этом же свидетельствуют и планиграфические наблюдения. Ранние кулайские памятники встречены совместно со староалейскими на Обских Плесах-II (погребения животных), на Ближних Елбанах-VII – саровское, предфоминское поселение находится рядом со староалейским могильником. На комплексе МГК-I соседствуют староалейские и кулайские материалы.

Определившись с основными компонентами, приведшими к формированию фоминского этапа кулайской культуры (фоминского типа памятников, фоминской культуры), попробуем определить время проникновения саровских племен на территорию Верхнего Приобья.

Л.А. Чиндина [1984, с. 160] отмечает миграционную активность кулайского населения начиная с III в. до н.э. По ее мнению, основным индикатором миграционных маршрутов является керамика, выделены две миграционные волны. Первая начинается в III в. до н.э. и привела к заселению Томского Приобья. Начало второй датируется рубежом I–II вв. до н.э. и связано с васюганско-саровским и саровским населением, индикаторами распространения которого служили васюганско-саровские (группа б) и саровские (группы 7–9) типы керамики. Именно в то время саровские племена, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 162], достигли Верхнего Приобья.

Интересно, что кулайская миграционная волна в Новосибирское Приобье, в результате которой сформировался новосибирский вариант кулайской культуры, связана с населением васюганского этапа и его керамическими комплексами [Троицкая, 1979, с. 18]. Чисто саровских комплексов в Новосибирском Приобье не встречено. В коллекциях Новосибирского Приобья не представлен характерный для саровской керамики плотный дробный мелкий орнамент [Троицкая, 1979, с. 40]. Подобный факт позволяет говорить о проникновении именно саровского населения в районы Верхнего Приобья с территорий Томского Приобья. Миграционная волна прошла по Новосибирскому Приобью, не оставив там хорошо фиксируемых в археологическом отношении следов, и осела в районе Ближних Елбанов. Интересно, что в этом случае мы наблюдаем процессы, почти полностью идентичные происходившим в Новосибирском Приобье немного раньше и приведшим к формированию новосибирского варианта кулайской культуры.

Т.Н. Троицкая [1979, с. 46] отмечала, что кулайская культура Новосибирского Приобья возникла в результате проникновения на эту территорию «значительной экзогамной группы, вынужденной вступать в брачные контакты с большеереченским населением».

Видимо, миграционная волна «саровцев» из Томского Приобья в Новосибирском Приобье нашла уже освоенные «кулайцами» территории и продвинулась южнее, в район с. Большая Речка, где обосновалась, активно контактируя с местным населением, что и привело к сложению фоминских комплексов.

Вероятно, именно это культурное своеобразие двух регионов (Новосибирского Приобья с васюганским базисным компонентом и Верхнего Приобья с саровским базовым компонентом) привело к формированию очень близких, но имеющих и определенные различия культур – верхнеобской и одинцовской.

Керамика саровского типа датируется Л.А. Чиндиной [1984, с. 106] I в. до н.э. – IV в. н.э. Поскольку вторая миграционная волна датируется рубежом I–II вв. до н.э., можно говорить, что саровские комплексы ранее этого времени на территории Верхнего Приобья появиться не могли [Чиндина, 1984, с. 162].

Говоря о датировках, следует признать их относительность, так как построены они в основном на типологических схемах эволюционного развития керамических комплексов. Абсолютные датировки по аналогиям проведены достаточно давно, более 30 лет назад, и на основании современных материалов в настоящее время были пересмотрены Ю.В. Шириным в 2003 г. Верхней хронологической границей существования саровских комплексов в настоящее время является нижняя хронологическая граница фоминских комплексов, которая Ю.В. Шириным [2003, с. 101–114] определена рубежом II–III вв.

Саровские комплексы являются более ранними. Поэтому датировать поселение Ближние Елбаны-IV мы можем в настоящее время пока также лишь относительно. Верхняя хронологическая граница этого поселения не может быть позже рубежа II–III вв., т.е. определяется нижней границей фоминских комплексов. Нижней хронологической границей является время формирования саровских комплексов, которое определено Л.А. Чиндиной как I в. до н.э.

Более точную датировку саровских комплексов на территории Верхнего Приобья в настоящее время установить достаточно сложно. Надеюсь, что эта задача будет решена исследователями в ближайшем будущем.

Говоря о путях миграции саровского населения в Верхнее Приобье, следует признать вслед за Л.А. Чиндиной [1984, с. 160], что индикаторами этого пути являются керамические комплексы. Один из них встречен на поселении Усть-Чумыш-1. Таким образом, в настоящее время можно говорить, что миграционный путь саровского населения проходил по крупным лесным массивам правобережья Оби.

Этот тезис не противоречит и общепринятым положениям о среде обитания и типе хозяйственной деятельности «кулайцев», которые являются лесными жителями и, следовательно, искали для своей жизнедеятельности сходные условия. Именно правый берег Оби был занят крупными лесными массивами, которые и являются экологической зоной обитания «кулайцев».

Таким образом, мы можем говорить, что саровские комплексы существовали на территории Верхнего Приобья в период (пока гипотетически) с I в. до н.э. по III в. н.э.

Миграционная волна нового населения, приведшая к формированию фоминского этапа (типа памятников культуры) кулайской культуры, а следовательно, и к изменению культурного облика всего региона, была представлена носителями саровского типа керамики. Продвижение мигрантов на территории их нового проживания (Верхнее Приобье) осуществлялось по борovým массивам правого берега Оби, что фиксируется материалами археологических памятников.

Фоминские комплексы на территории верхнего Приобья не могут быть датированы ранее рубежа II–III вв. Более ранние проникновения представителей кулайской культуры в Верхнее Приобье связаны с населением васюганского этапа и не привели к глобальным культурно-историческим трансформациям, подготовив почву для мирного взаимодействия аборигенного населения и «кулайцев-саровцев» и появления в результате культурогенетических процессов памятников фоминского этапа кулайской культуры, керамические комплексы которой достаточно сильно отличаются от саровских.

Дальнейшее накопление материалов и их осмысление позволит конкретизировать высказанные гипотезы и, самое главное, более обоснованно и конкретно датировать памятники, которые представлены керамическими комплексами саровского этапа кулайской культуры.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–115.

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 96–114.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 2. С. 183–189.

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.

Григоров Е.В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 212–213.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в 1–12 вв. (по данным погребально-обряда). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.

Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М. : АН СССР, 1951. Вып. 40. С. 105–113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. (МИА. №48).

Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-I – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 117–121.

Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016а. Вып. XXII. С. 109–116.

Казаков А.А. Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016б. Вып. XXII. С. 116–121.

Казаков А.А., Абдулганеев М.Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск : Томский университет, 1994. С. 331–333.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4 (92). С. 238–243.

Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.

Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков : сборник научных статей. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. Ч. 3. С. 102–109.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 126 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.

Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул : ГИПП «Алтай», 1993. Вып. 18. С. 70–82.

Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : [Б.и.], 1992. С. 61–62.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2. С. 51–61.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

References

Abdulganeev M.T. Fominskij kompleks poseleniya Malyj Itkul'-1 [Fominsky Complex of the Maly Itkul-1 Settlement]. Problemy izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii [Problems of the Study of Ancient and Medieval History]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 103–110.

Abdulganeev M.T., Kazakov A.A. Poselenie Chudackaya Gora [Chudatskaya Gora Settlement]. Paleodemografiya i migracionnyye processy v Zapadnoj Sibiri v drevnosti i srednevekov'e [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 111–115.

Borodaev V.B. Novooibincevskij klad [Novobintsevsky Treasure]. Antropomorfnyye izobrazheniya [Anthropomorphic Images]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 96–114.

Borodaev V.B., Gorbunov V.V. Troick-1 – novoe poselenie kulajskoj kul'tury na levoberezh'e Barnaul'skogo Priob'ya [Troitsk-1 – a New Settlement of the Kulay Culture on the Left Bank of the Barnaul Priobye]. Ohrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Ch. 2. Pp. 183–189.

Gorbunov V.V. Ritual'nye zahoroneniya zhivotnyh kulajskoj kul'tury (gruntovyy mogil'nik Obskie Plesy-II) [Ritual Burial of Animals of the Kulay Culture (ground burial Obskie Plyosi)]. Pogrebal'nyy obryad drevnih plemen Altaya [Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 156–166.

Grigorov E.V. K voprosu o nizhnej hronologicheskoy granice pamyatnikov fominskogo tipa v Verhnem Priobe (po materialam poselenij) [To the Question of the Lower Chronological Border of the Fomin-type Sites in the Upper Priobye (based on settlements)]. Drevnie poseleniya Altaya [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 212–213.

Grigorov E.V., Kazakov A.A. Barnaul'sko-Bijskoe Priobe v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'nogo obryada) [Barnaul-Biysk Priobye in the 1st – 12th Centuries (according to the funeral rite)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 230 p.

Gryaznov M.P. Arheologicheskoe issledovanie territorii odnogo drevnego poselka [Archaeological Research of the Territory of an Ancient Village]. Kratkie soobshcheniya instituta issledovaniya material'noj kul'tury [Brief Communications of the Institute for the Study of Material Culture]. M. : AN SSSR, 1951. Issue 40. Pp. 105–113.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob through Excavations near the Bolshaya Rechka Village. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 256 p. (MIA, №48).

Ivanov G.E. Poselenie Bochancevo-I – pamyatnik kulajskoj kul'tury v stepnom Altai [Bochancevo-I Settlement – a Site of Kulay Culture in the Steppe Altai]. Ohrana i issledovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya [Protection and Research of Archaeological Sites of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 117–121.

Kazakov A.A. K arheologicheskoy karte Bijskogo rajona i verhov'ev r. Obi [To the Archaeological Map of Biysk District and the Upper River Ob]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016a. Issue XXII. Pp. 109–116.

Kazakov A.A. Materialy I tysyacheletiya so sborov u s. Fominskogo [Materials of the I Millennium from Fees at the Fominskoe Village]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016b. Issue XXII. Pp. 116–121.

Kazakov A.A., Abdulganeev M.T. Lesostepnoj Altaj [Forest-steppe Altai]. Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoj Sibiri. Poseleniya i zhilishcha [Ethnocultural History of Western Siberia. Settlements and Dwellings]. Tomsk : Tomskij universitet, 1994. Pp. 331–333.

Kazakov A.A., Kazakova O.M. O centrakh kul'turogeneza na yuge Zapadnoj Sibiri v pervom tysyachel'ii [On the Centers of Cultural Genesis in the South of Western Siberia in the First Millennium]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2016. №4 (92). Pp. 238–243.

Kazakov A.A., Kungurov A.L. Kompleks gorodishch okolo Bijska [The Complex of Ancient Settlements near Biysk]. *Kul'tura narodov evrazijskikh stepej v drevnosti* [Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 219–231.

Sajbert V.O. Rezul'taty arheologicheskoy razvedki v Tal'menskom rajone Altajskogo kraja v 2016 g. [The Results of Archaeological Exploration in the Talmensky District of the Altai Territory in 2016]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Issue XXIII. Pp. 44–48.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Pogrebeniya kulajskoj kul'tury na pamyatnike Karmackij v Barnaul'skom Priobe [Burials of the Kulay Culture at the Karmatsky Site in the Barnaul Priobye]. *Igor' Gennad'evich Glushkov: sbornik nauchnyh statej* [Igor Gennadievich Glushkov: Collection of Scientific Articles]. Hanty-Mansijsk : OOO «Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2012. Part 3. Pp. 102–109.

Troickaya T.N. Kulajskaya kul'tura v Novosibirskom Priobe [The Kulay Culture in the Novosibirsk Priobye]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 126 p.

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epohu zheleza [The Ancient History of the Middle Ob in the Iron Age]. Tomsk : Izd-vo Tomsk un-ta, 1984. 256 p.

Shamshin A.B. Novoaltajskoe poselenie [New Altai Settlement]. *Altajskij sbornik. Vyp. 18* [Altai Collection. Vol. 18]. Barnaul : GIPP «Altaj», 1993. Pp. 70–82.

Shamshin A.B., Kazakov A.A. Avarijnye arheologicheskie raskopki v Tal'menskom rajone [Emergency Archaeological Excavations in the Talmensky Region]. *Problemy sohraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arheologii* [Problems of Conservation, Use and Study of Archeological Sites]. Gorno-Altajsk : B.i., 1992. Pp. 61–62.

Shirin Yu.V. Verhnee Priobe i predgor'ya Kuzneckogo Alatau v nachale I tys. n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoj kul'tury) [Upper Priobye and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (funerary sites of the Fominskaya culture)]. *Novokuzneck : Kuzneckaya krepost'*, 2003. 288 p.

Shirin Yu.V. O rannih kulajskih pamyatnikah Verhnego Priob'ya [About the Early Kulay Sites of the Upper Priobye]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 2004. №2. Pp. 51–61.

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po danym gruntovyh mogil'nikov) [Funeral Rite of the Population of Barnaul Ob in the 6th Century. BC – the 2nd Century AD (according to soil burial grounds)]. Barnaul : Azbuka, 2008. 479 p.

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

BLIZHNIIE ELBANY-4 SETTLEMENT (based on the materials of the State Hermitage Museum)

This article is the first to publish in full the materials of the Blizhnie Yelbany-4 settlement, which were previously published only partly; as a result, the entire complex did not receive a comprehensive analysis. The full publication of materials and their analysis is given in comparison with new materials of the Kulaiskaya culture at Fominskiy stage that have been recently received and introduced into scientific circulation. They originate from the territory of the Barnaul-Biysk Ob River Region, as well as the neighbouring regions. It made it possible to speak about the presence of the Barnaul-Biysk Ob ceramic complexes of the Kulaiskaya culture at the Sarovskii stage that has previously been denied by the researchers. In addition, the publication of this complex made it possible to identify characteristic, culture-diagnostic features of ceramic complexes of the Kulaiskaya culture at the Sarovskii stage. The distinction between the Sarovskii and Fominskii complexes suggests the presence of both Sarovskii and Fominskii sites in the Barnaul-Biysk Ob Region, as well as mixed Sarovskii-Fominskii sites which indicates the transformation of the Sarovskii stage into the Fominskii stage on the territory of the forest-steppe Altai. The research resulted in identifying the beginning of the Kulaiskaya culture population development of the forest-steppe Altai at the earlier time and correcting the routes of migration of those people to the territory.

Key words: settlement, Kulaiskaya culture, analysis, ceramics, morphology, ornamentation, migration

УДК 902.01:904

К.А. Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия

**МАРКЕРЫ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
И ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА ПОСЕЛЕНИЯХ VI–VII ВВ. Н.Э. СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(на примере Тетюшского II городища в Татарстане)**

В статье рассматриваются археологические артефакты, которые характеризуют металлургическое производство, кузнечное и ювелирное ремесло населения именьковской культуры в VI–VII вв. н.э. Они, по мнению автора статьи, являются маркерами такого рода деятельности на поселениях этой эпохи. Основанием для таких выводов стали материалы, полученные при раскопках Тетюшского II городища в Татарстане в 2007–2013 гг. Изученный на раскопе IX в 2013 г. производственный комплекс позволил по-новому атрибутировать ряд артефактов, связав их с этой деятельностью. Первыми в качестве свидетельств металлургии железа и кузнечного производства являются два вида находок. Это шлаки и фрагменты лепных глиняных сосудов, от большой температуры превратившиеся в пемзу. Они чаще всего встречаются вместе. Среди шлаков выделяются те, что имеют выпуклую нижнюю часть, на которой часто сохраняются кусочки древесного угля. Они связаны с процессом плавки руды в горне. Редкими находками являются детали устройств для дутья воздуха – специальных сопел, которые применялись в горнах и некоторых типах ям для плавки руды. Они отличаются по размерам и конструкции. Признаком ювелирного ремесла являются находки литейных форм и льячек. Важным свидетельством работы металлургов и ювелиров служат каменные плиты для измельчения руды. Чаще всего они плоские, с шершавой поверхностью и со следами интенсивной работы. Вторым тип таких предметов – массивные объемные плиты, также со следами интенсивного использования. Таким образом, впервые были выделены признаки, которые вместе дают возможность определить наличие на поселении деятельности, связанной с обработкой черного и цветного металла.

Ключевые слова: именьковская культура, металлургическое производство, железные шлаки, сопла, Тетюшское II городище

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-02

Введение

Изучение металлургического производства на памятниках именьковской культуры насчитывает уже более 50 лет. Это касается как металлургии цветных металлов, так и металлургии железа, следы которых выявлены на многих именьковских памятниках [Сидоров, Старостин, 1970, с. 233–237; Старостин, 1977, с. 31–41; Сташенков, 2009, с. 76–88]. Главным критерием в этих случаях выступает наличие на поселениях плавильных горнов или иных следов такого рода производства [Семькин, 1986, с. 131–136; Руденко, 1998, с. 185–197]. Вместе с тем не всегда удается выявить такие комплексы в ходе раскопок, учитывая возможность, а иногда и целесообразность проведения археологом масштабных исследований и специфику самих поселений. Поэтому важно установить признаки, сопутствующие металлургическому производству и позволяющие диагностировать его наличие на поселении.

Такая возможность появилась после исследования на Тетюшском II городище в Татарстане в 2013 г. производственного комплекса VI–VII вв. н.э., связанного с металлургией железа и меднолитейным делом. Объект имеет четкую стратиграфическую привязку к слоям культурных отложений и выразительную планиграфию [Руденко, 2018, с. 80–98]. На раскопанной части площадки изучены остатки нескольких металлургических горнов и плавильных ям [Руденко, 2019, с. 16–28, рис. 1–3], а также выявлены следы производственной деятельности.

Материалы, методы и полученные результаты

За шесть лет планомерного изучения Тетюшского II городища (2007–2013 гг.) получен значительный материал, характеризующий ремесленную деятельность населения, проживавшего на этом поселении в период раннего Средневековья*. Общее его описание имеется в публикациях, где представлены результаты раскопок 2007–2010 гг. [Руденко, 2010; 2011]. В них приведены данные, дополняющие общую картину функционирования на этом памятнике ремесленного комплекса именьковской культуры, выявленного в 2013 г. (раскоп IX), состоявшего из несколько металлургических или кузнечных горнов, а также ям для плавки металла. Помимо них, к числу таких свидетельств относятся фрагменты и целые образцы тиглей, глиняные льячки, каменные литейные формы, а также отходы литейного производства: шлаки, стенки горнов, части сопел для мехов, а также пережженные технические приспособления [Руденко, 2010, с. 59–62, илл. 78–81, рис. 51.-8, 9; 81.-10]. Скопление таких артефактов было зафиксировано в нескольких хозяйственных ямах, находившихся поблизости от места производства. Очевидно, что сюда их выбросили, чтобы расчистить производственную площадку для дальнейшей работы.

Используя сопоставительный метод, а также учитывая стратиграфическое залегание находок и дневные уровни объектов, содержащих такие находки, удалось определить признаки, которые позволяют диагностировать наличие деятельности, связанной с обработкой железной руды и изготовлением медных изделий, в хронологических рамках VI–VII вв. н.э.

Обнаружено несколько категорий маркеров производств вышеуказанных направлений ремесленной деятельности.

Ошлакированная керамика. Представляет собой фрагменты именьковских плоскодонных горшков. Поверхность их от высокой температуры вздулась пузырями и растрескалась (рис. 1.-4). В целом они напоминают куски пемзы – легкие, с острыми краями. Характерны в этом отношении находки из сооружения №5, раскопа IX (2013 г.). На первой выборке это крупный фрагмент венчика сосуда, лицевая поверхность которого покрыта лопнувшими пузырями разного размера, а обратная сторона растрескалась в мелкую сетку (ТКМ, инв. №ТГ-13/320). У некоторых фрагментов керамики из того же объекта, но со второй выборки структура материала полностью нарушена до такой степени, что глиняное тесто превратилось в легкую субстанцию со стекловидной корочкой на некоторых участках или пустотами от выгоревшей органики (ТКМ, инв. №ТГ-13/321, 323).

В сооружении №5 раскопа IX большая часть ошлакированной керамики приходится на вторую выборку. Это фрагменты либо крупных венчиков и стенок, либо крышек (учитывая состояние артефактов: сильную деформацию и сопутствующее искажение формы – их иногда трудно точно идентифицировать). Размеры находок – от 6×8,9×1 и до 8×6×1,5 см. На второй выборке был зафиксирован также кусок пемзы (№15 по плану сооружения). Несколько фрагментов ошлакированной керамики с третьей выборки (2 экз.), вероятно, носят случайный характер и относятся к этой группе артефактов со второй выборки. Поверхность у них сильно растрескавшаяся, но пузыристого вскипания на поверхности немного и сами фрагменты несколько тяжелее по весу. Все вышерассмотренные материалы связаны с плавильной ямой, дневной уровень которой располагался как раз на горизонте этой выборки [Руденко, 2018, с. 88, 92, рис. 3; 5.-2].

Ряд керамических фрагментов подвергся меньшему термическому воздействию, сохранив частично прежнюю структуру глиняного теста, но со своеобразной поверх-

* Все материалы раскопок хранятся в фондах Тетюшского краеведческого музея (ТКМ).

ностной корочкой, растрескавшейся при сильном нагреве (рис. 1.-1-3). Такие фрагменты встречаются в IV слое в раскопах в северной части городища [Руденко, 2019, с. 17, рис. 1].

Встречаемость фрагментов ошлакированной керамики на участках раскопа-IX

Раскоп	Пласт	Участок	Количество	Наименование
IX	2	1	8	Стенка
IX	2	2	2	Стенка
IX	2	3	1	Стенка
IX	2	7	4	Стенка
IX	3	1	2	Стенка
IX	3	2	1	Стенка
IX	3	5	1	Стенка
IX	3	6	14	Стенка, венчик
IX	3	7	8	Стенка, венчик
IX	4	1	7	Стенка, донце
IX	4	3	1	Венчик
IX	4	8	1	Стенка
IX	5	1	4	Стенка
IX	5	2	2	Стенка, венчик
			56	

Если взять за основу данные по раскопу IX [Руденко, 2019, с. 18, рис. 2], то получится такая картина (табл.). На первом пласте ошлакированных фрагментов не выявлено. На втором пласте такие артефакты обнаружены на участках 1, 2, 3, 7 (15 экз.) небольшого размера; в среднем $4,6 \times 4 \times 1$ и $5,6 \times 4 \times 0,7$ см.

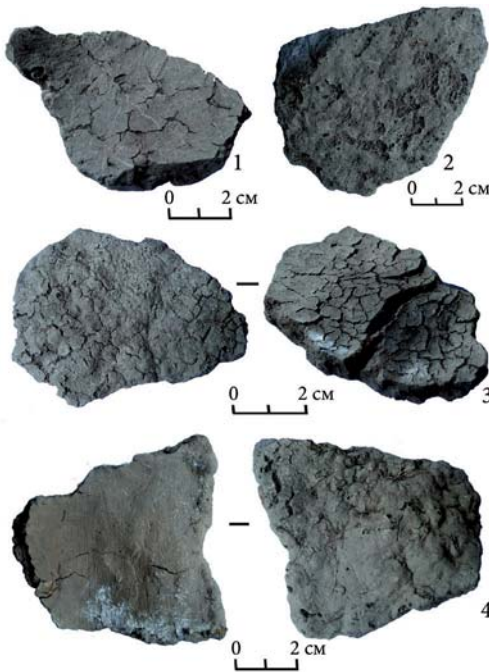

Рис. 1. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Ошлакированная керамика

На третьем пласте значительное количество ошлакированных фрагментов керамики происходит с участков 6 и 7 (22 экз.). Там найдены в основном стенки и несколько венчиков, но более крупные, чем на предыдущем пласте: от $5 \times 4 \times 1$ и до $8,5 \times 10 \times 1$ см. По одному фрагменту найдено на участках 2 и 5.

С четвертого пласта фрагменты ошлакированной керамики происходят из разных участков раскопа: 3, 8 и 1. Два из них (квадраты 3 и 1, 8 экз.) – это верхний горизонт заполнения сооружения №5. С участками 1 и 2 также в пределах сооружения №5 связаны находки таких артефактов на уровне пятого пласта (6 экз.). Это преимущественно стенки и два венчика, средних и крупных размеров: $7,2 \times 5,1 \times 3$ – $8 \times 3 \times 1$ см. У них потрескавшаяся и вздутая поверхность.

Таким образом, ошлакированные фрагменты керамики непосредственно связаны со слоем IV, тем его горизонтом, который сформировался в период активного функ-

ционирования металлургического и кузнечного производства на городище.

Шлаки. Они, как правило, встречаются вместе с находками ошлакованной керамики [Руденко, 2010, с. 60, илл. 79, 80]. Шлаки достаточно разнообразны по весу, форме и структуре. Часть из них представляет твердую легкую пористую массу с неровной спекшейся поверхностью, нередко покрытой стекловидной корочкой (рис. 2.-2). Они небольших размеров (в среднем 6×4×3,5 см) и встречаются чаще всего на уровне 3–4-го пластов. Встречаются куски шлака с остатками железной массы, имеющие твердую ровную поверхность с небольшими кавернами и существенно большим весом (рис. 2.-4). Вместе с ними могут встречаться и небольшие кусочки железной руды (рис. 2.-3).

Наибольшая концентрация шлаков на Тетюшском II городище отмечена на территории, прилегающей к производственной площадке: раскопы I, VII, VIII [Руденко, 2019, с. 17, рис. 1]. На раскопе I (2007 г.) они встречаются в достаточно большом количестве на уровне 3–5-го пластов [Руденко, 2010, с. 61, табл. 31], что соответствует IV стратиграфическому слою. В южной части городища шлаки встречаются в небольшом количестве, а на некоторых раскопах их нет вообще (раскоп IV) [Руденко, 2011, с. 39, табл. 14].

К этой категории артефактов относятся и шлаки в виде выпуклых лепешек, диаметром 12–13 см (рис. 3 и 4), что соответствует диаметру чашевидного углубления в горне (сооружение №3 раскопа IX) [Руденко, 2019, с. 22]. Они имеют секторовидное сечение; нижняя часть – полусферическая, покрытая плотной шероховатой коричневой корочкой, насыщенной железом, о чем свидетельствует ее цвет, с включением угольков и ожелезненных конкреций (рис. 3.-2). На одной лепешке (рис. 4), размером 12,4×13,1×5,7 см, найденной на участке 6 раскопа IX на пятом пласте (глубина 106 см), на самой вершине «купола» сохранились кусочек деревянной щепы и угольки (рис. 4.-2).

Верхняя сторона таких артефактов, как правило, углублена к центру. В зависимости от особенностей процесса плавки она различается в деталях. Так, поверхность верхней части на лепешке с участка 3 раскопа IX, с четвертого пласта (размер: 13,2×10,3×4,2 см), имеет пористую корку, с блестящими стекловидными участками (рис. 3.-1a). У предыдущей лепешки поверхность более ровная, но с большим количеством пор и ячеек. Цвет поверхности, кроме буро-коричневых пятен, в основном серый и черный (рис. 4.-1). Интересно, что у обеих лепешек нижняя часть почти идеально правильная, полусферическая, высотой 2,5–3,7 см, а верхняя – аморфная, пористая и нередко как бы «наплывает» на края нижней полусферической части (рис. 4.-1). Такие лепешки характеризуют про-

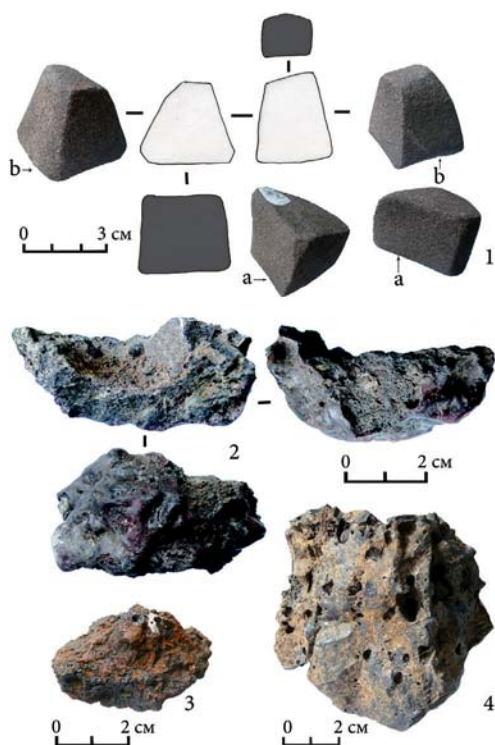

Рис. 2. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Шлаки (2, 4), железная руда (3), предмет из песчаника (1)

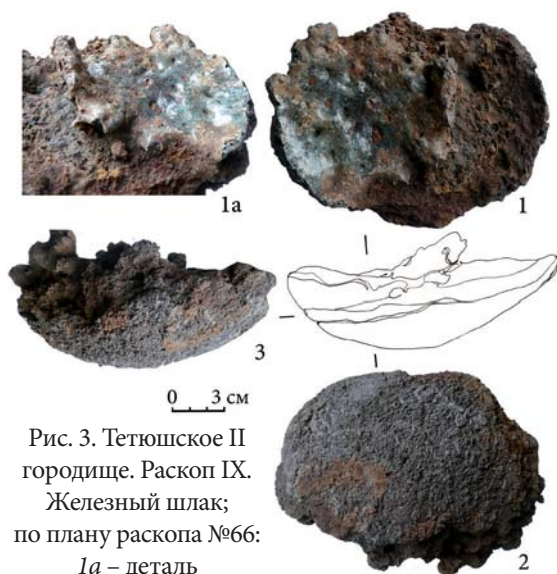

Рис. 3. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Железный шлак; по плану раскопа №66: 1а – деталь

ствам. Первый – наконечник воздуходувной трубки с участка 2, раскопа IX, зафиксированный на четвертом пласте (-207 см от «0» раскопа). Это предмет бочонковидной формы, высотой 2,8 см, диаметром 2,85 см, со сквозным продольным отверстием, немного расширяющимся на выходе с обеих сторон (рис. 5.-1). Диаметр дутьевого канала – 1 см, у выхода – 1,3 см; толщина стенок – 0,5–0,8 см. На поверхности поделки имеются следы нагара. Такие приспособления имеют множество аналогий на разных по местонахождению и времени существования памятниках, вплоть до этнографического времени [Черных, 2007, с. 113–114, рис. 8.1–8.3].

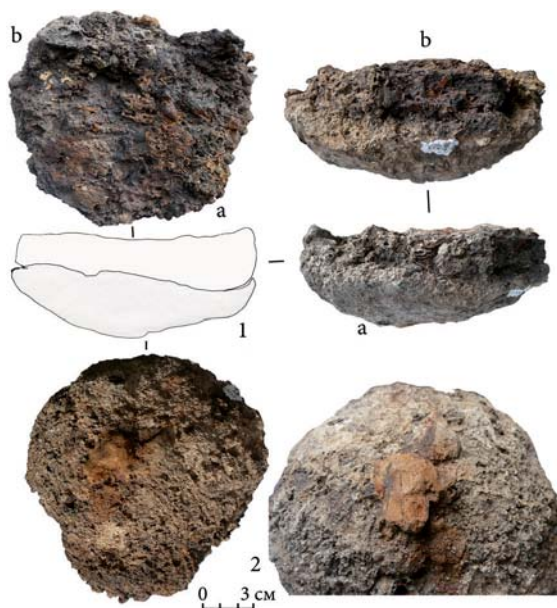

Рис. 4. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Железный шлак; по плану раскопа №82: 2 – деталь (видны угольки и деревянная щепка)

стейшее металлургическое производство [Мартюшов, Ширин, 2018, с. 915–930].

К этому стоит добавить наличие большого числа медных и бронзовых сплесков, а также кусочков и капель бронзы, которые зафиксированы в южной части раскопа I и северной – раскопа V. На раскопе VIII найден кусочек белого металла, отлитого в литейной форме.

Фрагменты дутьевых устройств. От дутьевого устройства, состоявшего из огнеупорных сопел и воздуходувных мехов, как правило, сохраняются сопла и их фрагменты. На Тетюшском II городище найдены следующие артефакты, относящиеся к таким устройствам. Первый – наконечник воздуходувной трубки с участка 2, раскопа IX, зафиксированный на четвертом пласте (-207 см от «0» раскопа). Это предмет бочонковидной формы, высотой 2,8 см, диаметром 2,85 см, со сквозным продольным отверстием, немного расширяющимся на выходе с обеих сторон (рис. 5.-1). Диаметр дутьевого канала – 1 см, у выхода – 1,3 см; толщина стенок – 0,5–0,8 см. На поверхности поделки имеются следы нагара. Такие приспособления имеют множество аналогий на разных по местонахождению и времени существования памятниках, вплоть до этнографического времени [Черных, 2007, с. 113–114, рис. 8.1–8.3].

Второй предмет – фрагмент сопла с раструбом (рис. 5.-2). Раструбы делались на воздуходувных трубках в местах соединения сопла с мехами [Мартюшов, Ширин, 2018, рис. 4.-4]. Изделие вылеплено из красной глины, хорошо обожжено. Оно имеет длину 3,4 см; диаметр трубки 2 см; диаметр раструба – 3 см. Диаметр дутьевого отверстия всего 0,5 см. Вероятно, такое сопло могло быть использовано для мехов небольшого размера*.

Третий артефакт – фрагмент сопла из красной глины с отверстием для ду-

* Атрибуция этого артефакта может быть скорректирована.

тя (рис. 5.-4). Представляет собой кусок прокаленной глины яркого красно-оранжевого цвета, с воздуходувным каналом цилиндрической формы диаметром 2 см. Найден в яме №4 раскопа VII вместе с другими подобными артефактами. Судя по аналогиям, такие сопла могли использоваться в плавильных ямах сложной конструкции [Мурашева, Енисосова, Фетисов, 2007, с. 41, рис. 16]. На именковских памятниках известны сопла и с более крупным диаметром отверстия – до 4 см [Старостин, 1968, с. 222].

Приспособления для плавки металла (лячки и их детали). Практически целая глиняная лячка обнаружена на раскопе III [Руденко, 2010, с. 147, рис. 81.-10; 2011, с. 29, рис. 11.-10]. Длина ее 6,8, ширина – 4,7 и высота 3,1 см. Диаметр цилиндрической рукоятки 2,3 см.

Ручка от лячки найдена на раскопе VII (2011 г.) в яме №4 вместе с большим количеством обломков стенок горнов, шлаков и других отходов металлургического производства. Она вылеплена из красной глины, имеет конусовидную форму. Длина ее 5 см; диаметр в основании 3,2 см (рис. 5.-3). Диаметр отверстия для крепления деревянной части рукоятки – 0,8–1,2 см. Лячки с аналогичными рукоятками встречаются на памятниках дьяковской культуры [Дубынин, 1974, с. 278, табл. XXIV.-15].

Плиты для измельчения руды, рудотерки и молотки. Эти предметы часто относят к бытовым хозяйственным приспособлениям и описывают, например, как зернотерки или точила. Действительно, похожие артефакты встречены и в заполнении жилых построек, но они отличаются по ряду параметров. Описываемые плиты обнаружены на территории производственного комплекса, а в двух случаях – непосредственно рядом с плавильной ямой. Можно выделить два их типа.

Первый представлен плоскими плитами из серого с красноватым оттенком или из темно-розового песчаника (рис. 6 и 7). Рабочие поверхности у них с обеих сторон. Выразительна плита размером 37×25×3–3,5 см (рис. 6), обнаруженная на участке 3 раскопа IX на выборке пятого пласта (глубина – 163 см от «0»), рядом с плавильной ямой. Она имеет подпрямоугольную форму с одним скошенным краем и линзовидное сечение. Поверхность ровная: с лицевой стороны ее край имеет уклон, а с обратной стороны заметны следы копоти или нагара. С лицевой стороны на поверхности плиты имеется незначительное углубление, образовавшееся в процессе использования (рис. 6.-в). На этой же стороне имеется глубокая тонкая борозда идущая по краю длинной стороны по ровной части поверхности (рис. 6.-г).

Вторая плита из темно-розового песчаника, 22×15×3 см (рис. 7), найдена на этом же раскопе на участке 7 при выборке третьего пласта на глубине 125 см от «0». Один

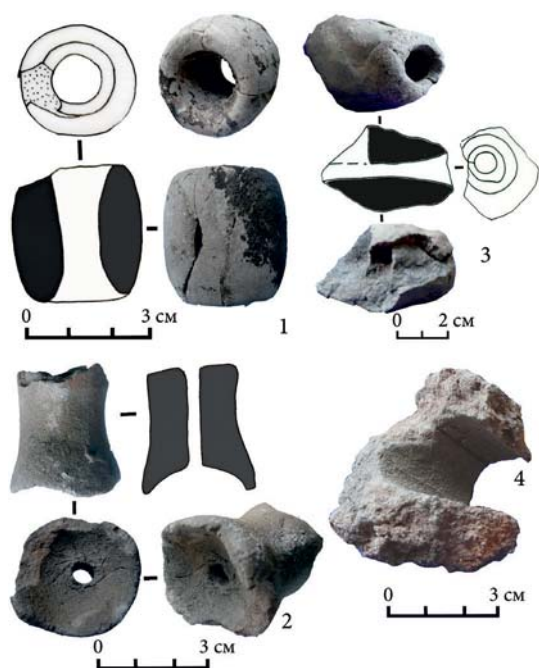

Рис. 5. Тетюшское II городище. Раскоп IX и VII (3, 4). Детали воздуходувных устройств (1, 2, 4) и ручка от лячки (1 – камень, 2–4 – глина)

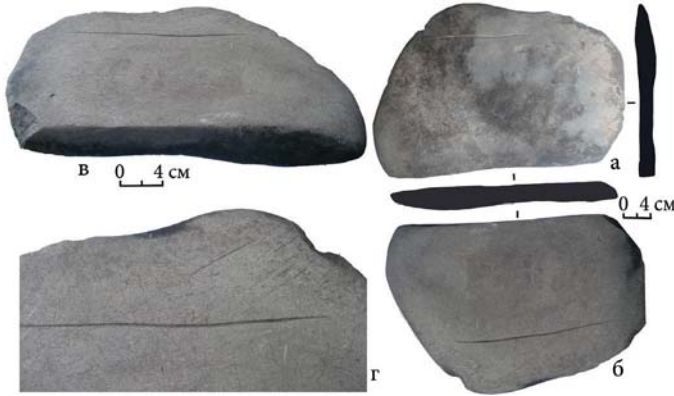

Рис. 6. Тетюшское II городище. Раскоп IX.
Каменная плита для измельчения руды первого типа.
По плану раскопа №83: в, г – детали

длиной 2,5 см, причем три из них расположены рядом друг с другом (рис. 7.-а). Еще одна плита этого типа найдена на участке 9 на уровне четвертого пласта (-79 см от «0»).

Второй тип – объемные плиты подпризматической формы. Одна плита, 19,5×6×5 см (рис. 8), найдена на участке 1 раскопа IX при выборке четвертого пласта (-180 см от «0»; №61 – по плану раскопа). Поверхность ее имеет более грубую фактуру, чем у предыдущих. Рабочая сторона вогнута, впрочем, использовались и другие стороны плиты – на них тоже есть следы сточенности. На поверхности заметны следы копоты.

В коллекции с Тетюшского II городища имеются крупные голыши (18×12×3,5–4 см), которые могли использоваться как молотки для дробления сырья. Имеются и экземпляры, расколотые пополам, например, с участка 5 раскопа IX происходит довольно крупная половина такого камня, найденная на глубине 63 см от «0» (третий пласт). Такого типа молотки были широко распространены с эпохи бронзы на металлургических комплексах Предуралья и Южной Сибири [Сунчугашев, 1969, с. 68, 69].

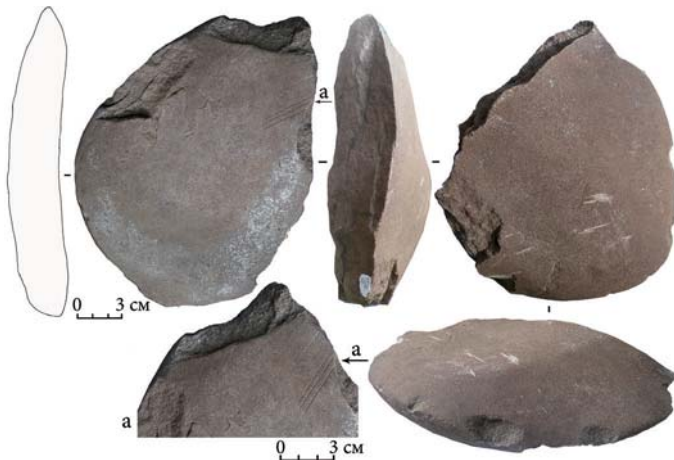

Рис. 7. Тетюшское II городище. Раскоп IX.
Каменная плита для измельчения руды первого типа

край ее сколот. Форма плиты подовальная, со сработанным краем с одной стороны и углублением в центре от производственного износа с другой. Сечение близко к линзовидному. Сточенность края с одной стороны была необходима, видимо, для устойчивой фиксации плиты в процессе работы. Интересно, что на краю плиты с рабочей стороны имеются четыре наклонные параллельные бороздки

Из такого же материала (светло-коричневого с розоватым оттенком песчаника) сделан миниатюрный инструмент (?) в виде пирамидки размером 2,8×2,6×3,1 см (рис. 2.-1). Вероятно, такая форма была придана ему преднамеренно, а не являлась результатом интенсивного использования куска песчаника. Рабочая сторона имеет вогнутую поверхность (рис. 2.-1а). Можно предположить, что этот артефакт каким-то образом

связан с металлургическим производством. Атрибутировать его как абразив, несмотря на определенную схожесть с небольшими точильными камнями [Памятники..., 2007, с. 107, 264, рис. 112.-19], представляется неверным, поскольку с Тетюшского II городища происходит большая серия точильных камней иной формы.

Помимо этих маркеров есть и артефакты, которые однозначно указывают на то, что на Тетюшском II городище плавляли цветной металл, – это тигли*.

Обсуждение результатов

Рассмотренные артефакты свидетельствуют о достаточно разнообразных подготовительных операциях при подготовке железной руды к плавке, о самом процессе получения металла, как и об использовавшихся при этом приспособлениях. Эти данные получены впервые, с учетом того, что до раскопок на Тетюшском II городище на именковских памятниках

были изучены только горны, чаще всего сильно поврежденные или без сопутствующего археологического контекста [Старостин, 1968, с. 222; Семькин, 2015, с. 36–37]. Очевидно, что ремесленники, жившие на Тетюшском II городище, осуществляли плавку руды, вероятно, с последующей обработкой заготовок в кричных или кузнечных горнах. Часть рассмотренных артефактов, например сопла с широким отверстием для дутья (рис. 5.-4), вероятно, связаны с особенной конструкцией для плавки металла в небольших плавильных ямах. Это еще один тип горнов ямной конструкции с искусственным дутьем. До этого на именковских памятниках был известен тип ямного горна с естественным воздушным дутьем [Семькин, 1998, с. 167]. Вероятно, похожий на тетюшский тип ямного горна был изучен на раскопе VII селища Новая Беденьга-I в Ульяновской области. Однако из-за плохой сохранности его конструктивные особенности выявить не удалось [Вязов, Семькин, 2016, с. 57].

Комплекс маркеров дополняет ошлакированная керамика – части керамических сосудов, использовавшихся для различных технологических операций [Терехова и др., 1997, с. 148] и подвергавшихся воздействию высоких температур. К этому стоит добавить, что они встречаются вместе со шлаками, в том числе в виде выпуклых лепешек.

Атрибутом металлургической деятельности являются находки приспособлений для дутья. К ним относятся каменный наконечник от воздуходувной трубки (рис. 5.-1) и часть сопла. Показательно, что эти элементы встречаются не часто. Так, на Шигонском поселении при наличии самих горнов воздуходувных сопел не было найдено [Семькин, 1998, с. 169].

Внимания заслуживают и специализированные плиты для измельчения руды. Они очень похожи на точильные камни, встречающиеся практически на всех поселениях того времени на большой территории [Исланова, 2008, с. 142–143, рис. 99, 100], однако размеры, форма и материал у них другие.

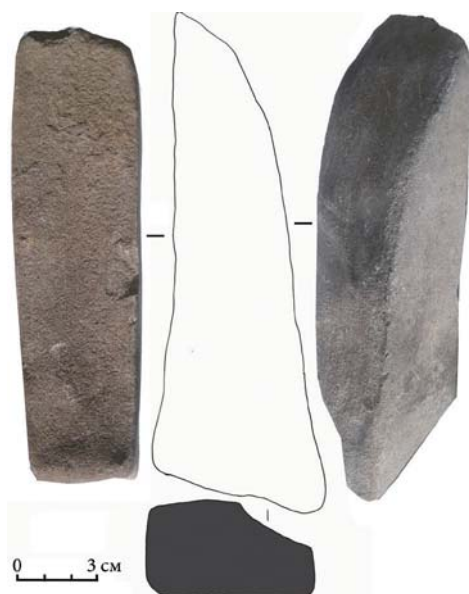

Рис. 8. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Каменная плита для измельчения руды

* Они будут рассмотрены в отдельной статье.

Заключение

Таким образом, на основе анализа предметов, обнаруженных на производственной площадке Тетюшского II городища, нами выделен комплекс маркеров металлургического и кузнечного производства, состоящий из нескольких групп артефактов, характерных для именьковской культуры Казанского Поволжья VI–VII вв. н.э. Первая группа – ошлакированные фрагменты керамических сосудов, использовавшихся для улучшения качества железа. Вторая группа – это отходы металлургического производства – шлаки. Это явный признак, который зачастую выступает в качестве единственного аргумента для обоснования существования металлургического производства на том или ином поселении [Семькин, 1998, с. 167]. Третья группа – это части дутьевых устройств, использовавшиеся как в горнах, так и в плавильных ямах. Четвертая категория – приспособления для розлива металла (лячки и их детали). Пятая группа состоит из плит для измельчения руды и молотков. Кроме шлаков, остальные артефакты очень редко фигурируют в публикациях в связи с металлургическим производством. Наличие всех вышеобозначенных элементов позволяет с большой долей вероятности предполагать, что на памятнике именьковской культуры, где они обнаружены, существовало металлургическое производство.

Библиографический список

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск : НИИ истории и культуры, 2016. 227 с. (Археология Симбирского Поволжья. Вып. 1).

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М. : Наука, 1974. С. 198–281.

Исланова И.В. Городище Отимичи. М. : ИА РАН, 2008. 284 с. (Раннеславянский мир. Вып. 11).

Мартюшов Р.А., Ширин Ю.В. Проблемы интерпретации письменных и археологических источников о черной металлургии у кузнечных татар // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, Is. 3. P. 915–930. DOI: 10.13187/bg.2018.3.915.

Мурашова В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. СПб. : Альфарет, 2007. С. 31–77.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М. : ИА РАН, 2007. 320 с. (Раннеславянский мир. Вып. 10).

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 185–197.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань : Заман, 2010. 152 с.

Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань : Заман, 2011. 144 с.

Руденко К.А. Стратиграфия памятников именьковской культуры Казанского Поволжья // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 80–98.

Руденко К.А. Металлургическое производство VI–VII вв. н.э. на Тетюшском II городище в Татарстане // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1(25). С. 16–28. DOI: 10.14258/trai(2019)1(25)-02.

Семькин Ю.А. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1986. С. 131–136.

Семькин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 167–184.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Казань : Отечество, 2015. 168 с. (Археология евразийских степей. Вып. 21).

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская археология. 1970. №4. С. 233–237.

Старостин П.Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Пермь : ПГУ, 1968. С. 221–229 (Ученые записки ПГУ, №191).

Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья. Казань : Ин-т яз., лит., истории, 1977. С. 31–41.

Сташенков Д.А. Металлургический комплекс Новинковского I селища на Самарской Луке // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань : Школа, 2009. С. 76–88.

Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М. : Наука, 1969. 140 с.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. : Металлургия, 1997. 320 с.

Черных Е.Н. Каргалы. Том V: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М. : Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

References

Vyazov L.A., Semykin Yu.A. Gorodishche i selishche Novaya Beden'ga: epoha Velikogo pereseleniya narodov v Ul'yanovskom Predvolzh'e [The Novaya Bedenga Settlement: the Era of the Great Migration of Peoples in the Ulyanovsk Pre-Volga Region]. Ulyanovsk : NII istorii i kul'tury, 2016. 227 p. (Arkhologiiia Simbirskogo Povolzh'ia. Vyp. 1) [(Archaeology of the Simbirsk Volga Area. Issue 1)].

Dubynin A.F. Shcherbinskoe gorodishche [Shcherbinsk Hillfort]. D'iakovskaya kul'tura [Dyakovskaya Culture]. M. : Nauka, 1974. Pp. 198–281.

Islanova I.V. Gorodishche Otimichi [Hillfort of Otimichi]. M. : IA RAN, 2008. 284 p. (Rannelslavyanskij mir. Vyp. 11) [Series: Early Slavic World. Issue 11].

Martyushov R.A., Shirin Yu.V. Problemy interpretatsii pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov o chernometallurgii u kuzneckih tatar [Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars]. Bylye Gody. 2018. Vol. 49, Is. 3. Pp. 915–930. DOI: 10.13187/bg.2018.3.915.

Murashova V.V., Eniosova N.V., Fetisov A.A. Kuznechno-yuvelirnaya masterskaya pojmennoj chasti Gnezdovskogo poseleniya [Forging and Jewelry Workshop of the Floodplain Part of the Gnezdovo Settlement]. Gnezdovo: rezul'taty kompleksnyh issledovanij pamyatnika [Gnezdovo: the Results of Complex Research of the Settlement]. SPb. : Alphet, 2007. Pp. 31–77.

Pamyatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) [The Sites of the Kiev Culture in the Forest-Steppe Zone of Russia (the 3rd – beginning of the 5th century AD)]. M. : IA RAN, 2007. 320 p. (Rannelslavyanskij mir. Vyp. 10) [Series: Early Slavic World. Issue 10].

Rudenko K.A. Malopolyanskoe V selishhe [Malopolyanskoe V Settlement]. Kul'tury evrazijskikh stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii): Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoi konferencii [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD. (Issues of Chronology): Proceedings of the II International Archaeological Conference]. Samara : SOIKM, 1998. Pp. 185–197.

Rudenko K.A. Tetyushskoe II gorodishche v Tatarstane [Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan]. Kazan' : Zaman, 2010. 152 p.

Rudenko K.A. Drevnie Tetyushi. Arheologicheskoe issledovanie [Ancient Tetyushi. Archaeological Research]. Kazan' : Zaman, 2011. 144 p.

Rudenko K.A. Stratigrafiya pamyatnikov imen'kovskoj kul'tury Kazanskogo Povolzh'ya [Stratigraphy of the Sites of the Imenkovskaya Culture of the Kazan Volga Region]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №2 (22). Pp. 80–98.

Rudenko K.A. Metallurgicheskoe proizvodstvo VI–VII vv. n.e. na Tetyushskom II gorodishche v Tatarstane [Metallurgical Manufacture of the 6th – 7th Centuries ad on the Tetushi II Hillfort in Tatarstan]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019. №1 (Volume 25). Pp. 16–28. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-02.

Semykin Yu.A. O metallurgicheskikh gornah imen'kovskoj kul'tury [About the Metallurgical Furnaces of the Imenkovskaya Culture]. Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe, I Millennium]. Kujbyshev : Izd-vo Kujbyshevskogo un-ta, 1986. Pp. 131–136.

Semykin Yu.A. Materialy k istorii metallurgii zheleza epohi srednevekov'ya Srednego Povolzh'ya [Materials on the History of Iron Metallurgy of the Middle Ages of the Middle Volga]. Kul'tury Evrazijskikh stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii). Materialy II Mezhdunarodnoj konferencii [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD. (chronology issues)]. Samara : SOIKM, 1998. Pp. 167–184.

Semykin Yu.A. Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoj Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. [Ferrous Metallurgy and Forging Production of the Volga Bulgaria in the 8th – Early 13th Centuries]. Kazan' : Otechestvo, 2015. 168 p. (Arkhologiya evrazijskih stepej. Vyp. 21) [Series: Archaeology of the Eurasian Steppes. Issue 21].

Sidorov V.N., Starostin P.N. Ostatki rannesrednevekovyh litejnyh masterskih Shcherbet'skogo poseleniya [Remnants of Early Medieval Foundry Workshops of the Scherbetskoje Settlement]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1970. №4. Pp. 233–237.

Starostin P.N. Maklasheevskoe II gorodishche imen'kovskoj kul'tury [Maklasheevskoe II Settlement of Imenkovskaya Culture]. Trudy Kamskoj arheologiceskoj ekspedicii. Vyp. IV. Perm', 1968. Pp. 221–229 (Uch. zap. Permsk. gos. un-ta. Vyp. 191) [Proceedings of the Kama Archaeological Expedition. Issue IV. Perm', 1968. Pp. 221–229 (Scientific Notes of Perm State University. №191)].

Starostin P.N. Raboty na Troicko-Urajskom I gorodishche v 1973 g. [Work on the Trinity-Uraisky I Hillfort in 1973]. Drevnosti Volgo-Kam'ya [Volga-Kamya Antiquities]. Kazan', 1977. Pp. 31–41.

Stashenkov D.A. Metallurgiceskij kompleks Novinkovskogo I selishcha na Samarskoj Luke [Metallurgical Complex of the Novinkovsky I Settlement on Samarskaya Luka]. Materialy i issledovaniya po srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy [Materials and Studies on Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Kazan' : Shkola, 2009. Pp. 76–88.

Sunchugashev Ya.I. Gornoe delo i vyplavka metallov v drevnji Tuve [Mining and Smelting in Ancient Tuva]. M. : Nauka, 1969. 140 p.

Terehova N.N., Rozanova L.S., Zav'yalov V.I., Tolmacheva M.M. Oчерki po istorii drevnej zhelezobraboтki v Vostochnoj Evrope [Essays on the History of Ancient Iron Processing in Eastern Europe]. M. : Metallurgija, 1997. 320 p.

Chernyh E.N. Kargaly. Tom V: fenomen i paradoksy razvitiya; Kargaly v sisteme metallurgiceskih provincii; Potaennaya (sakral'naya) zhizn' arhaichnyh gornjakov i metallurgov [Kargaly. Volume V: the Phenomenon and Development Paradoxes; Kargaly in the System of Metallurgical Provinces; The hidden (sacred) Life of Archaic Miners and Metallurgists]. M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2007. 200 p.

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

MARKERS OF METALLURGICAL AND JEWELRY PRODUCTION IN THE SETTLEMENTS OF THE 6TH – 7TH CENTURIES AD OF THE MIDDLE VOLGA REGION (On the Example of Tetyushi II Hillfort in Tatarstan)

The article discusses archaeological artifacts that characterize metallurgical production, the blacksmith and jewelry craft of the Imenkovo culture in the 6th – 7th centuries AD. According to the author of the article, they are markers of this kind of activity in the settlements of this era. The basis for this conclusion was the materials obtained during the excavations of the II Tetyushi hillfort in Tatarstan in 2007–2013. The production complex, studied at excavation site IX in 2013, made it possible to re-attribute a number of artifacts, linking them with this activity. The first evidence of metallurgy of iron and blacksmithing are two types of finds. These are slags and fragments of molded clay vessels from high temperature, turned into pumice. They most often meet together. Among the slags, those that have a convex lower part, on which pieces of charcoal are often stored, stand out. They are associated with the process of smelting ore in the furnace. Rare finds are parts of devices for air blasting – special nozzles that were used in furnaces and some types of pits for smelting ore. They vary in size and design. A sign of jewelry craft is the finds of foundry molds and liaches. An important evidence of the work of metallurgists and jewelers is stone slabs for grinding ore. Most often they are flat with a rough surface and with traces of intense work. The second type of such objects is massive volumetric plates, also with traces of heavy use. Thus, for the first time, features were identified that together make it possible to determine the presence in the settlement of activities related to the processing of ferrous and non-ferrous metal.

Key words: Imenkovskaya culture, metallurgical production, iron slags, nozzles, Tetyushi II hillfort

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ХУННСКИХ ТРАДИЦИЙ С ВОСТОКА НА ЗАПАД (и с запада на восток?)

Вопрос о связях между центральноазиатскими хунну (сюнну) и восточноевропейскими гуннами, несмотря на большое количество посвященных этому работ, остается дискуссионным. В статье на основании археологических источников, рассматриваемых в историческом контексте, он решается положительно; устанавливается следующая последовательность его рассмотрения. Обосновывается понятие «хуннской триады» (определенные виды вооружения, украшений, бронзовые котлы), характеризующей ранжированную воинскую субкультуру хунну. Рассматриваются культурные особенности ближайшего окружения этносоциального объединения Хунну – Тува, Минусинская котловина, Горный Алтай (условно – «Ближний круг»). Приводятся археологические данные о распространении носителей этого культурного комплекса на территорию Западной Сибири (по Л.Н. Гумилеву), а именно саргатской культурно-исторической общности (условно – «Дальний круг»), ставшей местом исхода потомков хунну/гуннов при движении на Запад. Прослеживается сохранение элементов воинской субкультуры хунну в материалах восточноевропейских кочевников (по И.П. Засецкой), с заменой знаковых видов украшений – бронзовых изделий на изделия полихромного стиля. Впервые ставится вопрос о возможности «обратного» движения гуннов в сторону Центральной Азии, прослеживаемого по проявлениям прежних традиций, в первую очередь, по находкам полихромных изделий в ряде памятников Восточного Приуралья и Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

Ключевые слова: хунну, культура, лук, котлы, украшения, ранжированный комплекс, традиция, Западная Сибирь, Алтай

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-03

Введение

«Гуннская проблема, центральное место в которой занимает вопрос о соотношении между сюннами востока и гуннами запада степного пояса Евразии, привлекает к себе внимание исследователей уже на протяжении более чем 250 лет. Авторами многочисленных и часто взаимоисключающих гипотез мобилизованы практически все прямые и косвенные данные письменных источников, широко используются также доступные археологические материалы, но окончательного решения ее не имеется», – писал более 40 лет назад в статье «К гуннской проблеме» А.М. Мандельштам [1975, с. 229]. Названия многих работ в отечественной науке – «Хунны и гунны» [Иностранцев, 1926], «Очерк истории гуннов» [Бернштам, 1951], «Хунны в Азии и Европе» [Гумилев, 1989], «Гуннская держава на востоке» [Кляшторный, 1989], «Хунны и гунны» [Боталов, 2003] и др. – свидетельствуют о непреходящей актуальности этой проблемы и отсутствии ее однозначного решения.

Несмотря на различие подходов и приводимых материалов, главная позиция всех подобных исследований так или иначе остается неизменной: как нет оснований говорить о непосредственной преемственности азиатских хунну и европейских гуннов, так и нельзя отрицать наличия каких-то связей между ними. Нужно только уловить ведущую «ниточку» этих связей и представить те возможные формы передачи, благодаря которым они осуществлялись, что и составляет задачу настоящей работы. Главным источником в данном случае являются археологические материалы, соотношенные с различными периодами этнополитической истории Хунну.

Ближе всего к такой постановке вопроса подошла И.П. Засецкая [1994, с. 152–154, табл. 36–37; рис. 6.-20–22], лучший специалист по археологии европейских гуннов IV–V вв., выделившая при всем различии культур азиатских хунну и восточ-

ноевропейских гуннов в материалах последних несколько категорий вещей хуннуского происхождения – бронзовые котлы; хуннуский лук, уже получивший широкую известность; некоторые виды наконечников стрел. Важно отметить, что все они, включая бронзовые котлы, относятся к элементам ранжированной субкультуры воина-всадника. В другой, более ранней работе И.П. Засецкая [1982, с. 73] писала, что «...дальнейшее изучение в направлении поисков происхождения отдельных категорий вещей из памятников Восточной Европы гуннской эпохи, возможно, позволит выявить и другие черты сходства в культуре этих двух племенных объединений, а также проследить пути и этнокультурные связи хунну на промежуточном этапе их истории, т.е. с момента ухода хунну из Центральной Азии и до экспансии гуннов в Восточную Европу».

По сути дела, здесь сформулированы две задачи: одна из них – поиски еще каких-то «общих» категорий вещей, на что, учитывая современное состояние источников, уже вряд ли можно надеяться; другая – изучение заполнения культурного пространства, где так или иначе проявляется влияние хуннуской традиции, распространившейся столь далеко с востока на запад, а также, по мере возможности, выявление основных участников этого процесса.

При этом *a priori* нужно принять несколько положений, позволяющих еще раз обратиться к рассмотрению данного вопроса.

1. О существовании специфического комплекса предметов ранжированной, социально обусловленной воинской субкультуры хунну: лук; определенные типы наконечников стрел; бронзовые котлы; некоторые (знаковые) виды украшений, образующие своего рода «хуннскую триаду», включенную в состав культуuroобразующих элементов других местных культур (наподобие существовавшей ранее «скифской триады»).

2. О хунну, как наиболее вероятных и, скорее всего, единственных восприимчивых и распространителях китайских (ханьских) вещественных ценностей (зеркала, монеты, лаковые изделия). Привлечение этих материалов, с одной стороны, расширяет возможности изучения влияния хунну за пределами их основного расселения; с другой – «размывает» возможности решения поставленной задачи. В настоящей работе они намеренно не рассматриваются.

3. О признании этих и некоторых других элементов культуры, как собственно хуннуских, так и передаваемых ими в качестве реципиентов на западе, в качестве именно хуннуских (в широком этносоциальном значении этого понятия), а не просто «центральноазиатских».

Хунну

Культура хунну/сюнну – это государственная культура, сложившаяся в рамках полиэтнического (имперского?) образования, изначально свойственная собственно хунну как основным ее носителям, но затем получившая более широкое (внеэтническое) содержание, при сохранении основной – генерирующей – парадигмы хуннуской культурной традиции. Для начального периода формирования культуры (по наиболее близкому к истине определению А.А. Ковалева [2002] это Внутренняя Монголия) уместно китайское наименование *сюнну*; для центральноазиатского ареала распространения данной культурной традиции и сопредельных территорий – общепринятое *хунну*; для восточноевропейского вектора дальнейшей экспансии – *гунны*.

Рассматривая этнополитическую историю Хунну как уже сложившегося этносоциального объединения – основного источника всех культурных инноваций конца I тыс. до н.э., можно считать, что наиболее активное начало этого процесса было связано с событиями последней четверти II в. до н.э. (при императоре У-ди), когда хунну потерпели сокрушительное поражение от Китая и были оттеснены на север из своих

традиционных земель. В 127 г. до н.э. под давлением войск китайских полководцев Вэ-цина и Хо Цюй-бина хунну потеряли Ордос, захваченный ими еще в 205–204 гг. до н.э. создателем хуннского племенного союза Маодунем. В 120–119 гг. до н.э. центр государства Хунну переносится в Монголию, после чего «к югу от пустыни (Гоби. – Д.С.) уже не было ставки их правителя» [Таскин, 1968, с. 55]. Иначе говоря, северная граница государства Хунну стала теперь его южной границей или, по Л.Н. Гумилеву [1993, с. 83], «...границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби».

Никаких письменных свидетельств применительно к этой северной территории владений Хунну уже нет; приходится опираться только на археологические материалы. Но они там чрезвычайно выразительны. Именно в Северной Монголии сосредоточено основное количество всех уже известных, в том числе раскопанных и еще не раскопанных памятников культуры хунну. По данным Д. Цэвээндоржа [1996, с. 13], в общей сложности в Монголии открыто около 3000 погребений хунну; на территории соседнего Забайкалья – 370. Ц. Турбат [2004, с. 134, рис. 1] в своей монографии о рядовых погребениях хунну использовал материалы 174 погребений с весьма характерным обрядом захоронения и устойчивым набором сопроводительного инвентаря; все они происходят с территории Северной Монголии. Здесь же находятся наиболее известные захоронения хуннских шаньюев или представителей хуннской правящей династии – в Ноин-Уле, Ильмовой пади, Дырестуйском култуке, пади Царам и др. (своего рода «Геррос» элиты хуннского общества). Все они датируются в пределах конца II в. до н.э. – I в. н.э. По счастливому стечению обстоятельств с этим временем совпадает начало первого выпуска монет *у-шу* (118 г. до н.э.), что дает дополнительные основания для датировки памятников, где найдены такие монеты, в том числе и за пределами основной территории расселения хунну.

Ближайшей областью, включенной в сферу социального и культурного влияния хунну, было Забайкалье, ставшее северо-восточной частью государства Хунну. Согласно заключению Н.Н. Крадина, «Забайкалье являлось северным пограничным форпостом Хуннской империи. Здесь обитала одна или несколько периферийных групп, ... входивших в состав имперской конфедерации» [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 86]. А.В. Давыдова [1995, с. 59], автор монографически исследованного Иволгинского комплекса (городища и могильника хунну), считала, что «...на первых этапах значение городища было преимущественно военным, но в дальнейшем роль поселения вышла за эти рамки». Уже из этого региона – Северная Монголия, Забайкалье – происходило дальнейшее освоение территории Саяно-Алтайского нагорья (Тува, Минусинская котловина, Горный Алтай). В контексте рассматриваемой проблемы вместе они могут быть определены как «Ближний круг».

Процессам культурогенеза, происходившим в результате включения Саяно-Алтайского нагорья в состав государства Хунну, посвящено уже много специальных работ [Мартынов, 1996; Худяков, 1998; Бобров, Васютин А., Васютин С., 2002; Тишкин, Горбунов, 2006; и др.]; в каждой из указанных областей – Тува, Минусинская котловина, Алтай – они происходили по-своему.

Ближний круг

Тува. На территории бассейна Верхнего Енисея следы пребывания хунну (или близких к ним в культурном отношении племен) до сих пор известны только в одном районе – это Центральнo-Тувинская котловина, точнее – северная ее часть, примыкающая к южным отрогам Западных Саян. Это единичные фрагменты глиняных сосудов, определенным образом орнаментированных, и отдельные украшения [Кызласов, 1979, с. 81–83],

свидетельствующие об их хуннском происхождении, но в целом малоинформативные. В 1965 г. на могильнике Урбюн-III было открыто впускное захоронение в каменном ящике с характерным хуннским инвентарем (керамика, костяные наконечники стрел с раздвоенным основанием, накладки лука хуннского типа). На поясе погребенного находилась бронзовая пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона – первая из находок такого рода на территории Тувы [Савинов, 1969]. По заключению С.С. Миняева [1980, с. 30], производство ее связано с Джидинским (Забайкальским) металлургическим центром. Ближайшие аналогии ей находятся в Ордосе [Руденко, 1962, рис. 57e].

Показательно, что урбюнская пластина, сильно потертая, сломанная еще в древности и положенная в специально сделанную по ее форме деревянную основу, очевидно, долгое время была в употреблении и в материалах урбюнского захоронения представляла собой уже нечто вроде раритета. Можно предполагать, что изготовление (или первые копии) этого изделия связаны еще с пребыванием хунну в Ордосе, а в Туве она является первым сигналом о вхождении данной территории в состав владений Хунну, т.е. после 120 г. до н.э.

Тогда же на могильнике Бай-Даг-II были исследованы несколько крупных погребальных сооружений с трапециевидными пристройками (типа ноин-улинских дромосов), но не углубленных, а отмеченных на уровне древней поверхности по контуру кладкой из каменных плит. На дне глубоких могильных ям в них находились захоронения в деревянных гробах («гроб в срубе»), украшенных железными пластинами и золотой фольгой. Эти особенности обустройства хуннских захоронений зафиксированы и письменными источниками: «Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро...» [Таскин, 1968, с. 40]. Все они оказались ограбленными, но сохранившиеся вещи (керамика, металлическая посуда, костяные накладки лука, отдельные виды украшений), как и конструктивные особенности всего сооружения, не вызывают сомнения в их принадлежности хунну достаточно высокого ранга. «Таким образом, – заключает А.М. Мандельштам, – мы имеем теперь прямое и бесспорное свидетельство археологии в том, что какая-то группа сюнну обитала на территории Тувы» [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 55].

Вместе с тем, по сравнению с Ноин-Улой и другими погребениями хуннских шаньюев, курганы могильника Бай-Даг-II отличаются меньшими размерами и явной «вторичностью» исполнения, что можно трактовать двояко. Или, как считает Н.Н. Николаев [2002, с. 202], «...хуннские погребения Бай-Дага-II появляются в тот момент, когда хуннская традиция уже пережила пик своего расцвета»; или это свидетельствует о более низком социальном статусе лиц, погребенных в Бай-Даге-II (своего рода «иллюзия» элитного захоронения высшего ранга), что кажется более вероятным. Где-то поблизости могла находиться ставка хуннского наместника на Верхнем Енисее, а, следовательно, обитать довольно значительная группа населения, в культурном отношении наиболее близкая хунну.

Последнее предположение подтверждается блестящими открытиями последних лет на могильниках Ала-Тей-I и Терезин в том же районе Улуг-Хемской котловины большой серии неограбленных захоронений в грунтовых ямах и каменных ящиках (т.е. по устройству внутримогильных сооружений, отличных от хунну). В составе сопроводительного инвентаря здесь представлена самая значительная из всех известных в настоящее время не только в Туве, но и на сопредельных территориях коллекций хуннских художественных бронз, в том числе пряжек с разнообразными композициями, а также копии китайских (ханьских) зеркал, монеты и пр. Установленная дата могильников Терезин и Ала-Тей-I – 2-я половина II – I в. до н.э. Выделение на этих

материалах самостоятельной улуг-хемской культуры, в свое время предложенное, но недостаточно аргументированное А.Д. Грачом [1971, с. 99], теперь получает весомое подтверждение [Килуновская, Леус, 2018, с. 126–127, 149].

Исходя из всего сказанного, можно предполагать, что на территории Северной Тувы находилась резиденция (?) одного из представителей династии хуннских шаньюев. Очевидно, там, как и в Забайкалье, обитала какая-то группа хунну и ближайших к ним по культуре племен. Скорее всего, именно оттуда происходило дальнейшее распространение хуннских культурных традиций в соседнюю Минусинскую котловину (по Саянскому каньону Енисея до нее оставалось немногим более 200 км).

Минусинская котловина. Примерно в то же время и в контексте тех же исторических событий на Среднем Енисее появляются новые группы населения, явно знакомые с хуннской культурной традицией, но не хунну. Представленная ими культура, отличная от предшествующей – тагарской, определена нами как культура тесинских грунтовых могильников, относительно синхронная и каким-то образом связанная с названной выше улуг-хемской. Поскольку анализу и интерпретации материалов тесинских грунтовых могильников посвящена отдельная монография – «Минусинская провинция хунну» [Савинов, 2009] – только кратко остановимся на некоторых важных для раскрытия данной темы моментах.

Погребений собственно хунну типа могильника Бай-Даг-II, в отличие от Тувы, не обнаружено, хотя присутствие хуннского компонента в вещественных материалах очевидно. Погребальные сооружения достаточно разнообразны: каменные ящики, грунтовые захоронения, круглые ритуальные постройки из горизонтально положенных плит. Керамика сохраняет прежние (тагарские), но сильно упрощенные формы и, как правило, не орнаментирована. Все предметы домашнего обихода, в отличие от тагарских, сделаны из железа (ножи, пряжки и др.). Количество бронзовых художественных изделий в погребениях значительно меньше, хотя общее число хуннских бронзовых пряжек, найденных на Среднем Енисее, довольно значительно: по сводке М.А. Дэвлет [1980] – 84 экз.

Большинство подобных изделий происходит из кладов на северо-западной окраине Минусинской котловины – Июсского [Бородовский, Ларичев, 2013] и Косогольского [Нащекин, 1987]. Спектральный анализ показал, что «...большинство изделий из Косогольского клада, датируемых II–I вв. до н.э., изготовлены в Минусинской котловине» [Миняев, 1978, с. 43] и «...только 7 пластин, найденные в Южной Сибири, по химическому составу связываются с забайкальско-монгольскими очагами хунну. Остальные же являются репликами местных мастеров хуннских импортных изделий» [Миняев, 1980, с. 31]. Судя по всему, последовательность сложения данной системы этносоциальной зависимости устанавливается следующим образом: Забайкалье – Тува – Минусинская котловина. Сам факт сокрытия в виде кладов такого количества бронзовых изделий свидетельствует не только об их значимости на «севере», но и об опасности военного или какого-то иного катаклизма на «юге».

Очевидно, что на Среднем Енисее находилось этнокультурное образование, названное нами «Минусинская провинция хунну», в культуре которого по-своему сочетались и адаптировались местные традиции и привнесенные черты нового культурного комплекса, выразившиеся прежде всего в разнообразии погребальных сооружений, повсеместном использовании железа, появлении бронзовых художественных изделий, упрощении до минимума керамической традиции. Похожая ситуация, вероятно, складывается на территории соседней Кузнецкой котловины, но там этот процесс носил более приглушенный характер. Происхождение этого нового – условно

тесинского компонента пока остается неясным, но его формирование происходило в непосредственной близости (и под влиянием) государственной культуры Хунну.

Алтай. Особая ситуация складывалась на Алтае. Погребения «гунно-сарматского» времени там достаточно многочисленны (могильники Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Белый Бом-II, Усть-Эдиган, Чендек, Кальджин-6, Верх-Уймон и др.). Обобщение их (до начала раскопок могильника Яломан-II) дано в монографии В.И. Соёнова [2003]. Чем-либо выделяющихся погребений среди них нет. Сопроводительный инвентарь, если в нем не представлены хорошо «узнаваемые» предметы хуннского облика, в целом маловыразителен и каких-то особых, в плане рассматриваемой темы, признаков не содержит. Согласно существующей периодизации, все они относятся к одной – булан-кобинской археологической культуре с разделением ее на три последовательных этапа от II в. до н.э. до V в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006]. Эталонным памятником для Алтая может считаться могильник Яломан-II, раскопки которого производились в течение ряда лет (2002–2003, 2007 г. и сл.), впервые представивший наиболее яркие и достоверные материалы о вхождении оставившего его населения в состав государства Хунну [Тишкин, Горбунов, 2003; 2005; 2006 и др.].

Погребения «гунно-сарматского» времени в Горном Алтае достаточно разнообразны по обряду захоронения: преобладают погребения в грунтовых ямах в обкладке из каменных плит, но есть и отдельные захоронения в каменных ящиках, деревянных рамах/колодах (типа хуннских); с сопроводительным захоронением коня [Соёнов, 2003, рис. 13, 14, 22 и др.]. Имеются основания относить некоторые из них к местным племенам, непосредственным потомкам прежнего населения пазырыкской культуры, сохранившим свое культурное и этническое своеобразие и в хуннское время.

«Первой ласточкой» появления хунну на Горном Алтае можно считать находку фрагментов типично хуннской керамики в ограбленном кургане пазырыкской культуры на могильнике Узунтал-I в 1973 г. [Савинов, 1978, рис. 3]. Имеются все основания полагать, что ограбление этого кургана (а возможно, и многих других) было произведено хунну. Позже, в 1981 г. такой же случай повторился при раскопках могильника Уландрык-V [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 119, прим. 2].

В историческом плане это можно связать с поражением, которое потерпели *юечжи*, ассоциируемые нами вслед за С.И. Руденко с пазырыкской культурой в широком ареале ее распространения, от хунну, разрушивших столицу юечжей в Турфане в 165 г. до н.э. Эта победа, во-первых, открыла для хунну возможность продвижения по Великому шелковому пути (тот самый «путь на Запад»). Во-вторых, может являться хроноиндикатором исчезновения Больших (или «царских») курганов на Алтае. Действительно, самые поздние из них (по М.П. Грязнову, шибинский этап) датируются приблизительно этим же временем. Однако это не означает исчезновения пазырыкской культуры как таковой: десятки и сотни т.н. «рядовых» курганов продолжали возводить.

С рассматриваемой темой связано одно из самых значительных открытий В.Д. Кубарева на Алтае. Это керамические печи для обжига хуннской керамики, открытые им в 1978 г. на р. Юстыд [Кубарев, Журавлева, 1986]. Серия найденных там (во фрагментах и реставрируемых) типично хуннских глиняных сосудов – вазообразных с волнистым орнаментом и горшковидных – весьма значительна [Кубарев, Журавлева, 1986, рис. 5–10], что говорит о хорошо налаженном производстве такой продукции. По мнению В.Д. Кубарева, поселение на Юстыде, с которым должны быть связаны эти печи, «являлось северо-западным форпостом хуннов... Работали здесь, несомненно, гуннские мастера» [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 118]. Произведенная ими керамика

могла предназначаться как для жителей этого поселения (или поселений?), так и для каких-то обменных операций по одному из ответвлений Великого шелкового пути.

Первые находки хуннских бронзовых художественных изделий были сделаны в погребениях того же времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) на могильнике Яломан-II [Тишкин, Горбунов, 2003]. Материалы этого замечательного памятника, насчитывающего десятки погребений, еще полностью не опубликованы; судить о нем можно по предварительным сообщениям и специальным исследованиям, посвященным отдельным категориям находок, в том числе художественным бронзам [Тишкин, 2010]. Найденные там изделия [Тишкин, 2010, рис. 1, 5, 19 и др.], судя по всему, отличаются небольшими размерами в сравнении с минусинскими и, скорее всего, представляют собой уменьшенные копии таких оригиналов (или вотивные изделия).

Разнообразие этих памятников позволяет предполагать, что этнокультурные процессы в Горном Алтае, связанные с распространением Хунну после перенесения их ставки в Монголию, отличались особой сложностью. Очевидно, одновременно существовали и собственно хунну, изготавливавшие свою керамику на Юстыде; и – по отдельным долинам Алтая – многочисленные местные племена, испытывавшие влияние хунну; и какое-то новое население, носители той же хуннской традиции, но не хунну. Место исхода этого нового населения (во всяком случае, до полной публикации материалов могильника Яломан-II) определить трудно. По некоторым признакам (большая скученность погребений на ограниченной площади, способ кладки округлых наземных сооружений из горизонтально положенных плит, небольшое количество бронзовых художественных изделий) погребения могильника Яломан-II напоминают тесинские грунтовые могильники Минусинской котловины. Не исключено, что на каком-то раннем этапе культуригенеза их создатели соприкасались

Образовавшаяся таким образом алтайская провинция, наряду с минусинской и (условно) тувинской, образуют единый саяно-алтайский (или южносибирский) ареал распространения культурных традиций Хунну в рамках созданного ими этносоциального объединения. Собственно хунну занимали в нем наиболее важные в стратегическом отношении районы – север Центрально-Тувинской котловины (для дальнейших походов на север) и южные районы Алтая (для дальнейших походов на запад). В остальных областях, по-видимому, расселялись какие-то инокультурные племена, подчиненные хунну и испытывавшие сильное влияние хуннской культурной традиции.

Границы саяно-алтайского ареала в целом очерчиваются находками бронзовых хуннских поясных пластин [Савинов, 2015]. Обычно такие пластины определяются как символы социальной значимости, но могут рассматриваться и в качестве знакового обозначения гражданской, в данном случае – хуннской принадлежности носившего их человека. Это объясняет случаи нахождения их в погребениях женщин, социальные функции которых пока не совсем ясны. При этом следует отметить факт полного отсутствия таких находок в элитных погребениях (типа Ноин-Улы и пр.). Видимо, элитная (династийная) принадлежность погребенных здесь могла обозначаться каким-то иным образом или подразумевалась сама собой. Нельзя исключать и своеобразной моды на изделия подобного рода, распространявшейся на представителей т.н. «среднего» слоя населения. Очевидно, что в данный период истории Хунну влияние их культуры должно было быть социально обусловленным и не выходило за границы Саяно-Алтайского нагорья, в лучшем случае – его ближайшей периферии.

В связи со всем сказанным можно сделать несколько выводов, имеющих непосредственное отношение к решению гуннской проблемы. 1. Хронологически это

несколько сокращает разрыв между центральноазиатскими хунну и европейскими гуннами. 2. Как на Алтае, так и в Минусинской котловине инокультурное население с хуннскими традициями продолжало существовать и в последующее время. Вряд ли оно могло принимать какое-либо участие в дальнейшем продвижении хунну на Запад. 3. На местах прежних владений (или «провинций») Хунну складывается ряд новых археологических культур с наличием хуннского компонента, но на местной основе: III–V вв. – таштыкская культура на Среднем Енисее, кокэльская культура в Туве, булан-кобинская (поздние этапы культуры) на Алтае, одновременные с восточноевропейскими гуннами, но уже никакого отношения к ним не имеющих. 4. Очевидно, уже на этом этапе этнополитической истории Хунну сформировался комплекс элементов ранжированной воинской субкультуры, наличие которого иногда воспринимается как свидетельство массового продвижения хунну с востока на запад. На самом деле носителями этой «хуннской триады» могли быть как передовые, собственно хуннские подразделения, так и (в основном?) другие группы населения, снаряженные (и вооруженные) таким же образом.

Наконец, последнее. В свете всего сказанного как на предполагаемое место исхода будущей западной миграции хуннских племен следует обратить особое внимание на археологические памятники с хуннским «участием» Синьцзяна, имеющими, как справедливо считает В.И. Молодин [2000], важное значение «в контексте гуннской проблемы». Здесь хунну сокрушили юечжей; отсюда – Северо-Западная Монголия, Монгольский Алтай, Синьцзян (через Джунгарские ворота?) – мог начаться путь на Запад.

Дальний круг

Первым толчком для продвижения хунну на Запад послужило разделение государства Хунну в 49 г. до н.э. на северных и южных Хунну. В плане рассматриваемой темы это имело такое же значение, как до этого перенесение ставки хуннских шаньюев на север от пустыни Гоби. Но теперь сфера влияния хунну (или воинской субкультуры) вышла за пределы Саяно-Алтая и обратилась в сторону Западной Сибири и Средней Азии.

В самом кратком изложении связанные с этим исторические события сводятся к следующему. Предводитель северных хунну Чжичжи шаньюй во главе части своего «народа» и войска откочевал на территорию дружественного хунну государства *Кангюй*. Земли Кангюй располагались в прилегающих с запада степях Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом. На востоке они примыкали к Тарбагатаю, на юге – к Тянь-Шаню. Таласская долина, где обосновался Чжичжи, была самой южной окраиной Кангюя [Гумилев, 1993, с. 137–138]. Отношения Кангюя с Китаем были враждебными; хунну также враждовали с местным населением – *усунями*, до этого пришедшими сюда откуда-то из глубин Центральной Азии под давлением хунну.

В данной коллизии – противостояние хунну и усуней при участии Китая и Кангюя – было заложено поражение этой части северных хунну. Кангюй, пользуясь поддержкой хунну, напал на усуней; этим воспользовался Китай, выступив на помощь усуням против Кангюя. По каким-то причинам (личного характера?) союз между хунну и Кангюем был нарушен, и хунну оказались одни против враждующих противников. В 42 г. до н.э. при осаде своей крепости в Таласской долине союзными войсками усуней и китайцев Чжичжи был убит, значительная часть хунну уничтожена, а остатки разгромленной хуннской армии, образно говоря, рассеялись. С того момента появляется первая реальная возможность распространения носителей ранжированной воинской субкультуры хунну на Запад.

При этом основная часть северных хунну оставалась на своих местах (Монголия, Тува, Джунгария), пока в середине II в. н.э. не была завоевана сяньбийцами. Начинается хуннско-сяньбийский период в истории Центральной Азии и Южной Сибири, когда, пользуясь словами Н.Н. Крадина [2001, с. 75], «...первоначальное противостояние по оси „север–юг“ переместилось в плоскость „запад–восток“». Вероятно, в данном контексте следует рассматривать и вопрос о т.н. «волчьих» или «драконовых» знаменах, скорее всего, передававшихся в хуннской воинской среде с востока на запад [Савинов, 2017].

Археологические памятники, связанные с распространением сферы влияния культуры хунну в пределах Дальнего круга, можно рассматривать по двум основным направлениям: южному (в сторону Средней Азии) и северному (в сторону Западной Сибири).

Южное направление. Изучение южного направления – это особая тема исследований, больше освещенная сведениями письменных источников, чем археологическими данными. Участие хуннского компонента в процессе культурогенеза, вопреки утверждениям некоторых исследователей, там представляется несомненным. Наиболее отчетливо оно выражено в материалах кенкольской культуры на Тянь-Шане и джетыясарской в Южном Приаралье. Однако дальнейшие следы хуннского влияния в данном направлении теряются, растворяясь в культурах среднеазиатской цивилизации. Вопросы культурной атрибуции *эфталитов* и *хионитов* (т.н. белых гуннов) Средней Азии, археологические памятники которых до сих пор не выявлены, вообще остаются за пределами нашего рассмотрения.

Северное направление. Саргатская культура. Хуннская культурная традиция проявляется в археологических материалах Западной Сибири в наиболее четком виде и, как следует думать, определенном историческом контексте. Памятников, которые можно было бы признать собственно хуннскими, там, естественно, уже нет, но предметы хуннского облика (или попавшие сюда через посредство хунну) достаточно многочисленны. В первую очередь это костяные накладки лука хуннского типа, железные наконечники стрел, пряжки, отдельные предметы хуннской художественной бронзы. Датировка этих вещей, конечно, с некоторым запаздыванием определяется по находкам их в Центральной Азии, укладываясь в исторические рамки предполагаемого продвижения хунну на Запад. Из инокультурных элементов к ним относятся китайские лаковые изделия и зеркала. Основной артерией их поступления, скорее всего, был Иртыш, игравший такую же роль связующей коммуникации, какую прежде в Саяно-Алтайской области играл Енисей.

Главным восприимчиком инноваций в Западной Сибири было население саргатской культуры (или саргатской культурно-исторической общности), состоявшей из ряда локальных вариантов – барабинского, прииртышского, приишимского, притобольского [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; 1997; Матвеева, 1993; 1994; и др.]. Все варианты саргатской культурно-исторической общности, объединяемые в первую очередь близостью погребального обряда и керамики, – это крупное, хорошо военизированное этносоциальное (потестарное?) объединение, в течение длительного периода представлявшее культуру скифо-сарматского времени лесостепной полосы Западной Сибири. Участие хуннского компонента на определенном этапе ее развития так или иначе признается всеми исследователями, хотя в различных локальных вариантах проявляется по-разному. При этом обращает на себя внимание тот факт, что по мере удаления на север (приишимский и притобольский варианты культуры) следы хуннского влияния проявляются в меньшей степени.

В наиболее чистом виде оно представлено в материалах памятников барабинского варианта; например обломок китайского зеркала, монета *у-шу* и ложечковидные

застежки из могильника Марково-1 в Центральной Барабе – (рис. 2.-4–6) [Полосьмак, 1987, рис. 33-3, 4; 37.-7]. Сюда же относятся бронзовая пряжка с изображением головы копытного животного (кулана?) анфас из могильника Красноярка на Иртыше [Корякова, 1988, рис. 18, 94], аналогичная представленным в коллекции хуннских художественных бронз на Енисее (рис. 2.-3) [Дэвлет, 1980, табл. 19–27], и бронзовая пластина с изображением хищника из Богдановки-1 (рис. 2.-2) [Могильников, 1992, рис. 124.-50]. Бронзовый котел из Савиновского могильника [Матвеев, Матвеева, 1991, рис. 24] близок к котлу из Иволгинского некрополя [Давыдова, 1985, рис. VI.-1]. Другие, более многочисленные и чаще всего мелкие бронзовые изделия, также вполне «узнаваемые», могли быть как принесены непосредственно потомками хуннских воинов, так и сделаны по хуннским образцам (подробнее об этом см.: [Савинов, 2010]).

Идея репродукции (копирования) коснулась и костяных предметов. Так, замечательная роговая пряжка с изображением животных из могильника Абатский-3 [Матвеева, Опенько, 1991] по характеру нанесенных на ней изображений – фигура крупного кошачьего хищника на «мягких» лапах в сочетании с незаконченным рисунком головы оленя с ветвистыми рогами (рис. 2.-7) – близко напоминает рисунки на роговом разветвлении (предположительно пряжка), найденном в одном из жилищ Иволгинского городища (рис. 2.-13) [Давыдова, 1985, рис. X.-1]. Полный разворот этой сцены – преследование и терзание таким же кошачьим хищником оленя с ветвистыми рогами – представлена на роговом разветвлении (как и в иволгинском изделии) из могильника Берегай в Забайкалье [Бородовский, 2007, рис. 113].

Источником и носителем этих инноваций в первую очередь могли быть хуннские всадники, скорее всего, занимавшие в местной среде привилегированное положение. Именно тогда, на рубеже эр и в начале I тыс. н.э., на юге Западной Сибири и в Приуралье появились первые свидетельства об использовании верхового коня [Викторова, 2008, с. 7–11], несомненно, интенсифицировавшем происходившие там процессы социогенеза. Отметим и первые изображения всадников – на серебряных бляхах из Истяцкого клада, по В.Н. Чернецову, I–II вв. (подробнее об этом см.: [Савинов, 2020]).

Особое место среди всех памятников саргатской культурно-исторической общности занимают материалы могильника Сидоровка около г. Омска (на правом берегу Иртыша), где впервые были открыты богатые неограбленные погребения представителей элиты саргатского общества [Матющенко, Татаурова, 1997]. В состав предметов сопроводительного инвентаря входят как традиционные, так и приобретенные культурные ценности: помимо характерной саргатской керамики, костяные накладки хуннского лука (рис. 3.-8), бронзовый котел, железные панцирные пластины, золотые и серебряные украшения в хуннском «зверином стиле» (рис. 3.-6, 7), орнаментированное блюдо сарматского облика (рис. 3.-1), золотой фалар с изображением свернувшегося грифона бактрийского происхождения (рис. 3.-4) и др. Весь набор этих изделий свидетельствует о глубоком укоренении хуннского компонента в саргатской культурной общности, имевшей к тому времени тесные связи как с сарматским западом, так и бактрийским югом. В числе наиболее ярких предметов хуннского происхождения следует назвать парные золотые пластины с изображениями борющихся драконов (рис. 3.-5). Ближайшие аналогии им находятся не только в Ордосе, но и в хуннских поясных пластинах из Южного Китая [Комиссаров, 1996]. Можно предположить, что западносибирские экземпляры могли иметь такое же раритетное значение, как урбюнская бляха в Туве.

Верхняя дата существования саргатской культурно-исторической общности остается неопределенной. По мнению А.П. Зыкова [2002, с. 48], «крушение саргатской культуры как системы было связано с появлением у границ ее ареала во второй половине II в. северных хунну – будущих гуннов», однако это не означает исчезновения ее как таковой. В той же (к сожалению, очень краткой) статье приводится сводка данных о других подобных памятниках в Омском Прииртышье и основных волнах продвижения «кочевых орд» на запад (подробнее эти сведения изложены в соответствующих разделах монографии А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой [2001, с. 10–30] о Холмогорском кладе).

В одной из своих статей В.И. Матющенко [1996, с. 127–129] назвал погребенных в могильнике Сидоровка воинов «катафрактариями на Иртыше». По всем приведенным данным могильник Сидоровка, характеризующий расцвет саргатской культурно-исторической общности, датируется авторами II–IV вв. [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 82]. К концу этого периода относятся и первые свидетельства письменных источников о появлении восточноевропейских гуннов. Этническая принадлежность населения саргатской культурно-исторической общности определяется как угорская (или угро-самодийская?) с возможным включением иранских и тюркских элементов. Сложный (полиэтнический?) характер ее образования оставляет окончательное решение данного вопроса дискуссионным, но так или иначе определяющей из них в рамках большой урало-алтайской языковой семьи считается угорская принадлежность [Могильников, 1992, с. 310–311].

Точка зрения о том, что дальнейшая хуннская экспансия была прервана длительным нахождением их в Западной Сибири, где остатки разгромленных хунну «отсиживались» в течение всего III в., была впервые высказана в 1960 г. Л.Н. Гумилевым [1993, с. 201–202] и уже приобрела характер устоявшейся концепции, фактически не имея никакого археологического обоснования. Согласно этому, именно оттуда (и благодаря пребыванию в угорской среде Западной Сибири) началось дальнейшее проникновение хунну (теперь уже гуннов) на Запад.

«Трансформация северных хунну в гуннов не произошла бы, – отмечает в специальной работе о западных гуннах А.П. Кондратенко [1994, с. 31], – попади они в иные условия, чем угорская среда Западной Сибири (II–III вв.) ... Инкорпорированные в среду угров беглецы с востока – северные хунну приобрели необычайную мощь, обусловившую их дальнейшие победы на западе». По мнению Л.Н. Гумилева [1993, с. 201], «именно с угорской территории начали хунну свой поход на запад, причем угорский компонент составлял и основную боевую силу и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались в один новый народ – гуннов».

В свете всего вышесказанного такая реконструкция событий в целом представляется правильной и подтверждается данными исторической лингвистики (известно, что современные обские угры Западной Сибири и венгры в Подунавье – ближайшие родственники по языку), но требует уточнения роли участников этого исторического процесса. Миграция значительных масс хунну с востока после ряда случившихся с ними поражений вряд ли соответствует действительности. Скорее можно говорить о приходе в защищенные расстоянием районы юга Западной Сибири какой-то небольшой, наиболее пассионарной (по Л.Н. Гумилеву) части населения (условно – войска), носителей сложившейся воинской субкультуры. В этом плане, очевидно, следует говорить не об инкорпорации хунну угорского населения, а наоборот, о включении разгромленных, но воинственных хунну в среду местного угорского населения, составившего демографическую основу будущих военных походов. Главной движущей силой при этом должны были быть традиции, опыт и соци-

ально ранжированный комплекс воинской субкультуры хунну, вся обозримая история которых состоит из территориальных потерь и последовательных завоеваний.

Такая расстановка сил объясняет загадку III в. н.э. – исчезновение Северных хунну на рубеже II–III вв. и неожиданное появление в начале IV в. н.э. на границах Восточной Европы мощного воинского образования под тем же наименованием, уже с иной культурой, но сохранением ее основных социально значимых элементов. Судя по всем имеющимся археологическим материалам, можно достаточно уверенно утверждать, что именно саргатская культурно-историческая общность, на территории которой оседали, возможно, несколькими волнами остатки северных хунну, окончательно поглотила их экспансию в западном направлении. Понадобилось более одного века, чтобы эта вновь социально организованная общность приобрела новое качество. При этом воинская субкультура хунну, перенесенная на новую этническую почву, сыграла основную организующую роль, сохранив главные маркирующие (наследственные?) ценности.

Нечто подобное известно в истории и других народов Великой степи периода создания кочевых империй. Так, во главе татаро-монгольских войск находилась элитная группа монголов-*нирунов* («царских»), увлекавших за собой большое количество тюркоязычных племен, называемых обобщенно «татарами», что привело к общей нивелировке культуры монгольского времени. Какова была культура собственно монголов в ее исходном состоянии, пока судить сложно. Или тюрки-*ашина*, сами по себе немногочисленные, разгромили жуань-жуаней, выступив во главе племен теле, после чего голубое тюркское знамя с волчьей головой развевалось над всеми войсками Великого тюркского каганата.

Каким образом происходило столь быстрое продвижение хуннских войск, сказать трудно. На карте распространения хуннских котлов, составленной И.П. Засецкой (рис. 1.-2), между местами их находок от Иртыша на востоке до Дона на западе

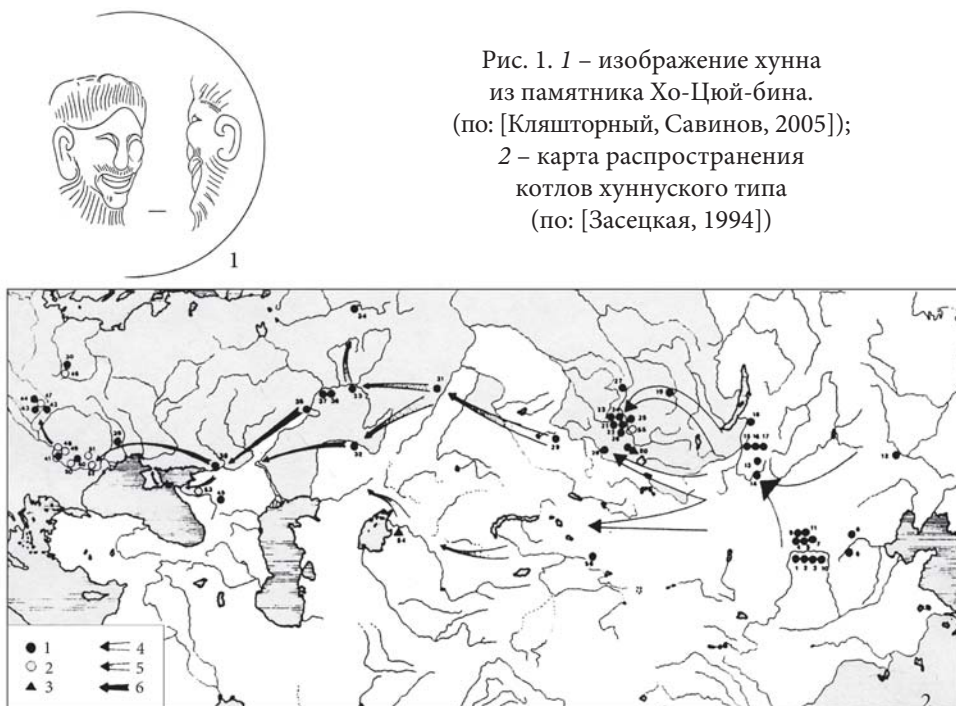

Рис. 1. 1 – изображение хунна из памятника Хо-Цюй-бина.
(по: [Кляшторный, Савинов, 2005]);
2 – карта распространения котлов хуннского типа
(по: [Засецкая, 1994])

лежит незаполненное пространство, перекрытое стрелой [Засецкая, 1994, рис. 24]. Очевидно, это должно демонстрировать достаточно быстрое продвижение хуннских (или уже гуннских?) войск. В теории миграций существует вариант «броска» на далекие расстояния, чаще всего связанный с военными походами, не оставляющий (или оставляющий минимум) археологических следов. Наверное, так оно и было.

Наследие хуннской традиции на Западе и на Востоке

Обстоятельства появления гуннов в восточноевропейских степях еще более запутаны с точки зрения как письменных, так и археологических источников. По поводу первых можно сослаться на слова А.П. Кондратенко [1994, с. 34] в той же статье о западных гуннах: «На основании этих сообщений мы попадаем в такой круговорот племен и народов, что дальнейший ход событий совершенно исчезает в массе племен и их миграциях». Если учесть, что большинство из этих племен не имеют своего археологического «лица», какие-либо поиски в этом направлении вообще чрезвычайно затруднены.

В обобщающем труде И.П. Засецкой [1994, с. 12, табл. 1–46] о восточноевропейских кочевниках в «гуннскую эпоху», конец IV – V в., собраны и проанализированы материалы 46 памятников, считающихся гуннскими. Абсолютное большинство из них совершены по обряду трупосожжения (всего несколько – трупоположения). Сопроводительный инвентарь: предметы вооружения, конское снаряжение, включая остатки седел, украшения в полихромном стиле, пряжки и котлы – представляют весьма устойчивый предметный комплекс, отличный как от собственно хуннского и тем более от саргатского, так и вообще от каких-либо известных на востоке. Говорить о каких-то его генетических корнях в целом не представляется возможным. Остается только предполагать, что это уже специализированный, судя по

Рис. 2. Бронзовые изделия и датирующие материалы хуннской традиции.

- А – Западная Сибирь, саргатская культура:
 1 – Инберень-IV; 2 – Богданово-I; 3 – Красноярка;
 8 – Богданово-II (по: [Могильников, 1992]);
 4–6 – Марково-I, барабинский вариант
 (по: [Полосьмак, 1987]); 7 – Савиновский могильник
 (по: [Матвеева, Опенько, 1991]). Б – Аналогичные
 изделия в материалах памятников хунну
 (по: [Давыдова, 1985; Руденко, 1962; Дэвлет, 1980])

всему, «дружинный», социально организованный комплекс, не имевший определенной этнической специфики.

Вместе с тем, как уже говорилось, И.П. Засецкой [1994, рис. 20–22, с. 35–39, 104–108] в инвентарной части этих погребений были выделены некоторые категории вещей, имеющих, по ее мнению, хуннское происхождение: костяные накладки лука; железные, в том числе ярусные, наконечники стрел; определенным образом декорированные котлы (рис. 4.-1–4). Это соответствует названной выше триаде хуннских культурных ценностей, с потерей бронзовых художественных изделий, бывших одним из наиболее ярких проявлений социально ранжированной культуры Хунну. Их место в культурном контексте европейских гуннов заняли изделия, выполненные в полихромном стиле.

Проблема происхождения полихромного стиля в восточноевропейской традиции вообще остается дискуссионной [Бажан, Щукин, 1990], но, во всяком случае, место их появления не выходит за пределы европейского ареала. Еще одним показательным элементом гуннского культурного комплекса на Западе являются металлические обкладки ленточек седла, украшенные чешуйчатым орнаментом [Засецкая, 1994, с. 49–50,

табл. 2.-10; 4.-15 и сл.], хотя сама конструкция седла с жесткой основой несомненно имеет центральноазиатское происхождение. Предположительно именно эти элементы традиционной воинской субкультуры в сочетании с вновь приобретенными ценностями (изделия в полихромном стиле, металлические обкладки седла) могут служить индикатором для выделения гуннских памятников не только в пределах западного ареала, но и распространения их с запада на восток.

При этом, конечно, основная часть носителей гуннской традиции оставалась в восточноевропейских степях и позднее, что наиболее убедительно показано А.В. Богачевым [2011, с. 185–242] по материалам памятников гуннского круга V–VI вв. на Средней Волге.

Следует отметить, что под этим углом зрения вопрос о дальнейшей судьбе европейских гуннов, а скорее всего, какой-то части их еще не ставился. Между тем имеются известные основания полагать, что этнополитическая история гуннов (в самом широком

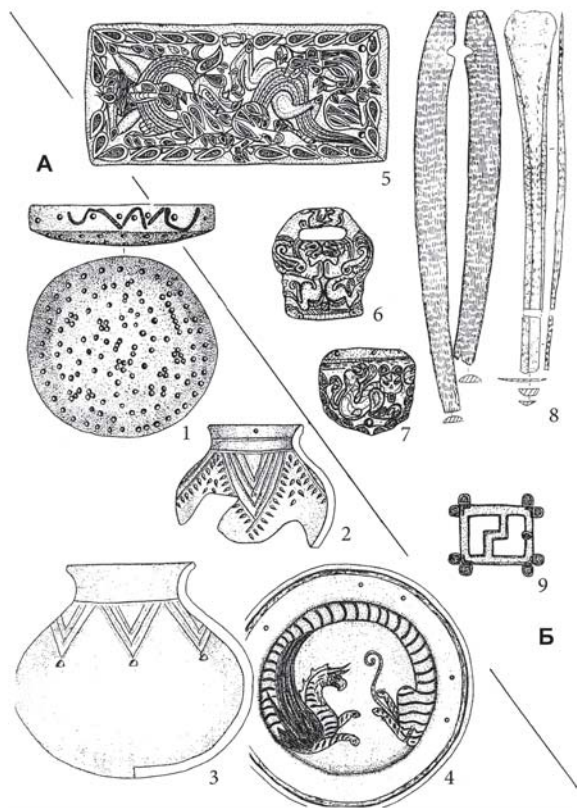

Рис. 3. Материалы могильника Сидоровка из Омского Прииртышья: А – 1–4 – саргатские и бактрийские изделия. Б – 5–9 – украшения, костяные накладки лука хуннской традиции (по: [Магющенко, Тагаурова, 1997])

значении этого термина) могла найти свое завершение не только на Западе, но и на Востоке. Каковы могли быть причины такой реэмиграции: военные поражения и отпадение подвластных племен? Значительные потери человеческих и воинских ресурсов? Или все они взаимосвязаны? Возможно также, что сама экспансионистская идея движения на Запад себя исчерпала: восточноевропейские степи были уже густо заселены и начался «обратный» отток (условно – на «историческую родину»)?

Самым заметным отражением этого процесса могут служить полихромные украшения, как бы пришедшие в этом знаковом качестве на смену художественным бронзам Саяно-Алтайского ареала расселения хунну. Согласно классификации И.П. Засецкой [1982], полихромные изделия делятся на несколько стилистических групп. Из них «первая группа характеризуется сочетанием золотого фона с яркими красных оттенков вставками полудрагоценных камней в напаянных гнездах... Как вариант первой стилистической группы можно рассматривать ряд находок, обнаруженных восточнее основного очага их распространения, в Нижнем Поволжье, Казахстане, Средней Азии и на Алтае» [Засецкая, 1982, с. 69, 74]. Но сделаны они могли быть по какому-то одному (гуннскому?) оригиналу.

Наиболее известные находки подобного рода найдены в т.н. курганах «с усами» Урало-Казахстанских степей – Канатас, Солончанка-I и др. [Любчанский, Таиров, 1999, рис. 24.-6, 7] (рис. 5.-3, 4). Оттуда происходят серебряные обкладки лук седла с чешуйчатым орнаментом (рис. 5.-5), костяные накладки лука хуннского типа (рис. 5.-2), пряжки с подвижным щитком (рис. 5.-1) и другие вещи, характерные для данного круга памятников. Наиболее обоснованная их датировка, по И.Э. Любчанскому, – V–VI вв. [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 159].

В Западной Сибири (Новосибирская область) серебряные украшения в полихромном стиле найдены в одном из погребений могильника Сопка-II (рис. 6.-8, 10) [Молодин, Чикишева, 1990], датируемого IV–V вв., которое,

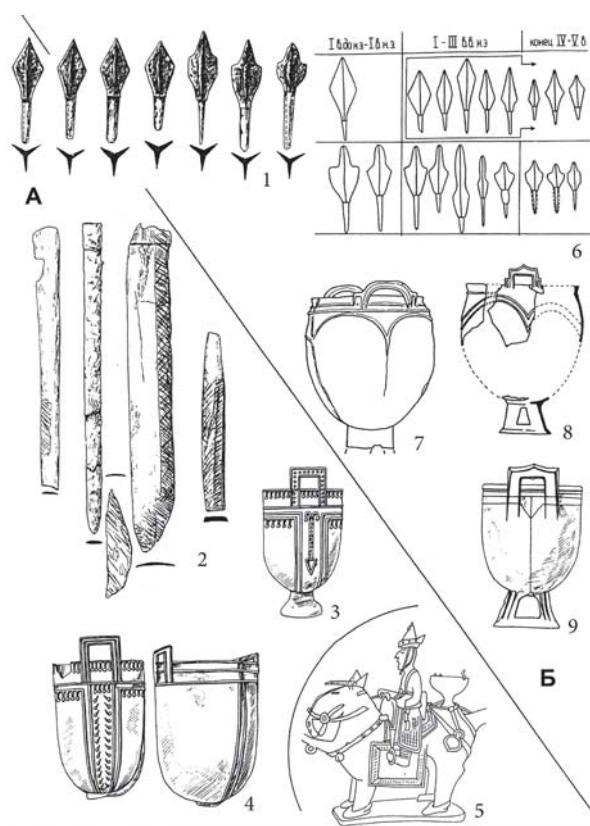

Рис. 4. Комплекс предметов хуннской традиции Западного ареала: А – 1–4 – восточноевропейских кочевников (по: [Засецкая, 1994]); 5 – для сравнения – котел на фигурке всадника. Корея. Культура Силла (по: [Кляшторный, Савинов, 2005]). Б – хуннские аналогии; 6 – наконечники стрел (по: [Засецкая, 1994]); 7–8 – бронзовые котлы (по: [Боковенко, Засецкая, 1993])

по заключению авторов, «по инвентарю и антропологическому типу выпадает из всех известных памятников эпохи средневековья, исследованных на данной территории» [Молодин, Чикишева, 1990, с. 161], а также Ивановка-6 (рис. 6.-9) [Бородовский, 1999, рис. 1].

Однако наиболее представительной остается серия изделий полихромного стиля из погребения на р. Чарыш (Степной Алтай) т.н. «Тугозвоновского князя», также датированного IV–V вв. (рис. 6.-2, 5) [Уманский, 1978]. Это крайний пункт распространения изделий в полихромном стиле на Востоке. В недавнее время полный набор украшений конской упряжи, выполненных в том же стиле, найден в ритуальном сооружении на р. Барбургазы, Юго-Восточный Алтай (рис. 6.-6, 7) [Кубарев, 2010]. По заключению специалистов, исследовавших серебряные украшения Западной Сибири и Алтая, «неоднозначность происхождения изделий полихромного стиля из Верхнего Приобья (в сравнении с находками из Ивановки-6 и Тугозвоновского комплекса. – Д.С.) вместе с особенностями их металла расширяют аргументацию в пользу местных источников сырья» [Бородовский и др., 2005, с. 14].

Из последних открытий на предполагаемом «обратном» пути движения гуннов следует особо отметить замечательные находки в ритуально-жертвенных оградках памятника Алтын-Казган на восточном берегу Прикаспия (рис. 5.-6–11) [Астафьев, Богданов, 2018]. Оттуда же происходят детали седла гуннского типа – серебряные обкладки концов полок с чешуйчатым орнаментом (точно такие же, как в Солончаке-I) и обкладки передней и задней лук с великолепными рельефными (тиснеными) сюжетными композициями с фигурами животных и птиц [Богданов, 2017] (рис. 6.-8). Вопрос о происхождении этих изображений, учитывая «ничтожно малое количество кочевнических изобразительных источников IV–VI вв.» [Богданов, 2017, с. 76], пока остается открытым.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие из отмеченных выше памятников – Солончанка-I, Алтын-Казган, Аржан-Бутузун – представляют собой

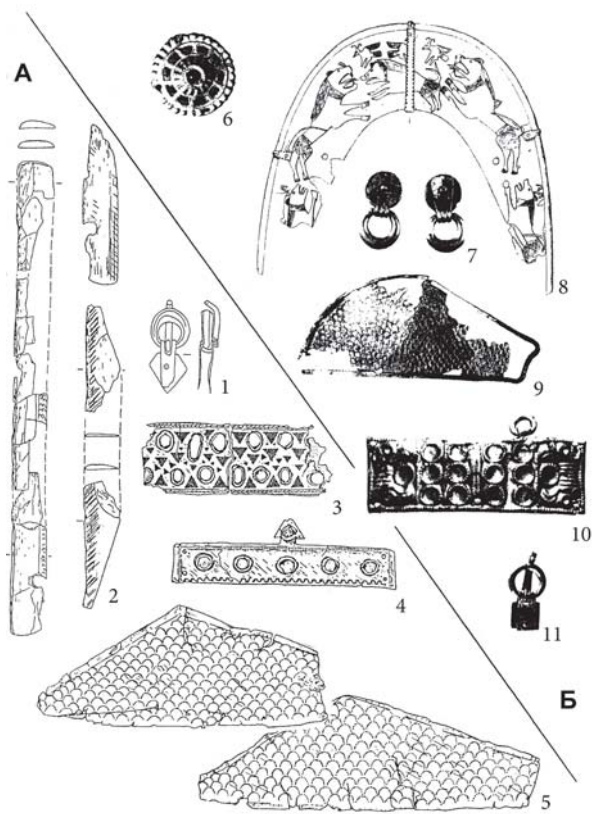

Рис. 5. Гуннские параллели в материалах Восточного ареала: А – Центральный Казахстан, курган с «усами» Солончанка-I (по: [Любчанский, Таиров, 1999]). Б – комплекс находок из ритуального памятника Алтын-Казган. Мангышлак (по: [Астафьев, Богданов, 2018])

ритуально-жертвенные захоронения лошадей с полным «парадом» конской амуниции – возможно, последние страницы в истории хуннского всадника, свидетельствующие о значении и непрерывности стоящей за ним мифологемы.

Заключение

С учетом вышеизложенного создается впечатление о дискретности широтного распространения носителей элитарной гуннской традиции на одном хронологическом срезе (IV–V вв.). В результате этого в предтюркское время могли образоваться своего рода анклав сосредоточения гуннского культурного комплекса на Востоке. В образовавшееся между ними разреженное пространство легко могли проникать какие-то новые группы населения. Возможно, это объясняет ту быстроту, с которой происходило образование Первого тюркского каганата, когда тюрки в середине VI в. без какого-либо сопротивления подчинили столь огромную территорию – от Монголии до Боспора, не оставив при этом заметных следов ее завоевания.

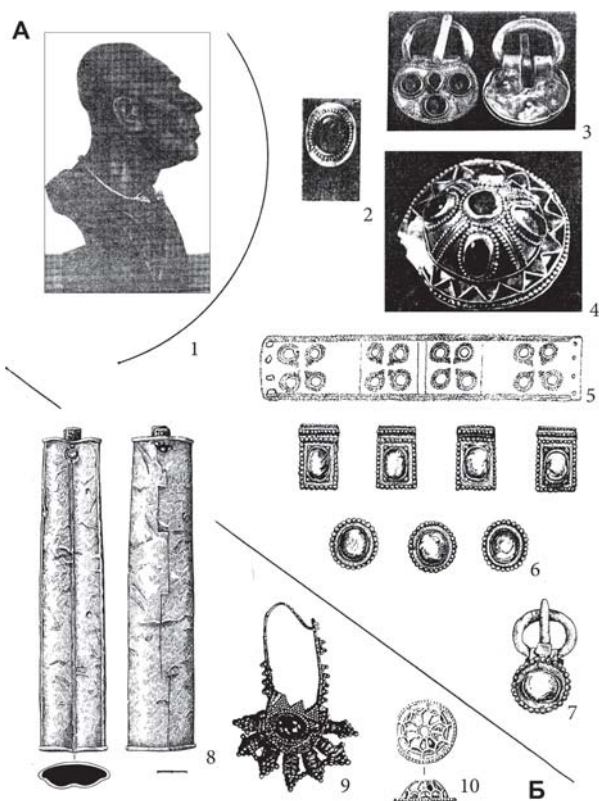

Рис. 6. А – погребение на р. Чарыш. Северный Алтай: 1 – изображение «Тугозвонковского князя» (реконструкция М.М. Герасимова); 2–5 – изделия в полихромном стиле (по: [Уманский, 1978]); 6–7 – украшения конской узды из Аржан-Бугузун. Горный Алтай (по: [Кубарев, 2010]). Б – находки предметов IV–V вв. из Западной Сибири: 8, 10 – Сопка-II (по: [Молодин, Чикишева, 1990]); 9 – Ивановка-6 (по: [Бородовский, 1999])

Библиографический список

- Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертвенное приношение вещей гуннского облика в каменных оградах Алтын-Казгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №2. С. 68–78.
- Бажан И.А., Шукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 83–96.
- Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л. : ЛГУ, 1951. 254 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Начало хуннской эпохи на Саяно-Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 123–130.
- Богачев А. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken : Lambert Academie Publishing, 2011. 340 с.
- Богданов Е.С. Звери и птицы на обкладках гуннского седла из Мангышлака // Изобразительные и технологические традиции в ранних формах искусства. М.; Кемерово : ИА РАН, 2017. С. 65–77.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // ПАВ. 1993. №3. С. 73–88.

- Бородовский А.П. Украшения полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 283–287.
- Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 174 с.
- Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад. Каталог коллекции. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 118 с.
- Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск : ННГУ, 2005. 83 с.
- Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1. С. 106–127.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск : УрО РАН, 2006. 228 с.
- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 207 с.
- Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Уч. Записки ТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл : Тываполиграф, 1971. С. 93–106.
- Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // ВИ. 1989. №6. С. 64–78.
- Гумилев Л.Н. Хунну. Изд. 2-е. М. : Магия-Пресс, 1993. 212 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 109 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб. : Петербургское востоковедение, 1995. 92 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. 67 с. (САИ. Д4–7).
- Засецкая И.П. Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов. М. : Наука, 1982. С. 16–24.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб. : Эллипс, 1994. 221 с.
- Зыков А.П. Гуннские погребения села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы Сибири. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». Тобольск; Омск : УрО РАН, 2002. С. 47–50.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. Екатеринбург : Сократ, 2001. 174 с.
- Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л. : [Б.и.], 1926. 152 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. №24. С. 125–152.
- Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История Древнего мира. Упадок древних обществ. М. : Вост. литература, 1989. С. 243–254.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во Филологич. ф-та СПбГУ, 2005. 341 с.
- Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб. : Петроскандика, 2002. С. 150–194.
- Комиссаров С.А. Поясные пластины «ордосского типа», найденные на юге Китая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. С. 120–122.
- Кондратенко А.П. Западные хунны. Опыт этно-исторической идентификации // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 27–44.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : УрГУ, 1988. 238 с.
- Корякова Л.Н. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. 179 с.

- Крадин Н.Н. Империя Хунну. М. : Логос, 2001. 312 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 104 с.
- Кубарев В.Д. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 27–31.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1986. С. 101–119.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ, 1979. 208 с.
- Любчанский Н.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка-I. Тр. Музея-заповедника «Аркаим». Челябинск : ЧелГУ, 1999. С. 5–62.
- Мандельштам А.М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1975. С. 229–237.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл : ТНИИЯЛИ, 1980. С. 43–59.
- Мартынов А.И. О начале гуннской эпохи в степной Евразии (к проблеме номадизма) // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 33–36.
- Матющенко В.И. Катафрактерии на Иртыше // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 127–129.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука, 1997. 196 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1991. 52 с. Препринт.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 149 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1998. 172 с.
- Матвеева Н.П., Опенько М.Ю. Роговая бляха с гравированным изображением из Абатского 3 могильника // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск : ОмГУ, 1991. С. 41–45.
- Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. С. 29–34. (САИ. Д4–7).
- Миняев С.С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1978. С. 26–45.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 292–311. (Археология СССР).
- Молодин В.И. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 89–99.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1990. С. 161–179.
- Нащекин Н.В. Косогольский клад // АО 1966 г. М. : Наука, 1967. С. 163–165.
- Николаев Н.Н. Планиграфия могильника Бай-Даг-II // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, 2002. С. 260–263.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1987. 143 с.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Савинов Д.Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Алтая // КСИА. 1978. №154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ЭлекСис, 2009. 212 с.

Савинов Д.Г. Культурные контакты в Западносибирской части сферы влияния Хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею Т.Н. Троицкой. Новосибирск : НГПУ, 2010. С. 163–173.

Савинов Д.Г. Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте // Вестник КемГУ. Археология и история. Т. 6, №2. 2015. С. 145–150.

Савинов Д.Г. «Волчи» знамена на Великом шелковом пути // Труды V (XXI) археологического съезда в Барнауле. Т. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 128–132.

Савинов Д.Г. К иконографии образа всадника в изобразительной традиции Западной Сибири // Теория и практика археологических исследований. 2020. №1 (29). С. 71–87.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. 159 с.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М. : Б.и., 1968. 177 с.

Тишкин А.А. Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 40–45.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Якоман-II на Алтае как отражение материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Турбат Ц. Могилы рядовых хунну. Улан-Батор : Гос. ун-т образования Монголии, 2004. 180 с. (на монг. яз.).

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 129–163.

Худяков Ю.С. Хунны на Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 40–42.

Цэвээндорж Д. Новые памятники хуннской знати (Монголия) // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 13–16.

References

Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Zhertvennoe prinoshenie veshchey gunnskogo oblika v kamennyh ogradah Altyn-Kazgana na vostochnom beregu Kaspijskogo morya [The Sacrificial Offering of Things of the Xiongnu Appearance in the Stone Walls of Altyn-Kazgan on the Eastern Shore of the Caspian Sea]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. №2. Pp. 68–78.

Bazhan I.A., Shchukin M.B. K voprosu o vznikenovii polihromnogo stilya kluazonne epohi Velikogo pereseleniya narodov [To the Issue of the Emergence of the Polychrome Style of the Cloisonne of the Era of the Great Migration of Peoples]. ASGE. 1990. Issue 30. 1990]. Pp. 83–96.

Bernshtam A.N. Ocherki istorii gunnov [The Xiongnu History]. L. : LGU, 1951. 254 p.

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Nachalo hunnskoj epohi na Sayano-Altai [The Beginning of the Xiongnu Era in the Sayano-Altai]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2002. №1. Pp. 123–130.

Bogachev A. Slavyane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.e. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs, Germans, Xiongnu, Bulgarians on the Middle Volga in the 1st Millennium AD. Historical and Archaeological Research]. Saarbrücken : Lambert Academie Publishing, 2011. 340 p.

Bogdanov E.S. Zveri i pticy na obkladkah gunnskogo sedla iz Mangyshlaka [Beasts and Birds on the Lining of the Xiongnu Saddle from Mangyshlak]. Izobrazitelnye i tehnologicheskie tradicii v rannih formah iskusstva [Graphic and Technological Traditions in the Early Forms of Art]. M.; Kemerovo : IA RAN. 2017. Pp. 65–77.

Bokovenko N.A., Zaseckaya I.P. Proiskhozhdenie kotlov «gunnskogo» tipa Vostochnoj Evropy v svete hunno-gunnskih svyazey [The Origin of the “Xiongnu” Type Boilers of Eastern Europe in the Light of the Xiongnu-Hun Relations]. PAV. 1993. №3. Pp. 73–88.

Borodovskij A.P. Ukrasheniya polihromnogo stilya iz Novosibirskogo Priob'ya [Polychrome Style Ornaments from the Novosibirsk Ob Region]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. T. V [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. V]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 283–287.

Borodovskij A.P. Drevnij reznoj rog Yuzhnoj Sibiri [Ancient Carved Horn of Southern Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2007. 174 p.

Borodovskij A.P., Larichev V.E. Iyusskij klad. Katalog kolekcii [Iyussky Treasure. Collection Catalog]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. 118 p.

Borodovskij A.P., Obolenskij A.A., Babich V.V., Borisenko A.S., Morcev N.K. Drevnee srebro Sibiri [Ancient Silver of Siberia]. Novosibirsk : NPGU, 2005. 83 p.

Botalov S.G. Hunny i gunny [Xiongnu and Huns]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2003. №1. Pp. 106–127.

Botalov S.G., Tairov A.D., Lyubchanskij I.E. Kurgany s «usami» Uralo-Kazahstanskih stepej [Mounds with Ridges of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk : UrO RAN, 2006. 228 p.

Viktorova V.D. Drevnie ugry v lesah Urala [Ancient Ugrians in the Forests of the Urals]. Ekaterinburg : UrO RAN, 2008. 207 p.

Grach A.D. Novye dannye o drevnej istorii Tuvy [New Data on the Ancient History of Tuva]. Uch. Zapiski TNIIYaLI. Vyp. XV [Scientific Notes TNIIYaLI. Issue XV]. Kyzyl : Tyvapoligraf, 1971. Pp. 93–106.

Gumilev L.N. Hunny v Azii i Evrope [Xiongnu in Asia and Europe]. VI. 1989. №6. Pp. 64–78.

Gumilev L.N. Hunnu [Xiongnu]. Izd. 2-e. M. : Magiya-Press. 1993. 212 p.

Davydova A.V. Ivolginskij kompleks – pamyatnik hunnu v Zabajkale [Ivolginsky Complex – a Xiongnu Site in Transbaikalia]. L. : Izd-vo LGU, 1985. 109 p.

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. T. I. Ivolginskoe gorodishche [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. I. Ivolginsky Settlement]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1995. 92 p.

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. T. II. Ivolginskij mogil'nik [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. II. Ivolginsky Burial Ground]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. 176 p.

Devlet M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. [Siberian Waist Openwork Plates of the 2nd Century BC. – I Century AD]. M. : Nauka, 1980. 67 p. (SAI. D4–7).

Zaseckaya I.P. Klassifikaciya polihromnyh ukrashenij gunnskoj epohi po stilisticheskim dannym [Classification of Polychrome Ornaments of the Xiongnu Era according to Stylistic Data]. Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov [Antiquities of the Great Migration Period]. M. : Nauka? 1982. Pp. 16–24.

Zaseckaya I.P. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskih stepej v gunnskuyu epohu (konec IV–V vv.) [The Culture of Nomads of the Southern Russian Steppes in the Xiongnu Era (late 4th – 5th Centuries)]. SPb. : El-lips, 1994. 221 p.

Zykov A.P. Gunnskie pogrebeniya sela Chernoozer'e i problema etnokul'turnoj situacii v lesostepnom Priirtysh'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Xiongnu Burials of the Black Lake Village and the Problem of Ethnocultural Situation in the Forest-Steppe Irtysh in the Era of the Great Migration of Peoples]. Tyurkskie narody Sibiri. Materialy V Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie Zapadnoj Sibiri» [Turkic Peoples of Siberia. Materials of the V Siberian Symposium "Cultural Heritage of Western Siberia"]. Tobol'sk; Omsk : UrO RAN, 2002. Pp. 47–50.

Zykov A.P., Fedorova N.V. Holmogorskij klad. Kollekcija drevnostej III–IV vv. [Kholmogorsky Treasure. A Collection of Antiquities of the 3rd – 4th Centuries]. Ekaterinburg : Sokrat, 2001. 174 p.

Inostrancev K.A. Hunnu i gunny [Xiongnu and Huns]. L. : [B. i.], 1926. 152 p.

Kilunovskaya M.E., Leus P.M. Novye materialy ulug-hemskoj kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. AV. 2018. №24. Pp. 125–152.

Klyashtornyj S.G. Gunnskaya derzhava na Vostoke (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [The Xiongnu Power in the East (the 3rd Century BC – 4th century AD)]. Istoriya Drevnego mira. Upadok drevnih obshchestv [History of the Ancient World. The Decline of Ancient Societies]. M. : Vost. literatura, 1989. Pp. 243–254.

Klyashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : Izd-vo Filologich. f-ta SPbGU, 2005. 341 p.

Kovalev A.A. Proiskhozhdenie hunnu согласно dannym istorii i arheologii [The Origin of the Xiongnu according to Historical and Archeological Data]. Evropa – Aziya: Problemy etnokul'turnyh kontaktov [Europe – Asia: Problems of Ethnocultural Contacts]. SPb. : Petroskandika, 2002. Pp. 150–194.

Komissarov S.A. Poyasnye plastiny «ordosskogo tipa», najdennye na yuge Kitaya [Belt Plates of the "Ordos Type" Found in Southern China]. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri [Recent Archaeological and Ethnographic Discoveries in Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1996. Pp. 120–122.

Kondratenko A.P. Zapadnye hunny. Opyt etno-istoricheskoy identifikacii [Western Xiongnu]. The Experience of Ethno-Historical Identification]. Etnokul'turnye processy v Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v I–II tysyacheletii n.e. [Ethnocultural Processes in South Siberia and Central Asia in the 1st – 12nd Millennium AD]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1994. Pp. 27–44.

Koryakova L.N. Rannij zheleznyj vek Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri (sargatskaya kul'tura) [Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk : UrGU, 1988. 238 p.

Koryakova L.N. Kul'tura zaural'skih skotovodov na rubezhe er [The Culture of the Trans-Ural Pastoralists at the Yurn of the Eras]. Ekaterinburg : UrO RAN, 1997. 179 p.

Kradin N.N. Imperiya Hunnu [The Xiongnu Empire]. M. : Logos, 2001. 312 p.

Kradin N.N., Danilov S.V., Konovalov P.B. Social'naya struktura hunnu Zabajkal'ya [The Social Structure of the Xiongnu of Transbaikalia]. Vladivostok : Dal'nauka, 2004. 104 p.

Kubarev V.D. Uzdechnyj nabor v polihromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyj Altaj) [Polychrome Style Bridle Set from the Arzhan-Buguzun Site (Southeast Altai)]. Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii [Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. Pp. 27–31.

Kubarev V.D., Zhuravleva A.D. Keramicheskoe proizvodstvo hunnov Altaya [Ceramic Production of Altai Xiongnu]. Paleoeconomika Sibiri [Paleo-Economics of Siberia]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1986. Pp. 101–119.

Kyzlasov L.R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th Century)]. M. : MGU, 1979. 208 p.

Lyubchanskij N.E., Tairov A.D. Arheologicheskoe issledovanie kompleksa kurgan s «usami» Solonchanka I [Archaeological Research of the Complex Barrow with a Ridges Solonchanka I]. Kurgan s «usami» Solonchanka-I. Tr. Muzeya-zapovednika «Arkaim» [Barrow with Ridges Solonchanka-I. Tr. Museum-reserve "Arkaim"]. Chelyabinsk: ChelGU, 1999. Pp. 5–62.

Mandel'shtam A.M. K gunnskoj probleme [To the Xiongnu Problem]. Sootnoshenie drevnih kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nyh territorij [Correlation of Ancient Cultures of Siberia with Cultures of Adjacent Territories]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1975. Pp. 229–237.

Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. O nekotoryh problemah istorii rannih kochevnikov Tuvy [About Some Problems of the History of the Early Nomads of Tuva]. Novejshie issledovaniya po arheologii Tuvy i etnogenezu tuvincev [Recent Studies on the Archeology of Tuva and the Ethnogenesis of Tuvans]. Kyzyl : TNIIYaLI, 1980. Pp. 43–59.

Martynov A.I. O nachale gunnskoj epohi v stepnoj Evrazii (k probleme nomadizma) [About the Beginning of the Xiongnu Era in Eurasian Steppe (to the problem of nomadism)]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1. [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 33–36.

Matyushchenko V.I. Katafraktarii na Irtyshe [Cataphracts on the Irtysh]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 127–129.

Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Sidorovka Burial Ground in the Omsk Irtysh]. Novosibirsk: Nauka, 1997. 196 p.

Matveev A.V., Matveeva N.P. Savinovskij mogil'nik sargatskoj kul'tury. Itogi polevyh issledovanij [Savinovsky Burial Ground of the Sargat Culture. Field Research Results]. Tyumen' : In-t problem osvoeniya Severa SO RAN, 1991. 52 p. Preprint.

Matveeva N.P. Rannij zheleznyj vek Priishim'ya [The Early Iron Age of Priishimye]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 149 p.

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [Sargat Culture on the Middle Tobol]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 172 p.

Matveeva N.P., Open'ko M.Yu. Rogovaya blyaha s gravirovannym izobrazheniem iz Abatskogo 3 mogil'nika [Horny Plaque with an Engraved Image from the Abat 3 Burial Ground]. Problemy izucheniya sargatskoj kul'tury [Problems of the Study of the Sargat Culture]. Omsk : OmGU, 1991. Pp. 41–45.

Minyaev S.S. Proizvodstvo i rasprostranenie pojasnyh plastin s zoomorfnyimi izobrazheniyami (po dannym spektral'nogo analiza) [Production and Distribution of Waist Plates with Zoomorphic Images (according to spectral analysis)]. Devlet M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny. II v. do n.e. – I v. n.e. [Devlet M.A. Siberian Waist Openwork Plates. The 2nd c. BC – the 1st Century AD]. M. : Nauka, 1980. Pp. 29–34. (SAI. D4–7).

Minyaev S.S. Rezul'taty spektral'nogo analiza Kosogol'skogo klada [The Results of Spectral Analysis of the Kosogol Treasure]. Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoj Sibiri [Ethnocultural History of the Population of Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1978. Pp. 26–45.

Mogil'nikov V.A. Sargatskaya kul'tura [Sargat Culture]. Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 292–311. (Arheologiya SSSR).

Molodin V.I. Pamyatnik Yarkhoto v kontekste gunnskoj problemy [The Yarkhoto Site in the Context of the Xiongnu Problem]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. No3. Pp. 89–99.

Molodin V.I., Chikisheva T.A. Pogrebenie voina IV–V vv. v Barabe [The Burial of a Warrior of the 4th – 5th Centuries in Baraba]. Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoj i Central'noj Azii [Military Affairs of the Ancient and Medieval Population of North and Central Asia]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1990. Pp. 161–179.

Nashchekin N.V. Kosogol'skij klad [Kosogolsky Treasure]. AO 1966. M. : Nauka, 1967. Pp. 163–165.

Nikolaev N.N. Planigrافيya mogil'nika Baj-Dag-II [The Planigraphy of the Bai-Dag-II Burial Ground]. Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova. Kn. 2 [Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. On the Occasion of the 100th Birthday of M.P. Gryaznov. Book 2]. SPb. : IIMK RAN, 2002. Pp. 260–263.

Polos'mak N.V. Baraba v epohu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1987. 143 p.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noin-Ulinskie kurgany [The Xiongnu Culture and Noin-Ula Mounds]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 206 p.

Savinov D.G. Pogrebenie s bronzovoj blyahoj v Central'noj Tuve [The Burial with a Bronze Badge in Central Tuva]. KSIA. 1969. Issue 119. Pp. 104–108.

Savinov D.G. O zavershayushchem etape kul'tury rannih kochevnikov Altaya [On the Final Stage of the Culture of the Early Nomads of Altai]. KSIA. 1978. №154. Pp. 48–55.

Savinov D.G. Minusinskaya provinciya Hunnu (po materialam arheologicheskikh issledovanij 1984–1989 gg.) [Minusinsk Xiongnu Province (based on archaeological research from 1984–1989)]. SPb. : ElekSis, 2009. 212 p.

Savinov D.G. Kul'turnye kontakty v Zapadnosibirskoj chasti sfery vliyaniya Hunnu [Cultural Contacts in the West Siberian part of the Xiongnu Sphere of Influence]. Arheologicheskie izyskaniya v Zapadnoj Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee. K yubileyu T.N. Troickoj [Archaeological Surveys in Western Siberia: Past, Present, Future. To the anniversary of T.N. Troitskaya]. Novosibirsk : NGPU, 2010. Pp. 163–173.

Savinov D.G. Nahodki hunnskikh hudozhestvennyh bronz v istoricheskom kontekste [The Finds of Xiongnu Artistic Bronzes in a Historical Context]. Vestnik KemGU. Arheologiya i istoriya [Bulletin of KemSU. Archaeology and History. Vol. 6, №2]. 2015. Pp. 145–150.

Savinov D.G. «Volch'i» znamenata na Velikom shelkovom puti [“Wolf” Banners on the Great Silk Road]. Trudy V (XXI) arheologicheskogo s'ezda v Barnaule. T. 2 [Proceedings of the 5th (XXI) Archaeological Congress in Barnaul. Vol. 2]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 128–132.

Savinov D.G. K ikonografii obraza vsadnika v izobrazitel'noj tradicii Zapadnoj Sibiri [On Iconography of the Image of a Horseman in the Visual Tradition of Western Siberia]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2020. №1 (29). Pp. 71–87.

Soenov V.I. Arheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoj epohi (opisanie, sistematika, analiz) [Archaeological sites of the Altai Mountains of the Xiongnu-Sarmatian Era (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altajsk : In-t altaistiki im. S.S. Surazakova, 2003. 159 p.

Taskin V.S. Materialy po istorii syunnu. Vyp. 1 [Materials on the History of the Xiongnu. Vol. 1]. M. : [B.i.], 1968. 177 p.

Tishkin A.A. Predmety torevtiki hunnskogo vremeni iz pamyatnika Yaloman-II (Central'nyj Altaj) [Xiongnu Toreutics from the Yaloman II Site (Central Altai)]. Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii [Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. Pp. 40–45.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Issledovaniya pogrebal'no-pominal'nyh pamyatnikov kochevnikov v Central'nom Altae [Investigations of the Funerary and Memorial Sites of Nomads in Central Altai]. Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. T. IX. Ch. 1 [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. IX, Part 1]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 488–493.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Predmetnyj kompleks iz pamyatnika Yakoman-II na Altae kak otrazhenie material'noj kul'tury hunnu [The Object Complex from the Yakoman II Site in Altai as a Reflection of the Material Culture of the Xiongnu]. Sociogenez v Severnoj Azii [Sociogenesis in North Asia]. Irkutsk : IrGTU, 2005. Part 1. Pp. 327–333.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Gornyj Altaj v hunnskoe vremya: kul'turno-hronologicheskij analiz arheologicheskikh materialov [The Altai Mountains in the Xiongnu Time: Cultural-Chronological Analysis of Archaeological Materials]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2006. №3. Pp. 31–40.

Turbat C. Mogily ryadovyh hunnu [Graves of Ordinary Xiongnu]. Ulan-Bator : Gos. un-t obrazovaniya Mongolii, 2004. 180 p.

Umanskij A.P. Pogrebenie epohi «Velikogo pereseleniya narodov» na Charyshe [Burial of the Era of the “Great Migration of Peoples” on the Charysh]. Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoj Sibiri [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 129–163.

Hudyakov Yu.S. Hunny na Sayano-Altai [The Xiongnu in the Sayano-Altai]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of the Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 40–42.

Ceveendorzh D. Novye pamyatniki hunnskoj znati (Mongoliya) [New Sites of the Xiongnu Nobility (Mongolia)]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 13–16.

D.G. Savinov

Saint Petersburg State University, Institute of History, Saint Petersburg, Russia

**THE SEQUENCE AND DYNAMICS
OF THE SPREAD OF THE INFLUENCE
OF XIONGNU TRADITIONS FROM EAST TO WEST
(and from West to East?)**

The question of the relationship between the Central Asian Huns (Xiongnu) and the Eastern European Huns, despite a large number of works devoted to this, remains debatable. In the article, based on the archaeological sources considered in the historical context, it is solved positively; the following sequence of its consideration is established. The author substantiates the concept of the “Hun triad” (certain types of weapons, jewelry, bronze cauldrons), which characterizes the ranked military subculture of the Hun. The article deals with the cultural features of the immediate environment of the ethnic and social Association of Hunnu-Tuva, Minusinsk basin, and Gorny Altai (conditionally – “near circle”). The article presents archaeological data on the spread of the carriers of this cultural complex to the territory of Western Siberia (according to L.N. Gumilyov), namely the Sargat cultural and historical community (conditionally-“far circle”), which became the place of Exodus of the descendants of the Xiongnu/Huns when moving to the West. The author traces the preservation of elements of the military subculture of the Huns in the materials of Eastern European nomads (according to I.P. Zasetsky), with the replacement of the iconic types of jewelry – bronze products to the product of the polychrome style. For the first time the article raises the question about the possibility of “reverse” movement of the Huns to Central Asia, followed closely by manifestations of old traditions, first and foremost, the findings of polychromatic products in a number of sites of the East of the Urals and Kazakhstan, Western Siberia and Altai.

Key words: Hunnu, culture, onion, cauldrons, ornaments, ranked complex, tradition, Western Siberia, Altai

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902:543.51(571.1)

Е.Г. Вертман¹, Л.М. Плетнёва²

¹Русское географическое общество, Томск, Россия;

²Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗОВ МЕТОДОМ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ С ИНДУКТИВНО СВЯЗАННОЙ ПЛАЗМОЙ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

В статье дан морфологический анализ предметов торевтики поясных наборов и конских уздечек из курганов Басандайского могильника и могильника у устья Малой Киргизки. Погребения из курганов №27 и 77 из могильника у устья Малой Киргизки по погребальному обряду и найденным в них предметам являются «элитными». Это воины-всадники. В первом из них найдена португеза, возможно, с частью пояса, а во втором – пояс, украшенный позолоченными бляхами. Эти предметы указывают на высокий социальный статус погребенных людей. Всего из двух могильников на анализ было отобрано 11 предметов. Для изучения технологий изготовления металлических предметов торевтики применен метод масс-спектрометрического анализа с индуктивно связанной плазмой на 61 элемент (ИСП-МС). По химическому составу выделены четыре типа медных сплавов: медь, бронза свинцовистая, бронза оловянно-свинцовистая, лагунь. Часть предметов позолочена с применением амальгирования. Возможно, для позолоты использовался также сплав золота с серебром типа «электрум». Выявлены конструктивные особенности металлических частей воинских поясов и уздечек, а также способы их изготовления.

Ключевые слова: Томское Приобье, развитое Средневековье, пояс воина, португеза, уздечка, торевтика, анализ методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС)

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-04

Введение

В настоящее время междисциплинарный подход к исследованию археологического материала становится все более признанным. Интеграция археологии и естественных наук позволяет получить дополнительную количественную и качественную информацию. При изучении артефактов (кроме морфологического анализа) можно применять метод масс-спектрометрического мультиэлементного анализа с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС) для определения химического состава металла [Вертман, Федюнина, 2009; Вертман и др., 2009; Вертман, 2015] по методике «МВИ №002-ХМС-2009, ФР.1.31.2010.06998» III категории точности, разработанной в аккредитованном ООО «Химико-аналитический центр «Плазма» (ООО «ХАЦ «Плазма») на масс-спектрометре ELAN DRC-E фирмы «PerkinElmer Instruments LLS». Универсальность метода делает его особенно удобным для решения задач археологии. Основными преимуществами метода являются высокая чувствительность, широкий диапазон определяемых содержаний ($100 - 1 \times 10^{-6}$ масс. %) для 62 элементов. Точность анализа ИСП-МС соответствует 5% при высокой правильности, обеспечиваемой контрольными измерениями государственных стандартных образцов состава (ГСО) и аттестованными методиками анализа.

Метод позволяет работать с малым количеством вещества (0,1–0,001 г). Высокие метрологические параметры метода ИСП-МС, а также возможность одновременного

определения макро- и микросодержаний элементов в одной и той же навеске одним и тем же методом позволяет производить количественное сравнение химического состава предметов и выявлять достоверные критерии их подобия или отличия, что важно для идентификации артефактов.

Материалы и результаты исследований

Каждый средневековый воин имел пояс (редко два), так как к поясу крепилось оружие. Основа пояса изготовлялась из кожи, ткани, бересты и других материалов. Украшением и определителем социального статуса воина по поясу являлись прикрепленные к нему бронзовые, серебряные, золотые, нефритовые и железные бляхи, часто с отверстиями в нижней части этих блях для продергивания дополнительных ремешков, также имеющих украшения. Иногда сохраняются портупейные ремни, которыми к поясу прикреплялось оружие.

Источниками для анализа являются несколько предметов торевтики, использованных для украшения поясных наборов и узды коня из могильника у устья Малой Киргизки и Басандайского курганного могильника.

Могильник у устья Малой Киргизки (МУМК). Погребение-2 в кургане №27 МУМК относится к «элитным». В нем были найдены следующие предметы: палаш, пояс-портупея (рис. 1), железные наконечники стрел, железные предметы от колчана, части конского седла, стремяна, захоронение коня (череп, передние и задние конечности). На черепе коня сохранились части уздечки с удилами, нащечными металлическими пластинами и пластиной с султанчиком на наносном ремне [Плетнёва, 2011, с. 145–148].

Сохранность кожаного пояса-портупеи была такова, что из захоронения извлекли восемь фрагментов ремня, украшенных бляхами. При этом большинство металлических украшений уверенно держались на ремне в месте крепления. Они штамповались из тонкой листовой меди. Сохранились 52 бляхи, а часть их полностью окислилась и рассыпалась. Бляхи были пятиугольной формы, с острым мысыком с одного конца и V-образной выемкой с другого. Они обведены нервюрой, нервюра проходит и по середине блях (рис. 1). Интересен способ крепления блях к ремню с помощью медных скоб,

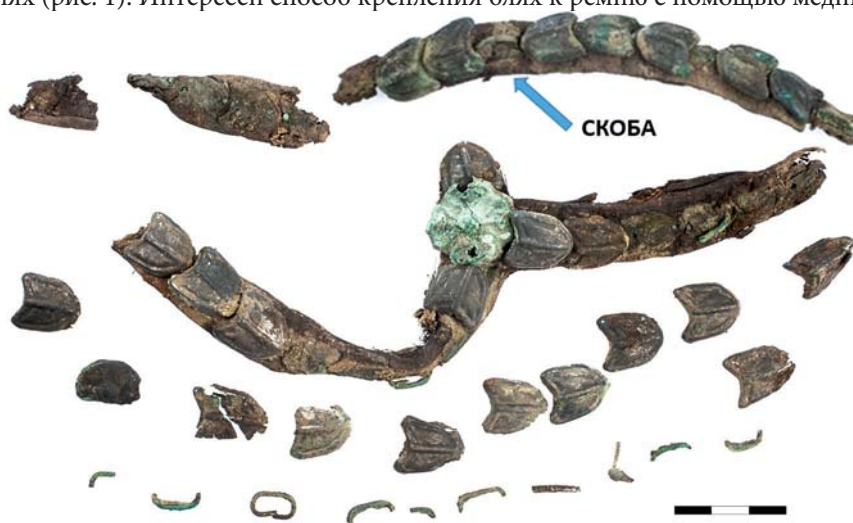

Рис. 1. МУМК. Курган №27, погребение-2. Фрагменты портупеи

которые припаивались к изделиям с обратной стороны. На рис. 1 видно, что третья слева бляха верхнего фрагмента отсутствует и видна проволочная скоба, концы которой протыкают ремень и загибаются с его обратной стороны. В нижней части рисунка показаны одна целая и несколько обломков скоб крепления блях. На перекресте ремней прикреплена бляха большего размера в виде четырехлепестковой розетки с нервюрной обводкой и фигурным краем. В центре бляхи нервюрой выделен кружок. Детали портупей зафиксированы в памятниках IX–XI вв. в северо-западных предгорьях Алтая. Ремни портупей украшены бронзовыми и серебряными бляхами [Могильников, 2007, с. 116].

Для ИСП-МС анализа были взяты пробы металла одной бляхи пояса-портупей, одной из нащечных пластин узды и пластины с султанчиком от наносного ремня (табл. 1).

Таблица 1

Химический состав металла поясной и уздечной гарнитуры из МУМК.

Масс-спектрометрический анализ ИСП-МС (% масс), ООО ХАЦ «Плазма», Томск

Шифр пробы, место взятия, фото артефакта	Бляха портупей. МУМК, К27, п. 2	Пластин нащечные. МУМК, К27, п. 2, №718	Пластина наносная. МУМК, К27, п. 2 №717	Пряжка. МУМК, К35, п. 1, №735	Обойма. МУМК, К43, п. 2, №627	Бляха большая, окисел. МУМК, К77	Пластина с обратной стороны большой бляхи, окисел. МУМК, К77
	1	2	3	4	5	6	7
ЭЛЕМЕНТ	СОДЕРЖАНИЕ, %						
Бериллий (Be)	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001
Натрий (Na)	0,0080	0,13	0,0051	0,0079	0,0088	0,0057	0,011
Магний (Mg)	0,0098	0,050	0,012	0,0080	0,013	0,013	0,017
Алюминий (Al)	0,059	0,49	0,027	0,0069	0,025	0,071	0,058
Фосфор (P)	0,61	0,0084	0,0038	0,0032	0,0055	0,0058	0,0044
Калий (K)	0,013	0,10	0,0044	0,0048	0,0020	0,012	0,0097
Скандий (Sc)	<0,0001	0,00055	0,00017	<0,0001	0,00077	<0,0001	0,00020
Титан (Ti)	0,0098	0,028	0,0028	0,0018	0,0036	0,0039	<0,001
Ванадий (V)	<0,0001	0,00087	0,00031	0,0019	0,0016	0,00051	0,0022
Хром (Cr)	0,00056	0,0024	0,00074	0,0027	0,0027	0,00060	0,0018
Марганец (Mn)	0,0021	0,0071	0,0014	0,0061	0,0046	0,0018	0,0041
Железо (Fe)	1,00	0,36	0,042	0,66	0,18	0,059	0,033
Кобальт (Co)	0,000078	0,0038	0,00042	0,00018	0,0074	0,000018	0,000052
Никель (Ni)	0,0023	0,017	0,0017	0,025	0,037	0,000074	0,000045
Медь (Cu)	95,42	63,38	98,44	87,00	88,83	0,57	0,32
Цинк (Zn)	0,018	13,1	1,25	9,48	2,71	0,0035	0,022
Галлий (Ga)	0,000032	0,00039	0,000035	0,00017	0,0011	0,000032	0,000087
Германий (Ge)	0,000010	0,000069	<0,00001	0,00023	0,00022	<0,00001	0,000020
Мышьяк (As)	0,0046	0,089	0,0099	0,034	0,15	0,00031	0,0015
Селен (Se)	0,0011	0,0023	0,00051	0,0067	0,0044	0,00010	0,00029
Рубидий (Rb)	0,000060	0,00042	0,000015	0,000053	0,0000074	0,000085	0,000055

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Стронций (Sr)	0,0016	0,0020	0,00018	0,00018	0,00019	0,00015	0,00016
Иттрий (Y)	0,000024	0,00016	0,000025	0,000041	0,00012	0,000026	0,000047
Цирконий (Zr)	0,000083	0,00056	0,00014	<0,00001	0,00022	0,00011	0,00019
Ниобий (Nb)	0,000017	0,00023	0,000033	0,000068	0,00041	0,000043	0,000077
Молибден (Mo)	0,000018	0,000010	0,000013	0,000059	0,000095	0,0000073	0,000014
Рутений (Ru)	<0,00001	0,000023	<0,00001	0,000031	0,000029	<0,00001	<0,00001
Серебро (Ag)	0,085	0,054	0,0040	0,074	0,18	0,10	0,56
Кадмий (Cd)	0,000013	0,000024	0,0000033	<0,000001	0,0000067	0,0000085	0,0000020
Индий (In)	0,00020	0,0013	0,00010	0,000013	0,00067	0,0000021	<0,000001
Олово (Sn)	0,65	1,47	0,11	0,11	1,84	0,00032	0,0020
Сурьма (Sb)	0,018	0,030	0,0034	0,023	0,079	0,000015	0,00038
Теллур (Te)	0,013	0,00017	0,000013	0,0023	0,0020	0,00015	0,000031
Цезий (Cs)	0,0000061	0,000016	0,0000022	<0,000001	0,0000043	0,0000048	0,0000014
Барий (Ba)	0,0029	0,0036	0,00041	0,00048	0,0013	0,0010	0,00048
Лантан (La)	0,000033	0,00013	0,000017	0,0000099	0,000060	0,000030	0,000031
Церий (Ce)	0,000052	0,00019	0,000031	0,0000093	0,000053	0,000065	0,000044
Празеодим (Pr)	0,0000074	0,000030	0,0000032	0,0000027	0,000019	0,0000069	0,000011
Неодим (Nd)	0,000027	0,00013	0,0000082	0,000013	0,000078	0,000027	0,000033
Самарий (Sm)	0,0000058	0,000034	0,0000023	<0,000001	0,000019	0,0000061	0,000010
Европий (Eu)	0,0000015	0,000011	<0,000001	<0,000001	0,0000039	<0,000001	<0,000001
Гадолиний (Gd)	0,0000047	0,000020	<0,000001	<0,000001	0,000022	0,0000057	0,0000017
Тербий (Tb)	0,0000011	0,0000045	<0,000001	0,0000020	0,0000048	<0,000001	<0,000001
Диспрозий (Dy)	0,0000038	0,000027	<0,000001	<0,000001	0,0000050	0,0000070	<0,000001
Гольмий (Ho)	0,0000014	0,0000045	<0,000001	0,0000017	0,0000084	0,0000019	0,0000051
Эрбий (Er)	0,0000022	0,0000083	<0,000001	<0,000001	0,0000024	0,0000033	0,0000023
Тулий (Tm)	<0,000001	0,0000017	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Иттербий (Yb)	0,0000020	0,0000098	<0,000001	<0,000001	0,0000040	0,0000015	<0,000001
Лютеций (Lu)	<0,000001	0,0000026	<0,000001	<0,000001	0,0000026	<0,000001	<0,000001
Гафний (Hf)	0,0000014	0,000012	0,0000019	<0,000001	0,0000068	0,0000030	<0,000001
Тантал (Ta)	<0,000001	0,0000031	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Вольфрам (W)	0,000013	0,0000082	0,0000014	0,000017	0,000021	0,0000015	0,0000049
Рений (Re)	<0,000001	0,0000059	0,0000014	<0,000001	0,0000072	<0,000001	<0,000001
Платина (Pt)	0,000036	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,00039	0,000011
Золото (Au)	0,29	0,0012	0,000037	0,0012	0,0062	5,51	0,10
Ртуть (Hg)	0,00046	0,0000055	<0,000001	0,000026	0,000075	0,00021	0,000067
Таллий (Tl)	<0,000001	0,0000062	<0,000001	0,0000030	0,0000067	0,000011	<0,000001
Свинец (Pb)	1,74	0,67	0,074	2,44	5,84	0,0061	0,014
Висмут (Bi)	0,032	0,0050	0,00046	0,097	0,056	0,0099	0,00038
Торий (Th)	0,0000066	0,000025	0,0000039	0,0000027	0,0000012	0,000010	0,0000044
Уран (U)	0,0000022	0,0000051	0,0000013	0,0000066	<0,000001	0,0000017	<0,000001

Погребение в кургане №77 МУМК также относится к «элитным». Зафиксировано захоронение с черепом и конечностями коня в ногах человека. С погребенным найдены железные наконечники стрел, нож, тесло-топор, кресало с кремнем, крючок, удила и железные предметы плохой сохранности. Уникальной находкой является парадный пояс знатного человека (рис. 2) [Плетнёва, 1997, с. 65].

Пояс изготовлен из кожаного ремня, ширина которого составляла 1,5–1,7 см на момент изъятия из погребения. К настоящему времени его ширина сократилась до 1,1–1,2 см. Ремень был несколько раз подогнут. Под ним прослежены в двух местах фрагменты ткани. Видимо, полоска плотной ткани пришивалась к ремню с тыльной стороны, чтобы прикрыть острые концы проволочных скобок, крепящих накладные бляхи, которые могли повредить

Рис. 2. МУМК, курган №77. Фрагменты пояса

одежду воина под ремнем. Ремень был украшен металлическими бляхами, из которых сохранилось 19 шт. Бляхи изготовлены методом штамповки и позолочены. Они выполнены в виде четырехлепестковой розетки с выемками по краю и обведены нервюрой (рис. 3). Два лепестка объединяет фигурка выпуклого овального тела «пчелки» и вогнутого кружка (ее головки). В двух других противоположающихся лепестках бляхи пробиты отверстия.

Кроме описанных блях сохранились три больших бляхи парадного пояса, служащих для соединения двух ремней, пересекающихся под прямым углом (рис. 4).

В центре больших блях находится нервюрная прямоугольная рамка. В ней расположен восьмилепестковый цветок, в его центре – четырехлепестковая розетка. За рамкой с каждой из ее сторон выполнен узор в виде трех дуг с тремя штрихами.

Описанные выше бляхи выполнены из тонкого (менее 0,3 мм) листового металла методом штамповки и позолочены. Следует отметить сложность и многоплановость содержания тонкого рисунка блях, что требовало высокого мастерства изготовления штампа при его достаточно высокой твердости. Полости с обратной стороны больших блях закрыты металлическими пластинами, точно подогнанными и вставленными в полость заподлицо с краями блях. Пластины отлиты вместе со скобами для крепления блях на ремнях. Кроме того, на ремне были зафиксированы два бронзовых тренчика с фигурными краями и пряжка с овальной рамкой и щитком. На одной пластине сохранились две целых скобы и небольшие выступы от третьей. Две скобы расположены параллельно, а третья – перпендикулярно к ним. На пластинах двух других блях имеется по две параллельных скобы.

Рис. 3. МУМК, курган №77. Малые бляхи пояса

Рис. 4. МУМК, курган №77. Большая бляха с лицевой и оборотной сторон

Полученные результаты анализа методом ИСП-МС, показавшие высокое содержание золота (0,10; 0,29; 5,51%) в пробах малой и большой блях и вставной пластины (табл. 1), подтверждают наши предположения о том, что желтый цвет покрытия их поверхности определяется позолотой (табл. 1). Поскольку позолота блях покрывает их поверхность со всех сторон, можно предположить, что золочение проводилось с их предварительной химической очисткой, погружением в амальгаму золота (раствор золота в ртути) и последующим нагреванием изделия для полного выпаривания ртути. Такое «огневое» амальгамное золочение весьма опасно для его исполнителей (возможно отравление парами ртути). В пользу того, что применялась такая технология золочения, свидетельствует хорошая сохранность позолоты на бляхах, хотя, возможно, мастера того времени владели и другими способами золочения [Горбунова и др., 2008, 2009].

Кроме описанных малых и больших блях были выполнены анализы ИСП-МС еще двух предметов из разных захоронений курганов МУМК. Пряжка отлита из медного сплава, макросостав которого содержит 87%

Рис. 5. МУМК. Курган №35, погребение-1.
Пряжка от пояса

Рис. 6. МУМК. Курган №43, погребение-2.
Обойма от пояса

макросостав которого содержит 87% меди, 9,48% цинка и 2,44% свинца (рис. 5, табл. 1). Такой сплав меди, легированный цинком, относится к латуням.

Обойма с двумя бортиками из погребения-2 кургана №43 отлита также из латуни (рис. 6). Ее макроэлементный состав: медь – 88,83%, цинк – 2,71%, мышьяк – 0,15%, серебро – 0,18%, олово – 1,84%, свинец – 5,84% (табл. 1).

ИСП-МС анализ наносной пластины с султанчиком из комплекта уздечки (рис. 7) показал, что он выполнен из меди (98,44%) с повышенным содержанием цинка (1,25%) (табл. 1). Пластина с лицевой стороны окантована выпуклой насечкой и параллельно – чеканкой маленьких кружков в один ряд. К ремню пластина крепится шестью сквозными заклепками, расклепанными с обратной стороны ремня. В центр пластины вставлена трубочка (султанчик) с пучком конских волос, конец которой надрезан и разогнут с тыльной стороны пластины [Плетнева, 2011, рис.1].

ИСП-МС анализ металлических нащечных пластин (рис. 8) от уздечки из погребения-2 кургана №27 МУМК показал, что они выполнены из латуни, то есть с более высоким содержанием цинка (медь – 63,38%, цинк – 13,1%, табл. 1).

Рис. 7. МУМК. Курган №27, погребение-2. Пластина с султанчиком от наносного ремня узды

Высокочувствительный ИСП-МС анализ позволил количественно охарактеризовать по содержанию 61 элемента химический состав медных сплавов образцов поясной торевтики курганной группы у устья речки Малая Киргизка времени развитого Средневековья (табл. 1).

Три предмета (пряжка, обойма, нащечная пластина) из пяти проанализированных изделий выполнены из латуни (из медного сплава, легированного цинком от 2,71 до 13,1%). При этом они дополнительно легированы свинцом (от 0,67 до 5,84%), а два из них – еще и оловом (от 1,47 до 1,84%). Поскольку содержание свинца и олова сравнительно низкое, видимо, главным был процесс легирования цинком. При этом для получения сплава использовались куски вторичной бронзы неизвестного химического состава. Пластина с султанчиком выполнена из меди, но с повышенным содержанием цинка – до 1,25%.

Следует также отметить, что химический состав малых блях, украшающих португепу (рис. 1), существенно отличается от металла других предметов как по макро-, так и по микросоставу. Их макросостав близок к составу нелегированной чистой меди (95,4%) при повышенном содержании железа (1%) и свинца (1,74%). А вот содержание других элементов более чем на порядок ниже, чем в сплавах других предметов. Однако содержание золота (0,29%) в 100–1000 раз выше, чем в сплавах других предметов. Это объясняется тем, что при отборе пробы в нее попал кусочек позолоты бляхи. Следовательно, медный сплав малых блях португепи не легирован золотом, и его содержание близко к его низкому значению в сплавах других исследованных предметов, а бляхи португепи соответственно позолочены.

Микросостав сплава, в который на уровне содержаний 0,000 001% входят в основном редкоземельные элементы (лантан (La), церий (Ce), празеодим (Pr), неодим (Nd), самарий (Sm), европий (Eu), гадолиний (Gd), тербий (Tb), диспрозий (Dy), гольмий (Ho), эрбий (Er), тулий (Tm), иттербий (Yb), лютеций (Lu), гафний (Hf)) и радиоактивные элементы (торий (Th), уран (U)), а также ряд других на уровне 0,000 01% (рубидий (Rb), иттрий (Y), цирконий (Zr), ниобий (Nb), молибден (Mo), рутений (Ru), тантал (Ta), вольфрам (W), рений (Re), платина (Pt), таллий (Tl)), позволяет оценивать чистоту меди и ее происхождение из руд, если известен их состав, а также дает возможность детально изучать процессы создания различных сплав. Но такая задача в данном исследовании перед нами не стояла.

Отдельно надо остановиться на двух последних пробах в табл. 1. Эти пробы были отобраны от большой бляхи и пластины, вставленной в нее с обратной стороны, включая сохранившийся на их поверхности материал ремня, окислы и позолоту. Поэтому определен их усредненный химический состав, который не может количественно характеризовать металл, что подтверждает низкое содержание меди (0,32–0,57%) и других элементов, характерных для макросостава медных сплавов. Но вот золота, привнесенного в пробы за счет позолоты, оказалось довольно много (0,1% и 5,1%). Кроме того, в этих пробах отмечается повышенное содержание серебра (0,1% и 0,56%). Такое высокое содержание двух благородных металлов здесь не случайно, оно связано с тем, что для позолоты использовалось не чистое золото, а сплав золота с серебром. Состав позолоты в чистом виде мы количественно не анализировали. Однако его можно оценить по известной цветовой шкале: красивый светло-желтый цвет позолоты (рис. 3) соответствует добавке к золоту около 30% серебра. Такой драгоценный сплав золота и серебра был известен еще в древности. Эллины дали ему название «электрум». Кроме того, он встречается в природном виде и добывался еще в Древней Лидии.

Рис. 8. МУМК. Курган №27, погребение-2. Пластины с нащечных ремней узды

Рис. 9. БКМ. Курган №42, погребение-2. Бляхи-обоймы с лицевой и оборотной сторон

Выполнить анализ чистого металла большой бляхи из кургана №77 не удалось, но косвенно по анализу конгломерата и идентичности ее внешнего вида с малой бляхе уздечки можно предположить, что их состав аналогичен составу последней и является нелегированной медью.

Кроме того, выявлены конструктивные особенности металлических частей воинских поясов и уздечки коня, а также способы их изготовления. Изучение торевтики поясов и уздечек развитого Средневековья из курганов у устья Малой Киргизки показало их высокое художественное исполнение, а также продемонстрировало высокий уровень инженерных знаний и мастерство ее изготовителей в области механической обработки медных сплавов и технологий по работе с драгоценными металлами.

Курганный могильник Басандайка (БКМ). Пояс из погребения-2 кургана №42 БКМ располагался на тазовых костях и состоял из нескольких фрагментов. Пояс кожаный, с двух сторон прошит нитками, ширина его 1,8 см. Он украшен бронзовыми накладками в виде трилистника, которые крепились к ремню штифтиками. На пояс надеты три круглых бляхи-обоймы с овальными дужками. Кроме того, обнаружены два тренчика подпрямоугольной формы. К одному концу ремня прикреплена бронзовая пряжка с железным язычком [Басандайка, 1947, табл. 55]. В описании А.П. Дульзона [1947, с. 98] указано, что часть пояса украшений не имела. С умершим были положены наконечники стрел, кресало и нож (оба в деревянной оправе), топор-тесло, две бусины. Найдены кусочки шелковой ткани (в частности, на пряжке) и полоска ткани мешочного типа, сложенная вдвое. В области таза под костяком и над ним обнаружена шкурка. Из этого погребения для анализа взяты две круглых с лицевой стороны обоймы с прямоугольной рамкой на обороте, с небольшим выступом, видимо, от петли одной из них (рис. 9), и фрагменты двух тренчиков (рис. 10; табл. 2).

В Лесостепном Алтае похожий воинский пояс был найден на могильнике Кармацкий (курган №9, могила-2) [Тишкин, 2009, рис. 59]. Он отличается от басандайского более сложной конструкцией лицевой части. На обороте блях-обойм, как и у басандайских, имеются две прямых скобки для продевания ремня. На ремне из Кармацкого могильника, как и на басандайском, имеются три круглые бляхи-обоймы, две из которых с петлями вниз. В басандайском комплекте два тренчика, а в кармацком – один.

Рис. 10. БКМ. Курган №42, погребение-2. Тренчики

Воинские пояса, подобные басандайскому, найдены в могильнике Высокий Борок, курганы №4 (погребение-1) и №10 [Адамов, 2000, рис. 73-15, 16, 17; 76.-9, 15.-1]. Отличием является изготовление деталей поясов из железа. Указанные пояса из Лесостепного Алтая и Новосибирского Приобья датируются XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, с. 82; Адамов, 2000, рис. 109].

Таблица 2

Химический состав металла поясной гарнитуры из БКМ.
ИСП-МС анализ (% масс), ООО ХАЦ «Плазма», Томск

Название предмета, памятник, фото	Тренчик. БКМ, К42, п. 2, №534/1	Тренчик. БКМ, К42, п. 2, №534/2	Бляха-обойма. БКМ, К42, п. 2, №538	Бляха-обойма. БКМ, К42, п. 2, №535	Стандарт сплава меди СОП 40008-2000 М2р контрольный
1	2	3	4	5	6
ЭЛЕМЕНТ	СОДЕРЖАНИЕ, %				
Бериллий (Be)	0,00037	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001
Натрий (Na)	0,029	0,0017	0,082	0,13	0,0019
Магний (Mg)	0,023	0,0034	0,033	0,12	0,0019
Алюминий (Al)	0,066	0,038	0,15	0,25	0,0024
Фосфор (P)	0,57	0,019	0,93	0,092	0,0031
Калий (K)	0,014	<0,001	0,064	0,065	<0,001
Скандий (Sc)	0,0021	0,00082	0,0035	0,012	<0,0001
Титан (Ti)	0,0037	<0,001	0,023	0,013	<0,001
Ванадий (V)	0,0026	0,0027	0,0027	0,027	0,00025
Хром (Cr)	0,0035	0,0045	0,0044	0,027	0,000697
Марганец (Mn)	0,014	0,0026	0,012	0,059	0,00062
Железо (Fe)	0,32	0,15	0,20	0,18	0,0033
Кобальт (Co)	0,0041	0,0033	0,0029	0,0028	0,000016
Никель (Ni)	0,026	0,031	0,022	0,025	0,017
Медь (Cu)	83,15	88,57	82,43	88,67	99,89
Цинк (Zn)	0,031	0,042	0,028	0,070	0,0073
Галлий (Ga)	0,00072	0,00041	0,00055	0,00090	<0,00001
Германий (Ge)	0,00018	0,000076	0,00023	0,000036	<0,00001
Мышьяк (As)	0,11	0,10	0,091	0,10	0,0044
Селен (Se)	0,0049	0,0051	0,0050	0,0058	0,0054
Рубидий (Rb)	0,000059	0,000048	0,00023	0,000040	0,0000016
Стронций (Sr)	0,00091	0,00016	0,0014	0,0015	0,000012
Иттрий (Y)	0,00016	0,00012	0,000198	0,000037	<0,00001
Цирконий (Zr)	0,00020	0,00028	0,00044	0,00068	0,000010
Ниобий (Nb)	0,00014	0,00028	0,00053	0,0011	0,000017
Молибден (Mo)	0,000043	<0,000001	0,000054	0,00079	0,000016
Рутений (Ru)	0,000033	0,000044	0,000055	0,00012	<0,00001
Серебро (Ag)	0,10	0,13	0,079	0,10	0,0071
Кадмий (Cd)	0,000046	0,000054	0,000052	0,000054	0,010
Индий (In)	0,0036	0,0022	0,0026	0,00048	0,0000018
Олово (Sn)	5,01	2,00	3,14	3,02	0,0045
Сурьма (Sb)	0,068	0,051	0,046	0,048	0,012
Теллур (Te)	0,0035	0,0027	0,0027	0,0022	0,0050
Цезий (Cs)	0,000018	0,0000038	0,0000093	0,000010	<0,000001
Барий (Ba)	0,0034	0,00052	0,0048	0,0055	0,00011
Лантан (La)	0,00025	0,000035	0,00014	0,000081	<0,000001
Церий (Ce)	0,00018	0,000018	0,00013	0,00021	0,0000086
Празеодим (Pr)	0,000062	0,000023	0,000027	0,000045	<0,000001
Неодим (Nd)	0,00018	<0,000001	0,00014	0,000043	0,0000021

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Самарий (Sm)	0,000045	0,000018	0,000041	0,000029	0,000026
Европий (Eu)	0,000011	0,0000012	0,0000055	<0,000001	<0,000001
Гадолиний (Gd)	0,000081	<0,000001	0,0000076	0,000056	<0,000001
Тербий (Tb)	0,0000069	<0,000001	0,0000030	0,0000032	<0,000001
Диспрозий (Dy)	0,000034	0,0000092	0,000030	0,000051	<0,000001
Гольмий (Ho)	0,000013	0,000012	0,000015	0,000035	<0,000001
Эрбий (Er)	0,000014	<0,000001	0,0000074	<0,000001	<0,000001
Тулий (Tm)	<0,000001	<0,000001	0,0000021	0,0000012	<0,000001
Иттербий (Yb)	0,0000054	<0,000001	<0,000001	0,0000087	<0,000001
Лютеций (Lu)	0,0000041	<0,000001	0,0000011	<0,000001	<0,000001
Гафний (Hf)	<0,000001	0,000011	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Тантал (Ta)	0,0000022	<0,000001	<0,000001	0,0000089	<0,000001
Вольфрам (W)	0,000086	0,0000016	0,000047	0,00046	0,000079
Рений (Re)	0,0000085	0,0000042	<0,000001	0,000071	0,0000015
Платина (Pt)	<0,00001	<0,00001	0,000022	0,000026	0,000018
Золото (Au)	0,0023	0,0026	0,0016	0,0056	0,0046
Ртуть (Hg)	0,0018	0,000054	0,00025	0,00033	<0,000001
Таллий (Tl)	0,0000032	0,0000087	0,000011	0,000014	<0,000001
Свинец (Pb)	10,3	8,72	12,5	6,87	0,012
Висмут (Bi)	0,15	0,11	0,093	0,089	0,011
Торий (Th)	0,0000083	0,0000025	0,000024	0,000015	<0,000001
Уран (U)	0,0000073	0,0000057	<0,000001	0,000047	<0,000001

Методом ИСП-МС проанализированы всего лишь четыре предмета поясной атрибутики из Басандайского курганного могильника (табл. 2). Химический макросостав их сплавов существенно отличается от состава сплавов предметов из могильника у устья Малой Киргизки, изготовленных из латуни. В басандайских сплавах практически отсутствует характерный для латуни цинк, его всего 0,028–0,07%. При этом наблюдается высокое содержание легирующих элементов (олова – 2–5,1%, свинца – 6,9–13,0%) и повышенное содержание серебра (0,08–0,1%) и висмута (0,089–0,15%). Таким образом, все четыре предмета (пряжки-обоймы и тренчики) отлиты из оловянно-свинцовой бронзы, причем довольно близкого макро- и микросостава. Вывод по микросоставу сплавов БКМ аналогичен приведенному выше выводу по могильнику МУМК.

В последней колонке таблицы 2 приведены результаты анализа химического состава государственного стандартного образца состава сплава достаточно чистой меди СОП 40008–2000 М2р, который использовался для контроля правильности анализа ИСП-МС для партии проб наших артефактов. Кроме того, демонстрация результатов анализа стандартного образца с каждой партией проб позволяет контролировать правильность результата ИСП-МС анализа в разновременных публикациях.

Заключение

Сравнение сплавов по их макросоставу всех проанализированных проб наглядно представлено в таблице 3. Для изучения технологий создания металлических предметов торевтики мужских поясов и уздечек развитого Средневековья Томского Приобья использовался нетрадиционный для археологов, но современный и сравнительно дешевый в расчете на один элемент мультиэлементный высокоточный метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС) для анализа химического состава металла.

Результаты анализа позволили выделить четыре типа используемых медных сплавов (табл. 1–3). Большие и малые бляхи, украшающие воинские пояса и уздечки коней из курганов могильника у устья Малой Киргизки, были выполнены из свинцовой бронзы, для их позолоты использовался сплав золота с серебром типа «электрум». Пряжки пояса и нащечные пластины уздечки того же могильника выполнены из латуни. Наносная

Таблица 3

Макросостав, содержание основных элементов в медных сплавах предметов торевтики из МУМК и БМК (по данным анализа ИСП-МС, % масс.)

Элемент	Лагунь. МУМК 3 пробы	Медь. Пластина наносная. МУМК 1 проба	Бронза. свинцовистая бляха малая. МУМК 1 проба	Бронза. Оловянисто-свинцовистая. БМК 4 пробы	Оксисел. Бляха большая. МУМК 1 проба	Оксисел. Пластина с обратной стороны бол. бляхи. МУМК 1 проба
Cu	63,38–88,83	98,44	95,42	82,43–88,67	0,57	0,32
Zn	2,71–13,1	1,25	0,018	0,04–0,07	0,004	0,022
Sn	0,11–1,84	0,11	0,65	2,0–5,0	0,0003	0,0020
Pb	0,67–5,8	0,704	1,74	6,9–13,0	0,14	0,14
Ag	0,054–0,18	0,0040	0,085	0,08–0,1	0,1	0,56
Au	0,0012–0,006	0,000037	0,29	0,002–0,006	5,5	0,10

пластина по составу близка к нелегированной меди с повышенным содержанием цинка. Бляхи-обоймы и тренчики пояса из Басандайского курганного могильника выполнены из оловянно-свинцовой бронзы. Кроме того, выявлены конструктивные особенности металлических частей воинских поясов и уздечек коней, а также способы их изготовления.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Полиграфиздат, 1947. 220 с.
- Вертман Е.Г., Федюнина Н.В. Методика выполнения измерений массовых долей 62 элементов в почвах, донных отложениях, горных породах и сплавах цветных металлов методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой. МВИ №002-ХМС-2009, ФР.1.31.2010.06998. ООО «Химико-аналитический центр «Плазма». Томск, 2009.
- Вертман Е.Г., Федюнина Н.В., Тенякшева С.Е. Масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанной плазмой и особенности его применения в археологии // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 48–50.
- Вертман Е.Г. Масс-спектрометрический мультиэлементный анализ артефактов древнего бронзово-литейного центра и шаманской атрибутики Таймыра // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1(11). С. 94–112.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сrostкинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–172.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ; технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
- Дульзон А.П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Полиграфиздат, 1947. С. 65–115.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Плетнёва Л.М. Металлические предметы узды коня из кургана 27, погребения 2 курганного могильника у Устья Малой Киргизки // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Полиграфист, 2011. С. 145–148.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

References

- Adamov, A.A. Novosibirskoe Priobye v X–XIV vv. [Novosibirsk Ob Region in the 10th – 14th Centuries]. Tobolsk – Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2000. 256 p.
- Basandajka: sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti [Basandajka: Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region]. Tomsk: Poligrafizdat, 1947. 220 p.
- Vertman E.G., Fedyunina N.V. Metodika vypolneniya izmerenij massovyh dolej 62 elementov v pochvah, donnyh otlozheniyah, gornyh porodah i splavah cvetnyh metallov metodom mass-spektrometrii s induktivno svyazannoj plazmoj.

MVI №002-HMS-2009, FR.1.31.2010.06998 [Mass Fraction Measurement Procedure for 62 Elements in Soils, Bottom Sediments, Rocks and Non-Ferrous Metal Alloys by Inductively Coupled Plasma Mass Spectrometry. Measurement Procedure No. 002-KhMS-2009, FR.1.31.2010.06998]. Tomsk : ООО "Himiko-analiticheskij centr "Plazma", 2009.

Vertman E.G., Fedyunina N.V., Tenyaksheva S.E. Mass-spektrometricheskij analiz s induktivno svyazannoj plazmoj i osobennosti ego primeneniya v arheologii [Inductively Coupled Plasma Mass Spectrometry and Its Applications to Archaeology]. Rol estestvenno-nauchnyh metodov v arheologicheskikh issledovaniyah [The Role of Natural Scientific Methods in Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Pp. 48–50.

Vertman E.G. Mass-spektrometricheskij multielementnyj analiz artefaktov drevnego bronzovo-litejnogo centra i shamanskoj atributiki Tajmyra [Mass Spectrometry Multielement Analysis of Artifacts of an Ancient Bronze Foundry Center and Shamanistic Attributes from Taimyr]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Studies]. 2015. №1 (11). Pp. 94–112.

Gorbunova T.V., Tishkin A.A., Havrin S.V. Srednevekoveye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altae: morfologicheskij analiz; tehnologii izgotovleniya, sostav splavov [Medieval Decorations of Horse Harness Decorations in the Altai Region: Morphological Analysis, Manufacturing Techniques and Alloy Composition]. Barnaul : Azbuka, 2009. 144 p.

Gorbunova T.V., Tishkin A.A., Havrin S.V. Zolotoye amalgamirovanie v oformlenii hudozhestvennogo metalla srostskinskoy kultury [Gold Amalgamation in Designing Metal Works of Art of the Srostki Culture]. Drevnie i srednevekoveye kochevniki Central'noj Azii [Ancient and Medieval Nomads of Central Asia]. Barnaul : Azbuka, 2008. Pp. 168–172.

Dulzon A.P. Dnevnik raskopok kurgannogo mogil'nika na Basandajke [Excavation Diaries of a Burial Mound in Basandaika]. Basandajka: sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti [Basandaika. Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region]. Tomsk : Poligrafizdat, 1947. Pp. 65–115.

Mogilnikov V.A. Kochevniki severo-zapadnyh predgorij Altaya v IX–XI vv. [The Nomads of the Northwestern Foothills of the Altai Mountains in the 9th–11th Centuries]. Moscow : Nauka, 2002. 362 p.

Pletneva L.M. Tomskoye Priobye v nachale II tys. n.e. (po arheologicheskim istochnikam) [The Tomsk Ob Region in the Early Second Millennium AD (Based on Archaeological Data)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 350 p.

Pletneva L.M. Metallicheskie predmety uzdy konya iz kurgana 27, pogrebeniya 2 kurgannogo mogil'nika u Ust'ya Maloj Kirgizki [Metal Fragments of a Horse Bridle from Mound No. 27, Grave No. 2 of the Burial Ground at the Mouth of the Malaya Kirgizka River]. Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii [The Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia]. Omsk : Poligrafist, 2011. Pp. 145–148.

Tishkin A.A. Altaj v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov) [The Altai Region in the Mongolian Period (Based on Archaeological Data)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p.

E.G. Vertman¹, L.M. Pletneva²

¹*The Russian Geographical Society, Tomsk, Russia;*

²*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia*

MANUFACTURING TECHNIQUES AND CHEMICAL COMPOSITIONS OF METALS, DETERMINED BY INDUCTIVELY COUPLED PLASMA MASS SPECTROMETRY, IN TOREUTICS OF THE HIGH MIDDLE AGES FROM THE TOMSK OB REGION

The paper presents a morphological analysis of toreutics, such as belt sets and horse bridles, from mounds of the Basandaika burial ground and the burial ground at the mouth of the Malaya Kirgizka River. Graves from mounds No. 27 and No. 77 in the burial ground at the mouth of the Malaya Kirgizka River can be classified as elite graves in terms of funeral rites and the artifacts found in them. These are graves of military horse riders. In mound No. 27 a shoulder harness, possibly with a belt fragment, was found. In mound No. 77, a belt decorated with gilded plaques was found. These items indicate a high social status of the buried men. In total, 11 items were sampled from two mounds for analysis. In order to study manufacturing techniques of the metal toreutics, inductively coupled plasma mass spectrometry was used. The analysis for 61 chemical elements identified four types of copper alloys: copper, lead bronze, tin-lead bronze, and brass. Some items are gilded using amalgamation. Possibly, an alloy of gold and silver (electrum) was also used for gilding. Some design features of the metal parts of military belts and bridles, as well as associated manufacturing techniques were identified.

Key words: warrior belt, shoulder harness, bridle, toreutics, inductively coupled plasma mass spectrometry (ICP-MS)

УДК 902«637»(571.1)

Д.В. Папин^{1,2}, С.В. Святко³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

³Королевский университет Белфаста, Северная Ирландия

СТРУКТУРА ДИЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА (предварительные результаты)*

В статье рассматриваются вопросы реконструкции диеты населения андроновской культуры Алтая на основе изучения методами изотопной геохимии костей животных и человека из грунтового могильника Фирсово-XIV. В приведенном авторами историографическом обзоре делается вывод о том, что большинство исследователей рассматривали хозяйство андроновской культуры в рамках скотоводческой направленности. С целью проверки этих предположений были проанализированы 20 образцов из данного могильника. Полученные результаты изотопного анализа отражают типичную картину для андроновского населения эпохи бронзы юга Западной Сибири и Южной Сибири. Уровни азота у людей свидетельствуют о систематическом потреблении продуктов скотоводства, а достаточно низкие уровни изотопов углерода – об отсутствии возделывания зерновых (в частности, пшеницы). Изотопные значения внутри этой группы близки друг к другу, что говорит об отсутствии значительных вариаций в диете людей. Сравнение полученных данных с результатами андроновских популяций Минусинской котловины и Верхнего Приобья свидетельствует о сходстве диеты всех изучаемых регионов, включавшей большое количество животного белка.

Ключевые слова: Алтай, андроновская культура, палеодиета, земледелие, изотопный анализ, могильник Фирсово-XIV

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-05

Введение

Несмотря на то, что исследование андроновской культуры Алтая ведется уже более 100 лет, и ученые многократно обращались к тематике реконструкции хозяйственной деятельности населения, вопрос о соотношении скотоводства и земледелия остается открытым. С появлением и внедрением в археологические исследования методов изотопной геохимии появилась возможность получения палеодиетарных данных, что позволяет по-новому взглянуть на проблемы формирования моделей жизнеобеспечения.

Археологические представления о системах хозяйствования «андроновцев» появились уже на начальном этапе формирования знаний об этой культуре. Именно в ранних работах С.А. Теплоухова и С.В. Киселева впервые был сформулирован тезис о скотоводческой природе хозяйства андроновского населения Южной Сибири, и эти представления были подтверждены в результате изучения памятников Минусинской котловины и юга Красноярского края. При этом в работах С.В. Киселева [1949, с. 86–87] указывалось на возможность существования земледелия как отдельной отрасли хозяйства.

Благодаря работам, развернутым М.П. Грязновым в конце 1940-х гг. в урочище Ближние Елбаны, была сделана широкая реконструкция историко-культурного развития региона. Изначально предполагалось, что появление скотоводства в бронзовом веке было связано с афанасьевской культурой и к андроновскому времени оно достигло определенного уровня. Именно с этим временем связана специализация внутри животноводства шерстяной и мясо-молочной направленности. В основе скотоводства

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №19-09-00511А «Биоархеологические подходы к проблемам адаптации андроновского населения Алтая».

лежало, прежде всего, разведение крупного рогатого скота [Грязнов, 1956, с. 21; 1957, с. 23]. Раскопки С.С. Черниковым андроновских поселений на р. Иртыш и в Рудном Алтае дополнили общую картину по Алтайскому региону. Основываясь на материалах своих раскопок и фаунистических определениях, он обосновывал наличие у «андроновцев» отгонного скотоводства [Черников, 1960, с. 88].

В работах Г.А. Максименкова [1968; 1978, с. 122] по археологии долины Енисея также подчеркивался скотоводческий характер хозяйства «андроновцев», но при этом указывалось на вспомогательную роль земледелия.

Обобщая материалы по андроновской культуре на юге Западной Сибири, Е.Е. Кузьмина [1986] указывала на абсолютную мясо-молочную направленность андроновского стада, именно в то время скотоводство бронзового века получает наивысшее развитие.

Формирование научного археологического центра в г. Барнауле активизировало изучение памятников Алтая. Так, раскопки В.С. Удодова [1994] на андроновском поселении Переезд позволили ему сделать выводы о более оседлом образе жизни людей. А.В. Гальченко [1990, с. 58–59], анализируя материалы поселений Алтая, охарактеризовал андроновскую экономику как многоотраслевую и основанную на животноводстве, при этом указывая, что разные ее направления были развиты в достаточной степени. Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин [1992] выделили два этапа в развитии андроновского скотоводства на Алтае: мясо-молочный и, позже, молочно-мясной. Характеризуя в целом хозяйство носителей андроновской культуры на Верхней Оби, Ю.Ф. Кирюшин и С.П. Грушин [2010, с. 93] сделали вывод, что оно определяется как скотоводческое, а охота играла вспомогательную роль.

Таким образом, к настоящему времени всеми исследователями признается существование у андроновского населения юга Западной Сибири развитого скотоводческого хозяйства, но и не отрицается факт присутствия в разной форме мотыжного земледелия, главным аргументом в пользу которого являются находки фрагментов серпов и зернотерок. Вместе с тем, археоботанические находки свидетельствуют, что появление устойчивого очага земледелия в рассматриваемом регионе относится к финальной бронзе; находки зерна в более ранних памятниках единичны [Рябогина, Иванов, 2010].

Поэтому важное значение имеет использование новых техник, связанных с изучением диеты древнего населения методами изотопной геохимии. Обоснованность такого подхода получила апробацию в работах по материалам памятников развитой бронзы степной полосы Северной Азии, включая памятники Чича [Privat et al., 2005], Бестамак и Лисаковск [Miller et al., 2014], Каменный Амбар [Hanks et al., 2018], Большекараганский могильник [Privat, 2002], а также ряд памятников Минусинской котловины [Svyatko et al., 2013; 2020]. По результатам этих исследований установлено, что в целом диета населения эпохи бронзы состояла из широкого спектра источников, включая домашних и диких животных, дикорастущие растения и рыб (с основным упором на мясо наземных животных и рыбу), и различалась между памятниками; вариации были также обнаружены между людьми разных возрастных категорий. Эти данные говорят о существовании сложных моделей жизнеобеспечения в степном регионе и подчеркивают необходимость расширения исследований на микрорегиональном уровне, включающих данные по экологии, биологии и археологии.

Материалы и методы

Анализ стабильных изотопов углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ в костях животных и человека является одним из наиболее информативных современных методов для получения данных о диете. Для внутриматериковых популяций (т.е. при отсутствии

морского компонента в диете) повышение уровней $\delta^{13}\text{C}$ может быть вызвано потреблением кукурузы, сорго, проса. Для Евразийского степного региона наиболее вероятно потребление именно проса. Потребление других злаковых, таких как пшеница, овес, ячмень и т.п., остается «невидимым» при изотопном анализе.

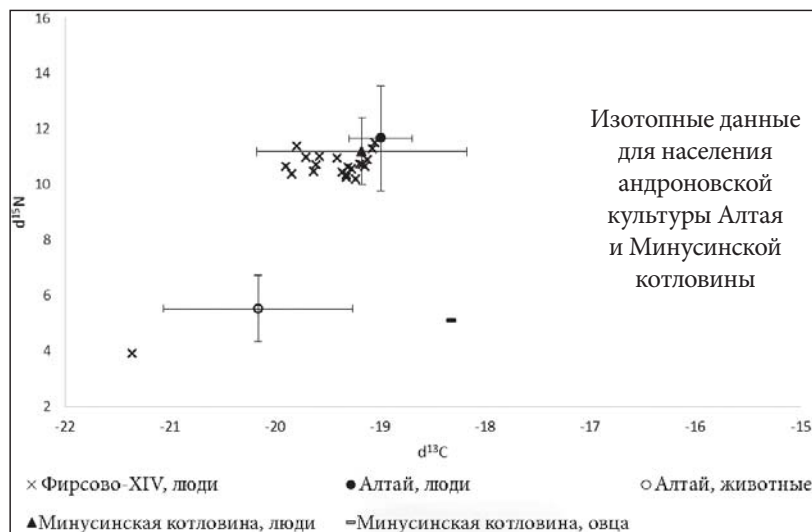
Изотопные уровни азота ($\delta^{15}\text{N}$) указывают на положение индивида в пищевой цепи, а также на потребление рыбы. На каждом последующем трофическом уровне $\delta^{15}\text{N}$ повышаются приблизительно на 5‰, а самые высокие изотопные показатели азота обычно говорят о водном компоненте в диете (т.е. о потреблении рыбы).

В данном исследовании были проанализированы образцы костей 16 людей и четырех животных андроновской культуры из могильника Фирсово-XIV. Анализ был выполнен в радиоуглеродной лаборатории 14Хроно Центра по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия).

Обсуждение результатов и дискуссия

Результаты изотопного анализа (рис., табл.) отражают достаточно типичную картину для населения начала – середины эпохи бронзы Южной Сибири. Уровни азота у людей (разница между средними значениями людей и животных – 4.6‰) говорят о систематическом потреблении продуктов животноводства, а достаточно низкие уровни изотопов углерода (ниже -18‰) – об отсутствии возделывания проса. Похожие выводы были сделаны ранее для населения афанасьевской, окуневской и андроновской культур из других регионов Южной и Западной Сибири [Svyatko et al., 2013; 2017]. Также можно отметить, что изотопные значения внутри этой группы людей близки друг другу, что говорит об отсутствии вариаций в диете людей.

Сравнение новых данных с аналогичными результатами, полученными ранее для андроновского населения Минусинской котловины [Svyatko et al., 2013] и Алтая (могильники Чекановский лог, Рублево-VIII и Фирсово-XIV), показывает изотопную близость этих групп. В целом можно сказать, что их диета существенно между собой не различалась и включала большое количество животного белка. Повышенные уровни углерода, указывающие на потребление проса, видны только у двух людей из могильников Верхнего Приобья, датироваемых периодом поздней бронзы. Однако

у «фирсовской» группы, по сравнению с минусинскими и ранними алтайскими данными, уровни изотопов азота немного ниже (эта разница статистически значима, $p=0.02$ и $p=0.05$ соответственно, по результатам t -теста для одинаковых дисперсий). Возможно, это указывает на отсутствие рыбы в диете алтайской группы. Похожие наблюдения по отсутствию рыбного компонента у населения Алтая по сравнению с населением Минусинской котловины были сделаны и по афанасьевским группам [Svyatko et al., 2017]. Объяснение данного феномена требует дальнейшего привлечения данных археологии и антропологии, в том числе зубных палеопатологий.

Изотопные показатели азота и углерода
для населения андроновской культуры из могильника Фирсово-XIV

Номер образца	$\delta^{15}\text{N}$	$\delta^{13}\text{C}$	C:N _{atomic}	Полевой шифр	Пол/вид	Кость
<i>Люди</i>						
SS DP 1	10.4	-19.4	3.1	Могила-32	М	Фаланга
SS DP 2	3.9	-21.4	3.1	Могила-341	М	Лопатка
SS DP 3	10.2	-19.2	3.1	Могила-124		Таз?
SS DP 4	10.9	-19.1	3.2	Могила-311, скелет 2		Фаланга
SS DP 5	11.0	-19.6	3.2	Могила-311, скелет 1	М	Фаланга
SS DP 6	10.7	-19.2	3.2	Могила-342		–
SS DP 7	10.3	-19.3	3.2	Могила-106	F	–
SS DP 8	10.3	-19.3	3.2	Могила-14		Фаланга
SS DP 9	11.5	-19.0	3.2	Могила-37		Фаланга
SS DP 10	10.4	-19.8	3.2	Могила-200		Таз
SS DP 11	11.0	-19.7	3.2	Могила-213, скелет 1		–
SS DP 12	10.5	-19.6	3.2	Могила-213, скелет 2		–
SS DP 13	10.7	-19.6	3.2	Могила-26	F	Фаланга
SS DP 14	10.6	-19.3	3.2	Могила-26	М	Фаланга
SS DP 15	10.7	-19.1	3.2	Могила-29	F	Фаланга
SS DP 16	10.7	-19.2	3.2	Могила-29	М	Фаланга
<i>Животные</i>						
SS DP 17	5.5	-20.5	3.2	Могила-311	KPC	–
SS DP 18	5.5	-19.8	3.2	Могила-341	MPC	–
SS DP 19	6.0	-20.7	3.2	Могила-26	MPC	–
SS DP 20	5.6	-20.1	3.2	Могила-104	MPC	–

Библиографический список

- Гальченко А.В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : [Б.и.], 1990. С. 57–62.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М.; Л. : Наука, 1956. 226 с. (МИА.Т. 48).
- Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Вып. 26. С. 21–28.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Хозяйство андроновских племен Верхней Оби // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул : Слово, 2010. С. 86–94.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул : [Б.и.], 1992. Вып. 15. С. 194–222.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 362 с. (МИА. №9).
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе : Илим, 1986. 134 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л. : Наука, 1978. 190 с.
- Максименков Г.А. Андроновское время в Южной Сибири // История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. I. С. 172–180.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоботанические методы и анализы фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4 (48). С. 96–106.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Наука, 1960. 172 с. (МИА. №88).

Hanks B.K., Ventresca Miller A.R., Judd M.A., Epimakhov A.V., & Razhev D. Bronze Age diet and archaeology: new stable isotope data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 97. P. 14–25 DOI: 10.1016/j.jas.2018.06.006.

Miller A.V., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 42. P. 525–538 DOI: 10.1016/j.jas.2013.11.012.

Privat K. Preliminary Report of Palaeodietary Analysis of Human and Faunal Remains from Bolshekaragansky Kurgan 25 // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 166–171.

Privat K.L., Schneeweiss J., Benecke N., Vasiliev S.K., O'Connell T.C., Hedges R.E.M., Craig O. Economy and diet at the Late Bronze Age/Iron Age site of Chicha: artefactual, archaeozoological and biochemical analyses // Eurasia Antiqua. 2005. P. 419–448.

Svetlana V. Svyatko, Andrey V. Polyakov, Vasilii I. Soenov, Nadezhda F. Stepanova, Paula J. Reimer, Neil Ogle, Ekaterina A. Tyurina, Sergei P. Grushin, Marina P. Rykun. Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 14. P. 65–75 DOI:10.1016/j.jasrep.2017.05.023.

Svyatko S.V., Papin D.V., Schulting R.J., Reimer P.J. Millet consumption in Siberia prior to mid 2nd mil. BC? A comment. // Nature Scientific Reports. 2020 (accepted, in press).

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 3936–3945 DOI:10.1016/j.jas.2013.05.005.

References

Gal'chenko A.V. Faunisticheskij analiz osteologicheskogo materiala iz andronovskih poselenij Altajskogo kraja [Faunistic Analysis of Osteological Material from Andronovo Settlements of the Altai Territory]. Problemy arheologii i etnografii Yuzhnoj Sibiri [Problems of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia]. Barnaul: [B.i.], 1990. Pp. 57–62.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob]. M.; L.: Nauka, 1956. 226 s. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vol. 48).

Gryaznov M.P. Etapy razvitiya hozyajstva skotovodcheskih plemyon Kazakhstana i Yuzhnoj Sibiri v epohu bronzy [Stages of Development of the Economy of Cattle-Breeding Tribes of Kazakhstan and South Siberia in the Bronze Age]. Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR. 1957. Vyp. 26. [Brief Communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. 1957. Issue. 26]. Pp. 21–28.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P. Hozyajstvo andronovskih plemen Verhnej Obi [The Economy of the Andronovo Tribes of the Upper Ob]. Hozyajstvenno-kul'turnye tradicii Altaya v epohu bronzy [Economic and Cultural Traditions of Altai in the Bronze Age]. Barnaul: Slovo, 2010. Pp. 86–94.

Kiryushin Yu.F., Shamshin A.B. Itogi arheologicheskogo izucheniya pamyatnikov eneolita i bronzovogo veka lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Results of Archaeological Study of the Eneolithic and Bronze Age Sites of the Forest-Steppe and Steppe Altai]. Altajskij sbornik [Altai Collection]. Barnaul: [B.i.], 1992. Issue 15. Pp. 194–222.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 362 s. (MIA. №9).

Kuz'mina E.E. Drevnejshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya [The Oldest Herders from the Urals to the Tien Shan]. Frunze: Ilim, 1986. 134 p.

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee [Andronovo Culture on the Yenisei]. L.: Nauka, 1978. 190 p.

Maksimenkov G.A. Andronovskoe vremya v Yuzhnoj Sibiri [Andronovo Time in South Siberia]. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. L. : Nauka, 1968. Vol. I. Pp. 172–180.

Ryabogina N.E., Ivanov S.N. Drevnee zemledelie v Zapadnoj Sibiri: problemy argumentacii, paleobotanicheskie metody i analizy faktov [Ancient Agriculture in Western Siberia: Problems of Argumentation, Paleobotanical Methods and Analysis of Facts]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2011. №4 (48) [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Pp. 96–106.

Udodov V.S. Epoha razvitoj i pozdnej bronzy Kulundy: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The Era of the Developed and Late Bronze of Kulunda: Synopsis of dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 1994. 21 p.

Chernikov S.S. Vostochnyj Kazahstan v epohu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]. M.; L. : Nauka, 1960. 172 p. (MIA. №88).

Hanks B.K., Ventresca Miller A.R., Judd M.A., Epimakhov A.V., & Razhev D. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // *Journal of Archaeological Science*. 2018. Vol. 97. Pp. 14–25 DOI: 10.1016/j.jas.2018.06.006

Miller A.V., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 42. Pp. 525–538 DOI: 10.1016/j.jas.2013.11.012.

Privat K. Preliminary Report of Palaeodietary Analysis of Human and Faunal Remains from Bolshekaragansky Kurgan 25 // *Arkaim: Nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)*. Chelyabinsk : Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 2002. Pp. 166–171.

Privat K.L., Schneeweiss J., Benecke N., Vasiliev S.K., O'Connell T.C., Hedges R.E.M., Craig O. Economy and Diet at the Late Bronze Age/Iron Age Site of Chicha: Artefactual, Archaeozoological and Biochemical Analyses // *Eurasia Antiqua*. 2005. Pp. 419–448.

Svetlana V. Svyatko, Andrey V. Polyakov, Vasilii I. Soenov, Nadezhda F. Stepanova, Paula J. Reimer, Neil Ogle, Ekaterina A. Tyurina, Sergei P. Grushin, Marina P. Rykun. Stable Isotope Palaeodietary Analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2017. Vol. 14. Pp. 65–75 DOI:10.1016/j.jasrep.2017.05.023.

Svyatko S.V., Papin D.V., Schulting R.J., Reimer P.J. Millet Consumption in Siberia prior to mid 2nd mil. BC? A Comment. // *Nature Scientific Reports*. 2020 (accepted, in press).

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sabin M.V. Stable Isotope Dietary Analysis of Prehistoric Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a New Chronological Framework for the Introduction of Millet to the Eastern Eurasian steppe // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40. Pp. 3936–3945 DOI:10.1016/j.jas.2013.05.005.

D.V. Papin^{1,2}, S.V. Svyatko³

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

³*Queen's University Belfast, Northern Ireland*

STRUCTURE OF PALEODIETS OF ANDRONOVO CULTURE POPULATION IN ALTAI BY THE DATA OF ISOTOPIC ANALYSIS (preliminary results)

The paper discusses palaeodietary reconstruction of the Andronovo Culture population in Altai based on stable isotope study of animal and human bones from the burial ground of Firsovo-XIV. Most researchers consider the economy of the Andronovo Culture as pastoral. To assess this assumption, we analysed 20 samples from Firsovo-XIV. The results of stable isotope analysis reflect a typical picture for the Bronze Age Andronovo population of Western and Southern Siberia. Human nitrogen isotope levels indicate a systematic consumption of meat, and fairly low carbon isotope ratios – the absence of grain cultivation (in particular, millet). The isotopic values of this group of people are closely clustered together, which indicates the lack of major dietary variations within this society. Comparison of the data with the results for the Andronovo people of the Minusinsk Basin and Upper Ob River region shows the similarity of the diet for these groups, which included a large amount of animal protein.

Key words: Altai, Andronovo Culture, palaeodiet, agriculture, stable isotope analysis, burial ground Firsovo-XIV

КРЕСТООБРАЗНЫЙ МАЗАР СУЛТАНА АСАНА ЧИНГИСОВА И КУРГАН С МЕНГИРОМ В ДОЛИНЕ БЕСОБА, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН

Памятники находятся вблизи с. Бесоба Каркаралинского района Карагандинской области. Мазар построен из глинобитного кирпича. Основу его составляет центральное сооружение квадратной формы, со всех четырех сторон которого пристроено по одному малому помещению, что придает всему зданию крестовидную в плане форму. В мазаре похоронен султан Асан Чингисов, внук хана Букея, сына султана Среднего жуза Барака, с членами своей семьи. Согласно данным, имеющим отношение к биографии этого человека, мазар был построен, вероятно, в 1870–1880-х гг. Автор полагает, что подобные мазары в XIX в. строились по типу позднесредневековых купольных усыпальниц, форма их восходит к крестовидным сооружениям более раннего времени. На стенах мазара фиксируются большие сквозные трещины. Заметно также оседание углов. Памятник остро нуждается в проведении консервационных и реставрационных работ. В 110 м к юго-востоку от мазара находится земляной курган с менгиром, относящийся к эпохе бронзы. Диаметр округлой насыпи 19 м, высота 1,5 м. Высота менгира, имеющего слегка изогнутую форму, составляет 1,45 м. По-видимому, камень имеет следы обработки. В настоящее время исследователями проводится работа по систематизации данных о менгирах Центрального Казахстана. Древние менгиры Центрального Казахстана исследователи больше связывают с бегазы-дандыбаевской культурой периода поздней бронзы, а следующий хронологический ряд – с тасмолинской культурой раннего железного века. Курган с менгиром, зафиксированный в урочище Асан, имеет более архаичный облик и, вероятно, относится к поздним этапам андроновской общности (нуринской культуры).

Ключевые слова: Центральный Казахстан, крестовидный мазар, Бесоба, султан Асан Чингисов, курган, андроновская культура, бегазы-дандыбаевская культура, тасмолинская культура, менгир

DOI: 10.14258/trpai(2020)2(30).-06

Введение

В полевом сезоне 2005 г. автору, проводившему полевые исследования в Центральном Казахстане, от жителей с. Бесоба поступила информация о том, что возле мазара Асана, находящегося восточнее от этого населенного пункта, находится «древний камень, вертикально вкопанный» (информатор – К. Нурғалиев, с. Бесоба). Осмотр местности, имевший место сразу после получения сообщения, показал, что мазар и «камень» относятся к разным эпохам: первый – к XIX в., второй – к эпохе бронзы.

При обследовании памятников значительный интерес вызвал не только «камень», который является ничем иным, как менгиром, поставленным возле крупного кургана андроновского облика, но и крестовидный в плане казахский мазар, тип которого был известен и ранее. В последующие годы автор неоднократно посещал эту местность. Согласно планам полевых исследований обследовались остатки зимнего аула Халпе, расположенного неподалеку, а также другие памятники, в том числе курганы с «усами», находящиеся немного далее, в сторону горы Тугискен. По поводу этих памятников и результатов работ, проведенных в районе горы Тугискен, планируется отдельная публикация.

В полевом сезоне 2019 г. были произведены фотофиксация, обмеры мазара и кургана с менгиром, а также сбор исторических сведений, касающихся первого объекта. В настоящем сообщении приводятся краткие результаты этих работ.

Говоря о крестообразном мазаре, следует отметить, что автору в восточных районах Центрального Казахстана известна целая группа сооружений такого типа. Памятники культовой архитектуры Центрального Казахстана остаются малоизученными, и актуальность специального исследования этих комплексов вполне очевидна.

Автор, исследующий главным образом памятники древних эпох, не планировал напрямую заняться вопросами крестообразных мазаров. Побудительной причиной нового осмотра мазара султана Асана Чингисова летом 2019 г., в связи с чем и была подготовлена настоящая статья, явился настоящий интерес к этой теме видного ученого, безвременно ушедшего из жизни менее года назад, археолога Е.А. Смагулова, увидевшего в одной из публикаций автора фото крестообразного мазара султана Турсуна Чингисова [Бейсенов, 2019, с. 33, рис. 8]. Позвонив в середине мая 2019 г. и начав разговор со слов «уже полмесяца думаю об опубликованном тобой мазаре» (статья вышла в конце апреля 2019 г.), Ербулат Акежанович начал обстоятельный расспрос о «крестообразных мазарах Сарыарки». Примерно неделю спустя автор получил по электронной почте фотографии купольных мавзолеев Исмаил ата и Исхак ата (см. ниже), неизвестных ему, затем последовал и новый телефонный звонок, со словами «знаешь, связь прямая...». Во время следующего разговора, вдруг узнав, что автор находится «где-то между Карагандой и Каркаралинском», Е.А. Смагулов напрямую посоветовал ехать в районы расположения мазаров, сделать обмеры, а также «сделать качественные снимки с дрона», но «получше, это ведь не груда камней, заросшая караганом, которую называют курганом, тасмолинским или там каким...».

В конце этого разговора стало ясно, что следует готовиться к совместной работе, в которой участие автора настоящей статьи должно было подразумевать наличие описания и снимков мазаров, «хотя бы нескольких», а также исторических сведений о людях, погребенных в них. Материал касательно одного мазара был собран, но в связи с внезапной кончиной Е.А. Смагулова тема совместной статьи осталась лишь как память о коллеге, профессиональном археологе, которого автор знал в течение 30 лет в стенах Института археологии им. А.Х. Маргулана.

В составе экспедиции, работавшей в полевом сезоне 2019 г. в урочище Асан, участвовали помимо автора докторанты ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Д.Б. Дуйсенбай и Д.Т. Шашенов, младшие научные сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана И.К. Ахияров и Н.Ш. Джуманазаров, водитель С.З. Оразбеков, а также студенты КарГУ им. Е.А.Букетова.

Материалы и методы исследования

Рассматриваемые памятники (мазар и курган) находятся в урочище Асан. Так называли данную местность жители старшего поколения, проживавшие в с. Бесоба (полевые записи автора, 2005 г.). В настоящее время «мазаром Асана» называют только памятник. Мазар находится на левом берегу водотока, на небольшой уплощенной возвышенности, неприметной издали, на том же берегу расположен и курган с менгиром (рис. 1).

Мазар Асана является местом захоронения исторического лица – султана Асана Чингисова, жившего в XIX в. на территории Дюсенбай-Чекчековской волости Каркаралинского внешнего округа (затем эти земли вошли в состав Аксаринской волости Каркаралинского уезда). Он происходит из многочисленного, разветвленного семейства дома Букейхановых, является реальной и довольно известной фигурой, чье имя вполне узнаваемо и поныне. Прямые его потомки живут в г. Караганде, в ряде других населенных пунктов Карагандинской области, а также в других регионах Казахстана.

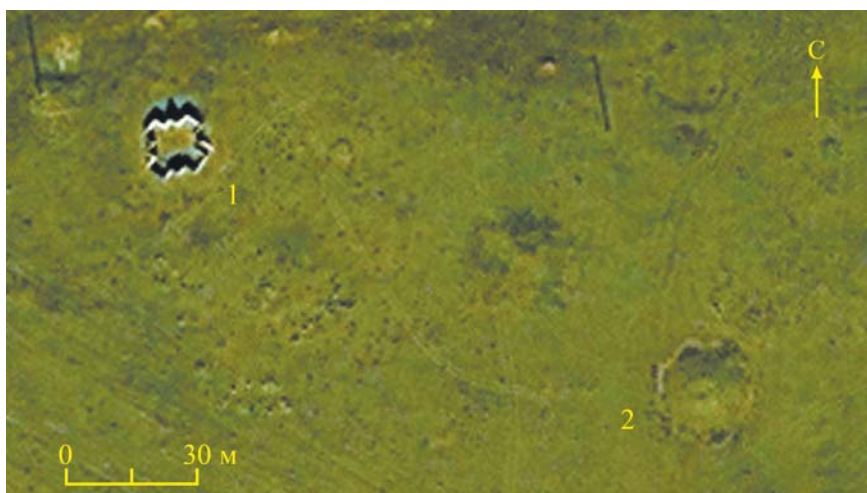

Рис. 1. Карта расположения памятников урочища Асан:
1 – мазар; 2 – курган с менгиром. Bing maps

Линия султана ведется от хана Букея, сына султана Среднего жуза Барака. Асан является сыном султана Чингиса Букейханова, который, согласно сведениям Алихана Букейханова, среди казахов Каркаралинского края почитался, как и отец Букей, «в звании хана» [Бөкейхан, 1996, с. 228]. Могил обоих в Каркаралинском крае нет. Хан Букей похоронен в Туркестане, в мавзолее Ходжи Ахмеда Ясауи. Останки султана Чингиса непродолжительное время хранили во временном строении на кладбище близ реки Нура, а затем также отвезли в Хазрет, т.е. в упомянутый мавзолей в Туркестане. Как сообщил Алихан Букейханов, хорошо знавший историю своего рода, своих именитых родственников, это место на реке Нура среди казахов получило название «Хан суйегы» (букв. «ханские кости», т.е. Ханская могила) [Бөкейхан, 1996, прим. на стр. 228]. Причем султан Чингис был аманатом (временно) погребен в земле, или же, по другой версии, тело его оставлено на деревянном сооружении [Қият, 2013, с. 115]. Здесь речь идет о «соре», специальном сооружении, на котором казахи держали тело умершего с целью хранения его до настоящего погребения (о казахской традиции «соре» или «сорелеу» см.: [Бейсенов, 2004]).

Рассматриваемый мазар находится в 12,4 км к востоку от с. Бесоба Каркаралинского района Карагандинской области Республики Казахстан. В той местности по направлению с востока–юго-востока на запад–северо-запад проходит небольшой водоток, который большую часть года пересыхает, русло его наполняется водой лишь весной, в начале лета, а также во время дождей. Севернее от него рельеф местности постепенно поднимается в сторону горного хребта Тугискен (отметки высот – 793, 805, 820, 860 м), широтно направленного. К югу от русла водотока находится довольно широкая равнина, а далее идет аналогичный подъем уже в сторону горных возвышенностей Аксары (высота 938 м), Карашоқы (964 м), Токантас (1012 м). Протекающий в малозаметной ложбинке безымянный водоток, соединяясь с несколькими такими же, притекающими с юга, далее к северо-западу образует собственно русло начала р. Нура, в которую еще далее к северу слева впадает р. Байкожа. Таким образом, как урочище Асан, так и вся долина Бесоба с окрестными горами находится в районе верхнего течения Нуры.

До начала 1970-х гг. там проходила оживленная полевая дорога, соединяющая Бесобу с с. Токтар, расположенным восточнее, и далее ведущая в райцентр – г. Каркаралы. Затем, с возникновением между этими населенными пунктами с. Шункуркудук, 2-го отделения совхоза «Восток», из Бесобы в Токтар (центральная усадьба упомянутого совхоза) уже стали ездить по другой дороге, проходящей южнее урочища Асан, через Аксаринскую долину.

Еще раньше, во времена султана Асана Чингисова и его детей, по этой дороге возвращались из окружного и уездного центра, на месте которого ныне стоит упомянутый город, а также медленно шли арбы, запряженные быками, и вереницы верблюдов с нехитрыми крестьянскими покупками с Куяндинской ярмарки.

Поездки осуществлялись в летнее время, как и строительство мазаров знати, в те периоды, когда общины находились на летовках. Долина с мягкой почвой и близость воды создавали удобства для трудоемких работ, в том числе для изготовления кирпичей, поэтому глинобитные мазары строились вдоль дорог и водотоков. К тому же мазар у дороги не только напоминал путникам о бренности человеческого бытия, но и выставлял в хорошем свете сыновей усопшего асакала как людей достойных и богоугодных, воспитанных добрым отцом.

Мазар построен из глинобитных кирпичей (саман). По своим основным осям, проходящим по линиям ЮЗ–СВ и ЮВ–СЗ, он имеет размеры 15,5×15,6 м (все обмеры сняты по внешним стенкам). Центральное положение занимает основное помещение квадратной формы, размерами 9,7×9,7 м, ориентированное углами по сторонам света. Со всех его четырех сторон пристроено по одному малому помещению, что и придает крестовидную форму всему зданию (рис. 2). Каждое малое помещение имеет по три стены, а четвертая сторона обращена внутрь. Эти помещения имеют следующие размеры: северо-восточное – 2,7×4,6×2,7 м; северо-западное – 2,8×4,5×2,8 м; юго-западное – 2,7×5,5×2,2 м; юго-восточное – 3×4,8×3,4 м. В восточном углу центрального сооружения имеется выход из здания, выполненный в виде коридора длиной 3,4 и шириной 1,45 м.

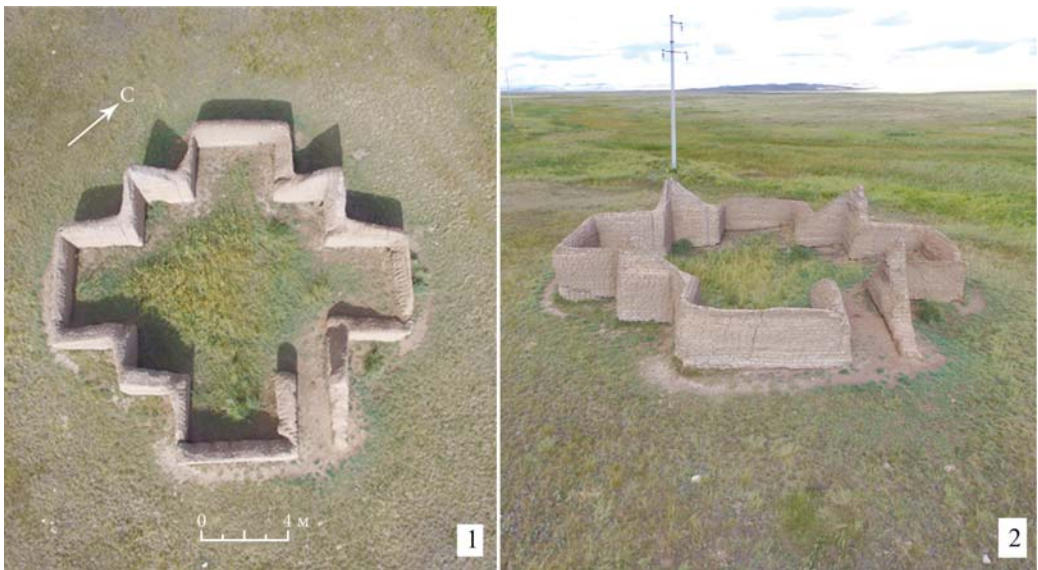

Рис. 2. Мазар султана Асана Чингисова, вид сверху

Толщина стен мазара везде примерно одинакова – около 0,8 м. Стены подняты также везде на одинаковую высоту – 2,4–2,5 м, за исключением того, что по всем четырем углам центрального строения выстроены «ушки» (каз. кулак) треугольной формы (рис. 2.-2), характерные для казахских могильных сооружений в виде круглых, прямоугольных оград (ср. торткулак, т.е., «четыре ушка», – прямоугольные, квадратные могильные сооружения, имеющие зубцы-кулаки на четырех углах). Высота таких «ушек» достигают 0,7–0,8 м. Общая высота на внутренних углах мазара, таким образом, составляет свыше 3 м.

Обычно в семейных мазарах крестовидной формы захоронения близких родственников совершались и в центральном, и в боковых помещениях. Здесь могильные холмики полностью сnivelированы под воздействием дождевой и талой воды, поверхность заросла травой, и следы захоронений уже не фиксируются достаточно четко. Оплывы стен фиксируются повсеместно. Мазар не имеет каменного фундамента и сохранился до наших дней лишь благодаря значительной толщине стен. В настоящее время памятник требует проведения скорейших консервационных и реставрационных работ. Невооруженным глазом видны сквозные трещины, образовавшиеся в стенах. Уже заметно проседание углов. Вода, стекающая по стенкам сооружения, медленно но необратимо разрушает основание здания (рис. 3).

Некоторые имеющиеся сведения, в том числе архивные материалы, позволяют в общих чертах наметить годы жизни султана Асана Чингисова, что важно в первую очередь для приблизительного определения времени строительства его мазара. Рассмотрение данных, касающихся всех подробностей жизни и биографии его потомков, в особенности современных, не входит в задачу настоящего сообщения.

Н.Я. Коншин [1901] отмечал, что у хана Букея было девять сыновей; Чингис, отец Асана, был старшим. Чингис, в свою очередь, имел 12 сыновей. Старшим был Турсун, первый Ага султан Каркаралинского внешнего округа. Предпоследним в списке Н.Я. Коншина [1901, с. 51] назван Асан, с именем которого и связан рассматриваемый мазар. В списке сыновей Чингиса, приведенном в материалах экспедиции Ф.А. Щербины, Асан также указан в конце [Материалы..., 1905]. Эти списки сыновей Чингиса были составлены не с учетом их возраста. Асан, судя по имеющимся архивным материалам [История..., 2008, с. 337–343; История Каркаралы..., 2009, с. 84–95], был в числе средних сыновей Чингиса и, несомненно, старше братьев (Джолды (Жолды), Абдильда, Джанай (Жанай) и др.).

Рис. 3. Виды мазара с юго-западной (1) и северо-восточной (2) сторон

В архивных материалах и современных исследованиях встречаются разные годы рождения Асана Чингисова. Некоторые современные исследователи полагают, что он родился в 1797 г. [Омурзаков и др., 2013, с. 108]. Эта дата не совпадает с данными архивных источников. Так, согласно «Именному списку султанам, биям, старшинам, почетным киргизам и тем из простых, кои имеютя почему-либо на особом замечении, Каркаралинского округа» [История..., 2008, с. 337–343], год рождения султана должен датироваться несколькими годами позже. Документ гласит: «Асан, сын Чингисов, султан, 42 года. Тихий. Очень богат. Дюсенбай-Чекчековской волости. В преданности несомнителен. Летние кочевки по речкам Нурам и окрестностям оных, от 100 до 250 верст к западу; зимние – на урочище Кент, в 30 верстах к юго-востоку от приказа» [История..., 2008, с. 337].

Этот документ составлен в 1842 г., и, если исходить из этих сведений, то датой рождения султана Асана Чингисова должен считаться 1800 г.

Такого же рода еще один документ [История Каркаралы..., 2009, с. 84–95] датируется 1850 г. «Асан Чингисов, султан, 49 лет. Характер сварливый, умен. Очень богат. Дюсенбай-Чекчековской волости, рода Букей, отделения Барак-хан. Летние кочевки по речки Нурам и в окрестностях оных, от 100 до 250 верст к западу от приказа» [История Каркаралы..., 2009, с. 84]. Согласно этому документу дата рождения султана Асана Чингисова падает на 1801 г.

А. Қият [2013, с. 137], издавший книгу о потомках султана Барака, на основании собранных им сведений из публикаций и архивных материалов, а также из устных данных считает, что Асан Чингисов родился в 1800 г.

Приведенным данным противоречат сведения еще одного архивного документа, датирующегося 1849 г. [История Казахстана..., 2006, с. 301–309]. В нем указано: «Асан Чингисов, 53 лет, султан. Очень богат. Дюйсенбай-Чекчекской волости. Летние кочевки по р. Нура и окрестностям оной, от 100 до 150 верстах к западу от приказа» [История Казахстана..., 2006, с. 301]. Согласно этим данным Асан Чингисов должен был родиться в 1796 г.

Как видим, имеются четыре даты рождения султана Асана Чингисова: 1796, 1797, 1800 и 1801 гг. Такое расхождение вполне объяснимо. Разного рода «бумаги» в то время составлялись по требованию начальства нижними чинами окружных приказов, позже – уездных канцелярий, и сведения по казахам нигде не отличались большой точностью. Кроме того, немало ошибок в ходе выписки архивных данных или переписываний набело рукописных материалов из архивных фондов допускается и в наши дни, как это должно быть известно читателям, в той или иной мере знакомым с работой такого рода. С учетом возраста старших братьев, также примерно определяемого по архивным данным, из указанных четырех дат рождения Асана Чингисова более подходящими являются последние две – 1800/1801 гг.

В 1858 г. султан Асан Чингисов участвовал в выборах Ага-султана Каркаралинского внешнего округа Ч. Биралина, его имя также значится списке лиц, участвовавших в выборах Ага-султана и в 1866 г. [История Каркаралы, 2009, с. 180, 306].

Последние сведения позволяют считать, что рассматриваемый мазар построен не раньше конца 1860-х гг., когда султан Асан Чингисов, надо полагать, человек еще крепкий, ездил в окружной приказ для участия в выборах. Дата его смерти неизвестна. На основании приведенных данных можно допустить, что мазар был построен, скорее всего, в 1870–1880-х гг.

Точных данных о месте рождения и смерти султана Асана Чингисова нет, но нужно брать в расчет следующие обстоятельства.

Букей хан и его сыновья в зимнее время жили в районе Кентских гор, с наступлением весны расходясь на летовки по речным долинам, в том числе вдоль рек Талды, Жарлы, Тундик, а также Нуры. Причем такая система кочевков установилась еще задолго до водворения в Каркаралинском крае русской власти. Так, в 1796 г. экспедиция подпоручика Телятникова, направляющегося в Ташкент, нашла летнее кочевье Чингиса и его отца Букея на реке Нура близ «горы Ботакара» [История Казахстана..., 2007б, с. 155]. В 1803 г. поручик Гавердовский встретил аулы Букей хана также на реке Нура, где, как он увидел, казахи «начали производить небольшое земледелие, наводняя поля из реки каналами» [История Казахстана..., 2006а, с. 347].

Как специально отмечал Алихан Букейханов, исследователь, знаток Каркаралинского края, старая зимовка, «карикыстау», Чингиса Букейханова находилась в ущелье Кызылкеныш (см.: [Бейсенов, 2017, с. 471–472]), известного, помимо прочего, многочисленными и яркими археологическими памятниками, среди которых есть и крупное поселение протогородского типа эпохи поздней бронзы Кент [Варфоломеев, 2011].

Ввиду сказанного можно предположить, что дети Чингиса, в том числе Асан, родились вблизи Кента. Это могло быть ущелье Кызылкеныш или долины близлежащих рек, например долина р. Талды. Если зимовка была в районе Кента, то весенняя (коктеу) и осенняя (кузеу) стоянки хозяйств находились на небольших расстояниях от нее. Исключение составляет летний период, когда аулы отходят дальше. Как было отмечено выше, не только Букей, но и Чингис еще ходили летовать на Нуру, в район горы Ботакара, что находится вблизи современного одноименного поселка, центра Бухаржирауского района Карагандинской области. В дальнейшем, во времена внуков Букея, кочевые пути сокращаются.

Повзрослев, создав собственные семьи, сыновья Чингиса расходились от отцовского удела, приобретая новые зимники. Некоторые уходили на значительные расстояния, были и те, которые оставались зимовать в районе Кента. Например, известно, что Турсун Чингисов (Жамантай хан среди казахов, также Джамантай, Ямантай в русских документах), старший среди сыновей и будущий Ага-султан Каркаралинского внешнего округа, выселился в горы Каракуыс, что неподалеку от современного села Нуркен. Он обосновал новую зимовку в том самом ущелье Бақыбулак, где в наши дни исследован одноименный могильник раннего этапа тасмолинской культуры.

Известны места зимников сыновей Асана Чингисова на северных склонах горы Коньркулжа, что находится на довольно значительном расстоянии к юго-западу от Кента, посредине между современными селами Бесоба и Токтар. Но о раннем поселении там их отца, Асана Чингисова, данных нет.

Согласно документу 1842 г. султан еще зимовал «на урочище Кент, в 30 верстах к юго-востоку от приказа» [История..., 2008, с. 337], т.е. от современного города Каркаралы. Это говорит о том, что султан в возрасте 42 лет еще зимовал в районе Кента, недалеко от отцовской зимовки. Отсюда ходили на летовки в районы верхнего течения реки Нура, как сообщается в этом же документе. На верхнем течении Нуры и находится рассматриваемый мазар. Верхнее течение Нуры к Кенту уже определенно ближе, чем гора Ботакара, что и говорит о сокращении кочевых путей.

Получается, что султан Асан Чингисов перешел на зимники в районе горы Коньркулжа после 1842 г., уже имея взрослых сыновей. В любом случае, ущелья Караольке, Кызылкаин и некоторые другие, расположенные на северных склонах горы Коньркулжа, к концу

XIX в. были связаны с именами сыновей и внуков Асана Чингисова (см.: [Материалы..., 1905, поаульные таблицы, с. 134]). Султан Асан родился от второй жены Чингиса, женщины по имени Жекепар, плененной туркменки, как отмечал А. Букейханов [Материалы..., 1905, с. 20]. Тогда как старший сын Чингиса Турсун происходил от старшей жены Дильдекей (Дильдахай), дочери хана Аблая, и, имея, вероятно, более высокий авторитет и значительные привилегии среди братьев, смог первым заполучить новые земли.

Султан Асан Чингисов имел пятерых сыновей. Это Абай, Бек (Жаксыбек), Сок, Токан и Касжан Асановы. Имена этих султанов, а также зятя Асана Чингисова, Бирали, встречаются в дореволюционных работах и в архивных материалах [Материалы..., 1905; История Каркаралы..., 2008; 2009]. По-видимому, сыновья, повзрослев и воспитав уже своих сыновей, составили довольно солидное окружение своему отцу. Так, в выборах Ага-султана, состоявшихся в 1858 г., участвовали Асан Чингисов и четверо его сыновей: Абай, Бек, Сок и Токан Асановы [История Каркаралы..., 2009, с. 180]. Избирательный акт еще одних выборов, прошедших уже 1866 г., показывает, что в них участвовало целое семейство султанов: Асан Чингисов, его сыновья Бек, Сок, Токан и Касжан Асановы, его внуки Косай Абаев и Исмаил Беков [История Каркаралы..., 2009, с. 306].

По-видимому, в отличие от своих братьев, султан Асан Чингисов не имел особую тягу к должностям, а был более приверженным к хозяйству, умножал свои стада. Не зря его в документах окружного приказа отмечали как «умного», «богатого» и «очень богатого» человека (см. выше). А. Қият [2013, с. 137] приводит сведения о том, что он имел 800 голов лошадей. Действительно, если самый старший его брат Турсун Чингисов (Джамантай хан) в течение многих лет был Ага-султаном Каркаралинского округа [Әрінулы, 2003, с. 14], а еще четверо братьев, Джангир, Абдильда, Сергазы и Джолды, – волостными управителями [История Каркаралы..., 2008, с. 237–238, 242, 318, 319, 354], то сведения о его службе в качестве волостного или о его участии в выборах в качестве кандидата на эту должность отсутствуют. Один из его сыновей, султан Бек Асанов, избирался в 1864 г. на трехлетье управителем Дюсенбай-Чекчековской волости [История Казахстана..., 2006, с. 676–677].

Курган с менгиром, по-видимому, ранее не осматривался археологами. Он находится на том же левом берегу водотока, где стоит мазар, на расстоянии 110 м к востоку–юго-востоку от него. Это одно из захоронений довольно значительного могильника эпохи бронзы, к настоящему времени полностью разрушенного многолетней распашкой долины, которая начинается сразу же к югу от рассматриваемого кургана. Обломки плит от могильных конструкций, точнее оставшаяся часть их, фиксируются и в наши дни. О типе конструкций судить сейчас невозможно. Но, скорее всего, они имели вид сильно уплощенных невысоких насыпей или низких оград без земляного верха. Обычно именно такие невысокие конструкции, не имеющие значительных насыпей и крупных каменных составляющих, распаиваются бесследно.

Насыпь кургана земляная, округлой на плане формы (рис. 4). Диаметр насыпи 19 м, высота – 1,5 м. На поверхности насыпи, в нижней ее части, фиксируются невысокие плиты ограды, округлой же формы, диаметр которой меньше диаметра первой. Верхние кромки плит находятся на расстоянии 1,2–1,3 м от края насыпи, на 0,2–0,3 м выше основания. Диаметр ограды составляет около 16,5 м. В центре насыпи фиксируется грабительская воронка диаметром около 3 м и глубиной 0,2 м. Насыпь кургана со всех сторон окружают западины, образовавшие в результате выборки грунта. Ширина этих западин, имеющих глубину 0,15–0,3 м, составляет 3–4 м. С северной стороны

Рис. 4. Курган с менгиром

кургана, на расстоянии 13 м от края насыпи и 8 м от края западины, находится вертикально установленный менгир. Камень имеет высоту 1,45 м, в нижней части его размеры примерно 0,5×0,3 м. Менгир имеет характерную слегка изогнутую форму. Вокруг основания фиксируются камни, находящиеся в дерне и, по-видимому, составляющие небольшую выкладку округлой формы.

Обсуждение результатов

Крестообразный мазар султана Асана Чингисова не одинок в своем окружении. Ближайший его аналог находится всего в 4–5 км западнее, на территории комплекса, условно именуемого «старый аул Халпе». Он состоит из руинизированных остатков нескольких сооружений, в числе которых кыстау (зимовка) Халпе, мечеть или «медресе», а также ряд могил. В числе последних находится и значительно разрушенный уже мазар крестообразной планировки. Этот мазар не относится к погребениям султанов. Здесь покоится с ближайшими родственниками сам Халпе (Калпе) из рода тока (Средний жуз, аргыны), человек духовного сана, живший здесь в конце XIX – начале XX в. и державший мечеть [Бейсенов и др., 2017, с. 426–427]. Осмотрены автором настоящего сообщения крестообразные мазары султанов Джангира, Турсуна Чингисовых, Тулюка Турсунова, а также несколько безымянных, – все они находятся на территории Каркаралинского района. Крупный мавзолей крестовидной планировки Айранбай (Бескумбез) [Шашенов, Бейсенов, 2017] находится на территории Улытауского района. Два крестообразных мазара, Будан и Жакпай, были осмотрены в полевом сезоне 2019 г. близ хребта Чингистау. Все эти объекты осматривались в ходе археологических разведок, их основной целью являлись поиск и фиксация памятников археологии, поэтому здесь речь не идет о целенаправленных исследованиях. Это неполные данные.

Мавзолей Айранбая (рис. 5), выложенный из сырцового кирпича с плотной наружной облицовкой из жженого кирпича, построен по крестообразной планировке, с центральным большим помещением и четырьмя боковыми. Верх здания увенчан пятью невы-

сокими куполами, по одному над каждым помещением, поэтому памятник носит и второе название – Бескумбез, т.е., Пятикупольный (от каз. «бес» – пять и «кумбез» – купол). По данным Карагандинской областной госинспекции охраны памятников, высота здания свыше 5 м. Погребенный здесь Айранбай Кулшыкулы из рода баганалы (Средний жуз, найманы), волостной управитель Атбасарского внешнего округа, родился в 1803 г. и являлся почти ровесником султана Асана Чингисова. Но, судя по арабографической надписи на стене сооружения, прочтенного А.З. Бейсеновым [Шашенов, Бейсенов, 2017], мавзолей построен в 1911 г., т.е. на несколько десятилетий позже, чем рассматриваемый мазар.

Крестообразный мазар султана Джангира Чингисова, находящийся вблизи с. Токтар, имел деревянные пирамидальные крыши, возведенные над боковыми помещениями (рис. 6). В настоящее время крыши сохранились лишь над двумя помещениями. Как показали обследования, крыша представляла собой бревенчатый каркас с прямоугольным основанием, обшитый досками, который был поставлен прямо на стены помещений. По этой причине памятник имеет и второе название – «Шатырлы бейит», т.е. могила с крышей. Среди старожилов с. Нуркен в начале 2000-х гг. бытовало мнение о том, что и на мазаре Турсуна Чингисова имелись такие крыши, будто бы разобранные в 1920-х гг. (информатор – А. Акыжанов, 1942 г.р., полевая запись автора 2001 г.). Эти пирами-

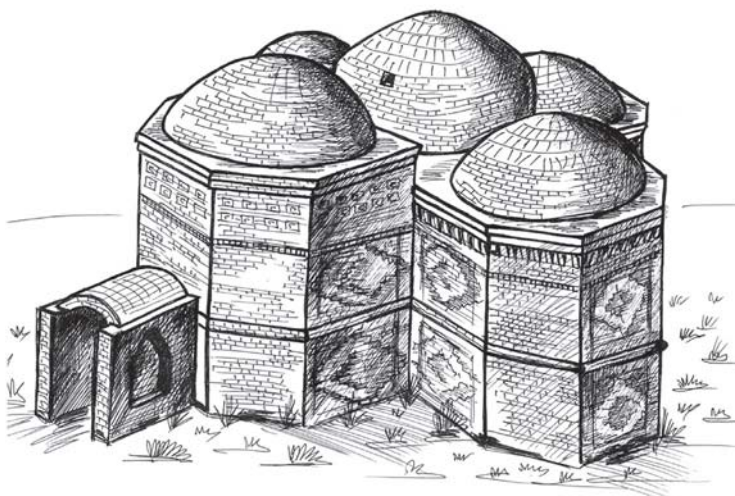

Рис. 5. Мавзолей Айранбая. Внешний вид (по: [Шашенов, Бейсенов, 2017])

Рис. 6. Мазар султана Джангира Чингисова, 2013 г. Фото Б. Аубакирова

дальние деревянные крыши на крестовидных мазарах, по-видимому, заменяли купола. Следует отметить, что Турсун и Джангир были старшими братьями Асана Чингисова, мазары этих людей были построены несколько раньше, чем мазар в урочище Асан.

К более раннему времени относится, вероятно, и крестообразный мазар Будана, находящийся у северо-западной оконечности хребта Чингистау, вблизи с. Токтамыс. Неподалеку от него зафиксирован и мазар Жакпай, сильно разрушенный. Оба мазара построены из сырцового кирпича. В обоих похоронены люди из рода тобыкты (Средний жуз, аргыны). Мазар Будана (рис. 7) имеет традиционные четыре боковых малых помещения, над которыми возведены купола. Центральное – открытое помещение имеет форму прямоугольника, вытянутого с северо-востока на юго-запад. На всех четырех стенах его сделаны небольшие двери-проемы, ведущие в пристройки. Общий вход осуществлялся через юго-восточное малое помещение, которое сохранилось лучше остальных. В центре этого помещения находится захоронение, намогильная сырцовая выкладка которого осела, образовав провал, а в западном углу, у стены, оставлены два конских черепа, которые указывают на проведенные ритуалы.

На мазаре Будана интересен прием, использованный для возведения купола над прямоугольными помещениями. Для этого вкруговую на стенах горизонтально проложены крупные плиты, выполняющие роль угловых перекрытий. Купол из того же сырцового кирпича, что и стены мазара, возведен на этой круглой каменной основе. Метод угловых перекрытий над прямоугольной базой (стеной), создающих основу для последующего поднятия высоты сооружения, но уже с использованием бревен, замечен автором на мазаре Жандерке Кудабая, деда известного общественного и политического деятеля первой трети XX в. Ж. Акбаева. Мазар этот, обследованный автором в полевом

Рис. 7. Мазар Будана, 2019 г. Фото Д.Б. Дуйсенбая

сезоне 2019 г., находится близ с. Милыбулак Каркаралинского района. Дело в том, что прием угловых перекрытий над прямоугольным сооружением, осуществляемый с помощью крупных плит, на территории Казахского мелкосопочника применялся еще в эпоху бронзы, и это отмечали в свое время А.Х. Маргулан, А.М. Оразбаев.

Мазар султана Асана Чингисова не имеет купольного оформления. Вместе с тем примеры мазаров Айранбая, Джангира и Будана дают основание полагать, что семейные по-

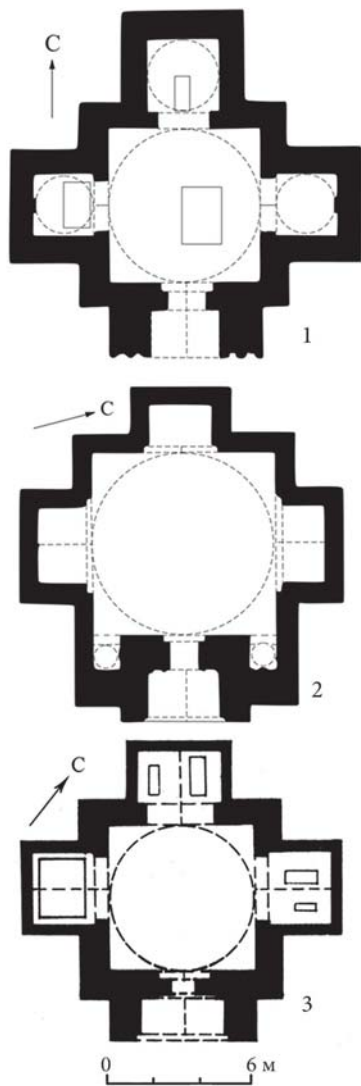

Рис. 8. Крестообразные сооружения. Планы: 1 – мавзолей Исмаил ата; 2 – ритуальное сооружение Чилляхана; 3 – мавзолей Исхак ата (по: [Свод памятников..., 1994])

гребальные усыпальницы крестообразной планировки продолжают традицию купольных мавзолеев. Эти сооружения генетически восходят к купольным мавзолеям средневековой и позднесредневековой эпохи, построенным в крестообразной планировке. Мавзолеем Исмаил ата (рис. 8.-1), входящий в одноименный архитектурный комплекс, находится в Казыгуртском районе современной Туркестанской области. В этот же комплекс входит и Чилляхана, где проводились поминальные ритуалы (рис. 8.-2). Неподалеку от них находится и мавзолей Исхак ата (рис. 8.-3), входящий в состав другого архитектурного комплекса. Архитектурный комплекс Исмаил ата состоит из многих строений и кладбища, которые датировались периодом XI–XIX вв. [Свод памятников..., 1994, с. 184]. Мавзолеем Исмаил ата, одно из строений этого комплекса, был возведен над погребением религиозного деятеля – святого мусульманского проповедника. Современные исследователи относят этот памятник к XV в. [Мырзабаев, 2007]. Мавзолей, построенный из квадратного жженого кирпича на ганчевом растворе, состоит из главного объема, покрытого куполом, и трех невысоких боковых апсид, перекрытых арочными сводами. Главный фасад здания выполнен в виде высокого портала. В апсидах на низких суфах поставлены надгробия-сагана. Считается, что в левом от входа помещении погребен сам Исмаил ата [Свод памятников..., 1994, с. 184–185]. Построен по этому же принципу и мавзолей Исхак ата, входящий, наряду с другими постройками, в одноименный архитектурный комплекс [Свод памятников..., 1994, с. 186].

Стоит упомянуть проблему ранних крестовидных построек присырдарьинского региона, хотя рассмотрение этого вопроса не входит в задачу настоящего сообщения. Этой теме посвящен целый ряд публикаций, в которых читатель найдет многие детали, раскрывающие суть проблемы [Хасанов, 2004; Богомолов, Ильясова, 2010; Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011; Смагулов, 2016; 2017; Смагулов, Ержигитова, 2017].

Ербулат Акежанович Смагулов (1952–2019), замечательный ученый, археолог, которому выпала честь быть бессменным исследователем Туркестана в течение

многих лет, в последний период своей жизни уделял особое внимание теме крестовидных построек древности. Одним из великолепных открытий исследователя и его научной группы, в составе которой были А.А. Ержигитова, А.И. Торгоев и другие археологи, была цитадель на Культобе Туркестанском. Здесь была вскрыта и продатирована хорошим материалом глинобитная постройка крестовидной планировки, с ее юго-восточной стороны находилось второе здание (юго-восточное, «ЮВЗ») [Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011, рис. 4; Смагулов, 2016, рис. 3], которое следовало считать уже «крестообразным».

Е.А. Смагулов и другие исследователи писали о нюансах в общей проблематике разного рода крестовидных сооружений эпохи античности и раннего Средневековья: замков, цитаделей, укрепленных усадеб, сооружений культового назначения и др. Е.А. Смагулов, вслед за другими археологами, сделал весьма важное уточнение по поводу применения терминов в отношении этих сооружений. По его мнению, «следует четко отличать» два типа построек. Сооружения на «Шольтобе и Кызылкайнаре, Культобе Туркестанском, а также Актобе-2 Чардарьинской и Актобе Каратауское» следует называть «здания крестовидной планировки». Такие сооружения, как «Мингурик и Шаштепе в Ташкенте, ЮВЗ на Культобе Туркестанском», – это «здания с крестообразной планировкой», в основе которых находится большое квадратное сооружение с малыми боковыми помещениями [Смагулов, 2017, с. 111].

Исследователь пришел к заключению о том, что на Культобе Туркестанском «крестовидная постройка» является наиболее ранней и ее можно отнести к периоду I (СГ1) застройки цитадели. Затем появляется ЮВЗ, крестообразной формы, цитадель выступает уже как единый ансамбль из указанных двух сооружений, что имело место в период второго строительного горизонта (СГ2). Указанные два «строительных этапа» исследователь датирует периодом I–IV вв. [Смагулов, 2017, с. 312].

В публикации, подготовленной совместно с А.А. Ержигитовой и А.И. Торгоевым, исследователь высказывает важную мысль о времени затухания традиции крестовидных сооружений к V в. С учетом синхронности процесса «запустения построек типа на Кызылкайнаре и Чольтобе, Актобе и Культобе» была высказана мысль о том, что этот период (V в. – А.Б.) является проявлением «некоего хронологического рубежа в этнокультурной истории региона» [Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011, с. 70]. Здания различной функциональной направленности, имеющие крестовидную и крестообразную планировки, появляются в сырдарьинском регионе еще в древности, одним из ранних их аналогов является постройка на цитадели Бабиш-Мола-1, который датируется периодом VI–II вв. до н.э. [Смагулов, 2017, с. 105]. Связь древних построек и средневековых крестообразных мавзолеев и мазаров типа Исмаил ата и др., к которым восходит и форма рассматриваемого в настоящем сообщении мазара, исследователями еще не рассмотрена.

Заключение

Мазар султана Асана Чингисова относится к типу построек крестообразной формы, имеющей в основе квадрат, к сторонам которого пристроены малые помещения. Мазар, вероятнее всего, был построен в 1870–1880-х гг.

По своей форме он, как и другие аналогичные мазары Казахского мелкосопочника, распространенные в степных пространствах от Улытау до Чингистау, связан с позднесредневековыми купольными погребально-поминальными сооружениями сырдарьинского региона. Если учесть расположение рассматриваемых мазаров на территории расселения родов казахского Среднего жуза, в прошлом, в эпоху Казахского ханства, теснейшим образом связанных с регионами Средней Сырдарьи, то эта связь не должна вызывать каких-ли-

бо сомнений. Появление их в середине – 2-й половине XIX в. напрямую связано с наступлением общей стабильности в среде общин родов Среднего жуза, когда мирное обустройство и наличие реальных механизмов для организации важных жизненных сфер вызвали новации из области забытых традиций. Помимо строительства глинобитных, каменных мазаров, количество которых резко увеличивается во второй половине XIX в., это касается и многочисленных зимовок, сотнями разбросанных по всей Сарыарке, от Тургая до Чингистау, во многих особенностях которых нельзя не заметить «сырдарьинский след». Автор не разделяет некоторые идеи о причинах появления крестообразных мазаров в Центральном Казахстане (правда, не имеющие статуса научных печатных работ), согласно которым эти постройки «придуманы» в кругу представителей султанского сословия или же берут начало с дворца «Кыз Аулие» (Кызылкентский дворец) (о нем см.: [Смаилов, Бейсенов, 1996]). Такого рода высказывания объединяет незнание хотя бы общей сути проблем и аспектов, связанных с крестовидными сооружениями древности и Средневековья. Появление и распространение крестообразных мазаров в Центральном Казахстане, помимо общей причины, указанной выше, связано с социальным аспектом, с особенностями образа жизни многодетных семейств знати, в какой-то период истории организованного в клановой форме. Именно в такой или близкой форме, по-видимому, жили мусульманские проповедники эпохи Средневековья, окруженные учениками и ближайшими сторонниками, родственниками, для погребения которых выбирались мазары и мавзолеи надлежащих форм (типов).

Султан Асан Чингисов, живший в период 1800–1870-х гг., был одним из представителей яркой «султанской эпохи» в жизни казахов Среднего жуза, официально завершившейся в результате имперской реформы 1867/1868 гг. Как показывают исторические сведения, достопочтенному аксакалу были ближе его стада, другие жизненные ценности, нежели официальные должности. Оставил многочисленное потомство*. Многие его правнуки, родившиеся еще в царскую эпоху, были живы сравнительно недавно и проживали в населенных пунктах Карагандинской области. Джакуп Арингазинов, правнук султана Асана Чингисова по линии его сына Токана, родился, как он рассказывал автору, в урочище Караольке, близ горы Коныркулжа, много лет работал на шахте в г. Караганде, умер в 1982 г. в возрасте около 80 лет. Еще один правнук Асана Чингисова, Кемельхан Айтжанов, по линии сына его Касжана, а также внук Джумаш, сын Бека (Жаксыбека) Асанова, в начале 1980-х гг. проживали в с. Токтар. Автору также доводилось их видеть: оба они были еще крепкие, занятые в хозяйстве аксакалы, возраст которых давно перевалил за восьмидесятилетний рубеж.

Исследование кургана с менгиром является, несомненно, перспективным и актуальным: он имеет явно ранний облик. Округлые земляные курганы с низкой оградой, сооруженной у основания или на краю насыпи, с западинами от выборки грунта, характерны для андроновского времени. Курган имеет довольно значительную для андроновских памятников высоту – 1,5 м. Судя по внешним особенностям, курган, вероятно, относится к нуринской (федоровской) культуре, возможно, ее завершающему этапу. В настоящее время исследователи проводят работу по систематизации данных о древних менгирах Центрального Казахстана, известных еще по работам А.Х. Маргулана (подробнее см.: [Касенова, 2019]). При этом наиболее ранние камни больше связывают с бегазы-дандыбаевской культурой эпохи поздней бронзы, а следующую группу – с тасмолинской культурой раннего железного века [Beisenov, 2017]. Андроновские памятники, связанные с менгирами, еще не исследованы.

* Автор выражает признательность за ценные консультации Мадияру Капашеву, 1962 г. р., с. Токтар.

Библиографический список

Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // II Аргынбаевские чтения: материалы Международной конференции. Алматы, 25 декабря 2014 г. Алматы : КазНУ, 2014. С. 87–90.

Бейсенов А.З. Кызылкеныш, комплекс памятников // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 464–472.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения – 2019 : материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г. Нур-Султан : НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2019. С. 10–38.

Бейсенов А.З., Кукушкин И.А., Дуйсенбай Д.Б. Бесоба, комплекс памятников // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 424–429.

Богомоллов Г.И., Ильясова С. К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии: сборник статей в честь Поля Бернара. Самарканд : Заравшан, 2010. С. 106–116.

Бөкейхан Ә. Таңдамалы. Избранное / отв. ред. Р. Нургалиев. Алматы : Казахская энциклопедия, 1995. 478 с.

Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 85–96.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII. Ч. 1. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. / сост. Б.Т. Жанаев. Алматы : Дайк-пресс, 2006. 716 с.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы : Дайк-Пресс, 2007а. 620 с.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы : Дайк-Пресс, 2007б. 516 с.

История Каркаралы в документах и материалах. Т. 1. Каркаралинский внешний округ / сост. А.З. Бейсенов, М.Г. Жылысбаева, И.М. Самигулин, Д.Ж. Турсынбаев. Алматы : Инжу-Маржан полиграфия, 2008. 494 с.

История Каркаралы в документах и материалах. Т. 2. Каркаралинский внешний округ / сост. А.З. Бейсенов, М.Г. Жылысбаева, Г.М. Каратаева, Р.Е. Оразов, Д.Ж. Турсынбаев. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2009. 508 с.

Касенова А.Д. История изучения древних и средневековых каменных изваяний Сарыарки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 32 с.

Коншин Н.Я. Заметки о киргизских родах и султанах в Каракаралинском крае // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Вып. VI. Семипалатинск : Тип. Семипалатинского обл. правления, 1901. С. 41–54.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 6. Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. Санкт-Петербург : Надзаг., 1905. 1149 с. разд. паг., 2 л. карт.

Омурзаков Р.К., Табулдин Г.Ж., Оловинцев А.Г. Казахские ханы и потомки. Кокшетау : Мир печати, 2013. 488 с.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. 1. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 1994. 368 с.

Смаилов Ж.Е., Бейсенов А.З. Исследование Кызылкентского дворца в Центральном Казахстане // Некоторые вопросы истории Казахстана. Жезказган : ЖезУ, 1996. С. 58–67.

Смагулов Е.А. Город Туркестан: первый мавзолей над могилой Ходжа Ахмеда Ясави // Актуальные проблемы археологии Евразии : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Ин-

ститута археологии им. А.Х. Маргулана (18–19 октября 2016 г.). Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 487–506.

Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 341 с.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Древняя цитадель города Туркестан // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 247–252.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И. Открытие археологического комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 12–15 декабря 2011 г. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 3. С. 61–71.

Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Узбекистан Ю.Ф. Бурякова / под ред. Д.А. Алимовой, А.А. Анарбаева. Самарканд : Институт археологии, 2004. С. 155–161.

Шашенов Д.Т., Бейсенов А.З. Айранбай (Бескумбес), мавзолей // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 381–382.

Beisenov A.Z. Tasmola culture. Stone sculptures and menhirs // История и археология Турана [History and archeology of Turan]. 2017. №3. С. 59–66.

Қият А. Барақ сұлтан әулеті. Алматы : Ел шежіре, 2013. 364 б. (на каз. яз.)

Мырзабаев А. Ысмайыл ата күмбесі // Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. Т. 9. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2007. 644 б. (на каз. яз.)

Қириңлы А. Атақоныс Арқадағы – шежірелі Арқаралы. Алматы : Дәуір, 2003. 224 б. (на каз. яз.)

References

Beisenov A.Z. Ob ispol'zovanii dannyh kazahskoj etnografii v arheologicheskikh issledovaniyah [Kazakh Ethnography Data in Archaeological Research]. II Argyinbaevskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj konferencii [II Argyinbaev Readings: Materials of the International Conference]. Almaty, 25 dekabrya 2014 g. Almaty : KazNU, 2014. Pp. 87–90.

Beisenov A.Z. Kyzylkenysh, kompleks pamyatnikov [Kyzylkenysh, a Complex of Sites]. Sakral'naya geografiya Kazahstana: Reestr ob'ektov prirody, arheologii, etnografii i kul'tovoj arhitektury [Sacred Geography of Kazakhstan: Register of Objects of Nature, Archaeology, Ethnography and Religious Architecture]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Vyp. 1. Pp. 464–472.

Beisenov A.Z. K.A. Akishev i voprosy izucheniya pamyatnikov kazahskogo vremeni [K.A. Akishev and the Issues of Studying the Sites of the Kazakh Time]. Margulanovskie chteniya – 2019: materialy Mezhdunarodnoj arheologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya kazahstanskogo arheologa K.A. Akisheva Nur-Sultan, 19–20 aprelya 2019 g. [Margulanov Readings – 2019: Materials of the International Archaeological Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Kazakhstan Archaeologist K.A. Akishev. Nur Sultan, April 19–20, 2019]. Nur-Sultan : NII arheologii im. K.A. Akisheva, 2019. Pp. 10–38.

Beisenov A.Z., Kukushkin I.A., Dujsenbaj D.B. Besoba, kompleks pamyatnikov [Besoba, a Complex of Sites]. Sakral'naya geografiya Kazahstana: Reestr ob'ektov prirody, arheologii, etnografii i kul'tovoj arhitektury [Sacred Geography of Kazakhstan: Register of Objects of Nature, Archaeology, Ethnography and Religious Architecture]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Issue 1. Pp. 424–429.

Bogomolov G.I., Il'yasova S. K diskussii o zdaniyah s krestobraznoj planirovkoj v Chache [To the Discussion of Cross-Shaped Buildings in Chach]. Tradicii Vostoka i Zapada v antichnoj kul'ture Srednej Azii: sbornik statej v chest' Polya Bernara [Traditions of East and West in the Ancient Culture of Central Asia: Collection of Articles in Honor of Paul Bernard]. Samarkand : Zaravshan, 2010. Pp. 106–116.

Bøkejhan Ø. Таңдамалы. Izbrannoe [Таңдамалы. Favorites] отв. ред. R. Nurgaliev [Ed. By R. Nurgaliev]. Almaty : Kazhskaya enciklopediya, 1995. 478 p.

Varfolomeev V.V. Kent – gorod bronzovogo veka. Novye issledovaniya v epohu nezavisimosti [Kent is a city of the Bronze Age. New Research in the Era of Independence]. Svideteli tsysacheletij: arheologicheskaya

nauka Kazahstana za 20 let (1991–2011) [Witnesses of the Millennia: the Archaeological Science of Kazakhstan for 20 years (1991–2011)]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2011. Pp. 85–96.

Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vv. T. VIII. Ch. 1. O pochetnejshih i vliyatel'nejshih ordyncah: alfavitnye, imennye, formulyarnye i posluzhnye spiski. 12 noyabrya 1827 g. – 9 avgusta 1917 g. / sost. B.T. Zhanaev [The History of Kazakhstan in the Russian Sources of the 16th – 20th Centuries. Vol. VIII. Part 1. On the Most Honorable and Influential Horde People: Alphabetical, Nominal, Formulary and Track Records. November 12, 1827 – August 9, 1917 / comp. B.T. Zhanaev]. Almaty : Dajk-press, 2006. 716 p.

Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vv. T. V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazahskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka / sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev [The History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th – 20th Centuries. Vol. VI. Travel Diaries and Service Notes on Trips along the Southern Steppes. The 18th – 20th Centuries. Comp. by I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev]. Almaty : Dajk-Press, 2007a. 620 s.

Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vv. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnyh stepyam. XVIII–XIX veka / sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev [The History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th – 20th Centuries. Vol. VI. Travel Diaries and Service Notes on Trips along the Southern Steppes. The 18th – 19th Centuries / comp. by I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev]. Almaty : Dajk-Press, 2007b. 516 p.

Istoriya Karkaraly v dokumentah i materialah. T. 1. Karkaralinskij vneshnij okrug / sost. A.Z. Bejsenov, M.G. Zhylyysbaeva, I.M. Samigulin, D.Zh. Tursynbaev [History of Karkaraly in Documents and Materials. Vol. 1. Karkaraly External District / comp. by A.Z. Beisenov, M.G. Zhylyysbaeva I.M. Samigulin, D.Zh. Tursynbayev]. Almaty : Inzhu-Marzhan poligrafiya, 2008. 494 p.

Istoriya Karkaraly v dokumentah i materialah. T. 1. Karkaralinskij vneshnij okrug / sost. A.Z. Bejsenov, M.G. Zhylyysbaeva, I.M. Samigulin, D.Zh. Tursynbaev [History of Karkaraly in Documents and Materials. Vol. 2. Karkaraly External District / comp. by A.Z. Beisenov, M.G. Zhylyysbaeva I.M. Samigulin, D.Zh. Tursynbayev]. Almaty : Inzhu-Marzhan poligrafiya, 2009. 508 p.

Kasanova A.D. Istoriya izucheniya drevnih i srednevekovyh kamennyh izvayanij Saryarki: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The History of the Study of Ancient and Medieval Stone Sculptures of Saryarka: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 2019. 32 p.

Konshin N.Ya. Zametki o kirgizskih rodah i sultanah v Karakalinskij krae [Notes on the Kyrgyz Clans and Sultans in the Karakalyn Region]. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoj oblasti na 1902 god. Vyp. VI [Memorial Book of the Semipalatinsk Region for 1902. Vol. VI]. Semipalatinsk : Tip. Semipalatinskogo obl. pravleniya, 1901. Pp. 41–54.

Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. 6. Semipalatinskaya obl., Karkaralinskij uезд. [Materials on Kyrgyz Land Use, Collected and Developed by an Expedition to Study the Steppe Regions. T. 6. Semipalatinsk region., Karkaraly district]. Sankt-Peterburg : Nadzag., 1905. 1149 s. razd. pag., 2 l. kart.

Omurzakov R.K., Tabuldin G.Zh., Olovincev A.G. Kazahskie hany i potomki [Kazakh Khans and Descendants]. Kokshetau : Mir pechati, 2013. 488 p.

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazahstana. T. 1 [The Set of Historical and Cultural Sites of Kazakhstan. Vol. 1]. Almaty : Қазақ enciklopediyasy, 1994. 368 p.

Smailov Zh.E., Bejsenov A.Z. Issledovanie Kyzylkentskogo dvorca v Central'nom Kazahstane [Study of the Kyzylkent Palace in Central Kazakhstan]. Nekotorye voprosy istorii Kazahstana [Some Issues of the History of Kazakhstan]. Zhezkazgan : ZhezU, 1996. Pp. 58–67.

Smagulov E.A. Gorod Turkestan: pervyj mavzolej nad mogiloj Hodzha Ahmeda Yasavi [The City of Turkestan: the First Mausoleum over the Grave of Khoja Ahmed Yasavi]. Aktual'nye problemy arheologii Evrazii : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 25-letiyu Instituta arheologii im. A.H. Margulana (18–19 oktyabrya 2016 g.) [Actual Problems of the Archaeology of Eurasia: a Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th Anniversary of the Institute of Archeology named after O.H. Margulan (October 18–19, 2016)]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2016. Pp. 487–506.

Smagulov E.A. Drevnij Turkestan: shtrihi k istoricheskomu portretu [Ancient Turkestan: Strokes to a Historical Portrait]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. 341 p.

Smagulov E.A., Erzhigitova A.A. Drevnyaya citadel' goroda Turkestan [The Ancient Citadel of Turkestan]. III Mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskikh stepej «Mezhdu Vostokom i Zapadom:

dvizhenie kul'tur, tekhnologij i imperij» / otv. red. N.N. Kradin, A.G. Sitdikov [III International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes "Between East and West: the Movement of Cultures, Technologies and Empires" / ed. By N.N. Kradin, A.G. Sitdikov]. Vladivostok : Dal'nauka, 2017. Pp. 247–252.

Smagulov E.A., Erzhigitova A.A., Torgoev A.I. Otkrytie arheologicheskogo kompleksa citadeli drevnego Yasy/Turkestana [Opening of the Archaeological Complex of the Citadel of Ancient Yasa/Turkestan]. Arheologiya Kazahstana v epohu Nezavisimosti: itogi, perspektivy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 20-letiyu Instituta arheologii im. A.H. Margulana. Almaty, 12–15 dekabrya 2011 g. [Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Prospects: a Collection of Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th Anniversary of the Margulan Institute of Archaeology. Almaty, December 12–15, 2011]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2011. Vol. 3. Pp. 61–71.

Hasanov M. Rasprostranenie krestoobraznoj planirovki v arhitekture Srednej Azii [Distribution of Cruciform Planning in the Architecture of Central Asia]. Arheologiya i istoriya central'noj Azii. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Akademii nauk Respubliki Uzbekistan Yu.F. Buryakova / pod red. D.A. Alimovoj, A.A. Anarbaeva [Archaeology and History of Central Asia. On the occasion of the 70th Birthday of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Yu.F. Buryakova / ed. by D.A. Alimova, A.A. Anarbaeva]. Samarkand : Institut arheologii, 2004. Pp. 155–161.

Shashenov D.T., Bejsenov A.Z. Ajranbaj (Beskumbez), mavzolej [Airanbay (Beskumbez), Mausoleum]. Cakral'naya geografiya Kazahstana: Reestr ob'ektov prirody, arheologii, etnografii i kul'tovoj arhitektury [Sacred Geography of Kazakhstan: Register of Objects of Nature, Archaeology, Ethnography and Religious Architecture]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Issue 1. Pp. 381–382.

Beisenov A.Z. Tasmola Culture. Stone Sculptures and Menhirs // Istoriya i arheologiya Turana [History and Archeology of Turan]. 2017. №3. Pp. 59–66.

Қият А. Барақ сұлтан әулеті [The Dynasty of Sultan Barak]. Almaty : El shezhire, 2013. 364 p.

Myrzabaev A. Ysmajyl ata kymbezi [Ysmajyl ata dome]. Қазақстан. Ұлттық enciklopediya [Kazakhstan. National Encyclopedia]. Vol. 9. Almaty : Қазақ enciklopediyasy, 2007. 644 p.

Өринұлы А. Атақоныс Арқадағы – shezhireli Қарқаралы. Almaty : Dәuir, 2003. 224 b. (na kaz. yaz.)

A.Z. Beisenov

Begazy-Tasmola Research Center of History and Archaeology, Almaty, Kazakhstan

CROSS-SHAPED MAZAR OF SULTAN ASAN CHINGISOV AND THE BARROW WITH MENHIR IN THE VALLEY OF BESOBA, CENTRAL KAZAKHSTAN

The Sites are located near the village of Besoba, Karkaraly district of the Karaganda region. The Mazar is built of adobe brick. Its basis is the central square-shaped structure, on all four sides of which one small room is attached, which makes the entire building cross-shaped. Sultan Asan Chingisov, the grandson of Khan Bukey, the son of the Sultan Barak of the Middle Zhuz, was buried in Mazar with members of his family. According to data related to the biography of this man, the mazar was probably built in the 1870–1880s. The author believes that such mazars of the 19th century were built according to the type of late medieval domed tombs, their form dates back to the cruciform structures of the ancient era. 110 m southeast of the mazar there is an earthen mound of the Bronze Age. The diameter of the rounded mound is 19 m, the height is 1.5 m. The height of the menhir, which has a slightly curved shape, is 1.45 m. Apparently, the stone has traces of processing. Currently, researchers are working on the systematization of data on the menhirs of Central Kazakhstan. Researchers associate the ancient menhirs of Central Kazakhstan with the Begazy-Dandybaev culture of the Late Bronze Age, and the next chronological series with the Tasmolian culture of the Early Iron Age. The mound with menhir, recorded in the Asan tract, has a more archaic appearance and probably belongs to the late stages of the Andronovo community (Nurin culture).

Key words: Central Kazakhstan, cross-shaped mazar, Besoba, Sultan Asan Chingisov, barrow, Andronovo culture, Begazy-Dandybaev culture, Tasmola culture, menhir

УДК 902/904 (574)

Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

«ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ С ОГНЕННЫМИ ПЕРЬЯМИ»

В статье делается попытка идентификации фантастической птицы, помещенной на корону женщины, погребенной под курганом Тасарык в Восточно-Казахстанской области, исследовавшимся экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана. За основу взята реконструкция костюма женщины, выполненная в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» под руководством К. Алтынбекова. В декоре короны, венчавшей голову погребенной, присутствуют два зооморфных образа – птица и сайгаки, организованные по принципу геральдической композиции, где центральным элементом является фигура феникса, а два других симметрично расположенных изображения – пара сайгаков. Дополняют корону подвески. Данная реконструкция является результатом кропотливого труда сотрудников лаборатории «Остров Крым». Она дополняет и расширяет имеющиеся представления об образе женщин эпохи раннего железа. Памятник датируется V–IV вв. до н.э. Полученные данные свидетельствуют о том, что древнему населению Восточного Казахстана и Алтая был известен образ феникса. Он связан с представлениями о вечной жизни и обновлении, а также, видимо, маркирует статус погребенной, которая могла выполнять определенные ритуалы. Головной убор из Тасарыка демонстрирует синтез традиций саков Жетысу и «пазырыкцев».

Ключевые слова: головной убор, корона, птица, полиморфное существо, пазырыкская культура
DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-07

Введение

Статья посвящена краткому анализу образа феникса, являющегося центральным элементом головного убора женщины, погребенной в кургане Тасарык.

Курган Тасарык (рис. 1), обнаруженный в 2011 г. Т.Н. Смагуловым в ходе разведочных работ, был исследован в 2013 г. (Уржарский район, Восточно-Казахстанская область) экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана при участии археологов Т.К. Айлыбаева, Г.Ю. Пересветова, а также студентов из Государственного университета им. Шакарима г. Семей, проходивших под руководством А.И. Исина археологическую практику [Смагулов, 2018]. В средствах массовой информации и литературе

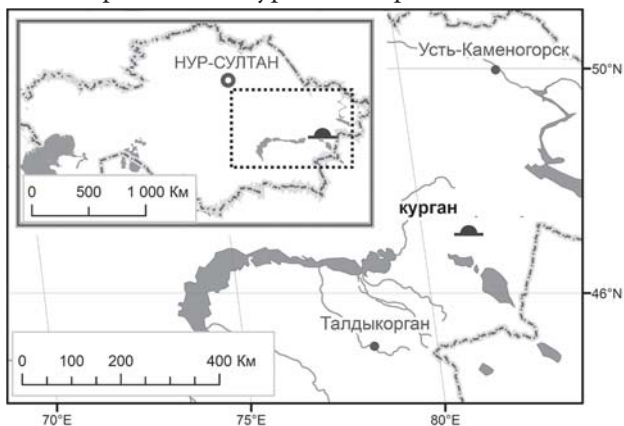

Рис. 1. Локализация кургана на карте Казахстана.

Карту подготовил М.А. Антонов

погребенная женщина получила имя «Уржарская жрица» [Алтынбеков, 2018; Байтанаев, 2019]. На основе ^{14}C анализа памятник датируется V–IV вв. до н.э. (табл.) [Курган Урджар, 2018; Байтанаев, 2019]. Возраст погребенной женщины – 30–35 лет [Алтынбеков, 2018, с. 9].

Результаты ^{14}C датирования образца из кургана Тасарык, проводившегося в лаборатории International Chemical Analysis (по: [Курган Урджар, 2018, с. 109])

Лабораторный шифр	Материал	^{14}CBP	Калиброванная дата (Сигма 1, 68,2%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 94,5%)
ICA-18W/0815	Дерево	2330,30	Cal BC 408–383	Cal BC 486–360

Материал исследования

Во время раскопок кургана в экспедицию был приглашен художник-реставратор К. Алтынбеков. В полевых условиях погребение было подготовлено к изъятию в виде монолита для дальнейшего изучения в лаборатории [Алтынбекова, 2017, с. 216]. На протяжении ряда лет сотрудниками научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» проводилась масштабная работа по воссозданию костюма погребенной женщины [Алтынбеков, 2018]. В ходе работы над возвращением из небытия образа представительницы древней культуры был использован опыт, наработанный за многие годы сотрудничества с археологами. К началу работы над реконструкцией облика женщины из Тасарыка у сотрудников лаборатории был колоссальный задел, полученный на основе изучения материалов из памятников: Иссык, Берел, Таксай [Алтынбеков, 2013; 2014].

Результат воссоздания костюма по материалам Тасарыка, несмотря на то что реконструкция всегда остается реконструкцией, тем не менее является воплощением огромного практического опыта К. Алтынбекова, визуализирующим образ представительницы ушедшей эпохи (рис. 2).

Рис. 2. Образ женщины по материалам кургана Тасарык. Реконструкция К. Алтынбекова. Фото О.Б. Белялова (по: [Байтанаев, 2019, рис. 8])

Описание элементов костюма. Головной убор включал парик, собственно головной убор и корону; составными элементами короны являются фигура птицы в центре, два стержня по сторонам от нее, два сайгака, подвески [Алтынбеков, 2018, с. 54–67]. Конусовидный головной убор с навершием украшен деревянными стержнями, оплетенными золотой лентой, с опахалом из тонких спиралек. Справедливо отмечено, что стержни с опахалом похожи на перо птицы и на раскрытый лист папоротника [Алтынбеков, 2018, с. 63]. В центре вертикальной композиции головного убора находится кованый железный стержень, скрученный спиралью, с золотым шаровидным навершием. Таким образом, в центре композиции находится фигура птицы на переднем плане и стержень с навершием за ней.

Ажурное в целом изображение птицы, столь характерное для предметов искусства пазырыкской культуры, отличается некоторыми необычными деталями (рис. 3). У птицы небольшая аккуратная головка с длинным крючковидно загнутым клювом, высокая изогнутая шея, выгнутая грудь; прорезью показан характерный округлый глаз. Ухо фантастической птицы листовидное, расположено на затылке, направлено назад. Вытянутые вверх ветвистые рога (или хохолок), венчающие аккуратную головку, скорее оленье, отростки (три) оформлены в виде головок орлиных грифонов. Два поднятых вверх крыла птицы оканчиваются тонкими приостренными перьями. Оперенье крыльев передано выступами в виде волн (правое) и длинными изогнутыми фигурами. Длинный высокий хвост с опереньем показан так же, как и хохолок (идентичные отростки). Ноги мощные, длинные, со шпорами и когтистыми пальцами. Тело птицы заполнено ажурными фигурами. В целом это такое компактное

емкое изображение, образ существа, хвост его уравнивает хохолок, который обращен вперед, а не назад, что еще раз напоминает об оленьих рогах.

Анализ и обсуждение материала

В первую очередь фантастическая птица с короны, конечно, напоминает птицу, изображенную на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (середина III в. до н.э.). Несмотря на различия в деталях (растительные элементы в оформлении хвоста, другая форма крыльев, более мощные и вычурные лапы, клюв более крупный), в целом фиксируется принципиальное сходство образов. Интересно, что декор в основании хвоста пазырыкского существа напоминает чешую, хвост более распушенный, делится на три крупных отростка [Руденко, 1953, табл. ХС; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 4.9].

Форма крыла птицы из Тасарыка обнаруживает некоторые параллели и с крылом сфинкса, изображенного на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, рога у которого тоже олени, присутствует мотив грифонных головок [Руденко, 1953, табл. СХIV; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 4.7]. Наблюдается сходство в передаче крыла:

у существ длинные первостепенные маховые перья (три у сфинкса и два – у птицы из Тасарыка) и загнутые боковые короткие второстепенные маховые перья. Форма перьев хвоста сфинкса такая же, как у второстепенных маховых нашей фантастической птицы. Хвосты у сфинкса и феникса из Пятого Пазырыкского кургана также имеют окончания в виде стилизованных головок грифонов.

Эти два персонажа ковра из Пятого Пазырыкского кургана, по мнению исследователей, передают сцену, когда отрицательный персонаж мифологии саков борется с птицей-фениксом, олицетворяющей в китайской мифологии счастье, спокойствие [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 151]. С.А. Яценко [1996, с. 154] считает, что персонажи, изображенные на малом войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана, – это «алтайский сфинкс» Луу и фэнхуан. Возможно, здесь китайские представления о Куньлуне были модифицированы «пазырыкцами» в духе мифов о борьбе аримаспов и грифов в мифических горах. В той же могиле найдено китайское изображение фэнхуанов на шелковых тканях [Яценко, 1996, с. 155].

Использование головок орлиных грифонов в создании образов животных характерно для искусства пазырыкской культуры. Вот некоторые примеры такой трактовки зооморфных изображений древнекочевнического искусства:

Рис. 3. Курган Тасарык. Элементы головного убора. Рисунок Д.С. Джанабаева (по: [Байтанаев, 2019, рис. 6])

– рога оленя, декорировавшие спинку мужского кафтана из Второго Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1953, табл. ХСII.-2; Полосьмак, Баркова, рис. 2.27];
– войлочные медальоны – украшения луки седла, декорированные головками грифона (курган №1, могильник Ак-Алаха-1, конец IV в. до н.э.; курган №2, могильник Башадар, IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак, 2001, рис. 145, 149; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 3.19.-б, в];
– рога фантастических синкретичных существ на татуировке мужчины из Второго Пазырыкского кургана, мумии из кургана №1, могильник Ак-Алаха-3 (конец IV – начало III в. до н.э.) [Руденко, 1953, рис. 82, 83; Полосьмак, 2001, рис. 151].

Известна кожаная ажурная аппликация тигра с рогами оленя с мотивами головок грифонов из кургана №1 Туэкты (сер. V в. до н.э.) [Руденко, 1960, рис. 154.-к; Золотые олени Евразии, 2003, с. 49].

Более монументальные, не стилизованные цельные изображения орлиных грифонов – обязательный персонаж декора пазырыкской культуры: например, это декор конского снаряжения из Первого Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1953, табл. XXX-VIII]; кургана №1, могильник Ак-Алаха-1; кургана №1, могильник Ак-Алаха-3; кургана Кутургунтас (конец IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак, 2001, рис. 25; 26; 53; 54; 82 и др.], курганов №10 и 11, могильник Берел (IV–III вв. до н.э.) [Самашев, 2011, рис. 142, 345, 346, 355 и др.].

Распространен в декоре предметов из Пазырыка и мотив оленьих рогов, например украшение подпружного ремня из кургана №3 [Руденко, 1952, рис. 72; 1953, рис. 120], примеры использования мотива «олений» и «турий» рог в декоре древнего населения Алтая обобщил С.И. Руденко (Третий Пазырыкский курган, Шибинский курган) [Руденко, 1960, рис. 133].

Сочетание рогов оленя и голов орлиных грифонов – рога с отростками, стилизованными головами грифонов, венчают голову оленя – оковку закраины деревянного сосуда (IV в. до н.э.) из кургана №1, могильник Филипповка [Золотые олени Евразии, 2003, с. 23]. Вырезанная из кожи головка ушастого грифона с оленьим рогом из Четвертого Пазырыкского кургана перекликается с оформлением крыльев птицы из Тасарыка [Руденко, 1953, табл. LXXXIV.-1].

Декор с мотивом сайги известен в памятниках пазырыкской культуры [Руденко, 1960, рис. 138.-д, е, л–н; табл. LVIII; 1953, LXVII.-1, 2], в том числе это деревянные украшения узды из Пятого Пазырыкского кургана, бронзовая пластинка с изображением ланей-бубалов из Первого Туэктинского кургана.

В памятниках пазырыкской культуры образ полиморфного существа, в том числе сочетающего признаки птицы (петуха), орлиного грифона, также хорошо известен.

Так, на могильнике Берел в Казахском Алтае на седельном покрытии из кургана №10 помещены изображения грифонов [Самашев, 2011, рис. 29], но хвост у этих птиц более похож на петушиный, как у птиц (петухов) из Второго Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1960, рис. 135.-а, б]. Возможно, с этой двойственной сущностью полиморфного существа связана двухцветность изображений этих фантастических птиц – голубой и красный цвет [Джумабекова, Базарбаева, 2019].

Декор седла из кургана №11 могильника Берел [Самашев, 2011, рис. 390] представлен двумя вереницами шагающих пятнистых грифонов (пятна – раскраска туловища как у барса), о чем говорят пламевидные отростки гребня по всей шее и хищный характерный клюв, отсутствие петушиных сережек, такая же форма хвоста прослеживается у ряда изображений грифонов пазырыкской культуры [Руденко, 1960, рис. 145; Полосьмак, 2001, рис. 131] (курган Кутургунтас). Среди изображений из восточных регионов скифского мира выделяется специфический образ птицы с ушами, хохолком и гребнем,

т.е. элементами, которые скорее характеризуют грифонов. В кургане №1 могильника Ак-Алаха-3, в декоре конского снаряжения в виде фигурок орлиного грифона такие же, как у существ на седельном покрытии из кургана №11 могильника Берел, характерные выступы гребня [Полосьмак, 2001, рис. 60]. Тем не менее, как у предыдущих образов, признаки петухов здесь тоже просматриваются. По этому поводу Ю.Б. Полидович [2014/2015, с. 174] считает, что изображения птиц, которых исследователи обычно обозначают как петухов, в древности могли восприниматься и как изображения некоего мифического существа, близкого к птице-грифону, в том числе и из кургана №11 могильника Берел.

Ю.Б. Полидович [2014/2015, с. 174] сходные изображения птиц из Кутургунтаса и кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 называет полиморфными существами третьего уровня – птице-грифонами.

Изображения фантастических птиц, декорирующие седельное покрытие из кургана №11 могильника Берел, имеют черты, действительно, делающие их похожими на петуха. Еще С.И. Руденко выделил изображения петухов, указывая на их примере на «одновременное бытование различных стилей и изображений животных». Он отметил стилизацию изображений петухов, помещенных на ременную полосу или глиняный кувшин из Второго Пазырыкского кургана (конец IV – начало III в. до н.э.) [Руденко, 1952, с. 186, рис. 100.-а, б]. Их отличают, в частности, преувеличенные размеры гребня, оформление хвоста, прорези на теле. Стилизованы изображения петухов, декорировавших саркофаг-колоду из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1952, с. 186, рис.-в-д].

Н.В. Полосьмак считает, что правы исследователи, которые, например, изображения птиц на колоде из Первого Пазырыкского кургана называют и петухами, и фениксами: образы петуха и феникса неразделимы по своей семантике и художественному воплощению. Возможно, образ феникса был заимствован на Алтае из искусства Древнего Китая, наложение образов петуха и близкого ему «феникса» в пазырыкском искусстве связано, вероятно, с древнекитайской культурой. Это вопрос о взаимоотношениях земледельческой цивилизации и кочевого общества [Полосьмак, 1994, с. 95–96].

Вероятно, птица – кожаная аппликация на детском костюме из кургана №1, могильник Уландрык-II (IV–III вв. до н.э.) [Кубарев, 1987, с. 85, рис. 30], а также грифоны с курганов Укока (войлочный «медальон» с грифоном – украшение луки седла и декор войлочной рыбы – подвески от седла из могильника Ак-Алаха-1 (курган №1) [Полосьмак, 1994, рис. 51–53, с. 49; 2001, рис. 3.11; 3.19а]) – это алтайский вариант синкретичного существа, который совмещает черты грифона и феникса [Шульга, 1999, с. 90–91]. На войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана размещено среднеазиатское его изображение. По мнению П.И. Шульги [1999], сложные изображения лотоса и петухов не характерны для искусства Алтая, скорее для областей, расположенных к югу от Алтая.

Ю.Б. Полидович выделяет феникса в ряду полиморфных существ первого уровня, среди образов фантастических птиц. Он также считает, что их внешний облик, характерными чертами которого являются небольшой клюв, своеобразные хохолок и крылья, стройные ноги с широкой лапой и часто со шпорой, пышный хвост, перекликается с образом петуха [Полидович, 2014/2015, с. 153]. Образец феникса также птица, вышитая на чесучовой ткани, из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. СХVIII] и фантастическая птица на войлочном ковре из того же кургана, где она воспроизведена в сцене схватки [Полидович, 2014/2015, с. 153].

Н.В. Полосьмак отмечает, что феникс, изображенный на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, не имеет аналогий в пазырыкском искусстве, на культуру «пазырыкцев» оказало влияние древнекитайское искусство [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 151].

Анализируя изображения петухов в пазырыкской культуре, Л.Л. Баркова [2015, с. 155] предполагает, что петух одновременно выступает как представитель земной части мира и как существо, связанное с небесной структурой, как символ солнца, которое представлялось «пазырыкцам» в образе оленя, коня, петуха.

О фениксе в Гелиополе сообщает Геродот [II, 73], в частности описывает, что его оперение частично золотистое, частично – красное, он похож на орла.

Есть сведения, что китайский термин для названия феникса состоит из двух слов: фэн – феникс-самец и хуан – феникс-самка, птица фэнхуан соотносится со стихией огня. В «Каноне гор и морей» сообщается, что фениксы обитают на волшебных деревьях, дарующих бессмертие и приносящих самоцветные плоды на горе Куньлунь, где стоял дворец легендарного Хуан-ди. Феникс является воплощением спутника правительницы мифического царства на западе – Сиванму (Западной царицы-матери), в горах Центральной Азии. Там же жила мифическая птица луань, от соединения фэн'а и луаня рождались птенцы [Решетов, Интернет-ресурс, с. 289].

Феникс связан с женским началом в китайской традиции: так, выражение «фэн цю» переводится как «выбирать себе жену», а «фэн гуань» – парадный головной убор женщины в виде изображения феникса, который до династии Мин (1368–1644) носили только аристократки. Начиная с эпохи Мин его носили невесты всех сословий [Решетов, Интернет-ресурс, с. 289–290]. По мнению Е.Н. Филимоновой [2004, с. 61]: «женские головные украшения, брачные шапки в Китае, изображали летящего феникса». Противовес фениксу – мужское начало – дракон, с которым феникс образует неразрывный образ. Свадебная диадема в традиционной культуре Китая имела вид феникса, что обусловлено его символикой – благоденствия, благородства и добродетельности [Дракон и Феникс в китайской культуре]. Золотые птицы (в особенности «фениксы») встречаются в головных уборах у танских дам [Шефер, 1981, с. 333].

Однако представление о паре фениксов, а также паре – дракон и феникс, когда феникс становится благожелательным символом, характерно для более поздних сюжетов. Для характеристики образа феникса выделяется две группы: 1) местонахождение феникса ассоциируется с такими категориями, как восток или юг, солнце и огонь; 2) связь с западными землями (Западные земли внутри морей и Великие пустыни Запада). Кроме того, с фениксами также связано Дерево Бессмертия. Характерно, что петух – одна из птиц, которую также можно рассматривать в сложении анализируемого образа: «петух, павлин, фазан и мифическая красная/киноварная птица» [Чистякова, 2007, с. 187–188].

Феникс ассоциировался с ритуалом поклонения Солнцу, его образ был связан с вечной жизнью, постоянным обновлением. Почитание феникса, волшебство его качеств также, возможно, связано с тем, что едой ему служат семена бамбука, а не насекомые, а питьем – вода из чистого родника. Он символизирует тепло [Филимонова, 2004, с. 59].

О контактах «пазырыкцев» с Китаем свидетельствуют находки в пазырыкских курганах, например колесница, обтянутый шелковой тканью чепрак из Пазырыка (курган №5) [Гаврилова, 1996, с. 95–96]. В настоящее время имеются доказательства лишь косвенных, опосредованных контактов чжоуского Китая с «пазырыкцами» [Яценко, 1996, с. 157]. Все шелковые пазырыкские ткани изготовлены в Южном Китае, прослеживается определенное влияние на культуру «пазырыкцев» древнекитайского искусства [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 137, 151]. По мнению С.А. Яценко, китайско-пазырыкские специфические соответствия могут быть объяснены как заимствованием китайской иконографии при явном знакомстве с мифологией, так и наоборот – заимствованием иконографии для воплоще-

ния местных сюжетов, а также заимствованием китайцами некоторых образов кочевого искусства [Яценко, 1996, с. 157]. Среди последних по времени свидетельств контактов населения Алтая и Китая можно назвать результаты исследования лакокрасочного покрытия артефактов из могильника Чинета-II. Они показали, что лаковые изделия из курганов №21 и 31 могильника Чинета-II в Северо-Западном Алтае, как и остатки лаковых предметов из погребений Второго Туэктинского кургана и курганов №3–5 могильника Пазырык, курганов №1 и 4 могильника Бутры из предгорий Алтая, поступали к кочевникам из Древнего Китая [Дашковский, Новикова, 2017, с. 125]. Выявленные остатки лакокрасочного покрытия из этих памятников показали сходство с китайскими образцами и между собой.

Образ феникса известен и в Средневековье: анализируя образцы средневековой торевтики Алтая, Г.Г. Король и Л.В. Конькова выделяют в серии предметов с зооморфным декором группу хищные «птицы», в которой объединены изделия с изображением «птиц-фениксов» и грифона (?). Любопытно, что птицы-фениксы связаны с растительностью – изображены в геральдическом противопоставлении у символического процветшего «древа», например на бляхе из коллекции Фролова из Эрмитажа. Выявлено два иконографических варианта мотива «птица-феникс» в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая: хищная птица с приподнятыми или распахнутыми крыльями, характерная для искусства Китая; петух (утка) со сложенными крыльями и поднятым пышным хвостом птиц семейства фазановых. Возможно, классическая (китайская) иконография феникса попала в саяно-алтайский регион через Восточный Туркестан. Близкие изображения IX–X вв. известны на Алтае, в Кузнецкой котловине, Семиречье/Жетысу. Как и для ранних кочевников, варианты мотива «птица-феникс» в декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая демонстрируют синкретизм искусства кочевников [Король, Конькова, 2012, с. 150–151].

Образ другого животного с короны погребенной женщины из Тасарыка – сайги, антилопы вообще – довольно распространенный мотив в искусстве ранних кочевников, встречается и на западе Казахстана, и на Алтае, в Сарыарке.

Е.Ф. Королькова [2006] в табл. 13, 14 приводит многочисленные изображения антилоп. Сайга или лосиха – на колоде Второго Башадарского кургана (IV–III вв. до н.э.), пронизь в виде головы сайги из Минусинской котловины, бронзовая пластина с изображениями сайгаков из Первого Туэктинского кургана (середина V в. до н.э.), окончание псаля в виде головы сайгака из Пятого Пазырыкского кургана, пронизь в виде головы сайги из Третьего Пазырыкского кургана, пронизь в виде головы сайгака из Третьего Пазырыкского кургана, уздечная подвеска в виде головы сайгака из Пятого Пазырыкского кургана [Королькова, 2006, табл. 14.-8, 9, 12–16; Руденко, 1953, рис. 90; табл. LV.-2, 3; табл. LXVII.-1].

Парные изображения животных или их голов также нередки: могильник Юстыд-II, курган №21 (IV в. до н.э.), пластина-накладка из Филипповского кургана №1 в Южном Приуралье (V–IV вв. до н.э.), парные головы сайги – украшения конского снаряжения, коллекция Фролова, Алтай; из могильника Тулхар; пряжка из с. Журовка, Приднестровье. Накладка на верхний подпружный ремень, вырезанные из кожи украшения седла из Пятого Пазырыкского кургана с изображением двух голов сайгака [Королькова, 2006, табл. 14.-18; табл. 13.-10, 20–23; Руденко, 1953, табл. CV.-3].

Изображения сайгаков известны в материалах могильника Филипповка, например, золотые пластины – оковки деревянного сосуда с изображением охотящегося на сайгаков всадника (курган №1) [Пшеничнюк, 2012, рис. 160].

Можно назвать также золотую пронизь в виде головы сайгака из Тургая [Артамонов, 1973, ил. 33; Королькова, 2006, табл. 14.-5]; пронизь в виде запятой (клюва, когтя)

из Жалаулы (Жетысу), заполненную сценой терзания хищником копытного (конец VII в. до н.э.) [Тасмагамбетов, 2003, с. 186].

Из раннесакских нужно отметить также бронзовую бляху из Северо-Восточной Сарыарки (Павлодарское Прииртышье) (VII–VI вв. до н.э.) [Акишев, 1976, табл. I.-4; с. 188], где три «пантеры» окружили сайгака; золотую бляху с изображением сайгака из могильника Кызылшилик, курган №2, и золотую ворворку, декорированную изображениями восьми голов сайгака, из могильника Талды-2, курган №5 в Сарыарке (VII–VI вв. до н.э.) [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015, цв. ил. 6.-2; цв. ил. 5.-3]. Подвески из комплекса Каинды (Костанайская обл.) (VIII–VII вв. до н.э.) представляют собой сильно стилизованные зооморфные изображения рогов, вероятно, сайгака [Сеитов, 2015, рис. 1.-6].

Один из ранних образцов – золотая конусообразная ворворка от ремня, украшенная рельефом с изображениями восьми сильно стилизованных голов животных, козлов или сайгаков из кургана Аржан-2 (середина – 2-я половина VII в. до н.э.) [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, табл. 14.-9; 42.-3].

В памятниках Западного Казахстана, в частности, известны костяная ложечка с резным изображением волка, орла и головы сайги из могильника Сынтас, курган №1; черенок ложечки из того же могильника, курган №2, увенчанный барельефным изображением головы сайги (конец VI – V в. до н.э.) [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 137–156, рис. 12.-1; 15]. Е.Ф. Королькова [2006, табл. 13.-11] называет бляху из с. Золотушинское, Нижнее Поволжье, и пронизь из могильника Бесоба, курган №5 (V в. до н.э.) [Королькова, 2006, табл. 13.-12].

Противопоставленные головы сайгаков – декор поясных обоем из кургана 5 могильника Кичигино-I [Таиров, 2015, рис. 3.-2, 3], бляха – сайгак в летящем галопе из кургана №66 Южного Тагискена, бронзовый костылек-застежка с головой сайги на конце [Таиров, 2015, рис. 3.-8] присутствуют в коллекциях, полученных при изучении памятников в азиатской части степей Евразии, датируемых 2-й половиной VII – серединой VI в. до н.э. Среди них наиболее ранним является курган Аржан-2, а поздним – курган №5 могильника Талды-2. Хронологически среднюю позицию между ними занимает Кичигино [Таиров, 2015, с. 316; Яблонский, 2017, рис. 4.-15].

Кроме материалов из кургана Тасарык, образ сайгака присутствует в декоре деревянных наконечников из могильника Ак-Алаха-3 (курган №1). Эти предметы покрыты золотой фольгой и расположены по краям композиции. Они содержат изображение головы фантастического существа с загнутым клювом грифона и рогом сайгака, выполненное в технике художественной резьбы [Полосьмак, 2001, с. 153; рис. 101; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.44.1, с. 72]. В основании конструкции головного убора женщины из могильника Ак-Алаха-3 – фантастический олень с раздвоенным туловищем, рогами козерога. Наконечник на темени венчала железная шпилька с фигуркой оленя на шаре. Навершие парика было украшено скульптурными изображениями птичек, выполненными из дерева, – по мнению специалистов, вероятно, лебедями [Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.43–2.46; с. 72].

Ареал сайгака в древности был обширным – от Европы до Аляски. К XVII–XVIII вв. он уменьшился – от предгорий Карпат до Монголии и западной части Китая. Северная граница территории обитания ограничивалась Барабинской степью.

В настоящее время существует пять популяций сайгака: четыре популяции *S.t. tatarica* – Северо-Западный Прикаспий (Россия), Уральская (Казахстан, Россия), Устюртская (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан), Бетпақдалинская (Казахстан) и одна популяция *S.t. mongolica* (Монголия). Шестая популяция сайгака, *Saiga tatarica*,

обитала на северо-западе Китая и в прилегающих районах Юго-Западной Монголии, исчезла в 1960-х гг. [Конвенция, 2015, с. 7].

Встречаются природные комплексы, участки, на которых сосуществуют сайгаки и папоротники, они характеризуются сложным рельефом и разнообразными экологическими условиями: например территория у соленого оз. Баскунчак и горы Большое Богдо [Баскунчак, 2012]. На территории Наурзумского национального природного заповедника в Костанайской области также среди образцов флоры и фауны называются папоротник и сайгаки [Папоротник, интернет-ресурс; Фауна Наурзумского заповедника, интернет-ресурс; Наурзумский государственный... интернет-ресурс]. Такие участки есть в Поволжье (Самарская область) [«Затерянный мир» Поволжья].

Папоротник проходит определенные этапы в своем развитии: сначала стебель папоротника растет под землей, листья, начав формироваться весной (вайи), подрастают, напоминают улитку, затем разворачиваются и становятся похожими на крючок. Побег словно скручен и постепенно разворачивается. Папоротник не цветет, а размножается при помощи спор [Замятина, интернет-ресурс]. Возможно, поэтому, не понимая, как он размножается, люди относились к нему по-особому. Может быть, возникла некоторая ассоциация с непонятным способом размножения папоротника, его разворачиванием листьев, с сущностью феникса? Но принимать точку зрения, что здесь, по сути, изображены сайгаки, лежащие в зарослях папоротника, с фениксом в центре [Алтынбеков, 2018], надо с осторожностью.

К. Алтынбекову удалось выяснить, что у погребенной в кургане Тасарык был парик в виде скрученных из двух прядей кос. Волосы на коже головы погребенной женщины отсутствовали, возможно, голова была обрита [Алтынбеков, 2018, с. 58]. В этом наблюдается сходство с выявленными в курганах пазырыкской культуры женскими прическами и головными уборами.

Предполагается, что в сцене на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана изображенная женщина-богиня с цветущим мировым деревом в руке была обрита. Эта женщина, по мнению исследователей, – «великое солнечное божество, от которого все произрастало, оплодотворялось, рождалось» [Баркова, 1998, с. 141; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 146]. Судя по погребению женщины из кургана №1 Ак-Алаха-3 и др. [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 2], женщины пазырыкской культуры носили парики, надетые на обритую голову.

Это же предположение высказывалось относительно женщин в сцене на пластине «Отдых под деревом» [Руденко, 1962, табл. VII.-1, 7]. Изображения этих женщин также сопровождаются растительными мотивами, подчеркивающими их сущность.

Определенную параллель головному убору из кургана Тасарык представляют материалы женского погребения кургана №15 из могильника Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай, IV – начало III в. до н.э.). Три зоны головного убора по вертикали маркируют изображения определенных животных: оленя с рогами горного козла, горных баранов, грифона [Дашковский, Усова, 2010]. В центре правой стороны головного убора находилась растительная композиция из листового золота, однозначно указывающая на символическую роль женщины, связанную с жизнью, плодородием.

К. Алтынбеков [2018, с. 60] справедливо указывает на сходство короны погребенной женщины из кургана Тасарык с Золотой короной I в. н.э. из Тиллятепе. Геральдическое расположение копытных животных относительно центрального элемента головного убора или короны широко известно по археологическим материалам: Ак-Алаха-3, курган №1 (III в. до н.э.); диадема из кургана Хохлач (2-я половина I – начало II в. н.э.), Кобяковского

кургана (I в. н.э. – начало II в. н.э.) [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 72–74; Засецкая, 2011; Гугуев, 1992]. Относительно диадемы из кургана Хохлач существует мнение Л.С. Клейна [2013, с. 636], указывающего, что, возможно, центральное дерево было выделено тем, что к нему обращены фигурки оленей с двух сторон, но это реконструкция.

Видимо, аналогичные композиции заключают в себе идею постоянного возобновления жизненного цикла, а также связаны с такими категориями, как модель мира; связь мирового дерева и женского персонажа [Гугуев, 1992, с. 119; Вдовченков, Ли Джы Ын Пусан, 2018, с. 85].

О том, что головной убор с короной погребенной под курганом Тасарык женщины заключал в себе символику жизни, плодородия, вероятно, свидетельствует и присутствие красного цвета: головной убор изготовлен из китайского шелка **красного** (выделено нами. – *Авт.*) цвета, конусовидный колпак покрыт шелком синего цвета [Алтынбеков, 2018, с. 32, 58]. Следует отметить, что, несмотря на наличие конуса в головном уборе, в отличие от вертикально закрепленной косы, встречающейся у погребенных представительниц Алтая и Тувы [Кисель, 2018], у женщины из кургана Тасарык реконструирован парик в виде двух кос из растительных волокон.

Заключение

Таким образом, возможно, в результате контактов и взаимовлияния или взаимозаимствований кочевников и китайцев на территории Восточного Казахстана, как и на Алтае, древнему населению был известен образ феникса. Он связан с декором парадного женского головного убора, с представлениями о вечной жизни и обновлении, что не противоречит идее связи женского начала с мировым деревом с плодами бессмертия или деревом бессмертия. Два сайгака по сторонам от центрального элемента композиции здесь вполне логичны и соотносятся в целом с животными на накосниках из могильника Ак-Алаха. Не конкретизируя детально статус погребенной женщины из Тасарыка, тем не менее, можно говорить о выполнении ею ритуалов, связанных с плодородием, обновлением природы. Сам же головной убор погребенной в кургане Тасарык демонстрирует, возможно, синтез традиций саков Жетысу и населения пазырыкской культуры. Вероятно, как высказался о сходстве погребений из кургана Иссык, Пазырыка и могильника Локоть-4а П.И. Шульга [2003, с. 120], это может объясняться и принадлежностью погребенных к служителям определенного культа.

Использование растительных элементов в декоре женских украшений как символа жизни, плодородия сохранилось до Нового времени у народов Казахстана и Средней Азии, как и изображений птиц и перьев для украшения девичьих головных уборов. Применялись для этого перья утки, курицы, селезня, сокола, филина, фазана. Фиксируется предпочтение определенных птиц у оседлых (фазан, павлин, петух) и кочевых народов (филин, ястреб, сокол, беркут) [Кармышева, 1989, с. 28; Ишбулдина, 2013, с. 240]. Перьями украшали и свадебные головные уборы казахских девушек – саукеле [Прищепова, 2011, с. 37, 198, 200]. Именно в возрасте 7–13 лет, когда начиналось раздельное воспитание девочек, они начинали носить шапочку – таҭия, украшенную перьями филина. Касаба – шапочка, которую надевала на смену саукеле молодая жена, тоже могла быть украшена перьями. Считалось, что перья обладают магической, оберегающей силой. Т.е. перья в декоре головного убора характерны для девочек, девушек, женщин определенной возрастной категории. Вероятно, символика птиц и дерева (растительных элементов) в декоре головных уборов в основном сохранилась в культуре кочевников. Первоначально форма высокого головного убора, его декор и цвет, вероятно, маркировали статус женщины – не только девушки и молодой женщины, но служительницы культа.

Благодарности

Работа выполнена в рамках финансирования Комитета науки МОН РК, ИРН проекта BR05236565. Благодарим С.В. Свяtko (14Хроно Центр Королевского университета Белфаста, Великобритания) за ценные консультации по вопросам 14С датирования.

Библиографический список

Акишев А.К. Бронзовая бляшка из Павлодарского Прииртышья // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 183–195.

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Алматы : «Остров Крым», 2013. 64 с.

Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы : «Остров Крым», 2014. 360 с.: ил.

Алтынбеков К. Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки. Алматы : «Остров Крым», 2018. 94 с.: ил.

Алтынбекова Э.К. О реставрации и реконструкции археологических артефактов в лаборатории «Остров Крым» // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 211–223.

Байтанаев Б.А. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования // Археология Казахстана. 2019. №2 (4). С. 9–22.

Баркова Л.Л. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 143–156.

Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. : Культ-информ-пресс, 1998. С. 137–142.

Баскунчак. Фотоальбом-путеводитель / под общ. ред. А.П. Лактионова. Астрахань : издатель А.В. Малышкин, 2012. 143 с.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 180 с.

Вдовченков Е.В., Ли Джы Ын Пусан. Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии // Вестник НВГУ. Всеобщая история. 2018. №4. С. 82–92.

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. : Скифо-Сибирика, 1996. С. 89–101.

Геродот. История в 9 книгах. Кн. 2. Л. : Наука, 1972. 600 с.

Гугуев В.К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. №4 (203). С. 116–129.

Дашковский П.К., Усова И.А. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 304–306.

Дашковский П.К., Новикова О.Г. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета-II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №4. С. 116–126. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.000-000.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае // Поволжская археология. 2019. №3 (29). С. 115–127. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.115.127.

Дракон и Феникс в китайской культуре. URL: <http://russian.cri.cn/beijing/history/487/20180305/98481.html> (дата обращения 29.01.2020).

Замятина Н. Удивительные папоротники // Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10568/> (дата обращения 29.01.2020).

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2011. 328 с.

«Затерянный мир» Поволжья // АиФ. Самара. URL: <https://samara.aif.ru/archive/1793877> (дата обращения 29.01.2020).

Золотые олени Евразии. СПб. : Гос. Эрмитаж; Славия, 2003. 62 с.

Ишбулдина К.Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии // Лавровский сборник. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 237–242.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 137–156.

Кармышева Б.Х. К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус : Каракалпакстан, 1989. С. 27–40.

Кисель В.А. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской). СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 120–127.

Клейн Л.С. Полное издание Новочеркасского клада (Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб. : ГЭ, 2011. 328 с.) // Российский археологический ежегодник. 2013. №3. С. 634–636.

Конвенция о мигрирующих видах. Меморандум о взаимопонимании относительно сохранения, восстановления и устойчивого использования антилопы сайги 30 сентября 2015 г. URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/Saiga%20MOS3_Overview_Report_of_Conservation_Status_Rus.pdf (дата обращения 29.01.2020).

Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. С. 121–156 (Труды САИПИ. Вып. IX).

Королюкова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Курган Урджар: книга-альбом / сост. Б.А. Байтанаев. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. 120 с.

Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 7–10.

Наурзумский государственный природный заповедник // НИИ центр проблем экологии и биологии КГПИ. URL: <https://nic-peb.kspi.kz/ru/2016-04-29-09-59-22/naurzumskij-gosudarstvennyj-prirodnyj-zapovednik.html> (дата обращения 29.01.2020).

Папоротник // Официальный интернет-ресурс Акимата Наурзумского района. – URL: <http://naurzum.kostanay.gov.kz/uchrezhdeniya-rayona/naurzumskiy-gosudarstvennyy-prirodnyy-zapovednik/flora-i-fauna/> (дата обращения 29.01.2020).

Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологічний збірник. 2014/2015. №18/19. С. 149–201.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль «пазырыкцев» Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб. : Наука, 2011. 452 с., ил.

Решетов А.М. Фэнхуан (феникс) в культурной традиции китайцев // Электронная библиотека МАЭ РАН. С. 287–291. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf (дата обращения 29.01.2020).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. + 27 табл. (САИ. ДЗ-9).

Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2015. С. 264–270.

Смагулов Т.Н. Предисловие // Алтынбеков К. Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки. Алматы : «Остров Крым», 2018. С. 8–10.

Таиров А.Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2015. С. 300–319.

Тасмагамбетов И.Н. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : Общественный фонд «Берел», 2003. 336 с.: ил.

Фауна Наурузумского заповедника // Наурузумский национальный природный заповедник. Костанайская область. URL: <https://silkad.v.com/ru/node/984> (дата обращения 29.01.2020).

Филимонова Е.Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М. : МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 59–82.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М. : Наука, 1981. 608 с. с ил. (Культура народов Востока).

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами погребушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999. №4. С. 88–99.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил. Чистякова А.Н. «Феникс» в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 179–188.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 500 с.

Яблонский Л.Т. Очерк археологии ранних саков Нижней Сырдарьи // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2017. Т. 1, №311. С. 64–75.

Яценко С.А. Загадочные монстры «пазырыкцев» и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: матер. междунар. конф. (г. СПб., 12–15 марта 1996 г.). СПб. : Скифо-Сибирика, 1996. С. 154–158.

References

Akishev A.K. Bronzovaya blyashka iz Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Bronze Plaque from the Pavlodar Irtysh River Region]. Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam [The Past of Kazakhstan by Archaeological Sources]. Alma-Ata : Nauka, 1976. Pp. 183–195.

Altynbekov K. Vozrozhdannaya iz pepla [Reborn from the Ashes]. Almaty : «Ostrov Krym», 2013. 64 p.

Altynbekov K. Vozrozhdannyye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoy restavratsii [Revived Treasures of Kazakhstan: the Experience of Scientific Restoration]. Almaty : «Ostrov Krym», 2014. 360 p.: il.

Altynbekov K. Urzharskaya zhrica: istoriya vozrozhdeniya unikal'noj nahodki [Urzhar Priestess: the Story of the Revival of a Unique Find]. Almaty : «Ostrov Krym», 2018. 94 p.: il.

Altynbekova E.K. O restavratsii i rekonstrukcii arheologicheskikh artefaktov v laboratorii «Ostrov Krym» [About Restoration and Reconstruction of Archaeological Artifacts in the Laboratory “Ostrov Krym”]. Kazakhstan v saksuyu epohu: kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Era: Collective Monograph]. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2017. Pp. 211–223.

Baitanayev B.A. Kurgan Urdzhar: istoriya otkrytiya i nekotorye itogi issledovaniya [Kurgan Urjar: History of Discovery and Some Research Results]. Arheologiya Kazakhstana [Archaeology of Kazakhstan]. 2019. №2 (4). Pp. 9–22.

Barkova L.L. Izobrazhenie petuha v iskusstve drevnego Altaya [The Image of a Rooster in the Art of Ancient Altai]. Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage]. 2015. Vyp. 40. Pp. 143–156.

Barkova L.L. Bol'shoj vojlochnyj kovyor iz Pyatogo Pazyrykskogo kurgana [Large Felt Carpet from the Fifth Pazyryk Barrow]. Drevnie kul'tury Central'noj Azii i Sankt-Peterburg [Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg]. SPb. : Kul't-inform-press, 1998. Pp. 137–142.

Baskunchak. Fotoal'bom-putevoditel' / pod obshch. red. A.P. Laktionova [Baskunchak. Photo Album Guide under ed. A.P. Laktionov]. Astrakhan : izdatel' A.V. Malyshekin, 2012. 143 p.

Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Iskusstvo sakov Saryarki [The Art of the Saryarka Sakas]. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2015. 180 p.

Vdovchenkov E.V., Li Dzhy Yn Pusan. Obraz mirovogo dreva v pogrebenii hazarskogo vremeni v Podone i na korejskikh diademah: problema kul'turnyh kontaktov na territorii Evrazii [The Image of the World Tree in the

Burial of the Khazar Time in the Don River Region and on the Korean Diadem: the Problem of Cultural Contacts in Eurasia]. *Vestnik NVGU [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]*. 2018. №4. Pp. 82–92.

Gavrilova A.A. Pyaty Pazyrykskij kurgan. Dopolnenie k raskopochnomu otchetu i istoricheskie vyvody [Fifth Pazyryk Barrow. Addition to the Excavation Report and Historical Finds]. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era]*. SPb : Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 89–101.

Gerodot. *Istoriya v 9 knigah. Kn. 2 [Herodotus. History in 9 Books. Book 2]*. L. : Nauka, 1972. 600 p.

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnyh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.e. – nachala II v. n.e.) [Kobyakovsky Barrow (On the Issue of Oriental Influences on the Sarmatian Culture of the 1st Century AD – Beginning of the 2nd Century AD)]. *Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]*. 1992. №4 (203). Pp. 116–129.

Dashkovskij P.K., Usova I.A. Semantika golovnyh uborov «pazyrykcev» Altaya (po materialam mogil'nika Hankarinskij dol) [The Semantics of the Headdresses of the “Pazyryk People” of Altai (based on materials from the Khankarinsky Dol burial ground)]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij [Integration of Archaeological and Ethnographic Research: a Collection of Scientific Papers]*. Kazan' : Institute of History named after Sh. Mardzhani AN RT, 2010. Part 1. Pp. 304–306.

Dashkovskij P.K., Novikova O.G. Kitayskie laki iz mogil'nika kifskoj epohi Chineta II (Altaj) [Chinese Lacquer from the Cemetery of the Scythian Era Chineta II (Altai)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2017. T. 45, №4. Pp. 116–126. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.000-000.

Jumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. Vysokohudozhestvennaya vyshivka v dekore konskogo snaryazheniya iz elitnogo pogrebeniya v Kazahskom Altae [Highly-Artistic Embroidery in the Decor of Horse Equipment from the Elite Burial in Kazakh Altai]. *Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]*. 2019. №3 (29). Pp. 115–127. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.115.127.

Drakon i Feniks v kitajskoj kul'ture [Dragon and Phoenix in the Chinese Culture]. URL: <http://russian.cri.cn/beijing/history/487/20180305/98481.html>.

Zamyatina N. Udivitel'nye paprotniki [Amazing Ferns]. *Nauka i zhizn' [Science and Life]*. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10568/>.

Zaseckaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach [Treasures of the Khokhlach Mound]. SPb. : GosErmitazh, 2011. 328 p.

«Zateryannyj mir» Povolzh'ya [“The Lost World” of the Volga River Region]. AiF. Samara. URL: <https://samara.aif.ru/archive/1793877>.

Zoloty e leni Evrazii [Golden Deer of Eurasia]. SPb. : GosErmitazh; Slaviya, 2003. 62 p.

Ishbul'dina K.R. Magicheskie funkcii zhenskikh ukrashenij narodov Srednej Azii [The Magical Functions of Female Jewelry of the Peoples of Central Asia]. *Lavrovskij sbornik [Lavrovsky Collection]*. SPb. : MAE RAN, 2013. Pp. 237–242.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. Zahoroneniya voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Graves of Soldiers of the Savromat Time on the Left Bank of the Ilek River]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam [The Past of Kazakhstan by Archaeological Sources]*. Alma-Ata : Nauka, 1976. Pp. 137–156.

Karmysheva B.H. K voprosu ob ukrasheniyah iz ptich'ih per'ev u narodov Srednej Azii i Kazahstana [On the Issue of Bird Feather Ornaments among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. *Etnicheskaya istoriya i tradicionnaya kul'tura narodov Srednej Azii i Kazahstana [Ethnic History and Traditional Culture of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]*. Nukus : Karakalpakstan, 1989. Pp. 27–40.

Kisel' V.A. Zhenskij ritual'nyj kostyum v drevnej kochevoj kul'ture Tuvy [Female Ritual Costume in the Ancient Nomadic Culture of Tuva]. *Pamyatniki arheologii v issledovaniyah i fotografiyah (pamyati G.V. Dluzhnevskoj) [Archeology in Research and Photographs (in memory of G.V. Dluzhnevskaya)]*. SPb. : IIMK RAN, 2018. Pp. 120–127.

Klejn L.S. Polnoe izdanie Novoчерkasskogo klada (Zaseckaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach. Novoчерkasskij klad. SPb. : GE, 2011. 328 s.) [Full Publication of the Novoчерkassk Treasure (Zaseckaya I.P. Treasures of the Khokhlach mound. Novoчерkassk treasure. St. Petersburg : GE, 2011. 328 p.)]. *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]*. 2013. №3. Pp. 634–636.

Konvenciya o migriruyushchih vidah. Memorandum o vzaimoponimanii odnositel'no sohraneniya, vosstanovleniya i ustojchivogo ispol'zovaniya antilopy sajgi 30 sentyabrya 2015 g. [Convention on Migratory

Species. Memorandum of Mutual Understanding regarding the Conservation, Restoration and Sustainable Use of the Saiga Antelope on September 30, 2015]. URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/Saiga%20MOS3_Overview_Report_of_Conservation_Status_Rus.pdf

Korol' G.G., Kon'kova L.V. Kollekcija pervoj treti XIX v. iz Ermitazha: srednevekovaya torevtika malyh form s Altaya [The Collection of the First Third of the 19th Century from the Hermitage: Medieval Toreutics of Small Forms from Altai]. Izobrazitel'nye i tehnologicheskie tradicii v iskusstve Severnoj i Central'noj Azii [Graphic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia]. M.; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Trudy SAIPI. Vyp. IX. Pp. 121–156.

Korol'kova E.F. Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoj prinadlezhnosti [Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Cisurals in the Scythian era (the 7th – 4th Centuries BC). Problems of Style and Ethno-Cultural Affiliation]. Spb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 272 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p.

Kurgan Urdzhar: kniga-al'bom [Kurgan Urjar: Album Book]. Comp. B.A. Bajtanaev. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2018. 120 p.

Mit'ko O.A. Obraz grifona v iskusstve narodov Evrazii v drevnetyurkskuyu epohu [The Image of the Griffin in the Art of the Peoples of Eurasia in the Ancient Turkic Era]. Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Vyp. 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 7–10.

Naurzumskij gosudarstvennyj prirodnyj zapovednik [Naurzum State Nature Reserve]. NII centr problem ekologii i biologii KGPI [Research Institute Center for Ecology and Biology Problems KSPI]. URL: <https://nic-peb.kspi.kz/ru/2016-04-29-09-59-22/naurzumskij-gosudarstvennyj-prirodnyj-zapovednik.html>

Paporotnik [Fern]. Oficial'nyj internet-resurs Akimata Naurzumskogo rajona [The Official Internet Resource of Akimat of Naurzum District]. URL: <http://naurzum.kostanay.gov.kz/uchrezhdeniya-rayona/naurzumskiy-gosudarstvennyj-prirodnyj-zapovednik/flora-i-fauna/>.

Polidovich Yu.B. Obrazy fantasticheskikh zivotnyh v iskusstve narodov skifskogo mira [Images of Fantastic Animals in the Art of the Peoples of the Scythian World]. Donec'kij arheologichnyj zbirnik [Donetsk Archaeological Collection]. 2014/2015. №18/19. Pp. 149–201.

Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyrykcev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Costume and Textiles of the Pazyryk People of Altai (the 4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 232 p.

Polos'mak N.V. «Steregushchie zoloto grify» (ak-alahinskie kurgany) [“Vultures Guarding Gold” (Ak-Alakha barrows)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 125 p.

Prishchepova V.A. Illyustrativnye kollekcii po narodam Central'noj Azii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka v sobraniyah Kunstkamery [Illustrative Collections on the Peoples of Central Asia of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries in the Collections of the Kunstkamera]. Spb. : Nauka, 2011. 452 p., il.

Reshetov A.M. Fenhuan (feniks) v kul'turnoj tradicii kitajcev [Fenghuang (phoenix) in the Cultural Tradition of the Chinese]. Elektronnyaya biblioteka MAE RAN [e-Library of MAE RAN]. Pp. 287–291. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The Culture of the Population of Gorny Altai in Scythian time]. M.; L. : AN SSSR, 1953. 402 p. + 120 tabl.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya [The Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time]. M.; L. : AN SSSR, 1960. 360 p. + 128 tabl.

Rudenko S.I. Sibirskaya kollekciya Petra I [Siberian Collection of Peter I]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Archaeological Sources]. D3-9. M.; L., 1962. 52 p.+27 tabl.

Seitov A.M. Stepi Torgaya v rannesakskoe vremya: k postanovke problemy [The Steppes of the Trade in Early Saka Time: to the Statement of the Problem]. Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii [Saka Culture of the Saryarka in the Context of the Study of Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2015. Pp. 264–270.

Smagulov T.N. Predislovie [Foreword]. Altynbekov K. Urzharskaya zhrica: istoriya vozrozhdeniya unikal'noj nahodki [Urzhar Priestess: the Story of the Revival of a Unique Find]. Almaty : «Ostrov Krym», 2018. Pp. 8–10.

Tairov A.D. Kompleks rannesakskogo vremeni kurgana 5 mogil'nika Kichigino I v Yuzhnom Zaurale [The Early Saka Time Complex of Burial Mound 5 of Kichigino I Burial Ground in the South Trans-Urals]. Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii [Saka Cul-

ture of the Saryarka in the Context of the Study of Ethnosociocultural Processes of Step Eurasia]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2015. Pp. 300–319.

Tasmagambetov I.N. Kentavry Velikoj stepi. Hudozhestvennaya kul'tura drevnih kochevnikov [Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of the Ancient Nomads]. Almaty : Obshchestvennyj fond «Berel», 2003. 336 p.: il.

Fauna Naurzumskogo zapovednika. [Fauna of the Naurzum reserve]. Naurzumskij nacional'nyj prirodnyj zapovednik. Kostanajskaya oblast' [Naurzum National Nature Reserve. The Kostanay Region]. URL: <https://silkadv.com/ru/node/984>.

Filimonova E.N. Simvolika zhivotnyh v perevodnyh proizvedeniyah. «Svyashchennye» zhivotnye (na materiale perevodov s korejskogo i kitajskogo yazykov) [Symbolism of Animals in Translated Works. “Sacred” Animals (based on translations from Korean and Chinese)]. Yazyk, soznanie, kommunikaciya [Language, Consciousness, Communication]. M. : MAKS Press, 2004. Vyp. 26. Pp. 59–82.

Shefer E. Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnyh dikovinah v imperii Tan [Golden Peaches of Samarkand. A Book about Foreign Wonders in the Tang Empire]. M. : Nauka, 1981. 608 p.: il.

Shul'ga P.I. Zhrechieskie paryne zahoroneniya s zerkalami pogremushkami (k postanovke problemy) [Priestly Paired Burials with Rattles Mirrors (to the statement of the problem)]. Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii [Antiquities of Altai. Izvestia laboratory of archeology]. 1999. №4. Pp. 88–99.

Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a [Burial Ground of the Scythian Time Lokot'-4a]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 204 p., il.

Chistyakova A.N. «Feniks» v mifologizirovannyh opisaniyah (po materialam mifov i skazok Kitaya) [“Phoenix” in Mythologized Descriptions (based on the materials of myths and fairy tales of China)]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2007. T. 6, vyp. 3. Pp. 179–188.

Chugunov K.V., Parcinger G., Nagler A. Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Tsarskij Barrow of Scythian Time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk : Izd-vo IAEt SO RAN, 2017. 500 p.

Yablonskij L.T. Oчерк археологии ранних саксов Нижней Сырдар'и [Essay on the Archaeology of the Early Saks of the Lower Syr Darya]. Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk [Bulletin of the NAS of the Republic of Kazakhstan. Ser. societies. Sciences]. 2017. Vol. 1, №311. Pp. 64–75.

Yacenko S.A. Zagadochnye monstry pazyrykcev i kitajskaya mifologiya epohi Chzhou [Mysterious Monsters of the Pazyryk and Chinese Mythology of the Zhou Era]. Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era]. SPb. : Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 154–158.

G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

“FIERCE BIRDS WITH FIERY FEATHERS”

The article presents an attempt to identify a fantastic bird placed on the crown of a woman buried under the mound of Tarasyk in East Kazakhstan. The mound was explored by the expedition of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology. The reconstruction of a woman's costume, made in the scientific restoration laboratory “Ostrov Krym” headed by K. Altynbekov, was taken as a reference. In the decoration of the crown on the buried woman's head, there are two zoomorphic images of a bird and a saiga. They were set according to the principle of heraldic composition, with an image of phoenix as the central element, and a pair of saigas as the other two symmetrically arranged figures. The crown was complemented by pendants. This reconstruction is the result of the tedious work, and the greatest creation of employees of the laboratory “Ostrov Krym”. It supports and expands the existing portrayal of the Early Iron Age women. The site is dated to the 5th–4th c. BC. The received data show that the ancient population of East Kazakhstan and Altai was familiar with the image of a phoenix. The latter is related to the ideas of eternal life and renovation, and also apparently marks the status of the buried, who could perform certain rituals. The headdress from the Tasaryk demonstrates the synthesis of traditions of Saks of Jetyсу and Pazyryk.

Key words: headdress, crown, bird, polymorphic creature, Pazyryk Culture

УДК 902/904 (574)

Я.А. Лукпанова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск, Казахстан

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНА №1 МОГИЛЬНИКА ЖАЙЫК-1 В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В статье впервые вводятся в научный оборот некоторые материалы кургана №1 могильника Жайык-1, исследовавшегося в полевом сезоне 2019 г. Раскопки проводились в связи с планированием открытия музейного комплекса «Городище Жайык». Курган расположен при въезде на территорию будущего музея под открытым небом. В результате активного антропогенного воздействия насыпь находилась в аварийном состоянии. Центральная часть кургана была снесена тяжелой техникой, в западной половине также фиксировались разрушения. Вся поверхность насыпи изрыта землероями.

В результате археологических исследований в кургане, окруженном кольцевым рвом с обозначенным входом с южной стороны, изучено 14 погребений. К западу от центральной могилы были погребены женщины – пять комплексов, с восточной стороны мужчины – семь. Полученный материал разновременный, отложившийся на протяжении нескольких столетий: от V–IV до IV–III вв. до н.э.

В рамках предлагаемой статьи акцент сделан на рассмотрении исключительно женских погребений, поскольку сохранность материалов в них лучше. Анализ этого и других факторов позволяет сделать вывод о значимости роли женщины в древнем обществе.

Ключевые слова: Жайык, курган, погребение, подбой, сарматы, ритуал, обряд, социальное положение, маркер

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-08

Введение

Могильник Жайык-1 расположен на правом высоком берегу р. Урал, в 13 км юго-западнее г. Уральска, при въезде на территорию средневекового городища Жайык (рис. 1). Он состоит из четырех курганных насыпей. Курган №1 являлся самым большим (диаметр 42 м, высота 1,8 м), сооружался в два этапа, имеет сложную подкурганную конструкцию.

Центральная часть кургана сложена из грунтовых блоков, которые представляли собой «вальки», вырезанные из верхнего гумусового горизонта. Они были уложены на бревна, которые впоследствии сгорели во время сжигания конструкции. Размер «вальков» примерно 30×20×15 см. По периферии внутренняя насыпь окружена кольцевым рвом глубиной от 0,5 до 2,5 м, ширина рва варьировалась от 0,5 до 1,5 м. Важно отметить, что с северной стороны ров оказался более глубоким и ширина – максимальной, вход зафиксирован с южной стороны (рис. 2). В заполнении кольцевого рва на разных глубинах обнаружены камни, мел, кости животных, фрагменты керамики, части жертвенников разных форм.

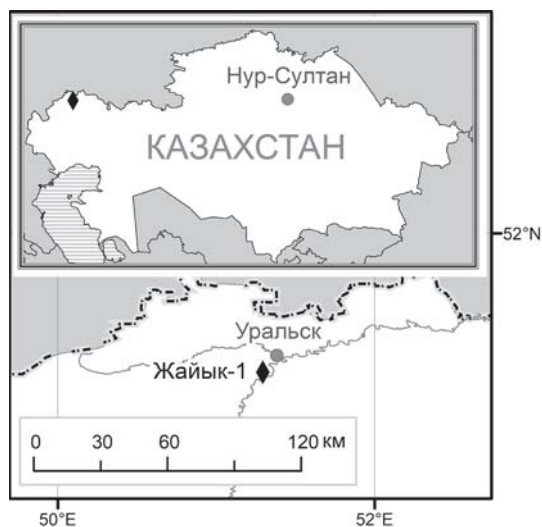

Рис. 1. Расположение могильника Жайык-1.
Карту-схему подготовил М.А. Антонов

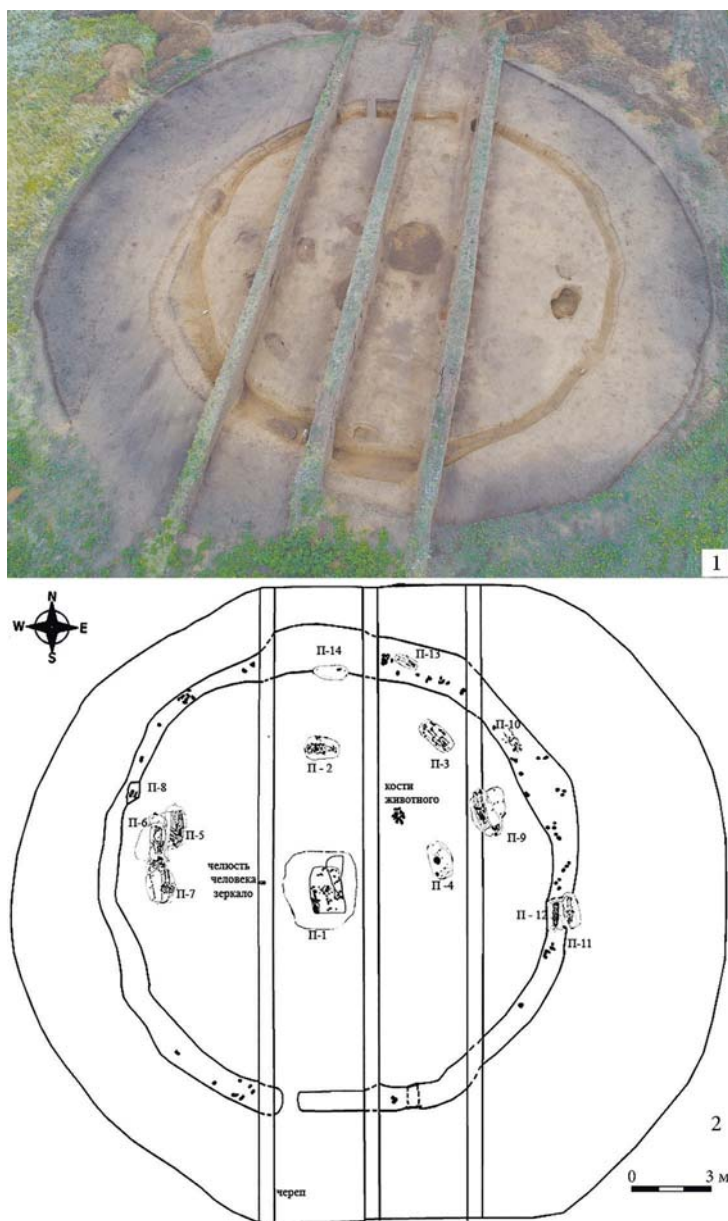

Рис. 2. Жайык-1. Курган №1: 1 – в процессе раскопок; 2 – план с погребениями

В центральной части кургана присутствовали следы горения в виде обожженных и оплавленных блоков, шлаков, кусков грунта кирпичного и темно-розового цветов, обугленные фрагменты древесины. Сложенная из блоков внутренняя конструкция перекрыта насыпью из желто-серого рыхлого гумусированного суглинка, представлявшего собой слой грунта, который залегал под гумусовым горизонтом на участках заготовки строительных блоков. Период раннего сооружения кургана относится к V–IV вв. до н.э. Курган неоднократно досыпался и дополнялся более поздними впускными захоронениями.

Всего в кургане выявлено 14 погребений. Они были расположены полукольцом вокруг центральной ямы, основная их часть ориентирована головой на юг, юго-запад, юго-восток. С западной и восточной стороны центральной ямы зафиксировано по одному взрослому погребению «на животе», лицом вниз (№7 и 11) и по одному погребению детей-подростков (№8 и 12). В северной периферии кургана находились три погребения. Одно оказалось во рву – обезглавленный мужчина (№13), его череп покоился возле кисти правой руки, а в ребрах найден железный наконечник стрелы. Второе погребение (№14) выявлено на краю рва. Могила разграблена, остался один череп. Третья могила (№10) располагалась на уровне древнего горизонта. Все эти три погребения так или иначе связаны со рвом. Погребенные люди были ориентированы головой на восток с некоторым отклонением к юго-востоку. Форма могильных ям в плане прямоугольная, подбойная, с заплечиками. Пять погребений (№1, 5, 6, 7 и 8), судя по специфичному набору вещей, принадлежали женщинам. Четыре из них сосредоточены в западной части кургана. Исключение составляет погребение №4 (оно шестое), которое располагалось с восточной стороны центральной ямы. Там найдены три стеклянные бусины, разрозненные кости человека. Череп и тазовые кости отсутствовали, что затрудняет определение гендерной принадлежности погребенного, поэтому по наличию бусин мы отнесли его к женскому. Семь погребений (№3, 4, 9, 11 и 12) обнаружены с восточной стороны центральной ямы. По так называемому мужскому набору вещей мы их отнесли к мужским.

Материал исследования

Погребение №1 находилось в центральной яме кургана. Могильное пятно прямоугольной формы, длинными сторонами ориентировано по оси Ю–С, размеры – 4,75×3,7 м. Заполнение ямы оказалось плотным. В нем встречено значительное количество фрагментов угля, шлаков, золы, кости крупного животного, разрозненные кости человека, под воздействием высокой температуры принявшие серый цвет. В северо-восточном углу ямы обнаружен уступ на глубине 1,8 м в виде ступеньки. Но это, вероятнее всего, остатки дна первой ямы, над которой соорудили первоначальную насыпь. Позже могила была ограблена, а дно пробито глубже для совершения более позднего погребения. Стены ямы сужались ко дну на глубину 3,14 м от древнего горизонта. Размеры по дну – 2,85×1,7 м (рис. 3.-1).

На дне ямы выявлено захоронение, предположительно женщины, разграбленное в древности, основная часть костей была сложена в юго-западном углу ямы. Безусловно, гендерная принадлежность погребенного в яме человека определена по вещам, обнаруженным в захоронении: три ромбовидные гагатые бусины черного цвета, 60 стеклянных бусин с внутренней позолотой, 18 гешировых шайбовидных бусин (рис. 3.-2–3), фрагменты деревянного гребня, костяные накладки от деревянного короба (рис. 3.-4–5), керамическая чернолаковая чаша, внутренняя часть орнаментирована четырехлепестковой розеткой и поясом вертикальных зигзагообразных линий по дну и придонной части (рис. 4.-1), фрагмент четырехугольного предмета из камня (рис. 3.-6), фрагменты сероглиняного гончарного сосуда с ручкой (рис. 4.-2). Вдоль восточной стенки ямы обнаружен отпечаток меча с прямым перекрестьем, с серповидным навершием. Н.А. Берсенева [2011, с. 75] отмечает, что определенный процент захоронений женщин в степных и лесостепных обществах находят с оружием. Е.В. Вдовченков [2013, с. 291] на примере одного могильника Новый выделяет 16% женских погребений с оружием, при этом перечисляет виды оружия: меч, стрелы, кинжал. Поэтому считаем вполне возможным наличие меча именно в женском погребении, так как остальные найденные вещи относятся к категории женских.

Погребение-4 располагалось в 5,25 м северо-восточнее центрального погребения, между центральной и восточной бровками. Яма прямоугольной формы с округлыми углами, длинными сторонами ориентирована по оси ЮЮВ–ССЗ. Заполнение ямы представляло собой темно-серую гумусированную супесь с вкраплениями материкового грунта. В заполнении ямы выявлены берцовые кости человека, фрагменты черепа. Стенки ямы прямые. Длина ямы 2,4 м, ширина – 1,25 м, глубина 0,55–0,62 м от уровня древнего горизонта. Дно ямы неровное, с подъемом к северу–северо-западу. На дне на органической подстилке светло-серого цвета обнаружены разбросанные кости человека, яма была ограблена в древности (рис. 5.-1). В центральной части ямы сохранился фрагмент правой лопатки, бе-

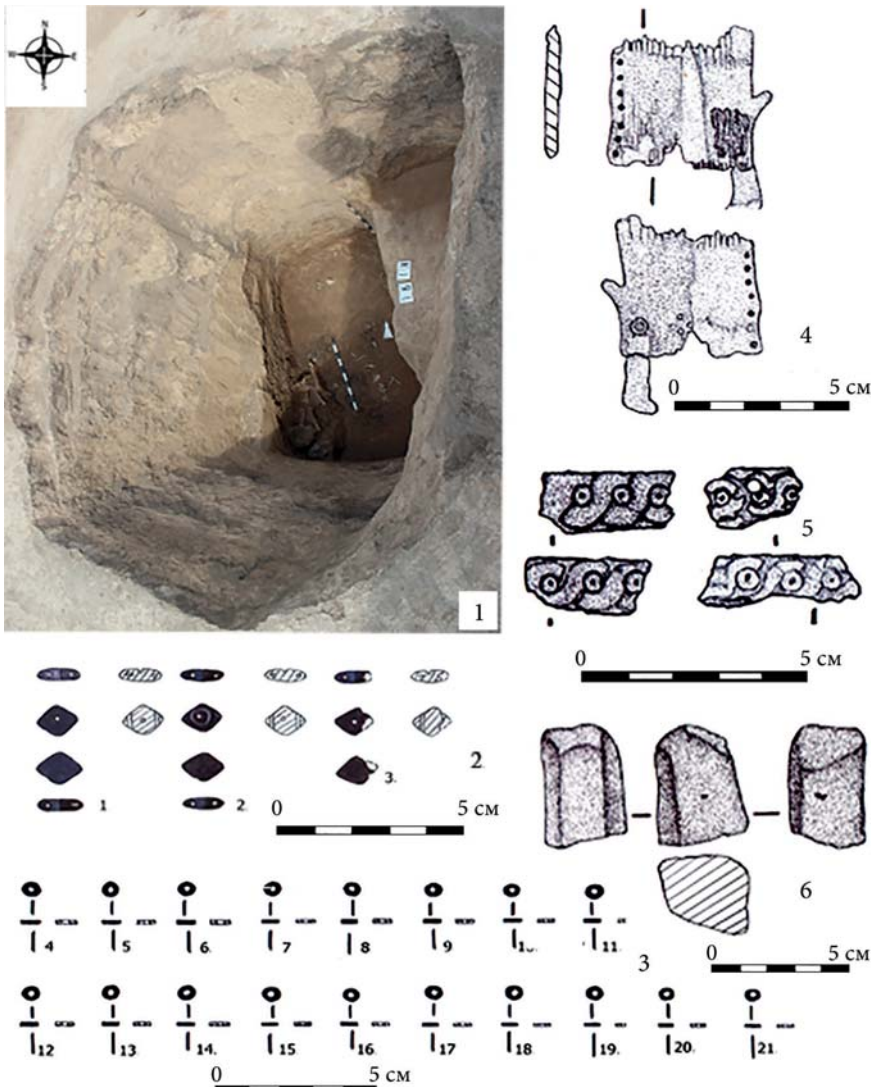

Рис. 3. Жайык-1, курган №1: 1 – план погребения-1; 2 – ромбовидные бусины; 3 – гешировые шайбовидные бусины; 4 – фрагмент деревянного гребня; 5 – фрагменты костяных накладок; 6 – фрагмент предмета из камня

дренная кость левой ноги человека, с левой стороны кости обнаружены фаланги пальцев, три бусины с внутренней позолотой *in situ*. В южном углу ямы лежали фрагменты разбитого лепного сосуда (рис. 5.-2-3). Восточный угол ямы разрушен землероями.

Погребение-5 было зафиксировано в 8,7 м к северо-западу от центрального погребения, оно было совершено в подбое (рис. 6.-А). Могильное пятно подпрямоугольной формы длинными сторонами ориентировано по оси ЮЮВ-ССЗ. Заполнение входной ямы представляло собой темно-серый суглинок с примесями материковой глины. В заполнении на всех уровнях встречались кости человека, фаланги пальцев, ребра, кости правой руки в сочленении, на запястье которой обнаружен бронзовый браслет (рис. 7.-2а), а также фрагменты зеркала (рис. 7.-5), бронзовый браслет, черешковый нож.

С восточной стороны входной ямы (на глубине 1,69 м) обнаружен подбой, который длинными сторонами был ориентирован по оси Ю-С. Длина подбоя 2,4 м, ширина 1 м. Погребение предположительно принадлежало женщине, которая лежала вытянуто на спине, головой на юг. Череп погребенной покоится на шейных позвонках. Под скелетом

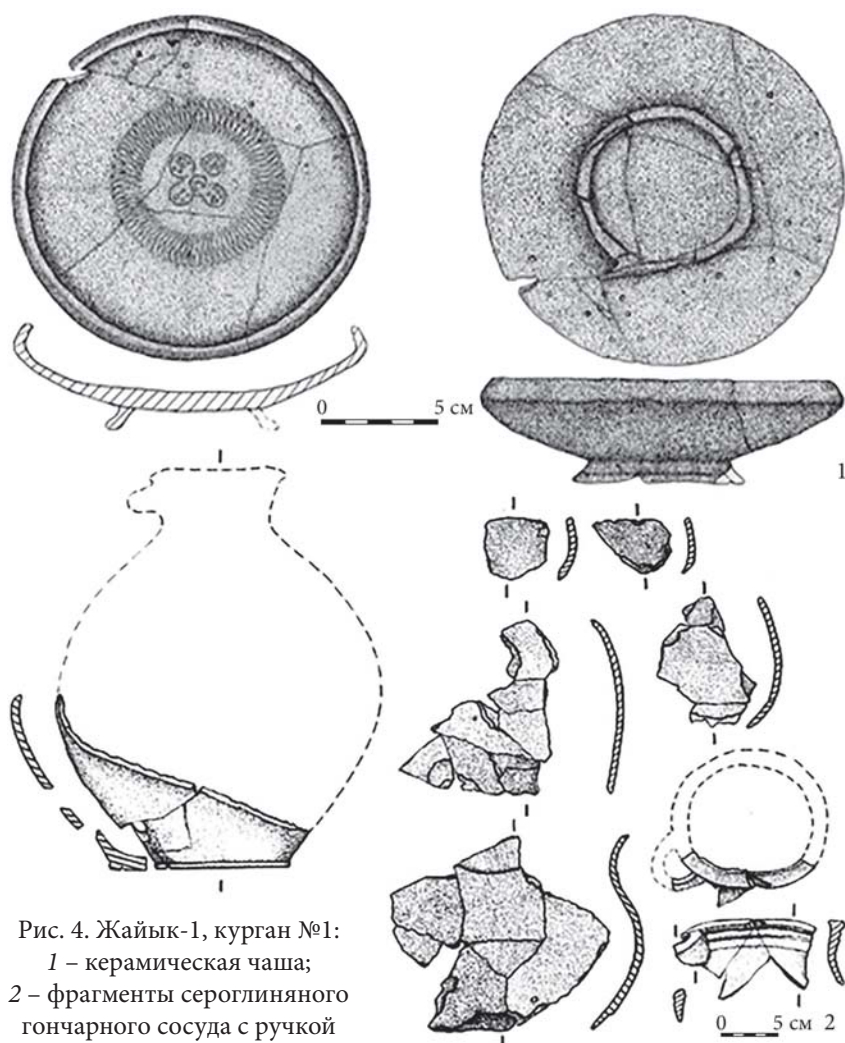

Рис. 4. Жайык-1, курган №1:
1 – керамическая чаша;
2 – фрагменты сероглиняного
гончарного сосуда с ручкой

прослежен тонкий слой органики черного цвета (кошма?) с меловым содержанием. Важным моментом в данном погребении является то, что скелет потревожен, у него отсутствуют правая берцовая кость, правая рука и ребра с правой стороны, левая рука лежит ладонью вниз. Все отсутствующие кости женщины обнаружены в заполнении входной ямы. Поскольку кости руки найдены в сочленении, очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с обрядом расчленения. Причем бронзовый браслет, как на левом запястье скелета, был обнаружен в области запястья правой конечности человека, найденной в заполнении ямы. У южной стенки выявлены кости крупного животного: ребра и мелкие позвонки. Во-

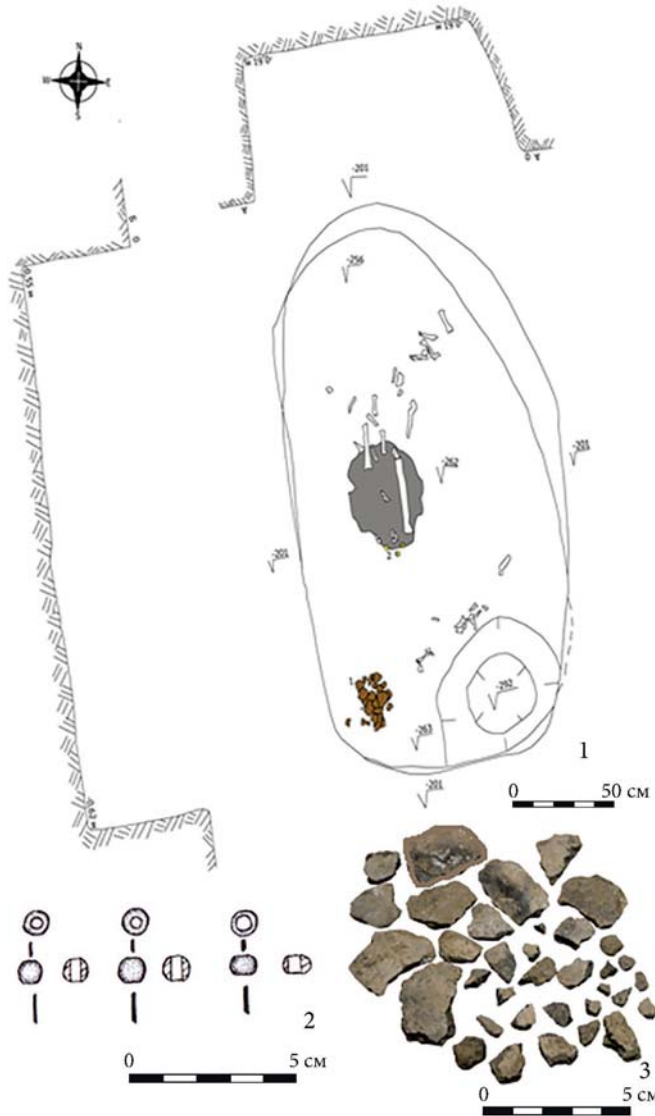

Рис. 5. Жайык-1, курган №1:
1 – план погребения-4; 2 – бусины;
3 – фрагменты лепного сосуда

круг шейных позвонков женщины найдены шесть нашивных блях в виде жуков, изготовленные из желтого металла, вероятно, декор воротника одежды (рис. 7.-1). На запястье левой руки был надет бронзовый браслет из литого прута, под костями животных лежит черешковый нож, слева у плеча женщины найдены два фрагмента лепного сосуда (рис. 7.-2б, 3-4). К погребению-5 относятся также предметы, найденные в заполнении входной ямы.

Входная яма погребения-5 позже была пробита ниже и использована для погребения-6.

Погребение-6 выполнено во входной яме погребения-5, дно ямы зафиксировано на глубине 2,72 м. Яма была углублена, границы удлинены к югу. Размеры ямы по дну – 2,05×0,8 м. В углах ямы зафиксированы остатки столбов, в ней была сооружена столбовая конструкция, перекрытая корой. Высота столбов от 1,1 до 1,18 м, диаметр от 0,18 до 0,22 м. В яме было совершено более позднее захоронение, судя по набору вещей, найденных в могиле, принадлежавшее женщине (рис. 6.-Б).

Головой она была ориентирована на юг, с отклонением на юго-запад. Руки вытянуты вдоль корпуса, кисти – вдоль тазовых костей, левая нога согнута в колене, пятки соединены. Под бедренными костями обнаружены конечности барана. Под черепом находилось бронзовое зеркало, с валиком по окружности и боковой ручкой-штырем. Диаметр его 19 см. На зеркале найдена серьга, витая в 1,5 оборота из желтого металла (рис. 8.-1-2), вокруг шейных позвонков обнаружены 193 бусины и уплощенная, подтреугольной формы подвеска (рис. 8.-3), между правой рукой и ребрами погребенной выявлено 54 бусины. На левом запястье погребенной обнаружено 36 бусин, на правом – 31 бусина. У изголовья лежал бронзовый литой котел на высокой конической ножке, внутри которого обнаружены две лопатки барана (рис. 8.-4). Рядом с котлом находился трехлопастной втульчатый железный наконечник стрелы (рис. 8.-5). Справа у ног погребенной зафиксированы железный утяжелитель древка и шило (рис. 8.-6-7). В сарматских погребениях встречаются так называемые «утяжелители древков», они представляют собой железные стержни, которые вставлялись во втулки наконечников стрел. В.М. Клепиков [2002, с. 49] отмечает, что такие утяжелители появились в савроматское время в Приуралье, далее встречаются в раннепрохоровских комплексах. Подобные утяжелители были обнаружены в мужском и женском погребениях кургана №2 могильника Таксай-2 в 2015 г. [Лукпанова, 2016, с. 108; 113]. На ногах женщины в области щиколоток найдена курильница на высоком рюмкообразном поддоне. В ней были зафиксированы три каменных «молоточка» (рис. 8.-8-9). Слева, в области плеча погребенной, зафиксировано пряслице, изготовленное из мела (рис. 8.-10). Останки погребенной покоились на органическом тлене.

Погребение-7 – подбойное, длинными сторонами ориентировано по оси Ю–С. Размеры пятна могильной ямы – 1,95×0,72 м. Глубина ямы от уровня древнего горизонта – 0,9 м. Вдоль западной стены обнаружено тонкое бревно диаметром 10 см (рис. 6.-В).

С восточной стороны ямы зафиксирован подбой. В нем обнаружен костяк взрослого человека, судя по обнаруженному пряслицу и лепному горшку в могиле, погребение принадлежало женщине, головой ориентированной на юг. Скелет находился в анатомическом

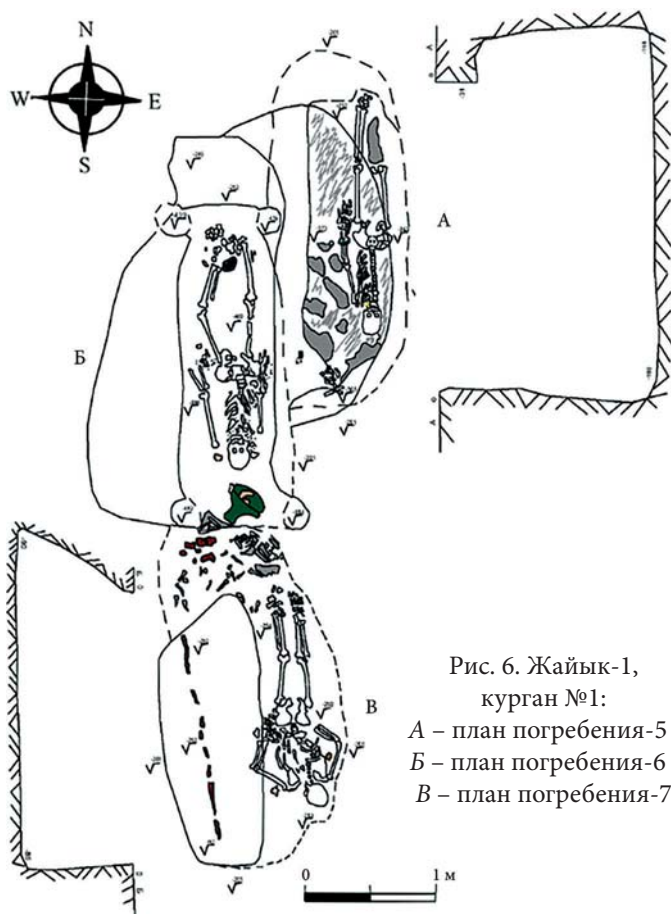

Рис. 6. Жайык-1, курган №1:
 А – план погребения-5;
 Б – план погребения-6;
 В – план погребения-7

порядке лицом вниз, на животе, руки согнуты в локтях, кисти на уровне пояса. Ноги вытянутые, прямые, у ног выявлены кости мелкого рогатого скота. Между левой рукой и ребрами обнаружено пряслице биконической формы (рис. 9.-1), усеченное с двух сторон, на поверхность которого нанесены вертикальные линии, камень обработанный (рис. 9.-2), в ногах – разбитый лепной сосуд с трубчатым носиком (рис. 9.-3б), коротким горлышком, с плоским дном (рис. 9.-3д). Тулово сосуда орнаментировано горизонтальной волнистой линией (рис. 9.-3а), под венчиком проходит орнамент в виде вертикальных коротких линий – насечек, нанесенных ногтем (рис. 9.-3в).

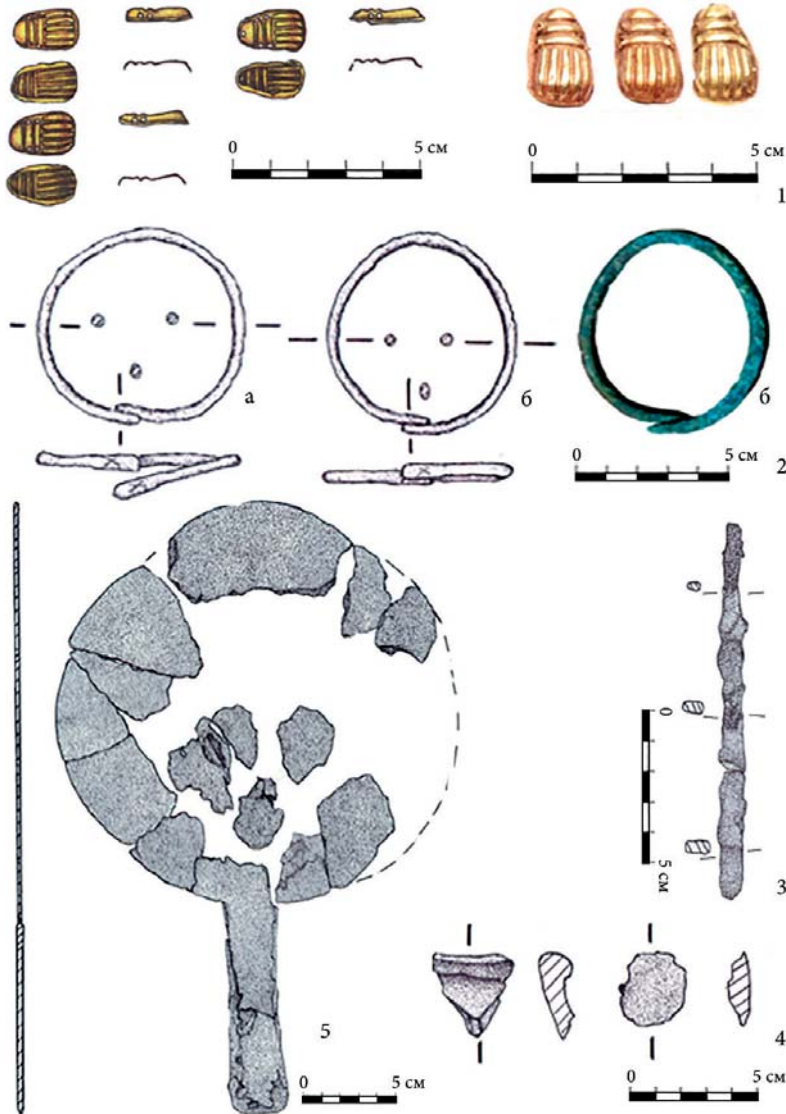

Рис. 7. Жайык-1, курган №1: 1 – нашивные бляшки в виде жуков; 2а, б – бронзовые браслеты (а – из заполнения, б – из погребения); 3 – черешковый нож; 4 – фрагменты лепного горшка; 5 – фрагменты бронзового зеркала

Погребение-8. Яма глубиной от материковой поверхности 0,18 м, прямоугольной формы. Размеры ямы – 1,4×0,65 м. Границы юго-восточной части ямы сохранились, северо-западная ее часть заходит на ров. Кольцевой ров был сооружен раньше. Дно ямы неровное, с подъемом к югу.

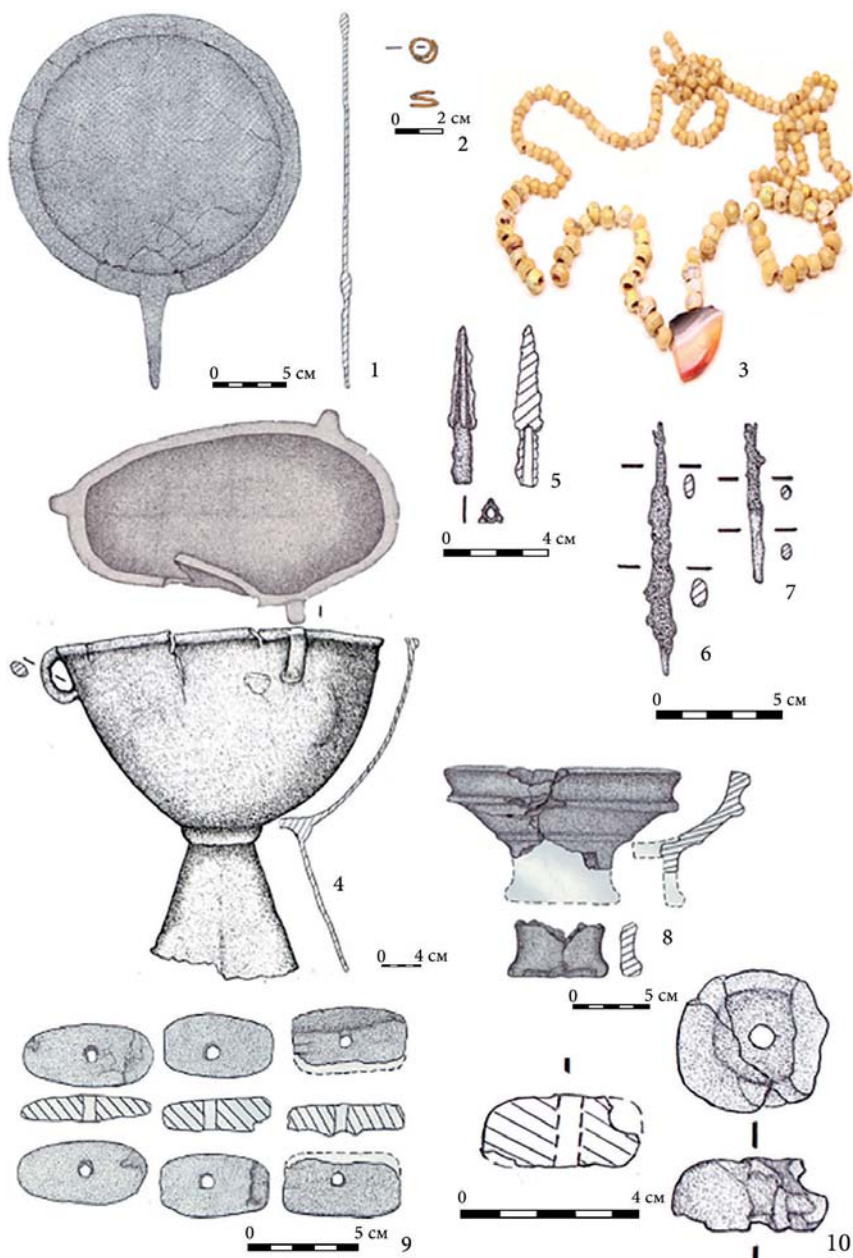

Рис. 8. Жайык-1, курган №1: 1 – бронзовое зеркало; 2 – серьга; 3 – ожерелье; 4 – котёл; 5 – наконечник стрелы; 6 – нож; 7 – утяжелитель древка; 8 – курильница; 9 – каменные «молоточки»; 10 – пряслице

В яме выявлено захоронение ребенка, скелет в плохом состоянии, кости потревожены грызунами, череп разбит (рис. 10.-1). Головой умерший ориентирован на юг. Вокруг шейных позвонков обнаружено 28 стеклянных бусин (бисер) (рис. 10.-2), с левой стороны черепа зафиксирован лепной кувшин с ручкой (рис. 10.-3). Анализ инвентаря позволяет считать данное погребение женским.

Анализ и обсуждение материала

В кургане зафиксирована полукольцевая система расположения могил, характерная для погребального обряда ранних сарматов Южного Приуралья. Судя по распределению женских и мужских захоронений в кургане, где разновременные погребения не нарушают внутреннюю систему, а наоборот, создают какую-то общую картину расположения погребений, можно сказать, что все комплексы связаны между собой. Вопрос может вызвать расположение могильных ям 5, 6 и 7. Несмотря на то что погребение-6 выполнено во входной яме погребения-5, а погребение-7 прорезало верхнюю часть северной стенки могильной ямы погребения-6, все три захоронения не потревожены. Это свидетельствует о том,

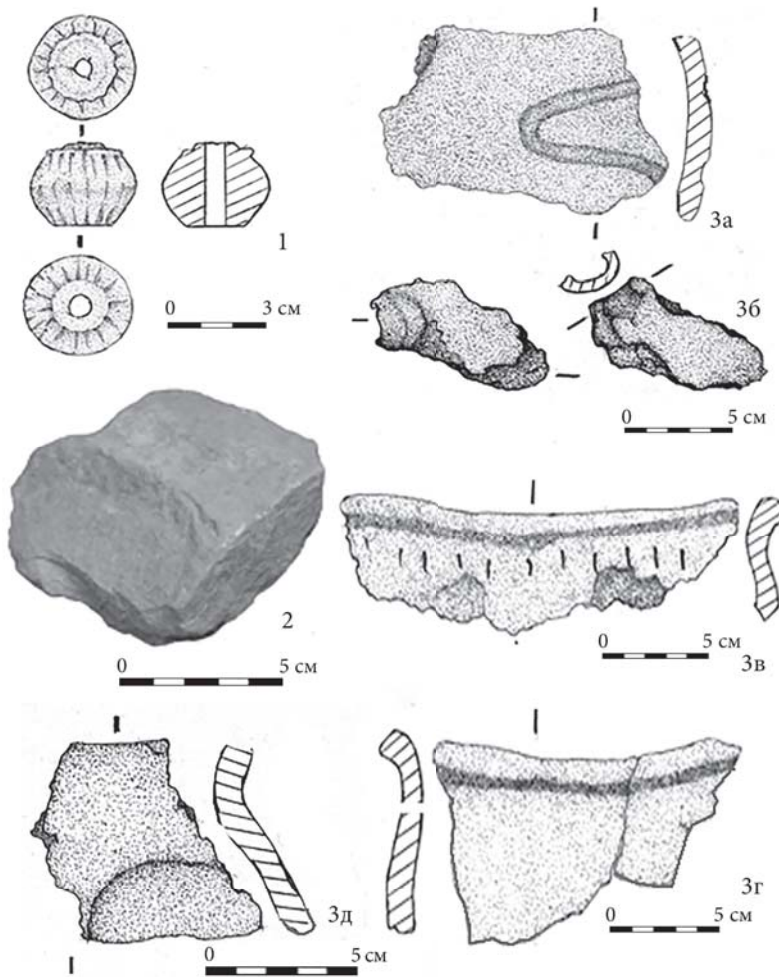

Рис. 9. Жайык-1, курган №1: 1 – пряслице; 2 – камень; 3а-д – фрагменты сосуда

что при совершении этих захоронений учитывалась какая-то определенная особенность: либо близкородственные связи, либо определенный статус этих людей. Нельзя не согласиться с мнением В.М. Клепикова, что в погребальном обряде сарматов курган мог символизировать дом. Причем это захоронение не одной семьи, а представителей родственных групп «дальнего окружения», которые сохраняли память, обряды и главное – «связь с нуклеарным родом», а значит, и с кладбищем [Клепиков, 1999, с. 78]. Кладбища принадлежали родственному клану и, судя по вещевому комплексу из погребений кургана №1 могильника Жайык-1, женщины представляли более влиятельную группу, чем мужчины. Женские и мужские погребения были нами определены по набору вещей, характерных для тех и других захоронений. По анализу вещей все женские погребения – с инвентарем, среди мужских таковых насчитывается только два.

К ранней группе из сохранившихся женских комплексов относится центральное погребение, датированное концом IV – началом III в. до н.э. Особый интерес вызывает набор костяных орнаментированных пластин (рис. 3.-4), прямые аналогии которым обнаруживаются в материалах могильника Баланды-1, где подобными деталями украшалась роскошная деревянная парадная шкатулка [Степная полоса..., 1992, табл. 13, рис. 2–8]. Обнаруженный рядом с пластинами гребень (рис. 3.-5), очевидно, находился в ней. Датировка Баланды-1 определяется в пределах последней трети IV в. до н.э., не позднее начала III в. до н.э. [Степная полоса..., 1992, с. 55].

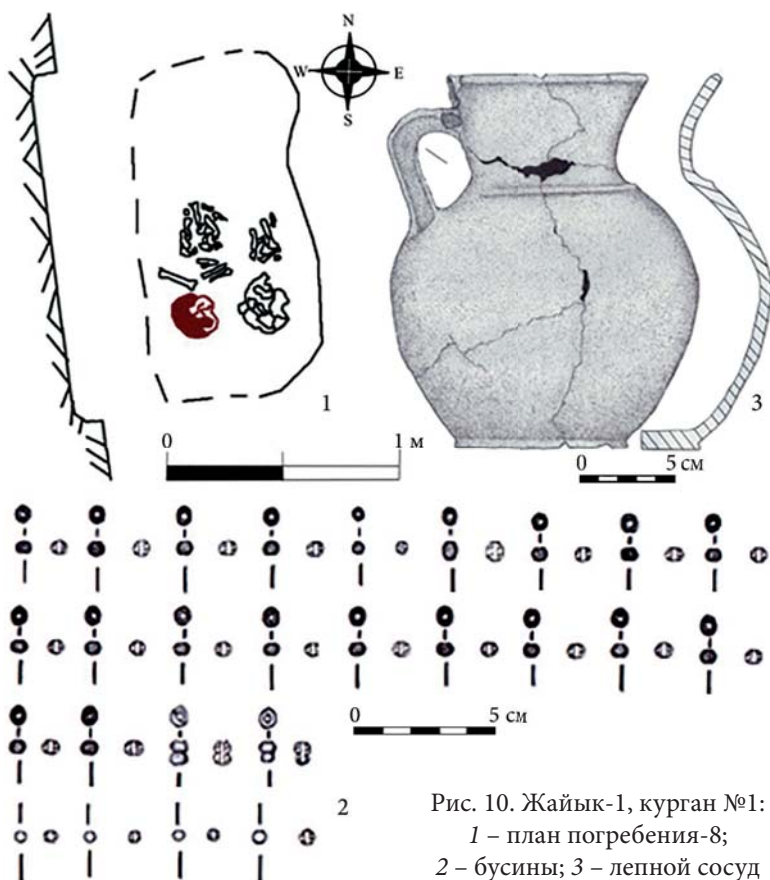

Рис. 10. Жайык-1, курган №1:
1 – план погребения-8;
2 – бусины; 3 – лепной сосуд

Ближайшей аналогией чернолаковой чаше (рис. 4.-1) из центрального погребения является мисочка из комплекса Кривая Лука-6, курган №1, погребение-14 [Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977, рис. 71]. По аналогии из Афинской агоры она датируется 380–350 гг. до н.э. [Очир-Горяева, 1988, с. 17]. Чаша не может быть хроноиндикатором в этом комплексе, так как наличие в погребении гешировых и стеклянных бусин с позолотой уже относит дату этого погребения к рубежу IV–III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 45]. Очень редкими для памятников Южного Приуралья являются ромбовидные бусины из черного стекла с четырьмя отверстиями (рис. 3.-2).

Погребение-4, к сожалению, невозможно продатировать, могила ограблена в древности. Бусины (рис. 5.-2), обнаруженные в яме, датируются широким интервалом времени. Но южная ориентировка костяка позволяет отнести захоронение к раннесарматскому периоду.

Погребение-5 принадлежит женщине, набор сопутствующих вещей подчеркивает ее определенный социальный статус. Комплекс датируется 2-й половиной IV в. до н.э., не исключается начало III в. до н.э. Ворот ее одежды был украшен нашивными бляхами из желтого металла, выполненными в технике басмы, в виде жуков-скарабеев (рис. 7.-1). На изображении выделена голова жука и спинка, целиком покрытая бороздками. Фигуры жуков-скарабеев на бляхах очень похожи на бусины из египетского фаянса с аналогичным изображением, встречаемые в сарматских погребениях Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – IV в. н.э. [Мошеева, 2010, с. 163, рис. 1.-49–64]. Других аналогий бляхам из Жайыка-1, к сожалению, мы не обнаружили. Безусловно, образ жука-скарабея в изображениях встречается крайне редко в погребениях Южного Приуралья и если его рассматривать в контексте костюма, то бляхи выступают как солярные символы, амулеты [Мошеева, 2010, с. 158]. Бронзовые браслеты (рис. 7.-2а, б), изготовленные из круглого в сечении прута, получили широкое распространение с конца VI – IV в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 43] и встречаются в сарматских погребениях вплоть до II–IV вв. н.э. [Клепиков, 2002, с. 88]. Два браслета из данного комплекса, с уплощенными концами и орнаментом в виде косоугольного креста, представляют собой стилизованные змеиные головки. Зеркало (рис. 7.-5) с гладким диском и плоской ручкой датируется в пределах IV–III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 42; Клепиков, 2002, с. 70]. Ямы с подбоями в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья появились в VI–V вв. до н.э., широкое распространение они получили в IV в. до н.э., с ориентировкой костяков на юг [Куринских, 2008, с. 69; Таиров, 2009, с. 142].

Бронзовое зеркало из погребения-6 (рис. 8.-1) появилось не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 71; Мошкова, 1963, табл. 28.-9], основное их распространение пришлось на III в. до н.э. Спиралевидные серьги из желтого металла в 1,5 оборота (рис. 8.-2) являются самыми ранними и самыми распространенными формами, существуют аналогичные им бронзовые, обложенные золотой фольгой серьги. Сечение проволоки круглое. Встречаются они в погребениях с IV по III–II вв. до н.э. Диаметр серьги 1 см. М.Г. Мошкова [1963, табл. 29.-20] отмечала, что у более ранних сережек диаметр от 1,9 до 3,4 см, на рубеже IV–III вв. до н.э. диаметр их меняется от 1 до 1,5 см.

Цельнолитой бронзовый котел (рис. 8.-4), обнаруженный у изголовья женщины, имеет следы порчи, тулово деформировано, помято, часть ножки котла отсутствует. Тулово котла чашевидное, в верхней части проходит горизонтальный шов, под венчиком котла имеется три ручки-петельки, распределенных симметрично по окружности венчика, поддон воронковидный, в месте перехода тулова в поддон расположен выпуклый кольцевидный валик. По классификации С.В. Демиденко сосуд можно отнести к типу V

– котлы с чашевидным туловом и воронковидным поддоном, вариант А – без орнамента. Подобные котлы датируются 2-й половиной IV – началом III в. до н.э. [Демиденко, 2008, с. 17, 195, рис. 83.-23]. Котлы играли важную роль в жизни ранних кочевников: с одной стороны, они являлись символом жизни, благополучия, непрерывности поколений, богатства [Хисамитдинова, 2010, с. 170], с другой – были связаны с культом огня, принадлежали к сакральным предметам, символизировали власть [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 16; Дзиговский, Островерхов, 2010, с. 167]. Намеренная порча их в погребальном обряде заключалась в древнем ритуале, бытовавшем в среде ранних кочевников Евразии, связанном с представлениями о потустороннем Мире [Бейсенев, Джумабекова, 2017, с. 36].

Как отмечалось выше, в ногах женщины была обнаружена лепная курильница (рис. 8.-8) с чашевидным туловом на высоком рюмкообразном поддоне. По горизонтальной поверхности чаши проходят три валика. В тесте керамики содержится примесь талька, что позволяет датировать его IV в. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 77]. По классификации К.Ф. Смирнова [1973, с. 168] она относится к типу VIII. В курильнице находилось три каменных «молоточка» (рис. 8.-9). Они уплощенные, вырезаны из камня, овальные в сечении, с отверстием в средней части. «Молоточки» клали по три штуки в сосуды или просто у ног. Характерны они только для комплексов прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 46; Скрипкин, 1990, с. 101], датируются в пределах III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 164], и, безусловно, связаны с религиозными представлениями ранних кочевников, с каким-то определенным обычаем в погребальном обряде. В целом найденные в едином комплексе зеркало с валиком и ручкой-штырем, курильница, «молоточки», бронзовый котел, утяжелители древков (рис. 8.-7), железный втульчатый наконечник стрелы (рис. 8.-5) датируют данное погребение началом III в. до н.э.

Скелет женщины из погребения-7 лежал лицом вниз, на животе. Подобные позы были нестандартными и встречались в раннем железном веке очень редко. М.А. Балабанова [2011, с. 23], проведя сравнительный анализ встречаемости подобных захоронений, отмечает, что их доля составляет 5%. О погребениях на животе упоминал К.Ф. Смирнов [1974, с. 34], подобный обряд существовал, но он был представлен лишь в нескольких случаях. Символика таких погребений непонятна, вопрос дискуссионный, к сожалению, обобщенного мнения нет. В данном кургане (Жайык-1, курган №1) выявлены два таких погребения, принадлежавшие мужчине и женщине. Они расположены синхронно с западной и восточной стороны кургана, головой ориентированы на юг. Отличаются формы могильных ям. Женщина погребена в яме с подбоем, мужчина – в яме с прямыми стенками. Мужское – безынвентарное, в женском обнаружены пряслице (рис. 9.-1) и лепной горшок. К сожалению, сосуд плохой сохранности (рис. 9.-3а-д), пряслице не может быть хроноиндикатором в погребении, так как все типы пряслиц встречаются на протяжении всего раннего железного века [Клепиков, 2002, с. 73]. С учетом особенностей захоронения, конструкции погребальной ямы погребение датируется III в. до н.э.

Погребение-8 принадлежит ребенку старше 5 лет, судя по маркерам гендера, девочке [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 40]. Украшение на шее девочки представляет собой низку из мелкого бисера черного цвета (рис. 10.-2). Бусы сложно использовать в культурно-хронологической реконструкции. Так, например, большое количество бисера встречается в погребениях IV–III вв. до н.э., в III–II вв. до н.э. его количество увеличивается [Мошкова, 1963, с. 45] и бисер существует на всем протяжении раннего железного века. Кувшин (рис. 10.-3) из погребения покрыт красным ангобом и, вероятно, связан со среднеазиатским импортом (IV–II вв. до н.э.) [Мошкова, 1963, с. 30].

Заключение

Таким образом, отмечается два периода сооружения насыпи кургана. Первый период – «савроматский», более ранний, датируется V–IV вв. до н.э. Это подтверждается конструкцией кургана, состоявшей из грунтовых блоков и бревенчатого перекрытия, с обязательным использованием огня; подобные подкурганые сооружения принадлежали представителям элиты древнего общества [Кадырбаев, 1984, с. 85; Смирнов, 1964, с. 88, 89]. В центральной яме было совершено два одновременных погребения. Первое датируется V–IV вв. до н.э., над ним сооружалась конструкция, позже могила была разграблена при совершении более позднего захоронения, датируемого 2-й половиной IV – началом III в. до н.э. В насыпи кургана в процессе раскопок были обнаружены череп и нижняя челюсть женщины, фрагмент зеркала, датируемого V–IV вв. до н.э. К раннему периоду относится и погребение-2, принадлежавшее мужчине, головой ориентированному на запад.

Второй период сооружения кургана – «раннесарматский», к нему относятся все остальные погребения, датируются они в рамках 2-й половины IV – начала III в. до н.э. Это подтверждает и анализ вещевого материала. Погребальный обряд на рубеже веков менялся, так как со 2-й половины IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Приуралья наступили социально-экономические перемены, которые нашли отражение в признаках погребений, типологии предметов. Эти изменения мы можем проследить на примере кургана №1.

Курган №1 могильника Жайык-1 представляет собой курган-кладбище, погребения в котором располагались по определенному правилу, в данном случае по кольцу. Умершие лежали в прямоугольных ямах, в ямах с заплечиками, в ямах с подбоем, вытянуто на спине, головой преимущественно к югу, с некоторым отклонением на юго-восток, юго-запад. Для женских погребений в данном кургане характерен большой объем трудозатрат на сооружение могильных ям, особенно на яму погребения-6. Вещевой комплекс, обнаруженный в захоронениях, также маркирует социальное положение погребенных. По итогам предварительного анализа этих вещей особое внимание акцентировано на женщинах. Все женские погребения, в отличие от мужских, содержали предметы, так или иначе отражавшие их статус. Например, погребения-1, 5 и 6: наличие в них фрагментов роскошной шкатулки (погребение-1), импортной парадной посуды (погребение-1), меча (погребение-1), нашивных блях из желтого металла (погребение-5), украшений (погребение-6), бронзового котла (погребение-6), наконечника стрелы (погребение-6), курильницы (погребение-6), ритуальных «молоточков» (погребение-6) демонстрируют их статус в обществе. Можно сказать об исполнении жреческих функций женщины из погребения-6. Нарушая гендерные стереотипы, в женских погребениях могли присутствовать элементы вооружения, что не всегда характеризовало женщину как воина, но могло указывать на ее положение в обществе. Детское захоронение также можно отнести к категории нерядовых, наличие украшений и кувшина из разряда «парадной» посуды говорит о статусе человека. В погребении-7 женщина лежала на животе, а инвентарь представлен только пряслицем и разбитым сосудом. При сопоставлении всех вещей в погребениях здесь он самый скромный, лишь у нее отсутствуют украшения и другие маркирующие предметы, которые позволили бы говорить о ее особом статусе.

Очень важно обозначить то, что женские погребения расположены в западной части кургана, все мужские – в восточной. Очевидно, для сармат, которые сооружали данный комплекс, огромное значение имел вопрос распределения пространства: оно четко делилось на женскую и мужскую зону. Возможно, сарматы, создавая курганы-кладбища

по принципу проекции своих жилищ, сохраняли семантику распределения зон, принадлежавших женщинам и мужчинам, так, как это было принято делить их в жилище. Такая система пространственного разделения на женскую и мужскую половины соблюдалась в традиционном жилище казахов (юрте) вплоть до начала XX в.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МОН РК, ИРН проекта AP05131573. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность за консультации С.Б. Болелову, В.М. Клепикову, С.В. Демиденко.

Библиографический список

Балабанова М.А. Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 23–39.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. №2 (20). С. 28–46.

Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21). С. 36–44.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С.72–79.

Вдовченков Е.В. «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Преподаватель. XXI век. 2013. Т. 2. №4. С. 287–294.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М. : Наука, 1977. 194 с.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №2 (19). С. 114–117.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. 2010. №3. С. 145–174.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 84–93.

Клепиков В.М. Погребения IV в. до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. С. 62–101.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.

Куринских О.И. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпохи) // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий. Оренбург : ОGPU, 2008. С. 63–85.

Лукпанова Я.А. Археологические исследования сарматских погребений из кургана 2, могильника Таксай-2 (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2016. С. 108–117.

Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижне-волжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 147–169.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1-10).

Очир-Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI–V вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 20 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 299 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука, 1973. С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука, 1984. 184 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М. : Наука, 1992. 494 с.

Таиров А.Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 137–148.

Хисаметдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.

References

Balabanova M.A. Poza pogrebennyh kak ob'ekt arheologo-etnograficheskikh issledovaniy (po pogrebal'nym kompleksam pozdnesarmatskogo vremeni) [The Pose of the Buried as an Object of Archaeological and Ethnographic Research (on burial complexes of the late Sarmatian time)]. Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii [Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on Archaeology of the South of Russia]. Rostov-na-Donu : Izd-vo YuNC RAN, 2011. Vyp. III. Pp. 23–39.

Bejzenov A.Z., Dzhumabekova G.S. O drevnem rituale porchi predmetov, ispol'zuemyh v obryade pogrebeniya kochevnikov [Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite]. Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]. 2017. №2 (20). Pp. 28–46.

Berseneva N.A., Gilmitdinova A.H. Detskie pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (IV–II vv. do n.e.) [Children's Burials of the Early Nomads of the Southern Urals (the 4th – 2nd Centuries BC)]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2013. №2 (21). Pp. 36–44.

Berseneva N.A. Zhenskie pogrebeniya s oruzhiem: realii zhizni ili otobrazhenie social'noj identichnosti (po materialam sargatskoj kul'tury) [Women's Burials with Weapons: the Realities of Life or the Display of Social Identity (based on the materials of the sargat culture)]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2011. №1 (14). Pp. 72–79.

Vdovchenko E.V. «Muzhskoe» i «zhenskoe» v pogrebal'nom obryade i obshchestve sarmatov Podon'ya (po materialam kurgannogo mogil'nika Novyj) [“Male” and “female” in the Funeral Rite and Society of the Sarmatians of Don River Region (based on the materials of the new burial mound)]. Prepodavatel. XXI vek [Teacher. The 21st Century]. 2013. T. 2. №4. Pp. 287–294.

Gucalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Ancient Nomads of the Southern Urals 7th – 1st Centuries BC]. Ural'sk : Zapadno-Kazhastanskij centr istorii i arheologii, 2004. 136 p.

Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kurganov v urochishhe Krivaya Luka v 1973 g. [Excavations of Mounds in the Krivaya Luka tract in 1973]. Drevnosti Astrahanskogo kraja [Antiquities of the Astrakhan Region]. M. : Nauka, 1977. 194 p.

Demidenko S.V. Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. – III v. n.e.) [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga and Southern Cisurals (the 5th Century BC – 3rd Century AD)]. M. : Izd-vo LKI, 2008. 328 p.

Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. O simvolike metallicheskih kotlov v kul'ture kochevnikov [On the Symbolism of Metal Cauldrons in the Culture of Nomads]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin]. 2017. Vol. 6, №2 (19). Pp. 114–117.

Dzigovskij A.N., Ostroverhov A.S. «Strannye komplekсы»: o semantike predmetov i pamyatnikov v celom [“Strange Complexes”: on the Semantics of Objects and Monuments in General]. Stratum plus. 2010. №3. Pp. 145–174.

Kadyrbaev M.K. Kurgannye nekropoli verhov'ev r. Ilek [Kurgan Necropolises of the Upper River Ilek]. Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 84–93.

Klepikov V.M. Pogrebeniya IV v. do n.e. i nachalo rannesarmatskoj migracii v Nizhnem Povolzh'e [Burials of the 4th Century BC and the Beginning of Early Sarmatian Migration in the Lower Volga]. Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu bronzovogo, rannego zheleznoego vekov i srednevekov'ya [Archaeology of the Volga-Ural Region in the Bronze, Early Iron Ages and the Middle Ages]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 1999. Pp. 62–101.

Klepikov V.M. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e. [Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th – 3rd centuries BC]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2002. 216 p.

Kurinskih O.I. Vidy pogrebal'nyh konstrukcij v mogil'nikah u s. Pokrovka (savromatskaya i rannesarmatskaya epohi) [Types of Burial Structures in Burial Grounds near the Pokrovk Village. a (Savromat and Early Sarmatian eras)]. Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete novejshih arheologicheskikh otkrytij [Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries]. Orenburg : OGPU, 2008. Pp. 63–85.

Lukpanova Ya.A. Arheologicheskie issledovaniya sarmatskih pogrebenij iz kurgana 2, mogil'nika Taksaj-2 (predvaritel'noe soobshhenie) [Archaeological Research of Sarmatian Burials from Mound 2, Taksaj-2 Burial Ground (preliminary report)]. Problemy arheologii Nizhnego Povolzh'ya [Problems of Archaeology of the Lower Volga Region]. Elista : Kalmyk University, 2016. Pp. 108–117.

Mosheeva O.N. Egipteskij fayans v sarmatskih pogrebeniyah Nizhnego Povolzh'ya [Egyptian Faience in the Sarmatian Burials of the Lower Volga Region]. Nizhnevolszhskij arheologicheskij vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. 2010. Vyp. 11. Pp. 147–169.

Moshkova M.G. Pamyatniki prohorovskoj kul'tury [The Sites Monuments of the Prokhorovskaa Culture]. SAI. Vyp. D1-10. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. 56 p.

Ochir-Goryaeva M.A. Savromatskaya kul'tura Nizhnego Povolzh'ya VI–V vv. do n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Savromat Culture of the Lower Volga region of the 6th – 5th centuries BC: Abstract Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. L., 1987. 20 p.

Skripkin A.S. Aziatskaya sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov : izd-vo Sarat. un-ta, 1990. 299 p.

Smirnov K.F. Kuril'nicy i tualetnye sosudiki aziatskoj Sarmatii [Incense Burners and Toilet Vessels of Asian Sarmatia]. Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti [Caucasus and Eastern Europe in Antiquity]. M. : Nauka, 1973. Pp. 166–179.

Smirnov K.F. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii [Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia]. M. : Nauka, 1974. 184 p.

Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian Times]. Ed. M.G. Moshkova. M. : Nauka, 1992. 494 p.

Tairov A.D. O transformacii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v konce V – nachale IV v. do n.e. [About the Transformation of the Culture of Nomads of the Southern Urals at the End of the 5th – Beginning of the 4th century BC]. Nizhnevolszhskij arheologicheskij vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]. 2009. Vyp. 10. Pp. 137–148.

Hisametdinova F.G. Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka [The Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. M. : Nauka, 2010. 452 p.

Ya.A. Lukpanova

*A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
West Kazakhstan Center of History and Archaeology, Uralsk, Kazakhstan*

FEMALE BURIALS FROM MOUND 1 OF THE ZHAIYK-1 BURIAL GROUND IN WESTERN KAZAKHSTAN

For the first time the article introduces materials of kurgan 1 of the Zhaiyk-1 burial ground excavated in the field season of 2019. The excavations were associated with the planned opening of the museum complex of "Zhaiyk Settlement". The mound was located at the entrance to the territory of the future open-air museum. As a result of intense anthropogenic impact, the mound was in an emergency condition. The central part of the mound had been demolished by heavy machinery, the western part had also been damaged. The entire surface of the kurgan was torn by burrowing animals.

As a result of archaeological research in the mound, surrounded by a circular ditch with a marked entrance from the southern side, 14 burials were examined. To the west of the central grave were burials of women – five complexes, to the east – seven complexes with male graves. The obtained materials are attributed to different times; they were deposited over a period of the 5th–4th to 4th–3rd centuries BC.

Within the proposed article, exclusively female burials are discussed, for the better preservation of their materials. Analysis of this and other factors leads to the conclusion about the significant role of women in ancient society.

Key words: Zhaiyk, burial mound, burial, Sarmatians, ritual, rite, social status, marker

УДК 902.02(517)+903.2(517)

Д.В. Марченко, Е.П. Рыбин, А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

**ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗОНИРОВАНИЯ КАМЕННЫХ
АРТЕФАКТОВ НА СТОЯНКЕ ТОЛБОР-4
(Северная Монголия) В ФИНАЛЕ МИС-3
ПОСРЕДСТВОМ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА***

В статье рассматриваются комплексы археологического горизонта 4 (раскопки 2005 г.) многослойной палеолитической стоянки Толбор-4, расположенной в бассейне среднего течения реки Селенга. Все стоянки этого региона были расположены на выходах высококачественного каменного сырья и определялись как мастерские. Комплекс археологического горизонта 4 относится к заключительным этапам ранней стадии верхнего палеолита и датируется на основе радиоуглеродных методов финалом морской изотопной стадии 3. Методом кластеризации произведено объективное исследование закономерностей в распределении каменных артефактов. На основе взаиморасположения объектов выделены пространственные структуры, включающие в себя три кластера. Кластеры 1 и 2 относились к участкам, где производилась интенсивная редукция нуклеусов. Кластер 3 характеризуется как участок, где почти исключительно производилась деятельность по изготовлению или использованию орудий. Полученные данные позволили выявить пример функциональной организации стоянок мастерских, где осуществлялась разнообразная деятельность, относящаяся не только к сфере редукции нуклеусов.

Ключевые слова: Монголия, верхний палеолит, культурный слой, каменные артефакты, кластеризация, планиграфический анализ

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-09

Введение

В отличие от последовательности развития верхнего палеолита Горного Алтая, где отмечается по меньшей мере две технологических традиции (усть-каракольская и карабумовская «линия развития»), возможно, не связанных друг с другом в эволюционном отношении и характеризующихся резкой сменой культурной парадигмы [Деревянко, 2001], в Монголии и, вероятно, Российском Забайкалье может быть отмечено последовательное развитие технологии на рубеже начального верхнего – раннего верхнего палеолита. Стоянка Толбор-4, расположенная на правом притоке среднего течения Селенги – реке Их-Тулбурийн-гол в Северной Монголии (рис. 1А), является одним из опорных объектов для исследования проблематики становления верхнего палеолита в восточной части Центральной Азии.

Материалы, полученные в ходе нескольких циклов раскопочных работ (2004–2006, 2017 г.), дали основу для выделения на территории Монголии культурно-хронологического комплекса начального верхнего палеолита, имеющего близкие аналогии на обширных территориях Южной Сибири и Центральной Азии [Деревянко и др., 2013; Kuhn, Zwyns, 2014]. Многослойность этого памятника позволила проследить дальнейшую эволюцию комплекса начального верхнего палеолита (НВП). Археологический горизонт 4, выделявшийся при раскопках 2004–2005 гг., фиксирует переходный этап в развитии культурных традиций ранних стадий верхнего палеолита. Для комплекса имеется единственная радиоуглеродная дата (некал.) 26 700±300 л.н., полученная по

* Аналитические исследования планиграфии стоянки Толбор-4 выполнены при поддержке гранта РФФИ 19-59-44010 Монг_т «Пустынные земли: смена палеолитических культур в степных и пустынных ландшафтах Монголии во время последнего максимума оледенения плейстоцена и позднего дриаса».

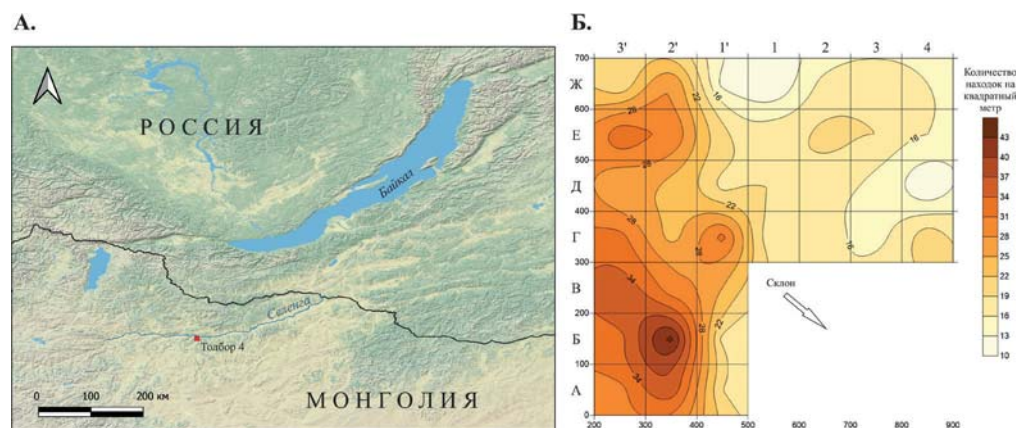

Рис. 1: А – географическое положение стоянки Толбор-4; Б – карта плотности распределения находок (по материалам раскопок 2005 г.)

скорлупе яйца страуса, которая демонстрирует, что данная культурная традиция существовала до самого финала морской изотопной стадии (МИС)-3. Каменная технология раннего верхнего палеолита (РВП) из ассамбляжа горизонта 4 при сравнении с нижележащими комплексами горизонтов 5 и 6 начального верхнего палеолита (разброс датировок которых находится в пределах 31,000–41,000 некал. л.н.) характеризуется: а) уменьшением доли пластин; б) уменьшением размеров артефактов; в) переходом к преимущественно однонаправленному расщеплению; г) существенным увеличением роли мелкопластинчатого расщепления [Рыбин и др., 2007]. Таким образом, данная технология, которая остается в рамках пластинчатых методов редукции, характеризуется насыщением развитыми верхнепалеолитическими приемами утилизации нуклеусов. Вместе с тем нельзя сказать, что эта культурная традиция радикально отличается от технокомплекса начального верхнего палеолита: ряд важных черт остаются неизменными, среди них – сохранение общей структуры оружийного набора, доминирование одних и тех же типов орудий, трансляция специфических типов орудий [Деревянко и др., 2013]. Таким образом, направление развития в каменной технологии НВП – РВП можно проследить в первую очередь на основе изменений в технологии расщепления, сопровождаемых стабильным оружийным набором. Тем самым верхний палеолит Северной Монголии на ранних его стадиях демонстрирует крайне редкое в северной и западной частях Евразии явление пролонгации традиций начального верхнего палеолита на всей протяженности МИС-3, вплоть до ее финальных стадий, когда в условиях нарастающей климатической нестабильности перед началом последнего ледникового максимума происходит более радикальная смена культур, сопровождаемая возможной депопуляцией территории.

Хорошая степень сохранности отложений, которая отмечалась при раскопках [Деревянко и др., 2004], а также широкая площадь, на которой был исследован горизонт 4 в ходе полевых работ 2005 г. (37 кв. м), позволяет исследовать планиграфию этого важного комплекса. На пространственные характеристики комплексов палеолитического времени в Северной Монголии влиял ряд условий. Подавляющее большинство комплексов было найдено на пологих склонах, способствовавших колювиальным движениям грунтов, а также характер сохранности поверхности костей в ряде случаев позволял предположить, что некоторую продолжительность времени

культурные остатки экспонировались на поверхности. Первый фактор, связанный с солифлюкционным низкоэнергетическим сползанием седиментов, мог приводить к относительно незначительным латеральным перемещениям артефактов; второй фактор предположительно мог создавать палимпсесты культурных остатков. В этих условиях особенно важным является анализ планиграфического распределения культурных остатков с помощью различных методов – седиментологии, микроморфологии, и т.д. В данной работе мы предлагаем определение степени антропогенного воздействия на создание скоплений каменных артефактов, а также содержание производственной деятельности населения стоянки в пределах выявляемых скоплений с помощью статистических методов исследования, а именно кластерного анализа распределения артефактов. Помимо определения механизмов формирования планиграфических характеристик ассамбляжей мы рассматриваем вопрос возможного искусственного смещения акцентов при определении технико-типологических характеристик палеолитических индустрий в результате изучения вскрытого специфического по особенностям деятельности человека участка культурного слоя.

Методы и материалы

Кластерный анализ достаточно давно применяется для пространственных исследований в археологии [Simek, 1984; Kintigh, 1990]. К развитию статистического подхода привело стремление к объективному исследованию закономерностей в распределении находок. Пространственные структуры выделяются на основе взаиморасположения объектов, будь то скопления или разреженные участки: при вычислении расстояния между объектами алгоритм стремится сгруппировать их таким образом, чтобы расстояния между объектами в группе не превышали расстояния между группами.

С целью исследования планиграфии культурного горизонта 4 по материалам раскопок 2005 г. планы распределения находок, выполненные на миллиметровках, были переведены нами в табличную форму, где каждая находка имела три координаты, номер шифра, категорию и информацию о квадрате, в котором была обнаружена. По этим данным была составлена общая карта плотности распределения находок в слое (рис. 1Б), а затем проведен кластерный анализ для выяснения пространственной группировки находок.

В анализ были включены 483 находки, для которых имелись точные координаты (x , y , z). Нужно отметить, что приблизительно у четверти находок из коллекции горизонта 4 за 2005 г. точные координаты отсутствуют. Этот факт может быть связан с тем, что наиболее мелкие находки не наносились на планы. Этим же, по всей видимости, объясняется и сравнительно высокая доля нуклеусов и орудий в исследуемом материале: в целом в коллекции горизонта 4 2005 г. нуклевидные формы составляют 1,1%, орудия – 6,1% от общего числа находок [Деревянко и др., 2007, с. 18], в то время как по материалам, имеющим точные координаты, этот показатель поднимается до 11 и 18% соответственно. В то же время процент целевых сколов, наоборот, оказывается несколько ниже, чем во всей коллекции, за счет микропластин, не занесенных на планы.

Кластеризация проводилась иерархическим агломеративным алгоритмом с применением метода межгрупповой связи. Такой алгоритм позволяет лучше выделять кластеры различных форм (в отличие от k -средних, идеальной формой кластера для которого является сферическая), а также предполагает наличие вложенных групп, что в некоторых ситуациях больше соответствует планиграфической структуре. В качестве меры расстояния использовался квадрат евклидовой дистанции, что позволяет придать

больший вес более отдаленным друг от друга объектам. Кластерный анализ проводился по пространственному положению находок, поэтому признаками выступали значения каждой из трех координат. Для того чтобы все три координаты одинаково влияли на результат кластеризации, они должны иметь сопоставимые значения. При исследовании простираения одного горизонта по площади, вскрытой раскопками, его толщина оказывается непропорционально мала относительно площади, поэтому к координате Z (т.е. к глубине находки) применяется коэффициент расширения [Koetje, 1992; Anderson, Burke, 2008]. Перепад высот по всей исследованной площади раскопов 2005 г. составил 1,13 м, в то время как разброс значений по осям X и Y достигал 6,89 м, что потребовало применить к координате Z коэффициент расширения 6 (см. табл. 1).

Таблица 1

Разброс значений по осям и коэффициенты расширения к оси Z
(жирным шрифтом выделен выбранный коэффициент)

Ось	Промежуток	Разброс значений
X	Xmax – Xmin	689
Y	Ymax – Ymin	689
Z	Zmax – Zmin	113
Z	(Zmax – Zmin) × 2	226
Z	(Zmax – Zmin) × 3	339
Z	(Zmax – Zmin) × 4	452
Z	(Zmax – Zmin) × 5	565
Z	(Zmax – Zmin) × 6	678
Z	(Zmax – Zmin) × 7	791

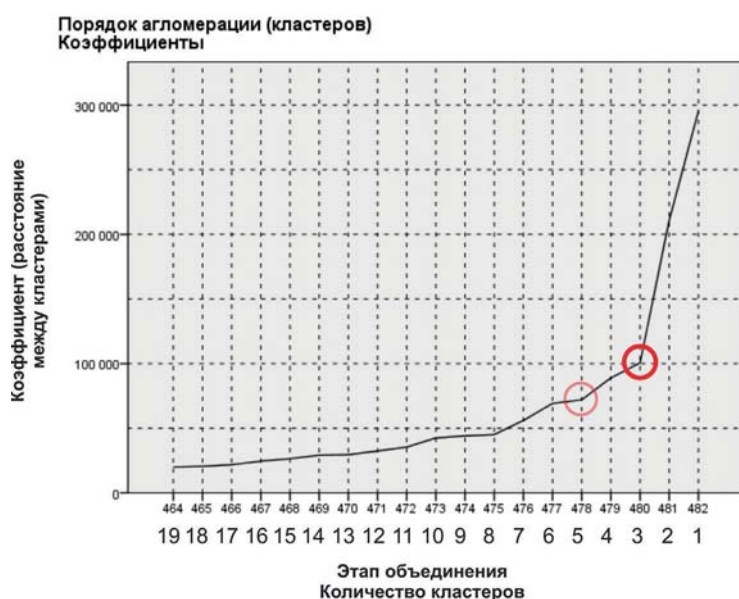

Рис. 2. График порядка агломерации кластеров. Красным выделена точка перелома, после которой расстояние между кластерами увеличивается скачкообразно (трехкластерное решение); бледно-красным – точка, после которой расстояние стабильно увеличивается (пятикластерное решение)

Оптимальное количество кластеров было выбрано исходя из порядка агломерации кластеров: алгоритм помещает каждый объект в отдельный кластер и на каждом следующем шаге объединяет наиболее близкие кластеры. На том шаге агломерации, где расстояние между объединяемыми кластерами начинает увеличиваться скачкообразно, дальнейшее объединение нецелесообразно. В нашем случае объединение было остановлено на трех кластерах (рис. 2), после чего при следующем объединении расстояния между кластерами увеличивались бы вдвое.

Нужно отметить, что еще один, меньший перелом графика наблюдается на пяти-кластерном разбиении (см. рис. 2), после которого расстояние стабильно увеличивается (в отличие от предыдущего шага, после которого расстояние почти не меняется). Такое решение подразделяет кластер 1 на три части (рис. 3А); границы кластеров 1 и 2 при этом не меняются (ср. рис. 3Б и рис. 3В). При анализе состава кластеров это внутреннее строение кластера 1 также учитывалось.

Поскольку значимость выделенных пространственных кластеров определяется их компактностью, в качестве меры для проверки полученных кластеров было использовано расстояние между вошедшими в них объектами. Выборка таких расстояний в каждом из кластеров (рис. 4А) сравнивалась с расстояниями между объектами, распределенными случайным образом по площади, равной площади этого кластера (рис. 4Б).

Координаты точек для случайных распределений были созданы с помощью соответствующей функции в программе Microsoft Excel. Нулевая гипотеза была сформулирована следующим образом: нет значимого различия между расстояниями между объектами в кластере и расстояниями между случайно распределенными по такой же

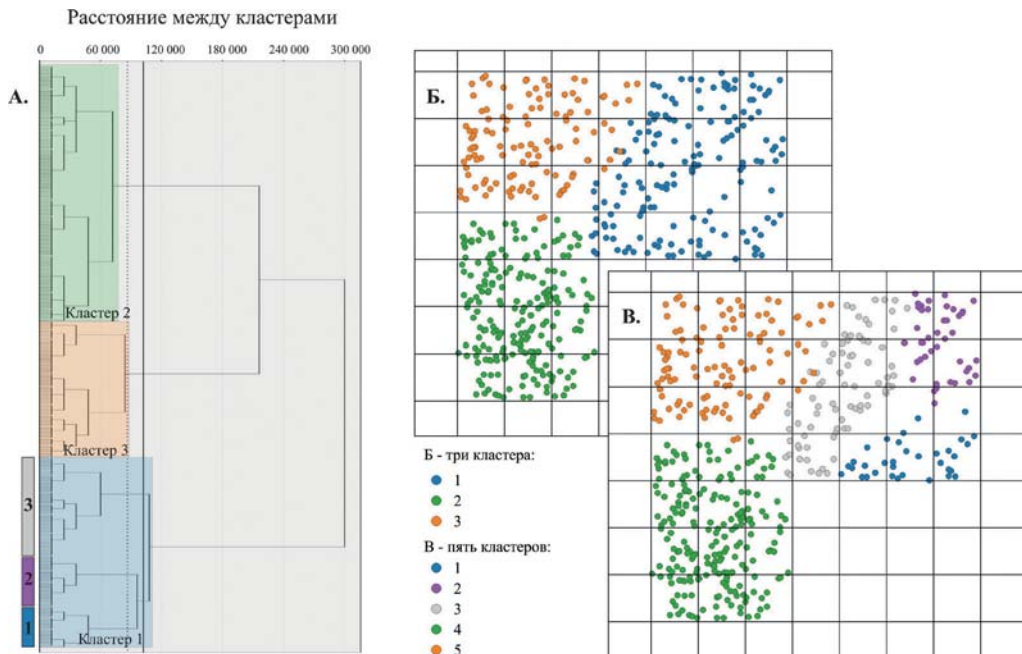

Рис. 3: А – дендрограмма, показывающая порядок объединения кластеров по мере увеличения межкластерного расстояния; Б и В – планы распределения находок с указанием их принадлежности к трем (Б) и к пяти (В) кластерам

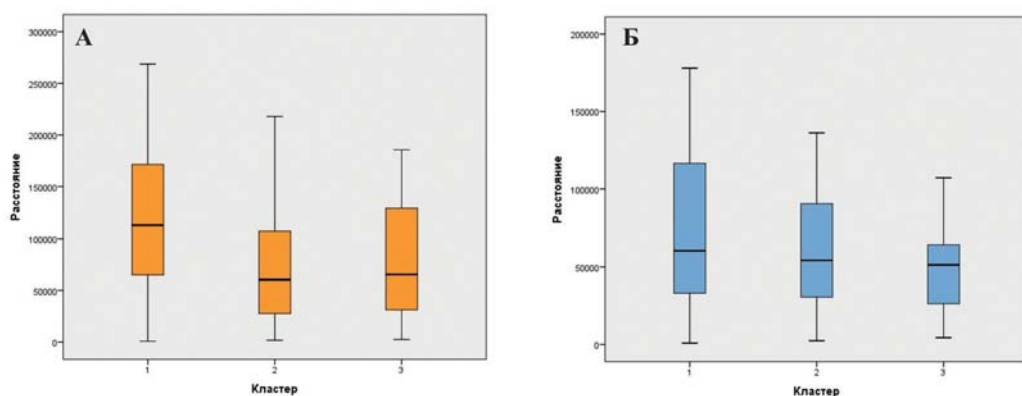

Рис. 4: А – средние расстояния между объектами в каждом из кластеров; Б – средние расстояния между объектами, случайно распределенными по площадям того же размера площади объектами. Выборки сравнивались с помощью U-критерия Манна – Уитни. По результатам проверки при р-уровне значимости 0,05 нулевая гипотеза отвергается. Таким образом, анализ показал, что расстояния между объектами в выделенных кластерах значимо отличаются от расстояний между случайно распределенными объектами.

Результаты

Кластер 1 имеет наименьшую плотность, т.е. объекты в нем наиболее удалены друг от друга (см. рис. 4А). В центре кластер рассеян пустым пространством, вытянутым перпендикулярно склону. Чуть выше по склону находки образуют небольшую линию концентрации, вытянутую в том же направлении. Вероятно, на месте пустого пространства находился объект, препятствовавший выпадению находок на этой площади. Именно по этой пустой линии кластер подразделяется на три части при пятикластерном делении (см. рис. 3В). Часть 1, находящаяся ниже по склону от пустого пространства, имеет в своем составе значительную долю орудий, представленных скребками, скреблами и зубчато-выемчатыми изделиями. Выше пустого пространства площадь кластера 1 разделилась еще на две части. В составе части 2 лишь один нуклеус и равное соотношение целевых сколов (пластин) и орудий (представленных скребками, зубчато-выемчатыми орудиями, отщепами с ретушью). Часть 3 выделяется большим количеством нуклеусов и преформ: на этой площади сосредоточено 16 из 19 нуклеусов во всем кластере 1. Из орудий здесь представлены кроме скребков, скребел, выемчатого орудия и отщепы с ретушью клювовидно-шиповидные орудия. Целевые сколы почти равномерно распределены по площади кластера 1.

Кластер 2 наиболее плотный из трех: расстояние между объектами в нем наименьшее (см. рис. 4А). Можно говорить о том, что он представляет собой единое скопление на площади ок. 12 кв. м (см. рис. 1Б). В составе этого скопления высок процент орудий (как и на всей исследуемой площади), большинство из которых – ретушированные сколы и зубчато-выемчатые формы; присутствуют также резцы, остря, комбинированное орудие и орудие с вентральной подтеской. Значительную долю составляют нуклеусы, а также целевые сколы – пластины, процент которых здесь наибольший по трем кластерам (рис. 5А). В центральной части этого кластера находятся четыре из шести нуклеусов для пластин, зафиксированных на исследуемой площади. В этой же

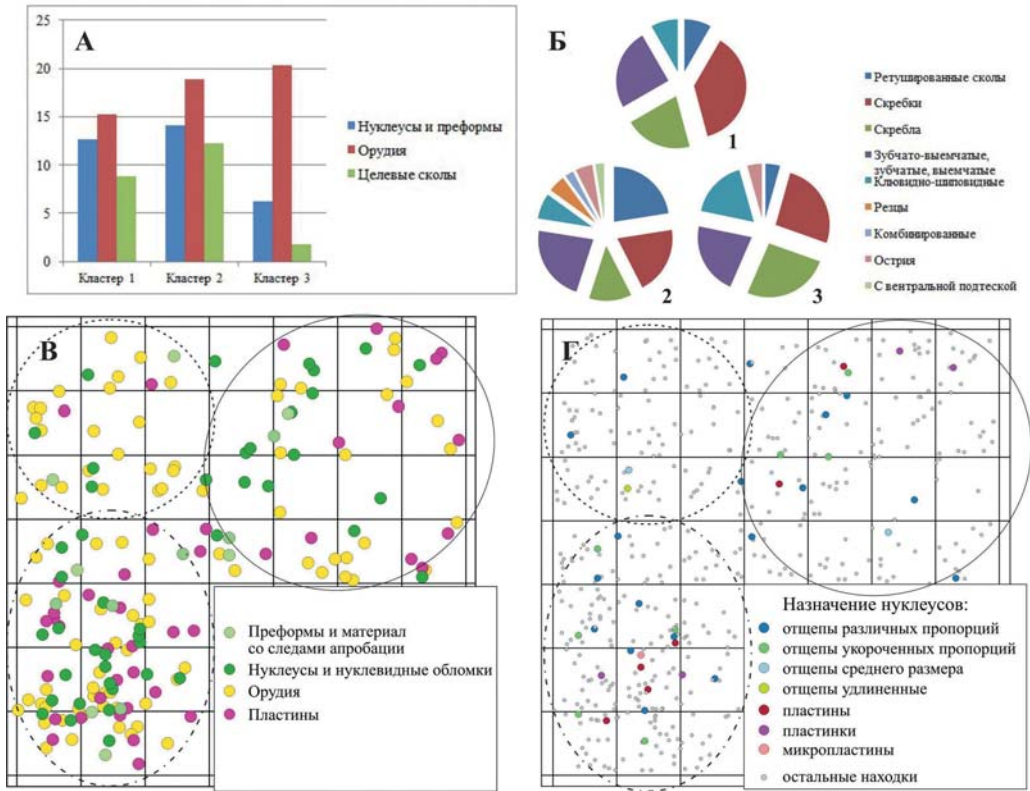

Рис. 5: А – соотношение нуклеусов, орудий и целевых сколов в кластерах; Б – соотношение типов орудий по кластерам; В – план распределения нуклеусов, орудий и целевых сколов; Г – план распределения нуклеусов с учетом их предназначения. Контуры кластеров очерчены линией (кластер 1), пунктирной линией (кластер 3), линией с точкой (кластер 2)

зоне концентрируются нуклеусы для мелких пластинчатых снятий и микропластин (рис. 5Г). Сопоставляя состав данного кластера с общей композицией коллекции, следует отметить, что здесь представлен довольно высокий удельный вес нуклеидных форм – 30 экз. из 57 предметов, полученных при раскопках этого горизонта, что составляет 52,6% всех нуклеидных форм археологического горизонта 4. То же можно сказать и о целевых сколах: в кластере 2 – 61,9% от их общего числа.

Кластер 3 небольшой, плотность распределения находок в нем немного меньше, чем в кластере 2 (см. рис. 4А). Но по составу он выделяется на фоне кластера 2 очень низкой долей нуклеусов и особенно целевых сколов (см. рис. 5А). Удельный вес орудий в нем, напротив, выше, чем в остальных кластерах, и составляет более 20%. Орудия представлены в основном скребками, скреблами, зубчато-выемчатыми и клювовидно-шиповидными изделиями.

Таким образом, в юго-западной части исследованной площади фиксируется плотная концентрация находок, выделяющаяся в отдельный кластер (кластер 2). С восточной стороны к ней примыкает еще одна вытянутая в северном направлении концентра-

ция, южнее которой находится полоса пустого пространства шириной 0,5–0,8 м. За ней плотность распределения находок более низкая. Эти участки объединяются в кластер 1. По соотношению основных категорий находок эти два кластера практически идентичны (см. рис. 5А, 5В). Единственное отличие заключается в доле целевых сколов, которых больше в кластере 2. Кластер 3 выделяется на фоне остальных малым процентом нуклеусов и почти полным отсутствием целевых сколов при достаточно высокой концентрации орудий. Однако в целом орудия по всей площади распределены приблизительно равномерно как в количественном (во всех кластерах орудия составляют от 15 до 20% находок), так и в качественном отношении (см. рис. 5Б). Кластер 3 отличается от остальной площади лишь повышенным процентом клювовидно-шиповидных изделий.

При сопоставлении удельного веса различных категорий находок внутри выделенных кластеров, связанных, очевидно, с различными поведенческими ситуациями, можно отметить следующие основные особенности кластеров (табл. 2): наиболее высокий удельный вес орудий фиксируется в пределах кластера 3, при этом для этой зоны стоянки характерны наиболее низкий удельный вес целевых сколов и нуклеусов и наибольшее количество мелких сколов и сколов отделки. Сильнее всего выявляется ориентация на первичное расщепление нуклеусов и производство орудий в пределах кластера 2, где фиксируется наиболее высокий удельный вес нуклеусов и необработанных целевых сколов.

Таблица 2

Соотношение нуклеусов, орудий и целевых сколов в кластерах

	Кластер 1 (N=158)		Кластер 2 (N=212)		Кластер 3 (N=113)		Весь раскоп (N=483)	
	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент
Нуклеусы и преформы	20	12.66	30	14.15	7	6.19	57	11.80
Орудия	24	15.19	40	18.87	23	20.35	87	18.01
Целевые сколы	14	8.86	26	12.26	2	1.77	42	8.70
Остальное	100	63.29	116	54.72	81	71.68	297	61.49

Любопытным является сопоставление полученной картины функционального районирования участка стоянки, вскрытого раскопом 2005 г., с усредненными данными по соотношению основных категорий изделий по всему раскопу. Для всего ассамбляжа характерно очень большое количество сколов, приходящихся на один нуклеус, которое составляет 69 экз., при этом на один нуклеус приходится 3,6 орудия. Если первый показатель интенсивности расщепления вполне соответствует характерным для долины Толбора мастерским (все памятники здесь находятся рядом с выходами сырья), то второй показатель интенсивности орудийной деятельности существенно выше остальных толборских памятников, где «нормальный» показатель равняется двум орудиям, приходящимся на один нуклеус [Деревянко и др., 2007]. Вероятное объяснение этому кажущемуся противоречию может быть найдено исходя из статистически обоснованных кластеров распределения находок в горизонте. Если кластер 2 является достаточно типичным для мастерской образованием, с большим количеством нуклеусов и сколов, а также ориентацией на изготовление орудий в этой зоне, то на остальной территории горизонта отмечается наличие участков, где производилась интенсивная деятельность по обработке и/или использованию орудий, особенно это характерно для кластера 3. В данном случае усредненные характеристики ассамбляжа горизонта 4 и создали смещение в восприятии структуры индустриального набора.

Заключение

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что кластеры 1 и 2 относятся к функционально единой области, где осуществлялось производство целевых заготовок с нуклеусов и которая была типичной мастерской на выходах сырья. Существенно более низкая плотность кластера 1 объясняется в первую очередь наличием на этом участке пустого пространства. Кластер 3 относится к зоне орудийной деятельности, где целевые сколы без обработки практически не встречаются. Поскольку в целом для горизонта 4 характерна высокая интенсивность расщепления и деятельности по производству орудий [Деревянко и др., 2007, с. 36], кластер 3 выделяется в отдельную, возможно, периферийную зону по отношению к основной производственной площадке, центр которой фиксируется в кластере 2. Подобная функционально выделенная площадка впервые зафиксирована на площади стоянки Толбор-4. Таким образом, в финальных стадиях раннего верхнего палеолита долины Толбора прослеживается четкое районирование производственной деятельности на территории стоянки.

Библиографический список

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №3. С. 70–103.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Т. 1. №29. С. 16–38.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Цыбанков А.А., Чаргынов Т.Т. Археологические исследования российско-монголо-американской экспедиции в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 87–89.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсүрэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и 15) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Т. 4. №56. С. 21–37.

Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск : Оттиск, 2007. Т. 2. С. 137–153.

Anderson K.L., Burke A. Refining the definition of cultural levels at Karabi Tamchin: a quantitative approach to vertical intra-site spatial analysis // J. Archaeol. Sci. 2008. Vol. 35, №8. P. 2274–2285.

Kintigh K.W. Intrasite spatial analysis: A commentary on major methods // Mathematics and Information Science in Archaeology. 1990. Vol. 3. P. 165–200.

Koetje T. The simulation and recovery of archaeologically meaningful levels // Archaeology and the Information Age: A Global Perspective. London and New York : Routledge, 1994. P. 109–115.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 29–38.

Simek J.F. Integrating pattern and context in spatial archaeology // J. Archaeol. Sci. 1984. Vol. 11, №5. P. 405–420.

References

Derevyanko A.P. Perehod ot srednego k verhnemu paleolitu na Altai [Transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Altai] Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. №3. Pp. 70–103.

Derevyanko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Cybankov A.A., Olsen D., Ceveendorzh D., Gunchinsuren B. Tehnologiya rasshchepleniya kamnya na rannem etape verhnego paleolita Severnoj Mongolii (stoyanka Tolbor-4) [Flintknapping Technology at an Early Stage of the Upper Paleolithic of Northern Mongolia (Tolbor-4 site)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2007. T. 1. №29. Pp. 16–38.

Derevyanko A.P., Olsen D., Ceveendorzh D., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Cybankov A.A., Chargynov T.T. Arheologicheskie issledovaniya rossijsko-mongolo-amerikanskoj ekspedicii v 2004 g. [Archaeological Research of the Russian-Mongol-American Expedition in 2004]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. T. X, part 1. Pp. 87–89.

Derevyanko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Cybankov A.A., Gunchinsuren B., Olsen D. Razvitie tehnologicheskikh tradicij izgotovleniya orudij v kamennyh industriyah rannego etapa verhnego paleolita Severnoj Mongolii (po materialam stoyanok Tolbor-4 i 15) [Developments of Technological Traditions of Lithic Tool Manufacture in the Lithic Industries of the Early Upper Paleolithic in Northern Mongolia (on the materials from the sites of Tolbor-4 and 15)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №4. Pp. 21–37.

Rybin E.P., Gladyshev S.A., Cybankov A.A. Vozniknovenie i razvitie «otshchepovyh» industrij rannej pory verhnego paleolita Severnoj Mongolii [The Emergence and Development of “Flaking” Industries of the Early Stages of the Upper Paleolithic of Northern Mongolia]. *Severnaja Evrazija v antropogene: chelovek, paleotehnologii, geokologiya, etnologiya i antropologiya* [Northern Eurasia in Quaternary: Man, Paleotechnology, Geoecology, Ethnology, and Anthropology]. Irkutsk : Ottisk, 2007. T. 2. Pp. 137–153.

Anderson K.L., Burke A. Refining the Definition of Cultural Levels at Karabi Tamchin: a Quantitative Approach to Vertical Intra-Site Spatial Analysis. *J. Archaeol. Sci.* 2008. Vol. 35, №8. Pp. 2274–2285.

Kintigh K.W. Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods. *Mathematics and Information Science in Archaeology*. 1990. Vol. 3. Pp. 165–200.

Koetje T. The Simulation and Recovery of Archaeologically Meaningful Levels. In: *Archaeology and the Information Age: A Global Perspective*. London and New York : Routledge, 1994. Pp. 109–115.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the Initial Upper Paleolithic. *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. Pp. 29–38.

Simek J.F. Integrating Pattern and Context in Spatial Archaeology. *J. Archaeol. Sci.* 1984. Vol. 11, №5. Pp. 405–420.

D.V. Marchenko, E.P. Rybin, A.M. Khatsenovich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

CLUSTER ANALYSIS FOR SPATIAL DISTRIBUTION OF LITHIC ARTIFACTS AT THE TOLBOR-4 SITE (Northern Mongolia) DURING FINAL MIS-3

This article analyzes cultural complexes of Archaeological Horizon 4 at the multi-layered Tolbor-4 Paleolithic site, situated in the Middle Selenga River basin. All sites in this region are located near primary outcrops of high-quality sedimentary raw material previously described as workshops. Cultural materials from Archaeological Horizon 4 were deposited during the final Early Upper Paleolithic and radiocarbon dates place them within the final MIS-3. Objective studies of consistent patterns in lithic artifact distribution were carried out using a clustering statistical method. Artifact distribution made it possible to distinguish spatial structures that include three clusters. Clusters 1 and 2 are zones of intensive core reduction. Cluster 3 represents an area where activities exclusively associated with tool making and use took place. These new data reveal an example of the functional organization of Paleolithic workshops resulting from a variety of activities, not simply core reduction.

Key words: Mongolia, Upper Paleolithic, cultural layer, lithic artifacts, clustering, spatial analysis

ПАМЯТНИКИ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИНЬЦЗЯНЕ

Археологические обследования и раскопки китайских археологов на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая позволили получить важные свидетельства о древней истории региона. Среди выявленных и изученных памятников оказались курганы, которые относятся к хорошо известной пазырыкской культуре скифо-сакского времени. На основе анализа публикаций, изданных на китайском языке, в статье кратко представлена история исследований конкретных объектов и дается их характеристика. Внимание уделено зафиксированным результатам погребальной практики и найденным предметам материальной культуры, среди которых важным этнокультурным индикатором является керамическая посуда. Нанесение на карту мест расположения раскопанных памятников позволяет существенным образом расширить границы пазырыкской культуры. Особое значение имеют раскопки двух крупных курганов на могильнике Карасу. В одном из них обнаружены остатки от 13 лошадей, а в другом их оказалось семь. Необходимо детальное изучение полученных археологических материалов.

Ключевые слова: Синьцзян, пазырыкская культура, археологические раскопки, история изучения, курганы, предметы материальной культуры, захоронения лошадей

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-10

Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район находится на северо-западе Китая. Долгое время там отсутствовала системная научная археологическая деятельность. Фиксацией и изучением памятников занимались сотрудники музеев и работники органов охраны памятников культурного наследия. По их публикациям известны многие находки. Иногда там работали экспедиции, в том числе международные. Полученные материалы научно-исследовательской деятельности и экспонаты музеев привлекли внимание многих специалистов не только Китая, но и других стран мира.

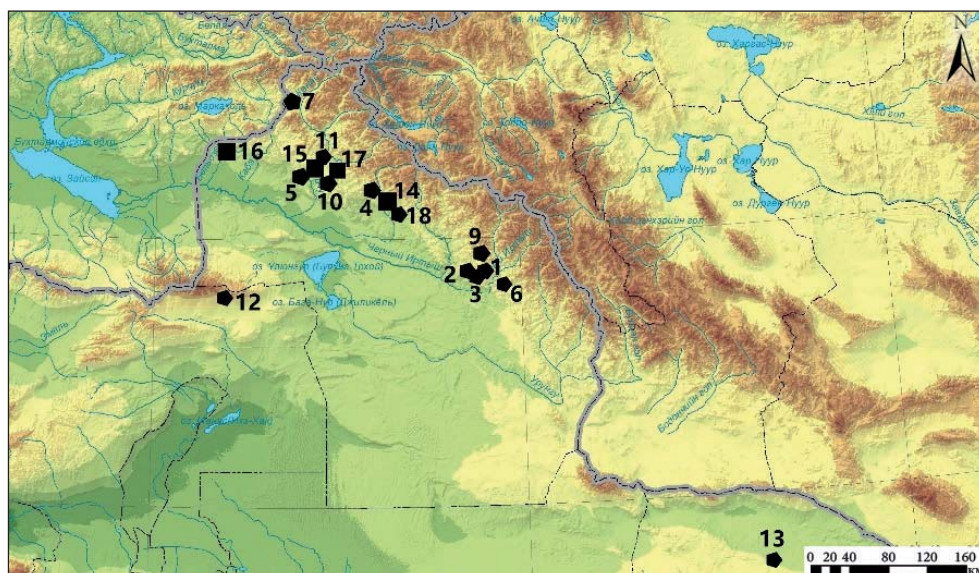
Особенно слабо в Синьцзян-Уйгурском автономном районе была изучена территория около Алтайских гор. Но с 2006 г. в связи с развитием в этом регионе масштабного строительства инфраструктуры Синьцзянский институт археологии и культурного наследия (新疆文物考古研究所) (г. Урумчи) стал проводить раскопки большого количества курганов. Согласно новым сведениям, китайские ученые полагают, что с эпохи бронзы на севере и юге в западной части Монгольского Алтая и предгорий существовал «круг культурного взаимодействия», что демонстрируют полученные археологические материалы и примерно схожие природно-климатические условия [Синьцзян дицзюй..., 2013; Шуй Тао, 2016; и др.]. В ходе экспедиционных работ были исследованы погребения кочевников скифо-сакского времени. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить такие археологические объекты пазырыкской культуры в публикациях и отчетах китайских исследователей, опираясь на основные признаки, зафиксированные при раскопках многочисленных курганов на территории России. Этот краткий обзор важен для понимания западных и юго-западных границ распространения памятников пазырыкской культуры и их специфики. Для автора статьи он необходим при комплексном изучении керамической посуды. Большая часть сведений вводится в научный оборот на русском языке впервые. При этом необходимо отметить, что обозначенная тема уже нашла отражение в некоторых работах российских исследователей [Варёнов, 1999; Шульга, 2010; Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017; и др.].

Для получения необходимых результатов в своей работе мы руководствовались следующими признаками, характерными для погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003; 2004]: курганы располагаются цепочкой (один

рядом с другим); к востоку от них могут стоять каменные стелы, а к западу – находиться поминальники (маленькие кольца из камней); в могиле один умерший человек (или 2–3) лежит на правом боку со слегка подогнутыми ногами, головой, как правило, на восток, в деревянной погребальной камере; лошади в могиле всегда располагались в северной части; найденные предметы имеют аналогии в известных пазырыкских материалах. С этих и других позиций в качестве примеров выделены курганы, раскопанные в Синьцзяне, которые могут относиться к пазырыкской культуре. Данная работа требует продолжения, а также более детального представления полученных материалов, что предполагается осуществить в следующих публикациях после непосредственного знакомства с коллекциями находок.

Материалы и их обсуждение

Представленная ниже информация описательного плана позволяет определить отношение того или иного памятника к пазырыкской культуре на основе конкретного примера. Обозначенные памятники нанесены на карту-схему (рис.).

Расположение памятников пазырыкской культуры в Синьцзяне (Китай):

- 1 – Саэрбулакэ; 2 – Саудегээр; 3 – Сукээртэ; 4 – Кэцзыцзяэр; 5 – Дунталэдэ;
6 – Чжэлэбаньайшэнь; 7 – Тувасиньцунь; 8 – Усыгэласы; 9 – Хайцзыкоу; 10 – Каласу;
11 – Хайлютань; 12 – Суншугоукоу; 13 – Сигоу; 14 – Банахана; 15 – Шанькоудяньчжань;
16 – Цзялангайшэнь; 17 – Болады (карта-схема подготовлена автором)

1. Могильник **Саэрбулакэ** (萨尔布拉克; местное тюркское название, вероятно, Сары-Булак / Сарыбулак – желтый ручей) находится в уезде Фуюнь. Он исследовался в 2006 г. под руководством У Юна (吴勇). Раскопаны девять археологических объектов. Материалы отчета о результатах проведенной работы кратко опубликованы [Фуюнь сянь Саэрбулакэ..., 2015]. Среди них один курган относится к пазырыкской культуре и датирован III в. до н.э. Находки хранятся в музее уезда Фуюнь.

Курган №8. Каменная насыпь была округлой формы диаметром около 6 м и высотой около 0,3 м. Под ней находилась могила, контур которой представлял собой прямоугольник с закругленными углами (длиной 3,28 м, шириной 1,8 м). Яма, ориентированная длинными сторонам по линии З–В, оказалась глубиной 1,7 м. На дне ее стоял

деревянный «гроб» длиной около 2,36 м и высотой около 0,12 м. В нем был похоронен взрослый мужчина. Он лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой на восток. В состав погребального инвентаря входили деревянные изделия, покрытые золотой фольгой, нож, кинжал и чекан из железа, а также другие предметы. У головы погребенного человека стояло деревянное блюдо с остатками мясной пищи. Полный скелет лошади находился в северной части могилы за деревянным «гробом».

2. Могильник **Саудегээр** (萨乌迭戈尔) также находится в уезде Фуюнь. Материалы отчета о раскопках в 2006 г. под руководством У Юна кратко опубликованы [Фуюнь сянь Саудегээр..., 2015]. Раскопано 25 курганов. К пазырыкской культуре относится курган, который предположительно датирован III в. до н.э.

Курган №21. Каменная насыпь была округлой формы диаметром 5 м и высотой 0,3 м. Могила имела длину 2,92 м, ширину 2 м и глубину 1,4 м. В ней находился каменный ящик, установленный поверх деревянного «гроба». Внутри ящика были похоронен ребенок, ориентированный головой на юго-запад. Внутри деревянного «гроба», в восточной части, найдены кости взрослой женщины (череп, нижняя челюсть, отдельные кости конечностей). Возможно, это вторичное захоронение. Найдены предметы из железа, бронзовое зеркало, золотая фольга и др.

3. Могильник **Сукээртэ** (塑柯尔特) находится в уезде Фуюнь. В 2008 г. там были раскопаны 83 кургана, среди которых оказались погребения пазырыкской культуры, датированные предположительно III в. до н.э. Материалы о раскопках опубликованы [Фуюнь сянь Сукээртэ..., 2015]. Находки сначала хранились в Синьцзянском институте археологии и культурного наследия (г. Урумчи), а затем были переданы в музей г. Фуюнь.

Курган №1 был диаметром около 13 м и высотой около 0,65 м. Могила имела длину 3 м, ширину 2,22 м и глубину 1,8 м. Внутри нее находилась деревянная погребальная камера («гроб-ящик») размерами 2,92×1,18 м. Толщина досок около 0,05 м. Человеческие кости в могиле оказались разрозненными. Предварительно указано, что они принадлежали трем людям, двое из которых были в «гробу». Один лежал на правом боку с подогнутыми ногами. Скелет второго оказался нарушенным. К северу от «гроба» располагался целый скелет коня, конечности которого были согнуты, а голова обращена на восток. Имелись кости второй лошади. Возле них найдены человеческие останки. Погребальный инвентарь включал два глиняных сосуда, костяную ворворку, остатки овального деревянного блюда и др. Обнаружены лопатка и крестец овцы.

Курган №4 был диаметром около 12 м и высотой около 0,65 м. Могила имела длину 2,68 м, ширину 1,92 м и глубину 2,4 м. Внутри находился деревянный «гроб» длиной 1,2 м, шириной 0,8 и высотой 0,4 м. Рядом лежали две лошади с изогнутой шеей и подогнутыми ногами. Черепа у них пробиты ударом чекана. В «гробу» были два человека. Одна женщина лежала на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Второе женское погребение, возможно, вторичное. Найдены бусы, два бронзовых зеркала, золотая фольга, керамика и детали снаряжения лошадей.

Курган №5 был диаметром около 6 м и высотой около 0,35 м. Могила имела длину 1,6 м, ширину 1,1 м и глубину 1,55 м. Внутри находился деревянный «гроб» длиной 1,06 м, шириной около 0,76 м. Толщина досок была около 0,06 м. Внутри погребальной камеры находилось вторичное погребение. Кости оказались повреждены. Обнаружены череп и отдельные кости конечностей (бедренная, большеберцовая, малоберцовая и др.). Голень и малоберцовая кость были в нормальном физиологическом положении. Среди находок отметим железный нож, фрагменты керамического сосуда, золотую фольгу и др. Обнаружены кости овцы.

Курган №6 был диаметром около 10,1 м и высотой около 0,65 м. Могила имела длину около 2,9 м, ширину 1,7 м и глубину 1,75 м. В ней находился деревянный «гроб» длиной 2,64 и шириной около 0,62 м. Рядом с ним зафиксированы кости жертвенной лошади. В «гробу» похоронен один человек на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток (с небольшим отклонением к северу). Кости оказались плохой сохранности. В состав погребального инвентаря входили глиняный горшок, железный нож, позолоченные деревянные изделия (фигурки лошадей и птицы). Найдены кости овец, а также детали конского снаряжения.

Курган №7 был диаметром около 10,5 м и высотой около 0,75 м. Могила имела длину 1,6 м, ширину 1,2 м и глубину 2,5 м. Внутри находились остатки деревянного «гроба» шириной 0,62 м и высотой около 0,3 м. Погребение ограблено. Найдены лишь кости ног одного человека. В северной части могилы обнаружены части скелетов двух лошадей, которые располагались головами в восточную сторону. Кости животных сохранились не полностью. Из находок указаны железные удила, два типичных глиняных сосуда, несколько фрагментов золотой фольги и др.

Курган №9 был диаметром около 5,25 м и высотой около 0,25 м. Могила имела длину 3,2 м, ширину 1,84 м и глубину 2,05 м. Внутри находился деревянный «гроб» длиной 2,44 м и шириной 0,68 м. Деревянное перекрытие сделано из бревен длиной 2,3–3,1 и диаметром 0,08–0,2 м. К северу от «гроба» захоронена лошадь с подогнутыми задними ногами, головой на восток. Передние ноги у нее были вытянуты вперед. В «гробу» находились два человека. Взрослая женщина располагалась на спине, с согнутыми ногами, головой на юго-восток. Другой погребенный – ребенок. Он лежал на спине в вытянутом положении возле ног взрослого человека. Обнаружены следующие предметы: глиняный сосуд, деревянное блюдо с костями овцы, железные удила и др.

4. Могильник **Кэцзыцзяэр** (克兹加尔) исследовался в Алтайских горах. В 2009 г. экспедиция (руководитель Юй Чжюнь (于志勇)) раскопала 33 кургана. Среди них оказались погребения пазырыкской культуры. Из кургана №8 второй группы были взяты образцы древесины на радиоуглеродный анализ. Получена дата 2170 ± 35 лет ВР. Находки хранятся в музее уезда Фуюнь. Материалы раскопок опубликованы [Алтай ши Кэцзыцзяэр..., 2010].

Курган №1 (группа I) был поврежден. Оставшаяся часть имела диаметр 12 м и высоту 0,5 м. Могила с контуром прямоугольной формы оказалась длиной 3 м, шириной 2,6 м и глубиной 2,9 м. В южной ее части были похоронены два человека (мужчина и женщина), которые лежали на спине с прямыми руками. Находки состояли из двух глиняных кувшинов, металлических ножей, кинжала и колчанного крюка, костяного наконечника стрелы, бронзового зеркала. Лошадь захоронена в северной части могилы.

Курган №8 (группа II) имел диаметр 8,9 м и высоту 1,5 м. Могила подпрямоугольной формы была ориентирована по линии Ю–С и оказалась завалена камнями. Ее длина 3,1 м, ширина 2,2 м и глубина 2,7 м. В южной части могилы стоял деревянный «гроб»-колода, выдолбленный из тополя диаметром 0,75 м. Внутри зафиксированы кости старого человека, который лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами, головой в восточную сторону. В северной части могилы зафиксирован скелет лошади. Голова коня была обращена на восток, ноги немного подогнуты. Во рту находились металлические удила. В могиле обнаружены кости овец, деревянные блюда, железные ножи, глиняные горшки, медные украшения, золотая фольга и др. Многие вещи располагались в специально отгороженном «хозяйственном» отсеке, примыкавшем к колоде.

5. Могильник **Дунталэдэ** (东塔勒德) исследовался в уезде Хабахе. в 2011 г. В связи со строительством водосберегающих сооружений, экспедицией Синьцзянского ин-

ститута археологии и культурного наследия под руководством Ю Цзянцзюня (于建军) раскопана 61 могила. Материалы опубликованы частично [Синьцзян Хабахэ сянь Дунталэдэ..., 2013]. Судя по ним, к пазырыкской культуре может относиться объект М27. Опубликована некачественная фотография раскопанной могилы, в северной части которой обнаружено конское захоронение, а в южной – типичная погребальная камера из древесины. Описания нет. При раскопках зафиксировано около 800 золотых изделий. Китайские археологи считают, что стиль этих изделий близок к находкам Алтае-Саянского региона и Восточного Казахстана, а золотое украшение в форме цветка связано с пазырыкской культурой. Находки хранятся в указанном институте.

6. Могильник **Чжэлэбаньайшэнь** (哲勒巴忍什) изучался в уезде Фуюнь в 2011 г. под руководством Ю Цзянцзюня. Раскопано девять курганов. Часть из них относится к пазырыкской культуре. По кургану №8 получена радиоуглеродная датировка 2210 ± 5 ВР, которая указывает на начало IV в. до н.э. Полученные материалы опубликованы [Фуюнь сянь Чжэлэбаньайшэнь..., 2013].

Курган №5 был диаметром 8 м и высотой 0,6 м. От каменной насыпи на восток располагались вертикально вкопанные камни. Среди них есть изваяние. Могила имела длину 3,76 м и ширину около 2,5 м. Деревянная погребальная камера трапециевидной формы с закругленными углами сохранилась частично (остаточная длина 2,2 м, высота около 0,04–0,1 м). К северу от нее захоронена лошадь. Обнаружено погребение одного человека. Сохранность костей плохая. Судя по ним, умерший лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой в восточную сторону. Найден глиняный сосуд, железные удила и др.

Курган №7 был диаметром 9,25 м и высотой около 0,45 м. Могила имела длину около 3 м, ширину около 2,38 м и глубину 2,05 м. Деревянная погребальная камера оказалась длиной около 2 м, шириной около 0,8 м и высотой 0,06–0,15 м. В ней должны были похоронить двух человек. Зафиксированы два комплекта вещей. На плане отмечен один умерший, который лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой в восточную сторону. Северная часть могилы оказалась без лошади. Там как раз находились предметы для второго погребенного. Погребальный инвентарь включал два глиняных сосуда, кости от двух овец, железный нож, подвески («костыльки») из цветного металла, фрагменты золотой фольги и др.

Курган №8 был диаметром 6,5 м и высотой около 0,25 м. Могила имела длину около 2,3 м, ширину 1,9 м и глубину 1,72 м. Она ограблена. В юго-восточной части ямы найдено небольшое количество гнилой древесины от погребальной камеры и верхняя часть керамического сосуда. Человеческие кости не зафиксированы. В северо-западной части могилы осталась только передняя часть лошади (головой на восток), а также кости задних конечностей. Обнаружены железные удила.

7. Могильник **Тувасиньцунь** (图瓦新村) исследовался возле Канасы в уезде Бурчун округа Алтай [Буэрцзинь сянь Канасы Сяхукоу Тувасиньцунь..., 2014]. Информация о нем уже отражена автором статьи [Му, 2020], а также представлена в одной из указанных публикаций [Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017]. Поэтому здесь она не будет повторяться.

8. Могильник **Усытэласы** (乌斯特拉斯) изучался в Алтайских горах (округ Алтай) в 2014 г. Под руководством Ю Цзянцзюня раскопано восемь курганов. Полученные материалы опубликованы [Алэтай ши Усытэласы..., 2015]. Два объекта (курганы №2 и 6) могут быть отнесены к пазырыкской культуре. Китайские археологи предположительно датировали погребение в кургане №6 400–160 гг. до н.э.

Курган №2 имел небольшую каменную насыпь, под которой находилась могила длиной 1,85 м, шириной 1,1 м и глубиной 1,1 м. Погребальная камера представляла собой каменный

ящик длиной 1,05 м, шириной 0,6 м и высотой 0,35 м. Там находилось погребение ребенка. Кости скелета оказались плохой сохранности. Рядом обнаружены керамический сосуд и кости овцы.

Курган №6 был диаметром 8 м и высотой 0,2 м. Под насыпью находилась могила, ориентированная длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ. В южной ее части в деревянном «гробу» была похоронена женщина средних лет в вытянутом положении, головой на юго-запад. Обнаружены фрагменты золотой фольги, железный нож, глиняный сосуд и др., а также кости овцы. В северной части могилы, на приступке, захоронена целая лошадь с подогнутыми ногами, головой в ту же сторону, что и умерший человек. Во рту находились удила.

9. Могильник **Хайцзыкоу** (海子口) исследовался в округе Алтай в 2014 г. Под руководством Ю Цзянцзюня раскопаны 19 могил. Материал опубликованы [Фуюнь сянь Хайцзыкоу..., 2018]. Среди них выделялся курган №11, который уверенно может быть отнесен к пазырыкской культуре. На основе калиброванных результатов радиоуглеродного анализа он датирован (по сигме 2) 204–37 гг. до н.э.

Курган №11 был диаметром 8,6 м и высотой 0,6 м. Могила имела длину 3,7 м, ширину 2,4 м и глубину 1,93 м. Деревянный «гроб» находился в юго-восточной части. В нем найдены останки двух человек. Один человек, от которого сохранился скелет в анатомическом положении, лежал головой на юго-восток. Второе погребение (вторичное) находилось рядом. Обнаружена серия предметов: два глиняных горшка, два железных ножа, золотая фольга, бронзовые зеркала (одно с изображением кошачьего хищника), наконечник стрелы и др. Зафиксированы кости ягненка. В северо-восточной части могилы лежали две лошади головами в ту же сторону, что и умершие люди. Найдены удила и фрагменты золотой фольги.

10–11. Могильники **Каласу** (喀拉苏) (вероятно, местное название Карасу – черная вода) и могильник **Хайлютань** (海流滩) исследовались в уезде Бурчун. Расстояние между ними по прямой составляет 40 км.

На могильнике Каласу в 2014 г. под руководством Ю Цзянцзюня раскопано 53 могилы. Опубликована лишь часть информации о результатах археологических работ [Юй Цзяньцзюнь, Ху Ванлинь, 2015]. Среди этих материалов выделяются самые крупные объекты – курганы №13 и 15, которые отнесены к пазырыкской культуре. В одном было обнаружено 13 лошадей, а в другом – семь. Погребения ограблены.

На могильнике Хайлютань работы проводились в 2016 г. также под руководством Ю Цзянцзюня. Курган №2 был диаметром 34 м и высотой 1,8 м. Захоронение разграблено, поэтому находок осталось немного. Материалы опубликованы [Буэрцзинь сянь Хайлютань..., 2018]. Возрастной диапазон кургана определен рамками X–III вв. до н.э.

Кроме перечисленных археологических комплексов пазырыкские материалы отмечены на памятнике Сигоу (西沟遗址) [Баликунь Сигоу..., 2016] и могильнике Суншугоукоу (松树沟口墓地) [Хэбусайэр сянь 219 годао Суншугоукоу..., 2018]. Сигоу находится в районе Хами, а Суншугоукоу – в районе Или. Отдельной темой является выявление в Синьцзяне поселений пазырыкской культуры.

Заключение

Даже из кратко представленных материалов становится понятным, что в Синьцзяне имеется еще одна зона распространения пазырыкской культуры. Для полного анализа зафиксированной ситуации потребуются специальные исследования. В данной статье важно было отметить некоторые культурные особенности памятников пазырыкской культуры Синьцзяна, хотя все основные аналогии обнаруживаются в опубликованных монографиях, посвященных раскопкам в Российском Алтае [Кубарев, 1987, 1991; Полосьмак, 1994; Кирюшин и др., 2003; Тишкин, Дашковский, 2003, 2004; и др.]. Стоит добавить наличие вторичных

погребений, которые также характерны для Алтая (см., например: [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005]). Имеющиеся особенности связаны с тем, что рассматриваемая территория находится в зоне контактов нескольких кочевых общностей скифо-сакского времени (саглынская, кулажургинская и др.), а также с земледельческими культурами Средней Азии.

В Синьцзяне, помимо Алтайских гор, имеются данные о находках пазырыкской культуры в Илийском (могильник Суншугоукоу, курганы №24 и 28) и Хамийском (памятник Сигоу, объект №2) районах. Это отражает миграцию и контакты, что вполне естественно. Регион Хами расположен в восточной части Синьцзяна и на достаточно большом расстоянии. Данное открытие побуждает нас переосмыслить влияние пазырыкской культуры на население Синьцзяна в скифо-сакское время.

Широкое распространение пазырыкских курганов в западной части Монгольского Алтая и его предгорий может уверенно указывать на территорию распространения пазырыкской культуры. В Синьцзянском Алтае насчитывается более 280 могильников, а раскопки проводились пока на 20. Пазырыкские курганы обнаружены на нескольких памятниках. Поэтому есть перспектива получения новых результатов раскопок. Пока же ближайшая задача – изучить детально то, что имеется в музеях и научных учреждениях. Особое внимание при этом планируется уделить керамическим изделиям пазырыкской культуры, которые были обнаружены в некоторых могилах (рис.) (например: могильник Банахана (巴纳哈纳), курган №6; могильник Шанькоудяньчжань (山口电站), курганы №2 и 23; могильник Цзялангайшень (加朗杂什), курган №23, могильник Хабайхань курган №21 (哈拜汗), могильник Болади (博拉提), курган №3 и т.д. [Синьцзян..., 2011; Алэтай ши Балэхань..., 2013; Буэрцзинь сянь Шанькоу..., 2013; Хабахэ сянь Цзялангайшэнь муди, Хабайхань..., 2013; Буэрцзинь сянь Еламань..., 2017; и др.]. Существуют некоторые различия между этими объектами и классическими погребениями пазырыкской культуры. Вопрос о том, принадлежат ли они пазырыкской культуре, требует дополнительного обсуждения.

Библиографический список

- Варёнов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 26–30.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.
- Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 270 с.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая // Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с. + вкл.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во Алт. техн. ун-та, 2010. 238 с.
- Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2017. Т. 16, №4. С. 24–29.
- Алэтай ши Балэхань шуйку муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках захоронений у водоема Балэхань г. Алтай = 阿勒泰市巴勒哈纳水库墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №2. С. 31–42.
- Алэтай ши Кэцзыцзяэр муди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Кэцзыцзяэр в г. Алтай = 阿勒泰市克孜加尔墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2010. №1. С. 35–47.

Алэтай ши Уласытэ муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках на могильнике Усытэласы в г. Алтай = 阿勒泰市乌拉斯特墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №2. С. 58–64.

Баликунь Сигоу ичжи 1 хао му каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках одного захоронения на городище Сигоу у г. Баликунь (Баркуль) = 巴里坤西沟遗址1号墓考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2016. №1. С. 79–91.

Буэрцинь сянь Еламань муцюнь каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках могильника Еламань в уезде Буэрцинь (Бурчун) = 布尔津县也拉曼墓群考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2017. №4. С. 4–30.

Буэрцинь сянь Канасы Сяхукоу Тувашиныцунь гумуди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках древних могильников Тувашиныцунь, Сяхукоу, Канас, в уезде Бурчун = 布尔津县喀纳斯下湖口图瓦新村古墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2014. №2. С. 60–75.

Буэрцинь сянь Хайлютань муди М2 каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках могильника кургана №2 памятника Хайлютань в уезде Буэрцинь = 布尔津县海流滩墓地M2考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2018. №1–2. С. 98–104.

Буэрцинь сянь Шанькоу дьяньчжань фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках Шанькоу дьяньчжань в уезде Буэрцинь (Бурчун) = 布尔津县山口电站发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №1. С. 21–33.

Синьцзян вэйуэр цзычжицюй ди сань цы цюаньго вэньу пучжа чэнго цзичэн: алэтай дицюй цюань [Полное собрание итогов 3-го обследования памятников культуры всекитайского уровня в Синьцзяне: Алтайский округ = 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成: 阿勒泰地区卷]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ [научное издательство = 科学出版社], 2011. С. 225.

Синьцзян дицюй “Динцзюй синьму” каогу фацзюэ цзуншу [Обзор археологических раскопок в «районах для переселения кочевников на постоянные места жительства» в Синьцзяне = 新疆文物考古研究所: 新疆地区“定居兴牧”考古发掘综述] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №3–4. С. 117–123.

Синьцзян Хабахэ сянь Дунгалэдэ муди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Дунгалэдэ в уезде Хабахэ СУАР = 新疆哈巴河县东塔勒德墓地发掘简报] // Вэньу [Культурное наследие = 文物]. 2013. №3. С. 4–14.

Фуюнь сянь Саэрбулакэ муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках могильника Саэрбулакэ в уезде Фуюнь = 富蕴县萨尔布拉克墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 45–52.

Фуюнь сянь Сукээртэ муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках могильника Сукээртэ в уезде Фуюнь = 富蕴县塑柯尔特墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 4–41.

Фуюнь сянь Хайцзыкоу муди каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках могильника Хайцзыкоу в уезде Фуюнь = 富蕴县海子口墓地考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2018. №3–4. С. 19–35.

Фуюнь сянь Чжэлэбаньшэнь муцюнь фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Чжэлэбаньшэнь в уезде Фуюнь = 富蕴县哲勒巴乃什墓群发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №2. С. 43–51.

Фуюнь сянь Саудегээр муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках захоронений Саудегээр в уезде Фуюнь = 富蕴县萨乌迭戈尔墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 58–69.

Хабахэ сянь Цзяланнайшэнь муди, Хабайхань муди фацзюэ баогао [Отчет о раскопках могильников Цзяланнайшэнь и Хабайхань в уезде Хабахэ = 哈巴河县加朗乃什墓地、哈拜汗墓地发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №2. С. 52–70.

Хэбусайэр сянь 219 годоу Суншугоукоу муди каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках могильника Суншугоукоу у государственной автострады 219 в уезде Хэбусайэр = 和布赛尔县219国道松树沟墓地考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2018. №1–2. С. 55–81.

Шуй Тао [水涛]. Цинтун шидай Аэртай шань дицюй цяоху цююн цюань дэ синчэнь юй инсян – и чжунго дэ фасянь вэй чжусянь [Формирование зоны взаимодействия на Алтае в эпоху бронзы (по материалам Китая) = 青铜时代阿尔泰山地区交互作用圈的形成与影响——以中国的发现为主线] // Древние цивилизации [Гудай вэньмин]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ [научное издательство = 科学出版社], 2016. С. 262–267.

Юй Цзяньцзюнь [于建军], Ху Ванлинь [胡望林]. 2014 нянь Синьцзян Хабахэ сянй Каласу муди каогу фацзюэ синь шоухо [Новые результаты археологических раскопок могильника Каласу в уезде Хабахэ Синьцзяна в 2014 г. = 2014年新疆哈巴河县喀拉苏墓地考古发掘新收获] // Сиюй яньцзю [Исследования западных регионов = 西域研究]. 2015. №1. С. 131–132.

References

Varyonov A.V. Skifskie materialy iz kitajskoj chasti Altaya [Scythian Materials from the Chinese Part of Altai]. Itogi izucheniya skifskoj epohi Altaya i sopedel'nyh territorij [Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 26–30.

Dashkovskij P.K., Tishkin A.A., Tur S.S. Vtorichnye pogrebeniya v kurganah skifskogo vremeni na pamyatnike Hankarinskij dol [Secondary Burials in Mounds of Scythian Time at the Khankarinsky Dol Site]. Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti [Western and Southern Siberia in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 62–68.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Ch. II. Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykской kul'tury [Scythian Era of the Altai Mountains. Part II. Funeral and Memorial Complexes of the Pazyryk Culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandrik]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 302 p.

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda [Mounds of Justyd]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 270 p.

Polos'mak N.V. «Steregushchie zoloto grify» (ak-alahinskie kurgany) [“Vultures Guarding Gold” (Ak-Alakha barrows)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 125 p.

Tishkin A.A., Dashkovskij P.K. Social'naya struktura i sistema mirovovzrenij naseleniya Altaya skifskoj epohi [The Social Structure and Worldview System of the Population of Altai of the Scythian Era]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 430 p.

Tishkin A.A., Dashkovskij P.K. Osnovnye aspekty izucheniya skifskoj epohi Altaya [The Main Aspects of the Study of the Scythian Era of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 238 p. + Ill.

Shul'ga P. I. Sin'cзыan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Hronologiya i periodizatsiya) [Xinjiang in the 8th – 3rd Centuries BC. (Funeral Complexes. Chronology and Periodization)]. Barnaul: Izd-vo Alt. tekhn. un-ta, 2010. 238 p.

Shul'ga D.P., Shul'ga P.I. Pronikновение pazyrykской kul'tury v Sin'cзыan [Penetration of the Pazyryk Culture in Xinjiang]. Vestnik NGU. Ser. «Istoriya, filologiya» [Bulletin of NSU. Ser. “History, Philology”]. 2017. Vol. 16, №4. Pp. 24–29.

Aletaj shi Balekhan' shujku mudi kaogu faczyue baogao [Report on Archaeological Excavations of Burials near Belehan Reservoir, Altai = 阿勒泰市巴勒哈纳水库墓地考古发掘报告] // Sin'cзыan ven'u [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2013. №2. Pp. 31–42.

Aletaj shi Keczyzyaer mudi faczyue cзыan'bao [A Brief Report on the Excavation of Kejijiaer Graves in Altai = 阿勒泰市克孜加尔墓地发掘简报]. Sin'cзыan ven'u [Xinjiang Cultural Monuments = 新疆文物]. 2010. №1. Pp. 35–47.

Altai shi Ulasete mudi kaogu fajue baogao [Report on Archaeological Excavations at the Ulasyte Cemetery in Altai = 阿勒泰市乌拉斯特墓地考古发掘报告]. Xinjiang wenu [Monuments of Xinjiang Culture = 新疆文物]. 2015. No. 2. Pp. 58–64.

Balikun Sigou Izhi 1 hao mu kaogu fajue jiangbao [Brief Report on Archaeological Excavations of 1 Burial Site of the Sigou Settlement near Balikun (Barkul) = 巴里坤西沟遗址1号墓考古发掘简报]. Xinjiang wenu [The Sites of Xinjiang Culture =]. 2016. No. 1. C. 79–91.

Buerjin xian Elaman muqun kaogu fajue jianbao [Brief Report on Archaeological Excavations of the Elaman Tombs in the County of Bujin (Burchun) = 布尔津县也拉曼墓群考古发掘简报] // Xinjiang = Xinjiang Sites 2017. No. 4. Pp. 4–30.

Buerjin xian Kanyasa Shyahukou Tuvasinjun humudi Fajue Jianbao [Brief Report on the Excavation of Ancient Burial Sites of Tuvasinjun, Xiahukou, Kanas, in Burchun County = 布尔津县喀纳斯下湖口图瓦新村古墓地简报] Xinjun Culture. Xinjiang = 新疆文物]. 2014. No. 2. Pp. 60–75.

Buerjin xian Hailutan mudi M2 kaogu fajue baogao [Report on Archaeological Excavations of the M2 Burial Sites of Hailutan in the County of Bujin = 布尔津县海流滩墓地M2考古发掘报告]. Xinjiang wenu [Xinjiang Cultural Sites] = 新疆文物. 2018. No. 1–2. Pp. 98–104.

Buerjin xian Shankou dianzhan fajue jiangbao [Summary Report of Excavations at the Shankou Power Station in the Bujin County (Burchun) = 布尔津县山口电站发掘简报] // Xinjiang wenu [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2013. No. 1. Pp. 21–33.

Xinjiang veyuer tszychzhitsyuy di san gical tsyungo venu puchzha Chango Jicheng: aletay ditsyuy Juan [Complete Results of the Third Survey Cultural Sites of the National Level in Xinjiang: Altaiskii DC = 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成: 阿勒泰地区卷]. Beijing: [Scientific Publishing House = 科学出版社], 2011. Pp. 225.

Xinjiang ditsu "Dinju sinmu" kaogu fajue zongshu [Overview of Archaeological Excavations in "Areas for the Nomadic Resettlement to Permanent Residence" in Xinjiang = 新疆文物考古研究所: 新疆地区 "定居兴牧" 考古发掘综述]. Xinjiang Xinjiang Culture = 新疆文物. 2013. No. 3-4. Pp. 117-123.

Xinjiang Habahe xian Duntalede mudi fajue jiangbao [Brief Report on the Excavation of Duntalede Burial Sites in the Habahe County XUAR = 新疆哈巴河县东塔勒德墓地报简报] // Wenu [Cultural Monuments = 文物]. 2013. No. 3. Pp. 4-14.

Fuyun xian Saerbulake mudi kaogu fajue baogao [Report on Archaeological Excavations of Saerbulake Burial Sites in the Fuyun County = 富蕴县萨尔布拉克墓地考古发掘报告]. Xinjiang Wenu [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2015. No. 1. Pp. 45-52.

Fuyun xian Sukeerte mudi kaogu fajue baogao [Report on Archaeological Excavations of Sukeerte-Tombs in Fuyun County = 富蕴县塑柯尔特墓地考古发掘报告]. Xinjiang Wenu [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2015. No. 1. Pp. 4-41.

Fuyun xian Haijiku Mudi kaogu fajue jianbao [Brief Report on Archaeological Excavations of Haizikou Burial Sites in Fuyun County = 富蕴县海子口墓地考古发掘简报]. Xinjiang Wenu [The Sites of Xinjiang Culture = 新疆文物]. 2018. No. 3-4. Pp. 19-35.

Fuyun xian Zhelebanaiishen muqun fajue jianbao [Summary Report of Excavation of the tombs of Zhelebanaiishen in Fuyun county = 富蕴县哲勒巴乃什墓群发掘简报]. Xinjiang wenu [Xinjiang Cultural Sites] = 新疆. 2013. No. 2. Pp. 43-51.

Fuyunxian Saudegeer Moody Kaogu Fajue Baogao [Report on Archaeological Excavations of Saudegeer Burial Sites in the Fuyun County = 富蕴县萨乌迭戈尔墓地考古发掘报告] // Xinjiang Wenu [The Sites of Xinjiang Culture = 新疆文物]. 2015. No. 1. Pp. 58-69.

Habahe xian Jialanaishen mudi, Habaikhan mudi fajue baogao [Report on Excavation of the Burial Sites of Jialanaishen and Habaikhan in the Habahe County = 哈巴河县加朗乃什墓地、哈拜汗墓地发掘报告]. Xinjiang 2013. No. 2. Pp. 52-70.

Hebusier Xian 219 years old Songshugou Moody Kaogu Fajue Jiangbao [Brief Report on Archaeological Excavations of the Sunshugou Graves at 219 State Highway in Hebusaier County . 2018. No. 1-2. Pp. 55-81.

Shui Tao [水涛]. Qingtong shidai Aertai Shan dzyu jiaohu zoyun quan de sincheng yu yixiang – and zhungguo de fasyan wei zhuxian [Formation of the Interaction Zone in Altai in the Bronze Age (based on Chinese materials) = 青铜时代阿尔泰山地区交互作用圈的形成形成以以的发现为主线]. Ancient Civilizations [Gudai wenming]. Beijing: [scientific publishing house = 科学出版社], 2016. Pp. 262-267.

Yu Jianjun [于建军], Hu Wanglin [胡望林]. 2014 Xinjiang nyan Habahe xian Kalasu mudi kaogu fajue xin shouho [New Results of Archaeological Excavations of Kalasu Burials in Habae Xinjiang County in 2014 = 2014年新疆哈巴河县喀拉苏墓地考古发掘新收获] // Xiyu Western Studies = 西域研究]. 2015. No. 1. Pp. 131-132.

Ts. Mu

Altai State University, Barnaul, Russia

THE SITES OF PAZYRYK CULTURE IN XINJIAN

Archaeological surveys and excavations by Chinese archaeologists in the Xinjiang Uygur Autonomous Region have provided important evidence of the region's ancient history. Among the identified and studied sites there were mounds, which belong to the well-known Pazyryk culture of the Scythian-Saka time. Based on the analysis of publications in Chinese, the article briefly presents the history of studies of specific objects and gives their characteristics. Attention is paid to the recorded results of funerary practice and found objects of material culture, among which ceramic dishes are an important ethnocultural indicator. The mapping of the locations of excavated sites allows us to significantly expand the boundaries of the Pazyryk culture. Of particular importance are the excavations of two large mounds at the Karasu burial ground. In one of them, the remains of 13 horses were found, and in the other there were seven. A detailed study of the obtained archaeological materials is necessary.

Key words: Xinjiang, Pazyryk culture, archaeological excavations, history of study, barrows, objects of material culture, burial of horses

УДК 902(520)«634»

А.В. Табарев¹, Т.А. Гаврилина², К.А. Литвинова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДЗЁМОН, ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ: ХРОНОЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ*

Дзёмон – эпоха неолита на островах Японского архипелага. Она датируется временем 13 800–2400 л.н. и подразделяется на шесть периодов. В рамках первого периода – *изначального дзёмона* (13 800–10 000 л.н.) наряду с появлением древнейшей керамической посуды происходит и существенное изменение каменного инвентаря, исчезают палеолитические техники расщепления (пластинчатая и микропластинчатая), наблюдается эволюция бифасиальных наконечников, совершенствуются орудия дистанционной охоты, начинается систематическое использование лука и стрел, появляется широкая линейка рубящих орудий, включая инструменты с подшлифовкой рабочего лезвия. Вместе с этим прослеживаются и заметные локальные различия в орудийном наборе и динамике его трансформации в северной и южной, внутренней и прибрежной частях архипелага. Экспериментальные исследования позволяют выявить особенности различных техник обработки, необходимые трудозатраты при изготовлении рубящих орудий и эффективность использования. К концу рассматриваемого периода (около 10 тыс. л.н.) каменный инструментарий приобретает черты, свойственные всей дальнейшей эпохе дзёмон.

Ключевые слова: Японский архипелаг, изначальный дзёмон, хронология, каменный инвентарь, технология
DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-11

Введение

В самом кратком определении дзёмон – это эпоха неолита на островах Японского архипелага. Сам термин «дзёмон» (Jōmon-doki – 縄文土器) впервые использован в японской археологической литературе в 1886 г. в работе Сираи Матсутаро для обозначения керамики со специфическим орнаментом, нанесенным скрученным шнуром. Эту керамику («twisted cord-marked pottery») несколькими годами ранее (в 1877 г.) выделил по раскопкам раковинной кучи Оомори американский зоолог Эдвард Сильвестр Морс [Morse, 1877; Табарев, Иванова, 2018]. В японской литературе термин входит в регулярное употребление в самом конце 1920-х гг. и приобретает свой современный смысл лишь в середине 1930-х гг. в работах классика японской археологии Яманоути Сугао, который обозначил дзёмон как период каменного века (4500–2500 л.н.) с подразделением на древнейшую, раннюю, среднюю, позднюю и заключительную фазы [Yamanouchi, 1937].

В отечественной археологической литературе этот термин появляется благодаря А.П. Окладникову [1941, с. 12] – сначала в публикации доклада «Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока»**, а затем в фундаментальной работе «К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре» в 1946 г. В этой работе он, в частности, приводит статистические данные по количеству памятников дзёмона: «...к 1930 г. подсчитано 10 876 неолитических стоянок, 617 раковинных куч, 30 гротов с культурными остатками и 86 местонахождений неолитических погребений...» [Окладников, 1946, с. 12].

На сегодняшний день от Хонсю до Окинавы известно около 100 тыс. памятников, эпоха дзёмона подразделяется на несколько периодов (изначальный, начальный, ранний, средний, поздний и финальный дзёмон) и датируется временем от 14 000 до 2400 л.н.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ №19-18-00003 «Неолитические цивилизации Евразии: Дзёмон, Японский архипелаг – происхождение, ранний этап, локальные особенности».

** Доклад на Совещании по этногенезу народов Севера в мае 1940 г. По тексту: «Джомон-культура» [Окладников, 1941, с. 12].

- 1 – Оомори;
- 2 – Нацусима;
- 3 – Камикуроива-9;
- 4 – Фукуи-II-III;
- 5 – Одай-Ямамото-I;
- 6 – Мотоноки;
- 7 – Косэгасава;
- 8 – Маэдакочи;
- 9 – Тазава;
- 10 – Инада-I;
- 11 – Санномия-Симоято;
- 12 – Осикакубо;
- 13 – Ногава;
- 14 – Касивабара;
- 15 – Ивасэ;
- 16 – Сендай-Учимаэ;
- 17 – Микосиба;
- 18 – Карасава В;
- 19 – Чоджакубо;
- 20 – Нанацугури;
- 21 – Хината;
- 22 – Какинохара

Рис. 1. Основная часть Японского архипелага с указанием памятников, упоминаемых в тексте

Следует отметить, что до настоящего времени для западных и отечественных исследователей наиболее ранний период в этой схеме (*изначальный дзёмон*) представлял интерес исключительно в контексте дискуссии о времени и особенностях происхождения гончарства в Восточной Азии [например, Gibbs, Jordan, 2016; Keally, Taniguchi, Kuzmin, 2003; Yanshina, 2017], тогда как каменный инвентарь, как правило, привлекался лишь в весьма обобщенном виде, без рассмотрения его эволюции, технологических и локальных особенностей. Исключение представляют работы, посвященные кладам каменных изделий и проявлениям ритуальной практики [Табарев, 2012].

Именно поэтому в рамках настоящей статьи мы обращаемся к каменному инвентарю *изначального дзёмона* и рассматриваем его наиболее показательные категории на примере ряда памятников, расположенных в разных ландшафтных зонах архипелага (рис. 1).

Работа основана на изучении археологических коллекций в собраниях японских музеев и научных центров в 2019 г., на экспериментальных данных, а также на анализе широкого круга публикаций и отчетов о проведении раскопок.

Изначальный дзёмон: хронология и подразделение

Первое существенное изменение нижней хронологической границы *дзёмона* происходит в начале 1960-х гг. с получением неожиданных для многих японских археологов радиоуглеродных дат из слоя с керамикой раковинной кучи Нацусима (г. Йокогама) – 9450 ± 400 л.н. по образцу из раковин и 9240 ± 500 л.н. по углю [Suguhara, 1962]. За этим последовали открытие еще более древней глиняной посуды в пещерах Камикуроива-9 ($12\ 165 \pm 600$ л.н.), Фукуи-II ($12\ 400 \pm 350$ л.н.) и Фукуи-III ($12\ 700 \pm 500$ л.н.) [Ikawa, 1964] и наконец находки фрагментов керамического сосуда на памятнике Одай-Ямамото-I ($13\ 780 \pm 170$ и $13\ 480 \pm 70$ л.н.) [Odai-Yamamoto I Site..., 1999; Omoto et al., 2010] в 1999 г.

Таким образом, на сегодняшний день хронология (в некалиброванном виде) и периодизация эпохи дзёмон выглядят следующим образом*:

- изначальный (Incipient) – 14 000–10 000 л.н.;
- начальный (Initial) – 10 000–7000 л.н.;
- ранний (Early) – 7000–5400 л.н.;
- средний (Middle) – 5400–4300 л.н.;
- поздний (Late) – 4300–3200 л.н.;
- финальный (Final) – 3200–2400 л.н. [Ibid., p. 543].

Радиоуглеродные даты изначального дзёмона – 14 000–10 000 л.н. (в калиброванных датах – 16 000*–11 500 календарных л.н.) связывают его с самым финалом плейстоцена и плейстоцено-голоценовым рубежом. По климатической шкале это финал холодного древнейшего диаса (Oldest Dryas), бёллингское потепление (Bølling), похолодание среднего дриаса (Older Dryas), аллерёдское потепление (Allerød) и холодный молодой дриас (Younger Dryas).

Значительная продолжительность изначального дзёмона предполагает возможность его внутреннего подразделения. В археологической литературе последних 20 лет таких вариантов несколько, и все они в той или иной степени отталкиваются от появления и эволюции гончарства.

Например, один из них – подразделение изначального дзёмона на четыре фазы в соответствии с появлением наиболее ранних типов керамических сосудов и их орнаментации (*munon-doki*, *ryukisenmon-doki*, *tsumegatamon-doki* и *tajomon-doki*) [Tsutsumi, 2002]**.

Другой вариант – разделение изначального дзёмона на три фазы (с четвертой, переходящей в начальный дзёмон) с учетом калиброванных дат и эволюции технологии гончарства – подробно изложен в коллективной статье, вышедшей в журнале *The Review of Archaeology* в 2003 г. Авторы ориентировались на диапазон 16 230–11 200 л.н. и продолжительность фаз в 1200, 1700 и 2100 лет соответственно [Keally, Naniguchi, Kuzmin, 2003, p. 5].

Наконец, подразделение на три фазы по 1500 лет каждая – предложен Фудзияма Рюдзо в докладе*** на Международном симпозиуме «Палеоэкология и добыча каменного сырья» в Токио в 2017 г. В этом варианте для фазы 1 характерна наиболее примитивная посуда с минимальным орнаментом или вообще без него, для фазы 2 орнамента протслеживается уже по большей части сосудов и для фазы 3 по всей поверхности.

При рассмотрении каменного инвентаря по тексту нашей работы мы также будем придерживаться условного подразделения изначального дзёмона на три равные по продолжительности фазы – раннюю, среднюю и заключительную.

Каменный инвентарь: бифасиальные изделия

Обратимся к каменной индустрии изначального дзёмона. Переход от финального палеолита к изначальному дзёмону сопровождается угасанием пластинчатой и микро-

* В данном случае речь идет о большей территории островов Хоккайдо и Хонсю с наиболее представительной группой датированных памятников.

** В части публикаций встречается календарная дата 16 500 л.н. – дело в том, что для памятника Одай-Ямамото-1 получено пять AMS-дат по пяти фрагментам керамики, которые, судя по всему, являются частями одного сосуда. При калибровке дат лишь одна (13 780±170) существенно выходит за пределы 16 тыс. л.н., четыре располагаются в промежутке от 16 до 15 тыс. л.н., поэтому большинство специалистов рекомендуют использовать именно эти определения [Omoto et al., 2010, p. 540].

*** Автор ориентировался на последовательность появления типов, зафиксированную по археологическим данным к началу 2000-х гг. Последующие исследования показали более сложную картину времени появления ранних типов керамической посуды, их сосуществование и наложение ареалов.

**** Ryuzo Fujiyama (Archaeology Department, Meiji University, Japan). Early Holocene human adaptation in the Japanese Archipelago // Paleoenvironment and lithic raw material acquisition. The Center for Obsidian and Lithic Studies, Meiji University, Tokyo, October 28, 2017.

пластинчатой (микрклиновидной) техник и возрастанием роли бифасиальной техники. В разных частях архипелага этот процесс происходил неравномерно – с заметной задержкой в северной (Хоккайдо) и южной (Кюсю) частях и существенно быстрее на большей части Хонсю. Индустрия носит смешанный характер, в одном комплексе могут присутствовать как традиционные для финального палеолита изделия – нуклеусы для получения пластин, концевые скребки и резцы на пластинах, а также микрклиновидные нуклеусы и микропластинки – так и новые, например, рубящие инструменты (топоры, тесла, стамески) с частичной подшлифовкой лезвия. Наиболее ярко это прослеживается по памятникам северо-восточной и центральной части Хонсю, которые объединяются в т.н. «Индустрию Микосиба», к материалам которой мы более подробно обратимся далее по тексту.

Среди бифасиальных изделий наблюдается заметное увеличение числа тщательно обработанных отжимной ретушью листовидных модификаций при сохранении целого ряда форм, известных с докерамического периода. Их традиционно связывают с охотничьей деятельностью. Наряду с листовидными бифасами в изначальном дзёмоне впервые появляются длинные узкие (ланцетовидные) клинки (до 18–20 см). Чаще всего они фиксируются на памятниках, приуроченных к речным и прибрежным ландшафтам (например, Мотоноки, Косэгасава, Маэдакочи*) [Miyazaki, Keally, 1986], что позволяет предполагать их использование в качестве наконечников острог при добыче лосося (рис. 2.-1–2).

В среднюю фазу изначального дзёмона прослеживается переход от листовидных наконечников к наконечникам с насадом (с черешком) и уменьшению самих размеров бифасиальных изделий (Тазава, Инада-1). Часть специалистов связывает это с эволюцией охотничьего снаряжения, переходом от тяжелых копий к более легким дротикам и использованию атлатлей (копье-металок). Кроме того, на многих памятниках фиксируются и мелкие бифасиальные наконечники, выполненные на отщепках – отходах при производстве крупных наконечников (Санномия-Симоято, Осикакубо). Есть все основания трактовать их в качестве наконечников стрел и связывать с началом использования лука [Beginning of the Jomon Culture..., 2009, p. 41].

Рис. 2. Бифасиальные наконечники:

1 – Косэгасава; 2 – Маэдакочи

(по: [Beginning of the Jomon Culture..., 2009])

Именно эти небольшие подтреугольные и ромбовидные наконечники, при сохранении отдельных черешковых форм, доминируют в оснащении дистанционного охотничьего снаряжения в заключительную фазу изначального дзёмона. Впрочем, в отдельных районах архипелага, например на северо-востоке Хонсю (район Тохоку), традиция изготовления крупных листовидных бифасов, а также практика создания «кладов», состоящих из бифасиальных преформ и готовых наконечников (Ногава, Касивабара, Ивасэ,

* По памятнику имеется серия AMS-определений в диапазоне от 12 865±45 до 13 095±40 л.н. (в калиброванных датах – 15 200–15 800 л.н.) [Morisaki et al., 2019, p. 1452].

Сендай-Учимаэ и др.), сохраняются вплоть до самого конца периода, что может быть связано как с высоким качеством местного сырья (в первую очередь в префектуре Ямагата), так и с особенностями ведения промыслов.

Таким образом, одно из основных направлений в эволюции каменного инвентаря изначального дзёмона археологически прослеживается по возрастанию доли бифасиально обработанных наконечников и их размеров, что отражает переход от крупных копий к дротикам и далее к использованию лука и стрел.

Каменный инвентарь: рубящие инструменты

Особенностями изменений бифасиальной техники специфика каменного инструментария изначального дзёмона не ограничивается – не менее интересна категория рубящих орудий, представленная изделиями не только разных форм, размеров и типов (топоры, тесла, долота, стамески), но и разной подготовкой лезвия – ретушью или подшлифовкой.

Любопытно, что рубящие изделия с частичной подшлифовкой фиксируются в каменном веке Японского архипелага лишь дважды – в период первоначального заселения островов в начале позднего палеолита и в изначальном дзёмоне [Гладышев, Табарев, 2020; Tsutsumi, 2012].

Как мы уже указывали выше, наиболее ярко переход от финального палеолита к изначальному дзёмону иллюстрируется материалами индустрии Микосиба (или «Микосиба-Чоджакубо»), который прослежен на целой серии памятников в северо-восточной и центральной частях Хонсю. К наиболее известным относятся Одай-Ямамото-1, Карасава В, а также эпонимные памятники Микосиба и Чоджакубо.

Памятник Микосиба (преф. Нагано) исследовался в 1958–1959 и 1968 гг. Наиболее представительная коллекция была получена на участке А – 16 тщательно обработанных листовидных наконечников, 12 пластин, три концевых скребка на пластинах, семь нуклеусов и 15 рубящих инструментов (самый крупный около 24 см длиной) (рис. 3.1–2). Вместе с ними найдены об-

Рис. 3. Памятник Микосиба. Рубящие орудия: 1 – оббитое; 2 – с подшлифовкой лезвия (по: [Mikoshiha Site..., 2008])

ломки мелкозернистых абразивов для подшлифовки лезвий и поверхности орудий [Beginning of the Jomon Culture..., 2009, p. 142; Mikoshiha Site..., 2008, p. 328]. Примечательно и расположение нескольких рубящих орудий парами, что наряду с комплексами наконечников подтверждает предположения специалистов о возможном ритуальном характере самого памятника или его отдельных участков [Mikoshiha Site..., 2008, p. 328].

Традиция располагать рубящие изделия в виде компактных комплексов прослеживается и на других памятниках в префектуре Нагано. Например, комплекс из двух орудий на многослойной стоянке Нанацугури [Nanatsuguri Site..., 2008] и из трех – на памятнике Карасава В [Shimamuro et al., 2009].

Памятник Чоджакубо (преф. Аомори) раскапывался в 1962–1964 и 1997 гг.* Рубящие изделия подпрямоугольных очер-

* Значительную часть коллекции составляют находки (в том числе рубящих орудий) из поверхностных сборов, предшествовавших раскопкам.

таний с закругленным или приостренным обушком и пришлифованным лезвием были зафиксированы в одном горизонте с ретушированными наконечниками, пластинами, а также концевыми скребками и диагональными резцами на пластинах [Beginning of the Jomon Culture..., 2009, p. 77].

Следует отметить, что уже для самой ранней фазы изначального дзёмона четко прослеживаются локальные различия в каменном инвентаре, проявляющиеся, например, в количественном соотношении различных категорий инструментов. Так, на упоминавшемся выше памятнике Маэдакочи (г. Акируно в пределах токийского мегаполиса) на наиболее интересном участке стоянки со следами двух жилищных конструкций было найдено большое количество каменных изделий – среди них 72 бифасиальных заготовки, 2302 бифасиальных наконечника, 336 различных скребков, 11 галечных орудий и только два (!) рубящих инструмента. Это может отражать как специфику конкретной стоянки, так и характер инвентаря прибрежной зоны Токийского залива в целом [Morisaki et al., 2019, p. 1451].

Дальнейшее развитие технологии изготовления рубящих орудий в изначальном дзёмоне ярко иллюстрируется материалами комплекса Хината (преф. Ямагата). Это комплекс, состоящий из нескольких небольших гротов и памятника-мастерской на площадке перед гротами (т.н. «Западная терраса»). Раскопки на комплексе велись в 1955, 1957–1958, 1970, 1985–1989 и 2013–2015 гг. и сопровождались находками археологических материалов изначального, начального и раннего дзёмона.

С изначальным периодом связаны нижние горизонты раскопок. В частности, коллекция каменных изделий раскопок 1985–1989 гг. на участке «Западной террасы» насчитывает 549 наконечников стрел, 428 листовидных наконечников, четыре наконечника с черешком, 226 скребков, 61 топор без подшлифовки лезвия, 11 с подшлифовкой (рис. 4.-1-2) и 67 небольших тесел (рис. 5.-1-2). Найдено также 18 фрагментов разнозернистых абразивов, использовавшихся для подшлифовки (рис. 6.-1-5). Значительное количество дебитажа, преформ и обломков орудий свидетельствует о том, что большинство бифасиальных и рубящих инструментов изготавливалось непосредственно на площадке «Западной террасы» [Lithic Assemblage..., 2006, p. 132].

Тесла представлены изделиями длиной от 3 до 12 см, шириной от 2,5 до 6,5 см и по форме подразделяются на три группы; топоры, в свою очередь, имеют длину от 12 до 25 см при ширине от 6 до 9 см. По форме топоры с подшлифовкой подразделяются на две группы, без подшлифовки – на че-

Рис. 4. Комплекс Хината. Рубящие орудия (топоры):
1 – оббитое;
2 – с подшлифовкой лезвия
(по: [Lithic Assemblage..., 2006])

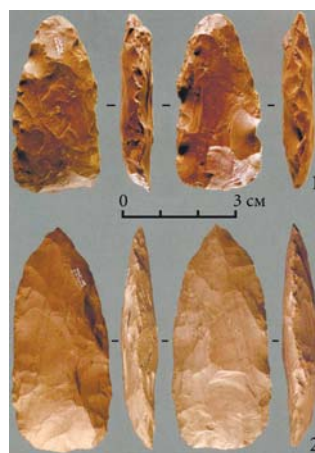

Рис. 5. Комплекс Хината:
1-2 – рубящие орудия (тесла)
(по: [Lithic Assemblage..., 2006])

Рис. 6. Комплекс Хината: 1–5 – абразивы для подшлифовки рабочего лезвия рубящих орудий (по: [Lithic Assemblage..., 2006])

рубящих инструментов, а также очевидные следы макроизноса на многих найденных инструментах свидетельствуют о самой широкой сфере их применения: от рубки деревьев и обработки различных материалов до земляных работ (котлованы жилищ, хозяйственные и ловчие ямы, погребальные конструкции). Изучение следов микроизноса, в свою очередь, указывает на то, что многие инструменты имели полифункциональный, а не узкоспециализированный характер [Beginning of the Jomon Culture..., 2009, p. 44].

В японской экспериментальной археологии существует целое направление, которое занимается изучением особенностей изготовления и использования рубящих орудий в эпоху дзёмон. Органика в кислотных почвах архипелага практически не сохраняется (за исключением пещер и раковинных куч), поэтому наибольший интерес экспериментаторов связан с поиском эффективных способов крепления рубящих орудий к рукояти (пазовые, муфтовые, накладные и т.д.). В качестве примера приводим фотографии и способ применения небольших долотовидных инструментов, использовавшихся в экспериментах по обработке дерева и кости в Лаборатории археологии Университета Тохоку в 2019 г. Данный способ крепления продемонстрировал высокую эффективность орудия на протяжении часа работы (рис. 7.-1–2).

В рамках той же экспериментальной сессии одним из авторов настоящей публикации были изготовлены несколько рубящих орудий – эксперимент показал, что при использовании каменного отбойника процесс изготовления одного инструмента за-

тыре. Таким образом, по сравнению с индустрией Микосиба памятник Хината демонстрирует гораздо большее разнообразие рубящих изделий по форме, размерам, элементам обработки и сырью (сланцы, туфы, андезиты, риолиты, дациты, яшмоиды). Отметим также находку двух крупных рубящих орудий в формате «микрокомплекса», что указывает на сохранение традиции, отмеченной ранее для памятников с индустрией Микосиба [Ibid., p. 9].

Для нижней части разреза раскопок на «Западной террасе» в 2013–2015 гг. (слои 10–12/E) имеется компактная серия радиоуглеродных датировок по углю от $12\ 171 \pm 41$ до $11\ 694 \pm 34$ л.н. ($14\ 125$ – $13\ 555$ л.н. в калиброванных датах), что соответствует средней фазе изначального дзёмона [Hinata Caves..., 2019, p. 295–296]. В пользу этого свидетельствуют и особенности каменного инвентаря (листовидные наконечники, наконечники с черешком и наконечники стрел), и преобладание керамики с линейным и ногтевидным орнаментами.

Разнообразие форм и размеров

нимает всего 30–35 минут (рис. 7.-3). Гораздо больше времени требует подшлифовка лезвия с помощью абразивов и воды – от часа до двух в зависимости от свойств сырья, что является одним из объяснений преобладания в археологических комплексах оббитых рубящих орудий по сравнению с подшлифованными.

Закключение

Имеющиеся на сегодняшний день археологические данные свидетельствуют о том, что наиболее раннее проявление технологии изготовления керамических емкостей на островах Японского архипелага фиксируется около 13 800 л.н. (16 000 в калиброванных датах). Глиняная посуда знаменует начало эпохи дзёмон (неолитической), но появляется у мобильных охотников-собирателей-рыболовов, орудийный набор и технология обработки камня у которых являются палеолитическими [Sato, Natsuki, 2017].

Именно в рамках первого периода эпохи дзёмон – *изначального дзёмона* (13 800–10 000 л.н.) – в процессе трансформации всей хозяйственной и поселенческой модели происходит существенное изменение каменного инвентаря, редуцируются и исчезают палеолитические пластинчатая и микропластинчатая техники, их практически повсеместно заменяет отщеповая, совершенствуются орудия дистанционной охоты, наблюдается эволюция бифасиальных изделий (от наконечников копий и дротиков к наконечникам стрел), появляется широкая линейка рубящих орудий (топоры, тесла, долота, стамески), включая инструменты с подшлифовкой рабочего лезвия.

Изначальный дзёмон является самым продолжительным из всех периодов эпохи, его археологические материалы позволяют проследить не только общую эволюцию, но и локальные особенности каменного инструментария, которые обусловлены различиями в климате, ландшафте, биоресурсах, сырьевой базе и т.д. [Morisaki, Natsuki, 2017]. Так, например, микропластинчатая техника чуть дольше сохраняется на Хоккайдо и Кюсю, зато на Кюсю быстрее происходит переход к использованию лука и стрел; в северной и центральной частях Хонсю бифасиальная техника представлена большим количеством форм и модификаций, здесь же прослеживается и традиция микрокомплексов, «кладов каменных изделий», которые могут состоять как из бифасиальных наконечников, так и из рубящих инструментов и быть частью ритуальной атрибутики *изначального дзёмона* (по аналогии со шлифованными топорами и теслами в неолите островной части Юго-Восточной Азии и Океании) [Kaner, Taniguchi, 2017, p. 328].

Рубящие инструменты *изначального дзёмона*, как и бифасиальные изделия, демонстрируют динамику технологии – от крупных форм в начальной фазе (Одай-Ямамото-I, Микосиба) к разнообразным по конфигурации и размерам изделиям в сред-

Рис. 7. Экспериментальные орудия: 1 – долотовидное орудие; 2 – процесс работы; 3 – каменный топор и отходы его изготовления (фото авторов)

ней и заключительной фазах (Хината). С точки зрения локальных различий можно отметить изделия с частичной подшлифовкой лезвия на Хонсю (индустрия Микосиба) и орудия с вогнутым рабочим краем и практически полной шлифовкой поверхности на Кюсю (например, памятник Какинохара). Экспериментальные исследования позволяют выявить особенности различных техник обработки, необходимые трудовые затраты при изготовлении рубящих орудий и эффективность использования.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода (около 10 тыс. л.н.) в целом завершается переход от палеолитических технологий обработки камня и обсидиана, а инструментарий приобретает черты, свойственные всей дальнейшей эпохе дзёмон.

Мы выражаем искреннюю признательность нашим японским коллегам – профессорам Й. Каномата, Т. Цуцуми и К. Морисаки за возможность познакомиться с археологическими коллекциями памятников изначального дзёмона, ценные комментарии и любезную помощь с литературой по сюжету статьи.

Библиографический список

Гладышев С.А., Табарев А.В. Заселение Японского архипелага и особенности каменных индустрий позднего палеолита сопредельных территорий: обзор современной проблематики // *Stratum plus*. 2020. №1. С. 117–126.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1941. Вып. IX. С. 5–14.

Окладников А.П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // *Советская этнография*. 1946. №4. С. 11–33.

Табарев А.В. Дальневосточная альтернатива (еще раз о путях и времени первоначального заселения американского континента) // *Российский археологический ежегодник*. 2012. №2. С. 103–147, 169–171.

Табарев А.В., Иванова Д.А. Погребения, керамика, раковинные кучи: из истории изучения памятников эпохи Дзёмон, Японский архипелаг // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. №2. С. 36–42.

Beginning of the Jomon Culture. What took place in 15,000 years ago? Tokyo: National Museum of Japanese History, 2009. 187 p. (In Japanese).

Gibbs K., Jordan P. A Comparative Perspective on the ‘western’ and ‘eastern’ Neolithics of Eurasia: ceramics, agriculture and sedentism // *Quaternary International*. 2016. V. 419. P. 27–35.

Hinata Caves. Archaeological Research on the Incipient and Initial Jomon Period. Yamagata : Tohoku University of Art and Design, 2019. (In Japanese with English Summary).

Ikawa F. The Continuity of Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan // *Arctic Anthropology*. 1964. V. 2. P. 95–119.

Kaner S., Taniguchi Y. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East // *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer, 2017. P. 321–345.

Keally C.T., Taniguchi Y., Kuzmin Y.V. Understanding the Beginnings of Pottery Technology in Japan and Neighboring East Asia // *The Review of Archaeology*. 2003. V. 24. P. 3–14.

Lithic Assemblage from Western Terrace of Hinata Cave. V. I: Spear Points Workshop in the Incipient Jomon. Sendai : Tohoku Gakuin University, 2006. 136 p. (In Japanese with English Summary)

Morisaki K., Natsuki D. Human Behavioral Change and the Distributional Dynamics of Early Japanese Pottery // *Quaternary International*. 2017. V. 441. P. 91–101.

Mikoshihira Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period. Shimaki Shoseki Publishing Center, 2008. (In Japanese with English Summary).

Miyazaki H., Keally C.T. A Terminal Pleistocene Salmon-Fishing and Lithic Worksite at Maeda Kochi, Tokyo, Japan // *Current Research in the Pleistocene*. 1986. V. 3. P. 96–97.

Morisaki K., Oda N., Kunikita D., Sasaki Y. Sedentism, Pottery and Inland Fishing in Late Glacial Japan: a reassessment of the Maedakochi site // *Antiquity*. 2019. V. 93. P. 1442–1459.

Morse E.S. Traces of Early Man in Japan // *Nature*. 1877. V. 17. P. 89.

Nanatsuguri Site. Excavation of a Late Palaeolithic and Early Jomon Site. Shinano-machi Board of Education, 2008. 72 p. (In Japanese with English Summary)

Odai-Yamamoto I Site Excavation Team. Archaeological Research at the Odai Yamamoto I site. Tokyo : Odai-Yamamoto I Site Excavation Team, 1999. 114 p. (In Japanese).

Omoto K., Takeishi K., Nishida S., Fukui J. Calibrated ¹⁴C ages of Jomon sites, NE Japan, and Their Significance // Radiocarbon. 2010. V. 52, №2–3. P. 534–546.

Sato H., Natsuki D. Human Behavioral Responses to Environmental Conditions and the Emergence of the World's Oldest Pottery in East and Northeast Asia: an overview // Quaternary International. 2017. V. 441(B). P. 12–28.

Shimamuro O., Toya K., Tanaka K., Nakamura Y., Mochizuki A., Tsutsumi T. Kokajihara site Karasawa B site: transitional lithic industries of the terminal upper Palaeolithic to the Incipient Jomon // Archeological Monographs. Shimae Shoseki Publishing Center, 2009. 69 p. (In Japanese with English Summary)

Sugihara S. Radiocarbon Dating on Archaeological Materials from Natsushima Shell Mound in Kanagawa Prefecture // Sundaishigaku. 1962. V. 12. P. 119–122. (In Japanese)

Tsutsumi T. Origins of Pottery and Human Strategies for Adaptation During the Termination of the Last-Glacial Period in the Japanese Archipelago // The Origins of Pottery and Agriculture. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 2002. P. 241–262.

Tsutsumi T. MIS3 Edge-ground Axes and the Arrival of the first Homo sapiens in the Japanese Archipelago // Quaternary International. 2012. V. 248. P. 70–78.

Yamanouchi S. Classification and Subclassification of Jomon Pottery // Prehistoric Archaeology. 1937. V. 1. P. 28–32. (In Japanese)

Yanshina O.V. The Earliest Pottery of the Eastern Part of Asia: Similarities and differences. Quaternary International. 2017. V. 441. P. 69–80.

References

Gladyshev S.A., Tabarev A.V. Zaselenie Yaponskogo arhipelaga i osobennosti kamennyh industrii pozdnego paleolita sopedel'nyh territorij: obzor sovremennoj problematiki [Peopling of the Japanese Archipelago and the Peculiarities of the Late Paleolithic Industries of the Neighboring Territories: Overview of Current Problematic]. Stratum plus [Stratum plus]. 2020. №1. Pp. 117–126.

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki kak istochniki po etnagonii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Neolithic Sites as Sources on the Ethnogeny of Siberia and Far East]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief Messages of the Institute of Material Culture]. 1941. Vyp. IX. Pp. 5–14.

Okladnikov A.P. K voprosu o drevnejshem naselenii Yaponskih ostrovov i ego kul'ture [Towards the Question of the Earliest People of the Japanese Islands and Their Culture]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1946. №4. Pp. 11–33.

Tabarev A.V. Dal'nevostochnaya al'ternativa (eshche raz o putyah i vremeni pervonachal'nogo zasele-niya amerikanskogo kontinenta) [Fareastern Alternative (One more time about the routes and time of the initial peopling of the American continent)]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 2012. №2. Pp. 103–147, 169–171.

Tabarev A.V., Ivanova D.A. Pogrebeniya, keramika, rakovinnye kuchi: iz istorii izucheniya pamyatnikov epohi Dzyomon, Yaponskij arhipelag [Burials, Pottery, Shell Mounds: from the History of the Tesearch of Jomon Epoch Sites, Japanese Archipelago]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities in Eastern Siberia and Far East]. 2018. №2. Pp. 36–42.

Beginning of the Jomon Culture. What Took Place in 15,000 Years Ago? Tokyo: National Museum of Japanese History, 2009. 187 p. (In Japanese).

Gibbs K., Jordan P. A Comparative Perspective on the 'Western' and 'Eastern' Neolithics of Eurasia: Ceramics, Agriculture and Sedentism // Quaternary International. 2016. V. 419. Pp. 27–35.

Hinata Caves. Archaeological Research on the Incipient and Initial Jomon Period. Yamagata: Tohoku University of Art and Design, 2019. (In Japanese with English Summary).

Ikawa F. The Continuity of Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan // Arctic Anthropology. 1964. V. 2. Pp. 95–119.

Kaner S., Taniguchi Y. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York : Springer, 2017. Pp. 321–345.

Keally C.T., Taniguchi Y., Kuzmin Y.V. Understanding the Beginnings of Pottery Technology in Japan and Neighboring East Asia // The Review of Archaeology. 2003. V. 24. P. 3–14.

- Lithic Assemblage from Western Terrace of Hinata Cave. V. I: Spear Points Workshop in the Incipient Jomon. Sendai : Tohoku Gakuin University, 2006. 136 p. (In Japanese with English Summary)
- Morisaki K., Natsuki D. Human Behavioral Change and the Distributional Dynamics of Early Japanese Pottery // *Quaternary International*. 2017. V. 441. P. 91–101.
- Mikoshiha Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period. Shimaki Shoseki Publishing Center, 2008. (In Japanese with English Summary).
- Miyazaki H., Keally C.T. A Terminal Pleistocene Salmon-Fishing and Lithic Worksite at Maeda Kochi, Tokyo, Japan // *Current Research in the Pleistocene*. 1986. V. 3. P. 96–97.
- Morisaki K., Oda N., Kunikita D., Sasaki Y. Sedentism, Pottery and Inland Fishing in Late Glacial Japan: a Reassessment of the Maedakochi Site // *Antiquity*. 2019. V. 93. Pp. 1442–1459.
- Morse E. Traces of Early Man in Japan // *Nature*. 1877. V. 17. P. 89.
- Nanatsuguri Site. Excavation of a Late Palaeolithic and Early Jomon Site. Shinano-machi Board of Education, 2008. 72 p. (In Japanese with English Summary).
- Odai-Yamamoto I Site Excavation Team. Archaeological Research at the Odai Yamamoto I Site. Tokyo : Odai-Yamamoto I Site Excavation Team, 1999. 114 p. (In Japanese).
- Omoto K., Takeishi K., Nishida S., Fukui J. Calibrated ¹⁴C Ages of Jomon Sites, NE Japan, and Their Significance // *Radiocarbon*. 2010. V. 52, №2–3. Pp. 534–546.
- Sato H., Natsuki D. Human Behavioral Responses to Environmental Conditions and the Emergence of the World's Oldest Pottery in East and Northeast Asia: an Overview // *Quaternary International*. 2017. V. 441(B). Pp. 12–28.
- Shimamura O., Toya K., Tanaka K., Nakamura Y., Mochizuki A., Tsutsumi T. Kokajihara site Karasawa B Site: Transitional Lithic Industries of the Terminal Upper Palaeolithic to the Incipient Jomon // *Archaeological Monographs*. Shimae Shoseki Publishing Center, 2009. 69 p. (In Japanese with English Summary)
- Sugihara S. Radiocarbon Dating on Archaeological Materials from Natsushima Shell Mound in Kanagawa Prefecture // *Sundaishigaku*. 1962. V. 12. Pp. 119–22. (In Japanese)
- Tsutsumi T. Origins of Pottery and Human Strategies for Adaptation During the Termination of the Last-Glacial Period in the Japanese Archipelago // *The Origins of Pottery and Agriculture*. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 2002. Pp. 241–262.
- Tsutsumi T. MIS3 Edge-ground Axes and the Arrival of the first Homo sapiens in the Japanese Archipelago // *Quaternary International*. 2012. V. 248. Pp. 70–78.
- Yamanouchi S. Classification and Subclassification of Jomon Pottery // *Prehistoric Archaeology*. 1937. V. 1. Pp. 28–32. (In Japanese)
- Yanshina O. V. The Earliest Pottery of the Eastern Part of Asia: Similarities and differences. *Quaternary International*. 2017. V. 441. Pp. 69–80.

A.V. Tabarev¹, T.A. Gavrulina², K.A. Litvinova²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

INCIPIENT JOMON, JAPANESE ARCHIPELAGO: CHRONOLOGY AND SOME PECULIARITIES OF THE LITHIC TOOL-KIT

Jomon is the Neolithic epoch on the Japanese Islands. It is dated between 13800–2400 BP and is divided into six periods. During the first period – *Incipient Jomon* (13800–10000 BP) – along with the appearance of the most ancient pottery the significant changes in the stone tool-kit took place; the Paleolithic blade and microblade techniques disappeared; hunting weapon modified with the wide utilization of bows and arrows; bifacial points evolved; a number of wood-working tools, including the instruments with ground edge appeared. At the same time there appeared local peculiarities of stone assemblages which are visible between northern and southern, inland and coastal parts of the archipelago. Lithic experimental researches help to figure out the specific of the various techniques and labor expenditures during the wood-working tools making and the efficiency of their use. By the end of this period (about 10000 BP) the stone tool-kit acquired features that are characteristic of the entire subsequent Jomon epoch.

Key words: Japanese Archipelago, Incipient Jomon, chronology, lithic tool-kit, technology

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903.02(571.150)

К.Ю. Кирюшин¹, А.В. Онников², А.А. Тишкин¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Бийское отделение РГО, Рубцовск, Россия

ОРУДИЯ НА ОТЩЕПАХ С ПОСЕЛЕНИЯ РУБЦОВСКОЕ (из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска)

В настоящее время в Краеведческом музее г. Рубцовска хранится крупная коллекция находок с поселения Рубцовское. Основная часть собрания происходит из сборов на разрушенной части поселения, которые осуществлялись одним из авторов статьи с 2002 по 2012 г. Этот материал существенно дополняет ранее опубликованные артефакты. Он насчитывает 719 экземпляров, из которых к продуктам первичного расщепления относятся 23 предмета, орудийный набор составляет 436 изделий, а остальное является отходами производства. В данной статье представлены и анализируются орудия на отщепах. Рассматриваются некоторые аспекты, связанные с пониманием всей коллекции, отличительной особенностью которой является большое количество комбинированных орудий. Скорее всего, это было связано с дефицитом каменного сырья. Скребки сложных форм с режущими и «прокалывающими» кромками, резцы на обломках рубящих орудий придают особый колорит орудийному набору с памятника. В составе собрания присутствуют изделия, характерные для неолитических культур Средней Азии и Казахстана. Коллекции Краеведческого музея г. Рубцовска расширяют имеющиеся представления о составе каменной индустрии памятника, прежде всего об орудийном наборе.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, Рубцовское, поселение, каменные артефакты, отщепы, орудийный набор, систематизация, неолит, энеолит

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-12

Введение

В МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска (Россия, Алтайский край) хранятся коллекции находок с поселения Рубцовское, которое обнаружено в мае 1991 г. одним из авторов статьи в окрестностях указанного города, на правом берегу р. Алей, в зоне строительства водопровода и шламопровода. В следующем году на небольшой песчаной гриве между дачным поселком и восточным берегом оз. Дерябинского был заложен разведочный раскоп, который дал небольшое количество археологических материалов [Тишкин, 1995]. После обработки и публикации находки переданы в местный музей. Артефакты, полученные в ходе сборов в 1990-е гг., поступили в Алтайский государственный университет и в обобщенном виде введены в научный оборот [Кунгуров и др., 1999]. В 2000 г. небольшие раскопки на памятнике проводил А.В. Шмидт [2005].

В последующий период (с 2002 по 2012 г.) осуществлялись сборы подъемного материала. Сформировавшаяся коллекция была передана в 2015 г. А.В. Онниковым в фонды Краеведческого музея г. Рубцовска. Эти находки необходимо было идентифицировать и детально описать для музейной работы (учет, хранение, экспозиционно-выставочная и другая деятельность), а также для введения в научный оборот. В результате получена обширная информация, требующая дальнейшего оформления и осмысления. Цель настоящей статьи – на фоне всего собрания каменного инвентаря представить и охарактеризовать только орудия на отщепах.

Следует отметить, что археологический памятник, датируемый периодом неолита – энеолита, по-прежнему находится в аварийном состоянии и никак не охраняется. Ситуацию усугубил предпринятый в 2018 г. демонтаж уложенных ранее труб. В этих разрушениях обнаружены многочисленные артефакты, свидетельствующие об уничтожении культурного слоя поселения на значительной территории [Кирюшин и др., 2019].

Характеристика анализируемых материалов

Коллекция каменных артефактов, хранящаяся в Краеведческом музее г. Рубцовска и полученная в результате сборов на территории поселения Рубцовское в 2002–2012 гг., насчитывает 719 экз. (табл. 1), из них продукты первичного расщепления – 23 экз. (3,2% от всех имеющихся каменных артефактов), орудийный набор – 436 экз. (60,64%), отходы производства – 260 экз. (36,16%).

Таблица 1

Состав каменной индустрии поселения Рубцовское (материалы из коллекции Краеведческого музея г. Рубцовска, сборы А.В. Онникова 2002–2012 гг.)

Виды изделий	Количество	%
I. Первичное расщепление	23	3,20
1. Куски породы со сколами	1	0,14
2. Пренуклеусы	1	0,14
3. Нуклеусы	8	1,11
4. Обломки нуклеусов	2	0,28
5. Технические сколы с нуклеусов	11	1,53
II. Орудийный набор	436	60,64
1. Орудия на пластинах	184	25,59
2. Орудия на технических сколах с нуклеусов	1	0,14
3. Орудия на отщепах	245	34,08
4. Рубящее изделие с подшлифовкой	1	0,14
5. Абразив	1	0,14
6. Индивидуальные изделия	4	0,56
III. Отходы производства	260	36,16
1. Осколки	4	0,56
2. Отщепы:	182	25,31
– первичные	5	0,70
– вторичные	14	1,95
– обычные	163	22,67
3. Чешуйки	55	7,65
4. Фрагменты пластин:	16	2,23
– проксимальные фрагменты	7	0,97
– дистальные фрагменты	9	1,25
5. Сколы со шлифованных изделий:	3	0,42
– мелкие	3	0,42
Итого:	719	100

Орудия на отщепах составляют 245 артефактов. Это наиболее существенная категория в составе орудийного набора исследуемой коллекции (табл. 2). Она представлена скребками (66 экз. – 26,94%; здесь и далее в абзаце проценты даны с учетом только всех орудий на отщепах. – *Авт.*), тремя скобелями (1,22%), одним скреблом (0,41%), двумя остриями (0,82%), семью проколками (2,86%), шестью резцами (2,45%), 14 наконечниками стрел (5,71%), четырьмя долотовидными орудиями (1,63%), тремя вкладышами (1,22%), 130 отщепами с ретушью (53,06%) и девятью обломками орудий (3,67%).

Отщепы с ретушью – 130 экз., выявлены первичные, вторичные и обычные (без желвачной корки или поверхности плитки). Имеются мелкие артефакты (от 1 до 3 см), средние (от 3 до 5 см) и крупные (свыше 5 см). Из первичных отщепов четыре оказались мелкими, один средний и один крупный. Все вторичные отщепы (9 экз.) – мелкие. Обычных отщепов зафиксировано 108 экз., из них 99 мелких, восемь средних и один крупный. Сколы со шлифованных изделий с ретушью составили семь мелких экземпляров.

Таблица 2

Орудийный набор каменной индустрии поселения Рубцовское (материалы из коллекции Краеведческого музея г. Рубцовска, сборы А.В. Онникова 2002–2012 гг.)

Орудийный набор	Шт.	%
I. Орудия на пластинах	184	42,20
1. Пластины с ретушью	109	25
2. Острия	6	1,38
3. Резцы	12	2,75
4. Резчики	2	0,46
5. Скребки	5	1,15
6. Геометрические микролиты	3	0,69
7. Усеченные пластины	47	10,78
II. Орудия на технических сколах с нуклеусов	1	0,23
1. Орудия на пластинчатых отщепях	1	0,23
III. Орудия на отщепях	245	56,19
1. Скребки	66	15,14
2. Скобели	3	0,69
3. Резцы	6	1,38
4. Скребла	1	0,23
5. Острия	2	0,46
6. Проколки	7	1,61
7. Отщепы с ретушью	130	29,82
8. Долотовидные орудия	4	0,92
9. Наконечники стрел	14	3,21
10. Вкладыши	3	0,69
11. Обломки орудий	9	2,06
IV. Рубящее изделие с подшлифовкой	1	0,23
V. Абразив	1	0,23
VI. Индивидуальные изделия	4	0,92
Итого:	436	100

Скребки являются второй по численности группой изделий среди орудий на отщепях (66 экз.). Они отличаются большим разнообразием типов (рис. 1.-1-18).

Концевые скребки – 11 экз. (рис. 1.-3). Рабочие края расположены на дистальных концах отщепов. Они выпуклые, сделаны дорсальной, распространенной, модифицирующей, разнофасеточной и чешуйчато-ступенчатой ретушью. Рабочий угол оформлен у пяти изделий крутой ретушью, а у шести – полукрутой.

Концевые-боковые скребки – 6 экз. Рабочие края у них расположены на дистальном и боковом краях заготовок. Выделяются удлиненные (рис. 1.-2, 17) и укороченные орудия. У четырех изделий рабочий край на дистальном конце выпуклый (рис. 1.-2), у одного он прямой (рис. 1.-17), а еще у одного – скошенный. Рабочие края на дистальном конце у пяти находок оформлены дорсальной крутой ретушью (рис. 1.-2), у одного – вертикальной, модифицирующей, разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой (рис. 1.-17). Боковые грани у трех орудий обработаны двусторонней дорсальной ретушью, у одного – односторонней дорсальной, а еще у одного – односторонней вентральной. У четырех изделий ретушь краевая, линейная, мелкая, полукрутая (рис. 1.-2). У одного скребка этой группы одна из боковых граней оформлена дорсальной, полукрутой, захватывающей, модифицирующей, разнофасеточной ретушью, а другая – дорсальной, вертикальной, модифицирующей и чешуйчато-ступенчатой (рис. 1.-17). На последней кромке хорошо заметны следы сработанности, характерные для скобелей. Данную находку вполне можно отнести к числу комбинированных орудий (скребок-скобель).

Веерообразные скребки – 6 экз., пять из них выполнены на вторичных отщепах (рис. 1.-1) и только один – на обычном. Рабочие края расположены на дистальном конце заготовки, они оформлены модифицирующей, полукрутой или притупляющей, чешуйчато-ступенчатой дорсальной ретушью (рис. 1.-1). Особенно специфичен веерообразный скребок, у которого в точке сопряжения рабочей кромки и боковой грани мелкой дорсальной, модифицирующей ретушью сделана выемка, образующая еще одну рабочую кромку, которую иногда называют когтевидным выступом (рис. 2.-1). Можно констатировать, что ретушью оформлена выемка, образующая «плечико», характерное для проколов. Данное изделие вполне можно отнести к комбинирован-

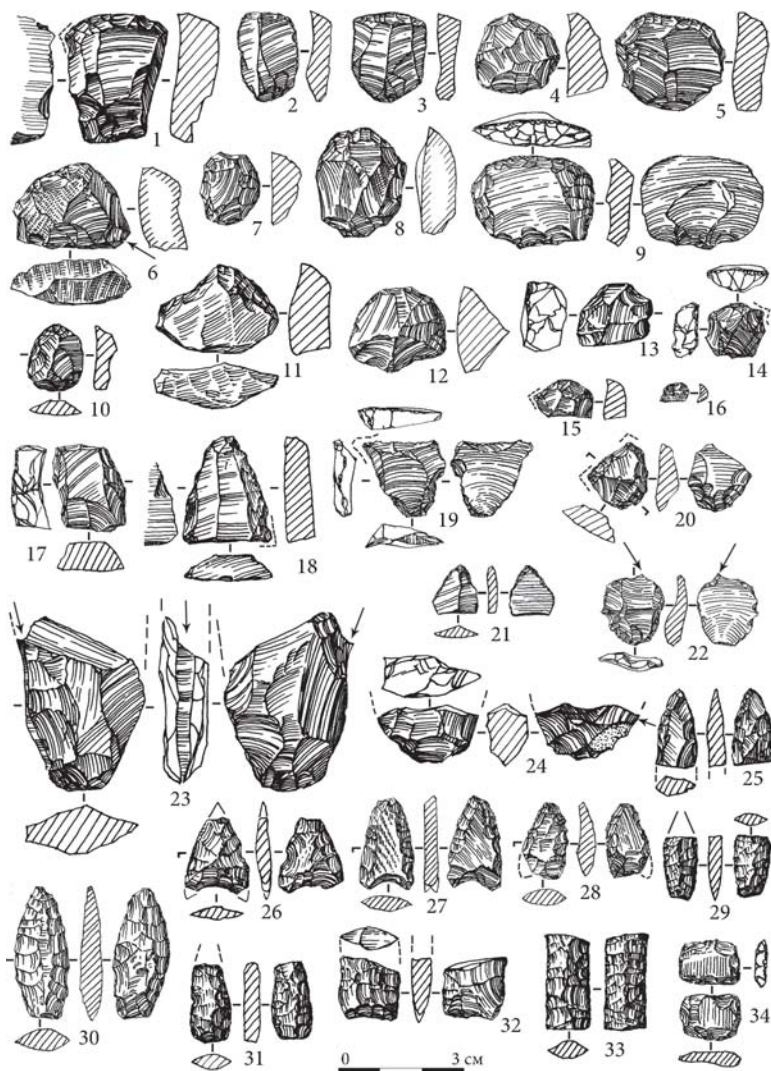

Рис. 1. Поселение Рубцовское. Каменные орудия на отщепах: 1-18 – скребки; 19, 21 – острия; 20 – проколка; 22-24 – резцы; 25-31 – наконечники стрел; 32-33 – фрагменты вкладышей; 34 – вкладыш (геометрический микролит) (рисунки подготовлены А.Л. Кунгуровым)

ным орудиям (скребок-проколка). Оно пока является единичным. Но с возможным накоплением фактического материала следует подумать о выделении отдельного типа или подтипа в составе орудийного набора, обнаруженного на памятнике.

Мини-скребки – 5 экз. Выделяются в отдельную категорию из-за своих размеров (от 1 до 1,3 см), выполнены на обычных отщепах. Выпуклый рабочий край у данного типа скребков занимает от 2/3 до 3/4 периметра заготовки. Он оформлен дорсальной, модифицирующей, мелкой разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Особенно выделяется мини-скребок, у которого в точке сопряжения рабочей кромки и боковой грани мелкой дорсальной и модифицирующей ретушью оформлено острие (рис. 1.-15).

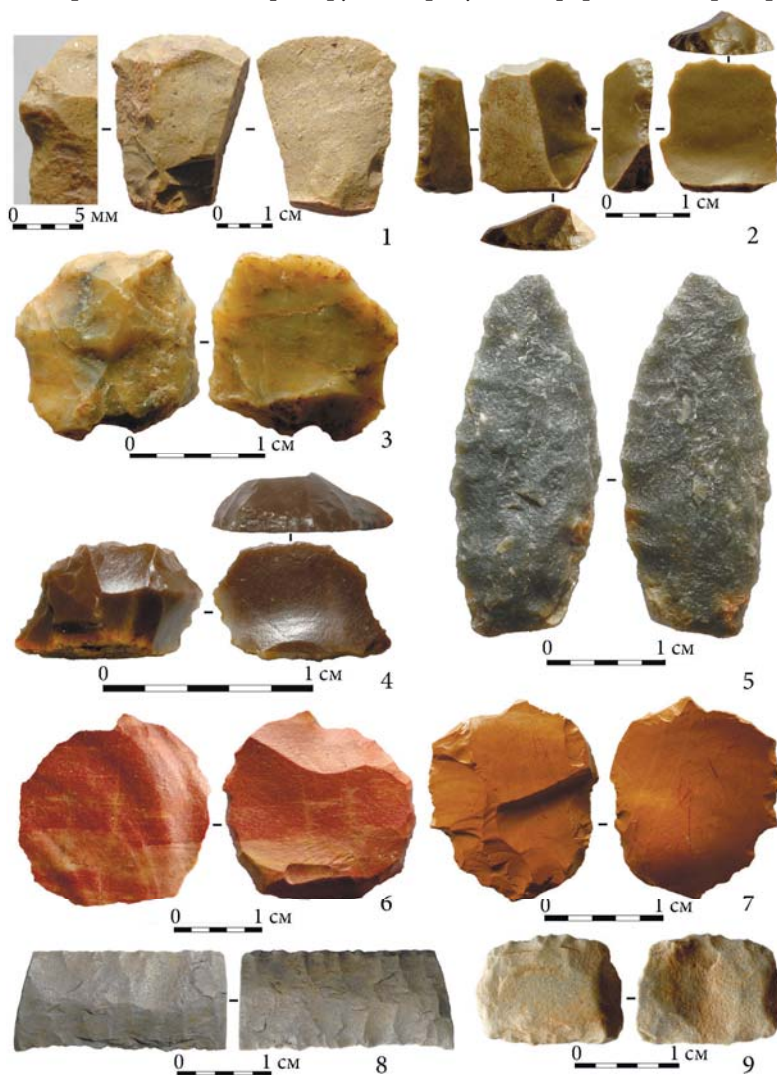

Рис. 2. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты: 1 – скребок веерообразный; 2 – скребок квадратный; 3 – скребок «с носиком»; 4 – микроскребок; 5 – наконечник стрелы; 6 – скребок-проколка; 7 – резец; 8 – фрагмент вкладыша; 9 – вкладыш (геометрический микролит) (фотоснимки выполнены К.Ю. Кирюшиным)

Овальные (круглые) скребки – 4 экз., для них использовались три обычных отщепа (рис. 1.-4, 7), а для одного – первичный. Рабочие края выпуклые. Они занимают весь периметр заготовок и оформлены дорсальной, модифицирующей ретушью (у двух – краевой, равнофасеточной, а у двух – плоскостной, разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой). У всех таких орудий рабочий угол полукрутой.

Полуовальные скребки – 3 экз., выполнены на обычных отщепах (рис. 1.-5, 6, 9). Рабочий край занимает от 1/3 до 3/4 периметра заготовки. Он выпуклый и оформлен дорсальной, модифицирующей, краевой, разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Рабочий угол у двух орудий крутой (рис. 1.-5, 6), а у одного – полукрутой (рис. 1.-9). У одного изделия с вентральной стороны имеется резовый скол (рис. 1.-6).

Квадратные скребки – 3 экз. Они выполнены на первичном, вторичном (рис. 2.-2) и обычном отщепах. Выделяется скребок на вторичном отщепах, являющийся своеобразным вариантом концевой боковой скребка с двумя обработанными торцами. Торцы оформлены дорсальной, краевой, модифицирующей, разнофасеточной, мелкой чешуйчато-ступенчатой ретушью (с одной стороны крутой, а с другой – вертикальной). Боковые грани сделаны дорсальной, краевой, разнофасеточной, мелкой и субпараллельной ретушью. С одной стороны использовалась литейная ретушь, а с другой – модифицирующей ретушью оформлена небольшая выемка, образующая небольшой шип, или когтевидный выступ (рис. 2.-2).

Скребки с плечиками – 2 экз. Оба выполнены на обычных укороченных отщепах. На дистальном конце заготовки дорсальной ретушью фиксируются две сопряженные рабочие кромки, одна из которых выпуклая, а вторая имеет вид выемки. Первая рабочая кромка оформлена крутой, мелкой и средней субпараллельной ретушью, а вторая – вертикальной, мелкой и средней чешуйчато-ступенчатой (рис. 1.-11). На вогнутой кромке прослеживаются следы работанности, характерные для скобелей.

Стрельчатые скребки – 3 экз. Они выполнены на обычных отщепах. В одном случае отщеп мелкий и тонкий, а дистальные края слабо конвергентны. Узкий выступающий рабочий край, характерный для данного типа изделий, оформлен бифасиальной, захватывающей, полукрутой, субпараллельной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис. 1.-10). Два изделия выполнены на более массивной заготовке (рис. 1.-18). Рабочий край обработан бифасиальной, захватывающей и полукрутой, а в дистальной части – вертикальной, субпараллельной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. У одного изделия на одной из рабочих кромок в проксимальной части вертикальной ретушью оформлен резчик (рис. 1.-10).

Скребки с выемками – 4 экз. (рис. 1.-12–13). Три из них выполнены на обычных отщепах (рис. 1.-12), а один – на вторичном (рис. 1.-13). Рабочие кромки сделаны дорсальной, захватывающей, модифицирующей полукрутой или крутой субпараллельной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью, а выемки – вертикальной, чешуйчато-ступенчатой.

Скребок «с носиком» – 1 экз. (рис. 2.-3). Выполнен на обычном отщепах. Это своеобразный вариант овального круглого скребка, у которого вертикальной дорсальной ретушью оформлен выступ – «носик».

Скребок-проколка – 1 экз. (рис. 2.-6). Этот артефакт особенно интересен. Он представляет собой овальный (округлый) скребок. Большая часть рабочей кромки изделия обработана дорсальной, краевой, полукрутой, модифицирующей, мелкой и средней, субпараллельной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Вертикальной с дорсальной стороны и полукрутой ретушью с вентральной у данного орудия оформлена рабочая кромка, характерная для проколов (рис. 2.-6).

Двойные скребки – 2 экз. (рис. 1.-8). Выполнены на обычных отщепах. Рабочие кромки расположены на противоположных краях заготовок. Оформлены дорсаль-

ной, полукрутой, модифицирующей, мелкой и средней, субпараллельной, а местами чешуйчато-ступенчатой ретушью.

Скошенные скребки – 3 экз. Характерной особенностью орудий данного типа является лезвие, расположенное асимметрично оси заготовки. Два изделия выполнены на обычных отщепках, а один – на вторичном. Рабочие кромки у двух изделий оформлены полукрутой, а у одного – плоской ретушью. У одного изделия рабочая кромка выполнена на брюшке. В коллекции присутствуют четыре скребка случайной (аморфной) формы и два обломка скребков.

Микроскребок – 1 экз. (рис. 1.-16). Это один из наиболее важных артефактов в составе орудийного набора памятника. Его размеры 0,7×0,6 см. Стоит отметить, что сколы размерами менее 1×1 см исследователи традиционно относят к отходам производства – чешуйкам. У данного артефакта модифицирующей ретушью обработано около 1/2 периметра, а на 1/3 прослеживаются следы сработанности (выкрошенности), свидетельствующие об его использовании в качестве орудия (рис. 2.-4). Скребок сложной формы. В принципе, его можно отнести к комбинированным изделиям, так как на одной из его граней выполнена типичная асимметричная проколка (рис. 2.-4). Со стороны вентральной поверхности хорошо заметен ударный бугорок. На ударной площадке прослеживается естественная поверхность камня.

Наконечники стрел – 14 экз. (рис. 1.-25–31). В коллекции есть два целых наконечника. Один из них – подтреугольной формы с выемкой в основании (рис. 1.-27), а другой – листовидный, бесчерешковый, удлинённой формы, с прямым насадом (рис. 1.-30; 2.-5). Еще у двух наконечников имеются небольшие сколы, но хорошо прослеживаются все формообразующие признаки. Это наконечники подтреугольной формы с выемкой в основании (рис. 1.-26, 28). В коллекции присутствуют фрагменты листовидных наконечников с прямым насадом – 5 экз. (рис. 1.-29, 31). Встречены также обломки пера и остря – 5 экз.

Проколки – 7 экз. Одна проколка двойная (рис. 1.-20), остальные ординарные (рис. 3.-1). Шесть выполнены на обычных мелких отщепках, одна – на обломке орудия (рис. 3.-1).

Остря – 2 экз. (рис. 1.-19, 21). Выполнены на обычных мелких отщепках. Рабочие кромки оформлены дорсальной (рис. 1.-19) либо двусторонней (рис. 1.-21), краевой, модифицирующей, мелкой ретушью: плоской (рис. 1.-21) или вертикальной (рис. 1.-19).

Резцы – 6 экз. (рис. 1.-22–24; 2.-7). Два изделия с долей условности можно отнести к орудиям на отщепках. На обломке рубящего (?) орудия с подшлифовкой выполнен продольный резцовый скол (рис. 1.-23). На части бифасиально обработанного изделия сделан поперечный (трансверсальный) резцовый скол (рис. 1.-24). На обычном мелком отщепе подготовлен срединный резец (рис. 1.-22; 2.-7). Из таких же заготовок выполнены срединные многофасеточные резцы-дрилы.

Долотовидные изделия – 4 экз. Из них три орудия оказались с одним рабочим краем, а одно – с двумя (рис. 3.-3).

Выемчатые скребки – 3 экз. Они оформлены на обычных мелких отщепках.

Вкладыши – 3 экз. (рис. 1.-32–34; 2.-8–9). Это достаточно редкий вид изделий в составе орудийного набора исследуемой коллекции и составляет всего 0,69% (табл. 2). Находки представлены двумя обломками (рис. 1.-32–33; 2.-8) и одним целым изделием (рис. 1.-34; 2.-9). В составе данной категории орудий представлены изделия разных типов. Они немного различаются размерами и, судя по всему, пропорциями. Полностью сохранившееся изделие имеет форму прямоугольника (рис. 1.-34; 2.-9). У одного из обломков края параллельные (рис. 1.-33; 2.-8), а у другого параллельные края практически под прямым углом сопряжены с торцом изделия (рис. 1.-32). У полностью сохранившегося артефакта не про-

считается ударный бугорок, на поверхности не прослеживаются негативы предыдущих снятий. На дорсальной поверхности хорошо заметны следы от шлифования, а на вентральной – следы заглаженности и затертости. Края изделия обработаны двусторонней ретушью: краевой, полукрутой, мелкой разнофасеточной и ступенчатой – с дорсальной стороны; захватывающей, стелющейся, мелкой и средней ступенчатой – с вентральной. Торцы изделия оформлены дорсальной, краевой, крутой, модифицирующей, мелкой, с одной стороны параллельной, а с другой – субпараллельной ретушью. Данное изделие можно рассматривать как геометрический микролит, выполненный на обломке шлифованного изделия (рис. 1.-34; 2.-9). Поверхность сохранившихся обломков полностью покрыта двусторонней, покрывающей, плоской, модифицирующей, средней и мелкой, многорядной, субпараллельной и ступенчатой ретушью (рис. 1.-32-33; 2.-8).

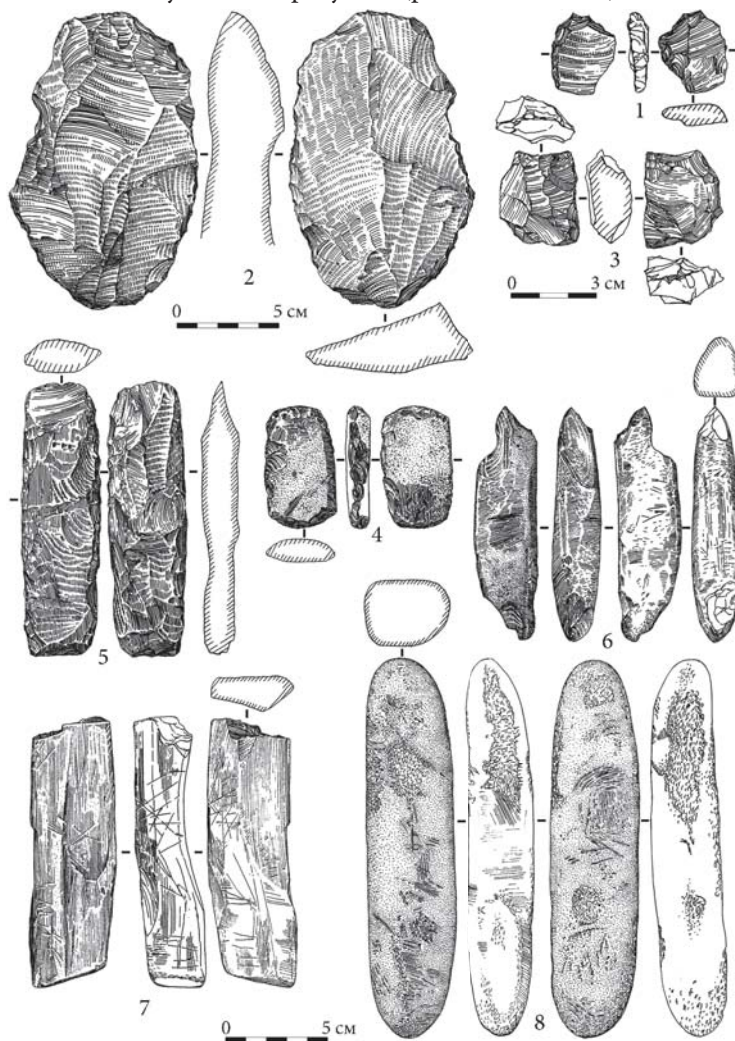

Рис. 3. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты: 1 – проколка; 2 – скребло; 3 – долото; 4, 8 – комбинированное орудие отбойник-абразив; 5 – рубящее изделие (топор) с подшлифовкой; 6 – комбинированное орудие отбойник-абразив-сверло; 7 – абразив (рисунки подготовлены А.Л. Кунгуровым)

В коллекции присутствует одно простое, продольное, выпуклое скребло (рис. 3.-2), которое выполнено на крупном обычном отщепе. Рабочий край оформлен бифасиальной, краевой, полукрутой, модифицирующей, протяженной, разнофасеточной, средней, субпараллельной ретушью, а с вентральной стороны – краевой, прерывистой, плоской и средней.

Обломки орудий – 9 экз. Это невыразительные находки, не позволяющие определить тип орудия.

В составе орудийного набора присутствуют шесть изделий, выполненные не на отщепках, а на гальках или специальных заготовках. Есть смысл рассмотреть их также в данной статье.

Рубящее изделие со следами подшлифовки (рис. 3.-5; 4.-2-3) выполнено из темно-серого алевролита (глинистый сланец?). Рабочая кромка орудия сколота, и точно определить его тип (топор или долото) невозможно.

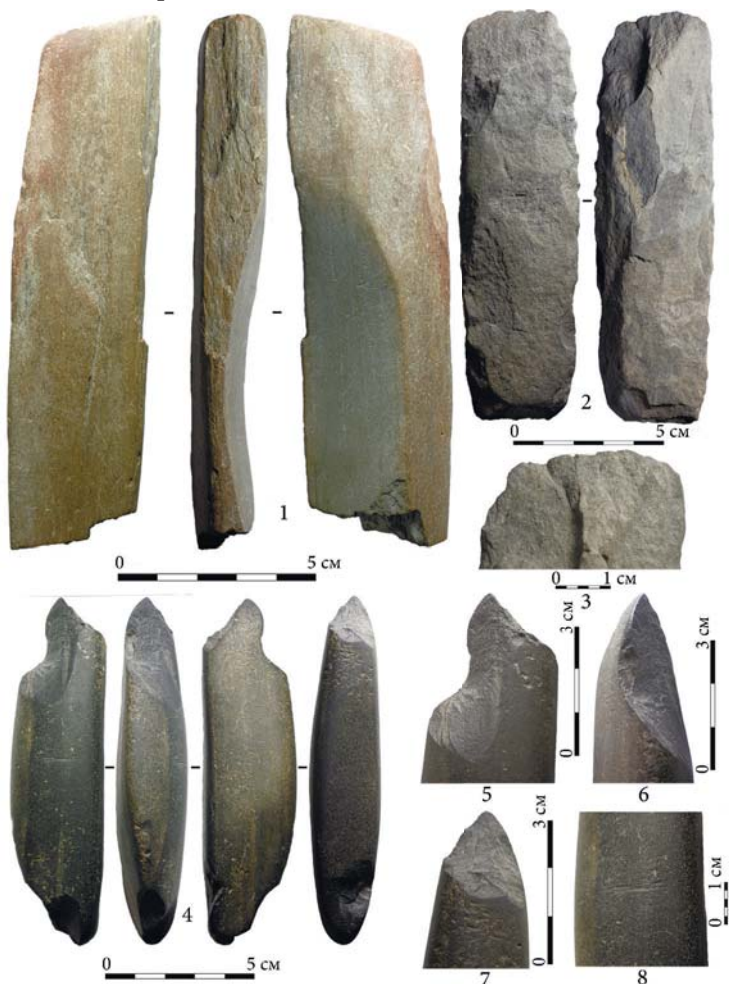

Рис. 4. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты: 1 – абразив; 2 – рубящее изделие (топор?) с подшлифовкой; 3 – фрагмент рабочей части рубящего изделия (топора?) с подшлифовкой; 4 – комбинированное орудие (абразив, отбойник, сверло); 5-7 – комбинированное орудие (абразив, отбойник, сверло), рабочая поверхность сверла; 8 – комбинированное орудие (абразив, отбойник, сверло), поперечные следы на уплощенной поверхности гальки (фотоснимки выполнены К.Ю. Кирюшиным)

Очень выразителен абразив (рис. 3.-7; 4.-1). О том, что изделие долгое время находилось в эксплуатации, свидетельствует выемка на рабочей грани. Типология подобных изделий в научной литературе не разработана и диагностирующие признаки не описаны. Создается устойчивое впечатление, что сработанность рабочего края могла образоваться при регулярном затачивании металлического ножа.

Четыре изделия, выполненные на гальках, отнесены к индивидуальным находкам (рис. 3.-4, 6, 8; 4.-4). Каждое из них является комбинированным орудием. На всех имеются следы забитости, свидетельствующие о применении их в качестве отбойников или ретушеров. Также видны следы залощенности или подшлифовки, указывающие на использование в качестве абразива. Наиболее своеобразно одно из орудий (рис. 3.-6; 4.-4), на котором помимо упомянутой сработанности имеются следы (рис. 4.-5–8), позволяющие предположить, что артефакт является частью стационарного приспособления для сверления. Изделие (довольно крупное и массивное) выполнено из продолговатой гальки, подтреугольной в сечении. На одном из краев имеются следы забитости, а противоположному краю серией крупных и мелких сколов придана заостренная форма (рис. 4.-5–7). В результате этого образовалась рабочая поверхность, морфологически близкая «проколкам». Следы лощения рабочей кромки (рис. 4.-6) свидетельствуют об интенсивном использовании орудия. Поперечные следы на поверхности гальки (рис. 4.-8), скорее всего, являются свидетельством фиксации орудия в специальном зажиме (муфте?). В пользу последнего предположения свидетельствуют хорошо заметные результаты интенсивного лощения граней гальки.

Обсуждение представленных материалов

Анализ коллекции Краеведческого музея г. Рубцовска, сформированной из сборов 2002–2012 гг., дополняют и расширяют уже имеющиеся представления о составе каменной индустрии поселения Рубцовское. В одной из предыдущих публикаций уже отмечалось, что типология скребков «...исключительно разнообразна и требует отдельного исследования», «...часть этих орудий имеет достаточно оригинальные формы... и является комбинированными орудиями с режущими и «прокальвающими» кромками [Кунгуров и др., 1999, с. 60]. Все процитированное характерно и для вышерассмотренной коллекции. В ней выделяются скребки сложных форм с плечиками (рис. 1.-11), с выемками (рис. 1.-12, 13), «с носиком» (рис. 2.-3). Остается вопрос, являются ли скребки-проколки (рис. 1.-1; 2.-1, б) устойчивыми типами или это изделия случайных форм. При продолжении работ с археологическими коллекциями поселения Рубцовское не исключено выделение скребков с режущими и «прокальвающими» кромками в отдельную категорию комбинированных орудий.

Как уже отмечалось, найденный микроскребок (рис. 1.-16; 2.-4) – одно из наиболее необычных изделий в орудийном наборе представленной коллекции поселения Рубцовское. Микроскребки размерами до 1,5×1,5 см (или резчики-скобели [Коробкова, 1969, с. 136, рис. 33.-50, 51]) в значительных количествах представлены в каменных индустриях джейтунской и кельтеминарской культур Средней Азии [Коробкова, 1969, с. 141].

Достаточно информативно рубящее орудие с подшлифовкой (рис. 3.-5; 4.-2). Данное изделие выполнено из камня очень низкого качества (мягкий, хрупкий, легко крошится, имеет слоистую структуру, которая хорошо заметна невооруженным глазом). Во многих местах заметны трещины и наметившееся расслаивание изделия (рис. 4.-3). Крупные сколы на рабочей кромке, вероятно, связаны с попыткой использовать данный

предмет по прямому назначению в качестве ударного орудия. Наличие микротрещин на рабочей кромке не вызывает сомнений в том, что при продолжении использования в качестве рубящего орудия несколько ударов должны были привести к разрушению артефакта. Можно констатировать, что орудие изготовлено из камня, изначально не обладающего необходимыми физическими свойствами. В научной литературе неоднократно отмечалось, что типология и классификация каменного инвентаря и определение функционального назначения каменных артефактов – это разные научно-исследовательские процедуры. Морфология каменных артефактов не всегда совпадает с функциональным назначением. В материалах поселения Усть-Нарым (Восточный Казахстан) найдено тесло, «...сделанное из темно-зеленого кремнистого сланца» [Коробкова, 1969, с. 157]. Трасологический анализ позволил установить, что после повреждения тесло использовалось в качестве скобеля. Скорее всего, изделие с поселения Рубцовское изначально не планировалось в качестве рубящего орудия. Остается надеяться, что будущие трасологические исследования позволят установить его функциональное назначение и разобраться с причинами, определившими выбор породы камня для изготовления данного артефакта. Не вызывает сомнений, что вся коллекция каменных орудий, найденных на поселении Рубцовское, требует специального трасологического изучения.

Создается устойчивое впечатление, что часть наконечников стрел из рассматриваемой коллекции сделана достаточно небрежно. Можно констатировать, что одно из изделий выполнено на достаточно массивной заготовке, немного изогнутой в продольном сечении (рис. 1.-28). Аэродинамические характеристики его далеки от идеала. Еще у одного наконечника стрелы насад немного скошен, перо слегка асимметрично, об окончании острия можно говорить с достаточной степенью условности, так оно тоже «скошено» (рис. 1.-30; 2.-5). Вполне вероятно, что данные изделия не являются наконечниками. Примеры, когда бифасы листовидной и удлиненной формы являлись вкладышами составного орудия, известны в материалах неолитических могильников Средней Ангары [Окладников, 1975, с. 215, табл. 46].

Среди каменных находок рассматриваемой коллекции достаточно много орудий, выполненных на обломках других орудий (рис. 1.-23–24; 3.-1). Крупные изделия из галек являются комбинированными артефактами (рис. 3.-4, 6, 8).

В составе отходов каменной индустрии выделяется группа сколов от шлифованных изделий (табл. 1) и мелкие сколы со шлифованных изделий с ретушью. Как уже отмечалось, в одной из работ, посвященных анализу техники первичного расщепления камня поселения Рубцовское [Тишкин и др., 2018], подобные артефакты отмечены как одна из особенностей памятника. Они являются «сколами-заготовками». Часть шлифованных орудий на поселении Рубцовское выполнена именно на них. У подобного скола после небольшой подшлифовки вентральной стороны получалось лезвие.

Уже неоднократно отмечалось, что в районах, удаленных от источников сырья, даже отходы от изготовления орудий сами по себе являлись вторичной сырьевой базой [Толпеко, 1999, с. 65]. Такие наблюдения были сделаны М.Н. Комаровой [1956] при анализе каменной индустрии с поселения Киприно (территория Верхнего Приобья). По ее мнению, большое количество «...осколков от шлифованных орудий, поломанные и изношенные орудия использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения» [Комарова, 1956, с. 94–96]. Резцы на обломках рубящих изделий (рис. 1.-23, 24) и проколка на обломке орудия (рис. 3.-1) являются хорошим подтверждением наблюдений, сделанных М.Н. Комаровой [1956] для поселенческих комплексов Верхнего Приобья.

В составе орудий на отщепях каменной индустрии поселения Рубцовского из рассмотренной коллекции Краеведческого музея г. Рубцовска большой процент изделий составляют отщепы с ретушью. Это может объясняться случайными причинами (сборы с разрушенной части памятника, небольшая выборка и др.). Но, скорее всего, данная ситуация свидетельствует о дефиците каменного сырья, заставляющем население, оставившее памятник, эффективно использовать имевшиеся ресурсы.

Заключение

Стоит отметить, что процесс изучения материалов памятника Рубцовское надо продолжить. Необходимо трасологическое изучение коллекции каменных изделий. Такая работа была предпринята лишь для очень ограниченной части находок (см. например: [Тишкин, 1995]). Целый ряд артефактов свидетельствует об их длительном использовании, что позволяет выдвинуть предположение о стационарном характере поселения. Проверить это суждение можно будет в ходе раскопок.

Особенностью рассматриваемой коллекции является большое количество комбинированных орудий из камня. Скорее всего, это связано с дефицитом исходного сырья. Скребки сложных форм, с режущими и «прокальвающими» кромками, резцы на обломках рубящих орудий придают особый колорит орудийному набору памятника. В составе находок присутствуют изделия, характерные для неолитических культур Средней Азии и Казахстана, а также находящиеся аналогии в Прибайкалье, на Нижней и Средней Ангаре. Определение места памятника в кругу синхронных комплексов юга Западной Сибири и Алтая только начинается, хотя на этот счет уже высказаны некоторые соображения [Кунгуров и др., 1999; Шмидт, 2005; Тишкин и др., 2018; и др.]. При этом стоит отметить, что окончательное решение проблем, обозначенных в статье, невозможно без продолжения раскопок на поселении Рубцовское и обобщения всех полученных данных. Важным является получение радиоуглеродных датировок.

Стоит надеяться, что результаты, представленные в данной статье, будут востребованы специалистами-археологами, а также сотрудниками Краеведческого музея г. Рубцовска при учете фондов, а также при формировании экспозиции.

Библиографический список

- Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Новые разрушения на поселении Рубцовское: необходимость сборов подъемного материала и аварийных исследований // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. Вып. XXV. С. 91–97.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л. : Наука, 1969. 214 с. (МИА. №158).
- Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 58–63.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск : Наука, 1975. 318 с.: ил.
- Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул : [Б.и.], 1995. С. 30–35.
- Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 68–88.
- Толпек И.В. Еще раз к вопросу о комплексном анализе каменного инвентаря // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 64–66.
- Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

References

- Kiryushin K.Yu., Onnikov A.V., Tishkin A.A. Novye razrusheniya na poselenii Rubcovskoe: neobxodimost' sborov pod'emnogo materiala i avarij issledovaniy [New Destruction at the Rubtsovskoye Settlement: the Need for Lifting Material Collection and Emergency Research]. Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraja. 2019. Vyp. XXV [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. 2019. Issue. XXV]. Pp. 91–97.
- Komarova M.N. Neolit Verhnego Priob'ya [Neolithic of the Upper Ob Area]. KSIIMK. 1956. Issue 64. Pp. 93–103.
- Korobkova G.F. Orudiya truda i hozyajstvo neoliticheskikh plemen Srednej Azii [Tools and Economy of the Neolithic tribes of Central Asia]. L. : Nauka, 1969. 214 p. (MIA. №158).
- Kungurov A.L., Onnikov A.V., Tishkin A.A. Kamennaya industriya epohi neolita s poseleniya Rubcovskoe [Stone Industry of the Neolithic Era from the Rubtsovskoye Settlement]. Problemy neolita-eneolita yuga Zapadnoj Sibiri [Problems of the Neolithic-Eneolithic South of Western Siberia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1999. Pp. 58–63.
- Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki Srednej Angary (ot ust'ya r. Beloj do Ust'-Udy) [Neolithic Sites of the Middle Angara (from the mouth of the Belaya River to Ust-Uda)]. Novosibirsk : Nauka, 1975. 318 p.
- Tishkin A.A. Poselenie Rubcovskoe v pojme r. Alej [The Rubtsovskoye Settlement in the Floodplain of the Alei River]. Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraja. Vyp. V, ch. 2 [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Vol. V, Part 2]. Barnaul : [B.i.], 1995. Pp. 30–35.
- Tishkin A.A., Kiryushin K.Yu., Shmidt A.V. Tehnika pervichnogo rasshchepleniya kamnya na poseleonii Rubcovskoe (yug Zapadnoj Sibiri) [The Technique of Primary Stone Splitting at the Rubtsovskoye Settlement (south of Western Siberia)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 68–88.
- Tolpeko I.V. Eshche raz k voprosu o kompleksnom analize kamennogo inventarya [Once Again to the Question of a Comprehensive Analysis of Stone Equipment]. Problemy neolita-eneolita yuga Zapadnoj Sibiri [Problems of the Neolithic-Eneolithic South of Western Siberia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1999. Pp. 64–66.
- Shmidt A.V. Neolit Priob'skogo plato: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Neolithic of the Priob'sky Plateau: Sunopsis of Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 2005. 24 p.

K.Yu. Kiryushin¹, A.V. Onnikov², A.A. Tishkin¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Biysk Branch of the Russian Geographical Society, Rubtsovsk, Russia*

STONE TOOLS ON FLAKES FROM THE RUBTSOVSKOYE SETTLEMENT (based on the collections of “Museum of Local Lore” in Rubtsovsk)

Currently, a large lithic collection from the Rubtsovskoye settlement is stored in the Regional Museum of Rubtsovsk. The main part of the exhibits come from the collections on the destroyed part of the settlement, which taken by one of the authors of the article from 2002 to 2012. This material significantly supplements the previously published artifacts. It has 719 pieces: 23 primary cleavage products, 436 items of the tool kit, and the rest is production debris. In the article we present and analyze tools on flakes. Consideration is given to some aspects related to understanding the entire collection, a distinctive feature of which is a large number of combined tools. Most likely, this was due to a shortage of raw materials. Scrapers of complex shapes with cutting and “piercing” edges, cutters on the fragments of chopping tools give a special flavor to the tool kit from the site. The collection contains items characteristic of the Neolithic cultures of Central Asia and Kazakhstan, and also the items having analogies in the Baikal region, in the Lower and Middle Angara. The collections of the Museum of Local Lore in Rubtsovsk expand the existing ideas about the composition of the stone industry of the site and, above all, about the tool kit.

Key words: south of Western Siberia, Rubtsovskoye, settlement, stone artifacts, flakes, tool kit, systematization, Neolithic, Eneolithic

УДК 903.22(575.4)

А.О. Сопиев

Государственный музей Туркменистана, Ашхабад

МЕЧ ИЛИ КОПЬЕ?

(об одном экспонате Государственного музея Туркменистана)

Среди многочисленных археологических находок из неолитического поселения Кара-депе в Южном Туркменистане выделяется одно необычное медное изделие, обнаруженное в 1952 г. профессором Б.А. Куфтиным и традиционно считавшееся древним мечом со спиралевидной рукоятью. Однако морфологический анализ изделия и его реконструкция, предпринятая автором, показывают, что изначально это был иной вид оружия – тяжелое копье для ведения пешего и дистанционного боя. В статье детально описывается этот музейный предмет, включая размеры, особенности и химический состав сплава, из которого он изготовлен. Приведены аналогии синхронных изделий из соседних и отдаленных территорий, обосновывается действительное предназначение данного оружия. Приводятся также другие данные об исследованиях анауской археологической культуры Южного Туркменистана и ее связи с цивилизацией Древнего Шумера. Отдельное внимание уделено технологии древней металлообработки и некоторым результатам ее изучения.

Ключевые слова: Государственный музей Туркменистана, Кара-депе, анауская культура, медный меч, копье, Древний Шумер

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-13

Введение

В 1955 г. в фонды Ашхабадского историко-краеведческого музея поступило медное изделие в виде меча со спиралевидной рукоятью, найденное в ходе раскопок на неолитическом городище Кара-депе (рис. 1). Этот памятник находится в Ахалском велаяте (области) Туркменистана в 4 км к северу от железнодорожной станции Артык (N – 37° 34' 51"; E – 59° 20' 18"). Огромный распластанный холм занимает 15 га. В течение нескольких полевых сезонов он был объектом систематических раскопок одного из отрядов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Шурфовка памятника дала материалы со времени возникновения поселения до поры его гибели. В общей стратиграфической колонке юга Средней Азии культурные слои Кара-депе соответствует нижним слоям Анау-IB и Анау-II (или Намазга-IB, Намазга-II и Намазга-III). Городище чрезвычайно богато керамикой, в нем найдено большое количество погребений с различными приношениями: бытовой посудой и орудиями труда, оружием, украшениями, терракотовыми статуэтками. Среди находок отмечены медные, бронзовые, костяные и каменные орудия и предметы [Массон, 1961].

В полевом сезоне 1952 г. вместе с отрядом ЮТАКЭ работал профессор Б.А. Куфтин. Он и обнаружил холодное оружие, изготовленное из цветного металла, определенное как меч [Шишкин, 1981, с. 93]. К сожалению, вскоре Б.А. Куфтин трагически погиб. Рассматриваемая находка была опубликована уже после его смерти [Куфтин, 1954, с. 28]. В полевом отчете археолог отметил стратиграфическое положение, метрические данные и определил функциональное назначение обнаруженного предмета. По стратиграфической шкале это изделие отнесено к периоду Намазга-III, что соответствует концу IV – 1-й трети III тыс. до н.э. Весь найденный материал отнесен к анауской культуре [Куфтин, 1956, с. 279–283]. Открытым оставался вопрос о происхождении металлического оружия.

Естественных месторождений меди в Южном Туркменистане нет. Предположительно руда завозилась в древности из северных провинций Ирана. На самом поселе-

Рис. 1. Холм Кара-депе. Фото автора

нии металлургических мастерских не обнаружено, но остатки шлаков в окрестностях Кара-депе были найдены [Шишкин, 1981, с. 97]. Имеются спектральные и структурные исследования древней меди, относящейся к анауской культуре [Черных, 1962, с. 30–37]. Но данный «меч» по какой-то причине не вошел в список изученных предметов, хотя на нем хорошо виден след от отбора образца. В составе выявленных медных изделий полностью отсутствует олово. Данный факт свидетельствует о том, что найденные предметы нельзя относить к бронзовому периоду. В них присутствует 3% сложных по составу естественных примесей. Исходным материалом для изготовления изделий служила металлургическая медь [Черных, 1962, с. 32].

Основной целью данной публикации является не только детальное представление редкой находки древнего предмета вооружения и его идентификация, но и анализ полученных результатов рентгенофлуоресцентного тестирования, в ходе которого и был обозначен вопрос, указанный в названии статьи.

Материал и методы исследований

В настоящее время рассматриваемое изделие (рис. 2), обозначенное как «меч», хранится в Государственном музее Туркменистана (г. Ашхабад) под номерами ÖWS-85, КЕК-7081 и располагается в экспозиции. Его общая длина составляет 53,5 см, а при развернутой «спирали» – 68 см. Вес 1,53 кг. Длина клинка 44 см. Рукоять сделана в виде необычного спиралевидного завершения. Черен (круглый в сечении и сужающийся к концу) имеет диаметр в самом начале 2,3 см. В конце этого стержня оформлен небольшой загиб. Клинок в сечении ромбовидный, его размеры у пяты – 3,4×2,5 см.

Для определения химического состава сплава, из которого было изготовлено рассматриваемое оружие, использовался портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США) в комплекте с испытательным стендом и карманным переносным компьютером. Анализ осуществлен в 2020 г. приглашенным исследователем А.А. Тишкиным (Алтайский государственный университет, г. Барнаул), который высказал сомнения по поводу идентификации музейного экспоната, указав на схожесть его с копьем*. Сначала

* Автор выражает благодарность А.А. Тишкину за предоставленные результаты и конструктивное обсуждение экспоната.

Рис. 2. Виды изделия в трех проекциях.
Фото автора

тельствуют, что оружие было медным, а другие выявленные элементы демонстрируют наличие рудных примесей и окислов.

Сделанные определения и возникшие вопросы потребовали уточнений и поиска объяснений.

Обсуждение результатов

Что касается технологии работы с медью, то следует иметь в виду, что древним металлургом была известна техника литья, отжига иковки. Сначала отливалась болванка в каменной форме, максимально приближенная к конечному изделию. На поселении обнаружены такие формы, но для отливки булавок [Шишкин, 1981, с. 97]. Затем по мере надобности изделие ковали в холодном состоянии и доводили до нужной формы. Послековки металл приобретал напряжение и становился крепким, но хрупким. Чтобы снять напряжение, предмет отжигали, подвергали температурной обработке [Черных, 1962, с. 36]. Использование перечисленных выше приемов обработки металла позволяет сделать вывод, что металлургия на Кара-депе носила уже не зачаточный

им тестировалась поверхность древнего изделия, покрытая окислами. Получены такие показатели: Cu (медь) – 99,24%; As (мышьяк) – 0,36%; Pb (свинец) – 0,17%; Fe (железо) – 0,13%; Ni (никель) – 0,1%. Затем дважды в разных местах изучался участок, где механическим путем были удалены поверхностные следы коррозии. В результате выявлены следующие элементарные ряды:

- Cu – 98,67%; As – 0,91%; Fe – 0,17%; Pb – 0,14%; Ni – 0,11%;
- Cu – 98,03%; As – 1,21%; Fe – 0,49%; Pb – 0,19%; Ni – 0,08%.

Они отличаются от предыдущего заключения небольшим увеличением мышьяка.

Как уже было отмечено, ранее древнее оружие уже становилось предметом отбора пробы для спектрального анализа. В месте перехода пера в черен имеется глубоко высверленное отверстие. Но результаты исследований не опубликованы, и автору они неизвестны. Это место также тестировалось указанным выше прибором. Зафиксирован следующий состав внутри изделия: Cu – 99,18%; As – 0,49%; Fe – 0,22%; Pb – 0,11%. Он аналогичен предыдущим результатам при уменьшении количества мышьяка и отсутствии никеля.

Все полученные результаты свиде-

характер [Черных, 1962, с. 38]. Небольшое количество находок из меди объясняется большой ценностью металла в те времена. В случае порчи либо старения орудий труда металл отправлялся на вторичную переплавку [Куфтин, 1956, с. 283].

Рассматривая экспонат, можно заметить, что спиральное завершение на рукояти меча внешне смотрится нелогичным и функционально неоправданным. Закрученный стержень, по-видимому, более позднего происхождения. На это косвенно указывает небольшой изгиб на клинке. Подобный дефект мог образоваться при упоре, когда происходило закручивание спирали. Учитывая большую нехватку металла в тот период, можно предположить, что это была попытка поменять внешний контур предмета для вторичного использования. Изменение внешних размеров меча могло понадобиться, например, для укладки его в тигель при дальнейшей переплавке.

Если мысленно развернуть спираль и представить себе, что стержень является хвостовиком меча, то в этом положении длина рукояти меча оказывается 23 см, что соответствует двум хватам руки. Получается, что клинок длиной 44 см совершенно не пропорционален по отношению к рукояти (рис. 3). Например, клинок более поздних двуручных мечей превышает 100 см. Т.е. нет никакой необходимости делать рукоять в два хвата для столь короткого клинка. Такая рукоять меча абсолютно не эргономична. Параметры ромбовидного сечения клинка также не соответствуют более плоскому сечению стандартных мечей. Для выполнения рубящих действий необходим более плоский клинок. При таких параметрах сечения этот вид холодного оружия, видимо, следует относить к группе колющих изделий. Другой вид оружия, более подходящий к данному предмету, – это копье (рис. 3).

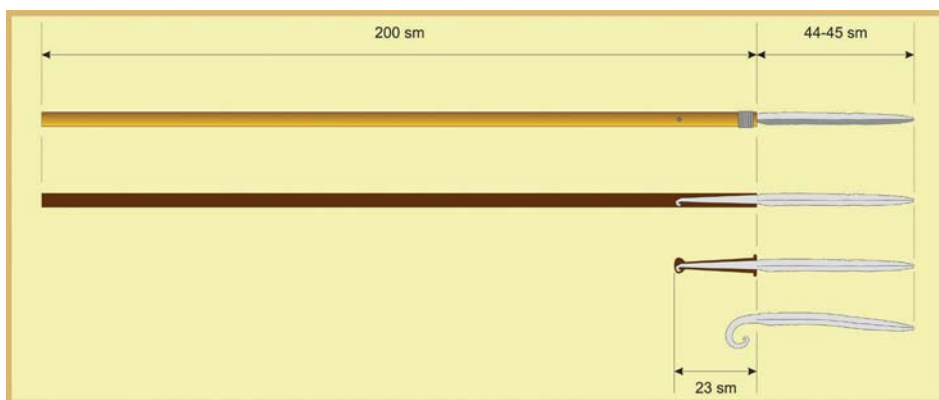

Рис. 3. Реконструкция монтажа наконечника копья на древке. Рисунки автора

Подобный вид тяжелого копья использовался в Древнем Шумере. Связи шумерской и анауской культур Южного Туркменистана хорошо известны [Массон, 1962, с. 12]. Шумерское копье – это двухметровое древко с тяжелым медным наконечником, ими были вооружены в основном пехотинцы. На древних рельефах видно, как пехота, вооруженная тяжелыми копьями, идет в атаку (рис. 4). Передняя шеренга несет высокие ростовые щиты, прикрывая идущих следом копейщиков. Тяжелые копья также использовались на боевых четырехколесных колесницах, запряженных конями. На колеснице находились возница и копейщик с набором копий (рис. 5). Модели глиняных четырехколесных повозок были найдены на раскопках Алтын-депе в Южном Туркменистане [Массон, 1981, с. 88].

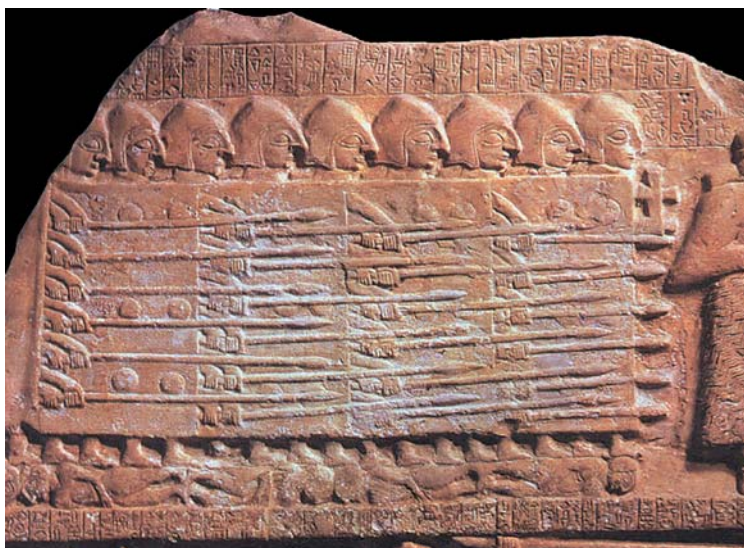

Рис. 4. Фрагмент так называемой «стелы коршунов» шумерского царя Эанатума. Ок. 2500 г. до н.э. Париж, Лувр. (по: [Die Kulturen..., 2000, S. 31])

Рис. 5. Фрагмент «штандарта» из Ура. Ок. 2600 г. до н.э. Лондон, Британский музей:
<http://8ancienthistoryknwcs.blogspot.com/p/mesopotamia.html>

Что касается нашего наконечника копья (если это действительно копье. – А.С.), то его монтаж осуществлялся следующим образом. Стержень наконечника насаживался в предварительно подготовленное отверстие на конце древка. На конце стержня наконечника имеется небольшой загиб в виде крючка, в который затем вставлялась шпилька и фиксировала наконечник на древке от выпадения. Возможно, дополнительно древко связывалось сухожилием для более надежной фиксации (рис. 3).

Заключение

С учетом сделанных наблюдений и приведенных данных становится очевидным, что хорошо известный музейный экспонат функционально не может относиться к рубящим видам оружия. Скорее всего, он является колющим и был изначально тяжелым копьем для ведения пешего и дистанционного боя. Данное обстоятельство меняет ситуацию с представлением археологической находки в экспозиции.

Библиографический список

Куфтин Б.А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау // Известия Академии наук Туркменистана. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1954. №1. С. 22–29.

Куфтин Б.А. О работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1956. Т. VII. С. 260–290.

Массон В.М. Кара-депе у Артыка // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961. Т. X. С. 319–463.

Массон В.М. Восточные параллели убейдской культуры // Краткие сообщения Института археологии. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. Вып. 91. С. 3–13.

Массон В.М. Алтын-Депе // Труды ЮТАКЭ. Л. : Наука, 1981. Т. XVIII. 176 с.

Черных Е.Н. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры // Краткие сообщения Института археологии. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. Вып. 91. С. 30–38.

Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. М. : Наука, 1981. 208 с.

Die Kulturen der Alten Welt – Die ersten Städte und Staaten / by Göran Burenhult (Leitender Herausgeber). Augsburg : Published by Bechtermünz, 2000. 240 S.

References

Kuftin B.A. Raboty YuTAKE v 1952 g. po izucheniyu kul'tur Anau [UTAKE Activities in 1952 on the Study of the Anau Cultures]. Izvestiya Akademii nauk Turkmenistana [News of the Academy of Sciences of Turkmenistan]. Ashkhabad : Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoy SSR, 1954. №1. Pp. 22–29.

Kuftin B.A. O rabote XIV otryada YuTAKE po izucheniyu pervobytnoobshchinnih osedlozemledel'cheskih poselenij epohi medi i bronzy v 1952 g. [About the Work of the XIV Detachment of UTAKÉ on the Study of Primitive Communal Sedentary-farming Settlements of the Copper and Bronze Era in 1952]. Trudy YUTAKE [Proceedings of UTAKÉ]. Ashkhabad : Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoy SSR, 1956. T. VII. Pp. 260–290.

Masson V.M. Kara-depe u Artyka [Kara-depe at Artyk]. Trudy YuTAKE [Proceedings of the Utake]. Ashkhabad : Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoy SSR, 1961. Vol. 10. Pp. 319–463.

Masson V.M. Vostochnye paralleli ubejdskej kul'tury [Eastern Parallels of the Ubeyd Culture]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. Issue 91. Pp. 3–13.

Masson V.M. Al'tyn-Depe [Al'tyn-Depe]. Trudy YuTAKE [Proceedings of UTAKÉ]. L. : Nauka, 1981. Vol. XVIII. 176 p.

Chernyh E.N. Nekotorye rezul'taty izucheniya metalla anauskoj kul'tury [Some Results of the Study of Metal of the Anau Culture]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1962. Issue 91. Pp. 30–38.

Shishkin I.B. U sten velikoj Namazgi [At the walls of the great Namazgi]. M. : Nauka, 1981. 208 p.

Die Kulturen der Alten Welt – Die ersten Städte und Staaten / by Göran Burenhult (Leitender Herausgeber). Augsburg : Published by Bechtermünz, 2000. 240 S.

A.O. Sopiev

State Museum of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

A SWORD OR A SPEAR?

(about one exhibit of the State Museum of Turkmenistan)

Among the numerous archaeological finds from the Eneolithic settlement of Kara-Depe in Southern Turkmenistan, there is one unusual copper product discovered in 1952 by Professor B.A. Kuftin. Traditionally it was considered an ancient sword with a spiral handle. However, the morphological analysis of the product and its reconstruction, undertaken by the author, show that originally it was a different type of weapon – a heavy spear for conducting foot and remote combat. The article describes in detail this Museum item, including the dimensions, features and chemical composition of the alloy from which it was made. Analogies of synchronous products from neighboring and remote territories are given, and the actual purpose of this weapon is proved. Other data on the research of the Anau archaeological culture of Southern Turkmenistan and its connection with the civilization of Ancient Sumer are also provided. Special attention is paid to the technology of ancient Metalworking and some results of its study.

Key words: State Museum of Turkmenistan, Kara-Depe, Anau culture, copper sword, spear, Ancient Sumer

УДК 069:902(571.1)

А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОПИСЬ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ТЮРОК АЛТАЯ (по материалам Государственного исторического музея)*

Результаты Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного исторического музея и Государственной академии истории материальной культуры, полученные на Алтае в 1935 и 1937 гг., до сих пор полностью не введены в научный оборот, хотя неоднократно использовались во многих научных трудах. Этот объемный материал происходит из раскопок памятников в зоне строительства Чуйского тракта и важен для изучения исторического прошлого региона. Часть объектов, исследованных под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой, относится к тюркскому времени. Обнаруженные в них находки хранятся в Государственном историческом музее (г. Москва), некоторые размещены в основной экспозиции. Полное представление о составе коллекции дает имеющаяся опись находок, ставшая источником для написания данной статьи. При этом основное внимание уделено лишь отдельным комплексам, которые демонстрируются в качестве примеров. Изучение всей коллекции необходимо продолжить, учитывая архивные сведения и опубликованные работы.

Ключевые слова: Саяно-Алтайская археологическая экспедиция, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Государственный исторический музей, коллекционная опись, тюркское время, конское снаряжение, орудия труда, украшения

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-14

Введение

В 1930-е гг. в ходе строительства на Алтае Чуйского тракта привлекались археологи, которые должны были обследовать зону дороги от Бийска до Кош-Агача для выявления, охраны и изучения «памятников старины». В 1935 г. эта работа проводилась под руководством С.В. Киселева на основании договора с Центральным управлением шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Цудортранс) [Китова, 2007, с. 106–107]. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного исторического музея и Государственной академии истории материальной культуры провела обширные изыскания и раскопки двумя отрядами [Марсадалов, 1996, с. 23–24; Китова, 2007, с. 107–109; Тишкина, 2010, с. 188–189; и др.]. В ходе масштабных исследований памятников разных исторических периодов получены важные археологические материалы, которые лишь частично введены в научный оборот [Киселев, 1936, 1941, 1949, 1951; Евтюхова, Киселев, 1941; и др.]. Отчетные материалы отложились в архивах. Так, например, важным источником информации является «Альбом работ Алтайской археологической экспедиции ГАИМК и Цудортранса» за 1935 г., который находится в Научном архиве ИИМК РАН [Тишкина, 2010, с. 189, рис. 91–116]. Там имеется карта с маршрутом экспедиции, а также отмечены места деятельности обоих отрядов. Определенную ценность представляют сформированные и подписанные фотоиллюстрации. Они существенно дополняют текстовую часть отчета, которая также имеется в Научном архиве ИИМК РАН и практически полностью опубликована [Евтюхова, Киселев, 1941].

К сожалению, монографическое издание с детальным представлением каждого объекта, раскопанного на Алтае в 1930-е гг., и обнаруженного там комплекса предметов не

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

состоялось. Это существенно затрудняет понимание всех полученных результатов. Отдельные материалы использовались С.В. Киселевым [1949, 1951] при изложении «Древней истории Южной Сибири». Но из-за формата издания там они представлены практически без должного соответствия с комплексами находок из конкретного кургана и описаниями, сделанными в ходе полевых исследований. Указанные и другие обстоятельства, вероятнее всего, не позволили в дальнейшем широко использовать сделанные открытия в практике исследовательской деятельности. А часть сведений до сих пор остается неизвестной.

Археологические находки, полученные в ходе работ названной экспедиции, хранятся в фондах ГИМа (г. Москва), некоторые можно увидеть в основной экспозиции. Особое значение для восстановления реальной картины полученных результатов раскопок каждого объекта и для их детального изучения имеют коллекционные описи. Они могли составляться самим С.В. Киселевым, который являлся сотрудником музея и имел все необходимые компетенции, либо такая работа осуществлялась под его руководством. Эти коллекционные описи имеются в разных вариантах (рукописные и печатные), они существенно дополняют уже опубликованные сведения и архивные данные, хотя не исключены моменты некоторых несоответствий. Актуальным остается введение в научный оборот материалов каждого кургана, исследованного на Алтае. Задачей данной статьи не является публикация коллекционных описей и всех музейных предметов, представленных в них. Это большая и длительная работа, которую необходимо провести совместно с сотрудниками ГИМа и при учете всех имеющихся источников и публикаций. Ей могут способствовать не только вышеуказанные архивные материалы, но и фонд С.В. Киселева, хранящийся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН (г. Москва), где имеется исходная экспедиционная документация. Основная цель данной статьи заключается в том, чтобы только на отдельных примерах продемонстрировать научно-исследовательский потенциал коллекционных описей при изучении курганов тюркского времени, раскопанных на Алтае.

Материалы и их обсуждение

Основным источником для намеченного исследования является «Коллекционный список №XXII/807–808. Отдел II археологический. Коллекция №78209. Раскопки Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГИМ и ГАИМК в 1935 г. под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой», который хранится в ГИМе. В нем дается перечень находок в соответствии с памятником и каждым объектом, с указанием наименования предмета и краткого описания, в котором конкретизируется положение находок при раскопках. Для демонстрации представляемого ниже материала приведены отдельные фотоиллюстрации*, полученные одним из авторов статьи при знакомстве с музейным собранием. Следует отметить, что, кроме указанного коллекционного списка имеются также листы, отпечатанные на машинке, в которых изложена аналогичная информация, а также даны сведения о других находках, в том числе полученных при раскопках в 1937 г. (инвентарный номер коллекции 79601).

В 1935 г. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция провела большие работы в предгорьях Алтая, а также в центре этого региона у с. Туяхта (Туехта / Туекта / Туэкта**) и на юго-востоке – в Курайской степи [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 75]. Уже в 1936 г.

* Приводимые фотоснимки даны лишь в качестве иллюстраций общего плана. Для более детальной демонстрации нужна специальная работа фотографа, а также графическая фиксация всех находок.

** Такие обозначения села можно обнаружить в опубликованных работах исследователей Алтая прошлого века. Имеющиеся разночтения наблюдаются и в настоящее время. Так, село называется Туекта (Онгудайский район Республики Алтай), а река, впадающая в Урсул, у этого населенного пункта, – Туэкта (см. Википедию). В рассматриваемых описях используется написание «Туехта» и «Туяхта».

С.В. Киселев опубликовал некоторые обобщенные результаты. Особое внимание он уделил наиболее ярким находкам тюркского времени, среди которых оказались изделия с нанесенными на них руническими надписями [Киселев, 1936]. Основные отчетные материалы изложены в вышеупомянутой статье [Евтюхова, Киселев, 1941], объем которой не позволил детально описать и продемонстрировать весь обширнейший материал. Сведения даны в обобщенном виде и разрозненно, что существенно затрудняет представления о целостности того или иного комплекса. Описаны лишь отдельные объекты. Более систематизированная работа была частично проведена с конкретными находками при составлении описей (полевых и музейных). В качестве примеров приведем разноплановую информацию, отметив информационный потенциал такой музейной документации, по отношению как к опубликованным материалам, так и к ранее неизданным.

При исследовании группы VI в Курайской степи (Курай-VI) был раскопан курган №1. В неоднократно упомянутой статье указывается, что там исследовано погребение рядовое и «женское», а также имеется краткое описание зафиксированных результатов и приводятся некоторые иллюстрации археологических предметов [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 95, 100–101, 103, рис. 21, 23–26]. Для более полной картины соотнесем обнаруженные находки с теми, которые зафиксированы под конкретными номерами в привлекаемой описи, и проиллюстрируем их цветными фотоснимками.

В камнях южной половины насыпи кургана №1 («...в 0,8 м от края на глубине 0,3 м») был обнаружен в комплекте «каменный округлый жернов из двух камней с отверстиями (в описи – №509)». Их рисунки с разрезами опубликованы с такой подписью: «Жернова ручной мельницы...» [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 21]. Этой находке в статье уделено особое внимание. Ниже представлено описание исследованного погребения (планы или фотоснимки кургана и могилы в статье отсутствуют): «В яме, покрытой накатом из листовых плах, на грунтовом дне, открыты костяки человека и лошади. Их разделяло сильно ислевшее березовое бревно. Женщина лежала вдоль северной стенки могилы головой на юг–юго-восток, вытянуто, на спине, с руками вдоль тела (левая кисть лежала на паху). При костяке было найдено: у левой стороны черепа – крестец барана и оборжавевший железный нож. Под подбородком – железный стержень. Под черепом 2 медных серьги (рис. 23) и остатки шелковой ткани. Вдоль левого бока – кости задней ноги барана.

Лошадь лежала вдоль левого бока женщины, за бревном, вдоль южной стенки могилы, хвостом на юг–юго-восток, на животе, с подогнутыми под туловище ногами, с мордой, повернутой на север.

При лошади оказались: в зубах железные двухсоставные удила с крупными вращающимися кольцами... (рис. 24). Около каждого кольца было по серебряной наременной крестовидной бляхе. Между ними поверх носа лошади шел ряд из трех круглых серебряных наременных бляшек. От удил под морду шел ряд из восьми, вдоль же правой щеки – из пяти таких же бляшек (рис. 25). У левого бока железное стремя с плоскостью сверху, у которого два отверстия-ушка; у правого бока железное стремя с выгнутой ушкой (рис. 26)... Под животом – железная пряжка подпружная. Под тазом – две костяные цурки...» [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 100–101, 103].

Представленное описание дополняют и корректируют сведения, зафиксированные в коллекционной описи. В ней указано, что «под головой человека» найдены «остатки ткани (№510)», но не уточняется, что это был шелк. Там же находилась «медная серьга с привеской, заканчивающаяся бусиной и с бусой сверху» – (№511) (рис. 1.-1). По поводу второго такого же вышеупомянутого изделия имеется следующая запись: «512. Кольцо от серьги

медной. Там же». «Железный оржавевший стерженек» (№513) располагался «под подбородком человека». Эту находку, лежавшую при осмотре в коробочке вместе с серьгой, трудно интерпретировать. Следующая порядковая запись такая: «514. Обломки железного пояса, 2 шт. Там же, слева от головы человека». В бумажной коробочке, находившейся внутри деревянного лотка, с привязанными бирками, на которых указано «Курай VI, к. 1, №514», лежали два железных предмета (рис. 1.-2, 3). Однако, судя по приведенному описанию погребения, слева от черепа были найдены крестец барана и нож. О поясе там вообще не было речи. Скорее всего, здесь закралась ошибка (опечатка). Должны быть указаны обломки железного ножа. И они там действительно есть (рис. 1.-4), но к ним прикреплена бирка с номером 512. Однако под этим номером записано другое изделие (кольцо от серьги медной, которое не удалось выявить). Тогда возникает вопрос по поводу железных изделий с номером 514 (рис. 1.-2, 3). В определенной мере данную ситуацию могут прояснить следующие две записи: «515. Удила железные двусоставные с крупными вращающимися кольцами, 1 шт. Там же, в зубах у лошади» и «516. Железные петли в виде восьмерки, 3 шт. Там же, у удила под мордой». В осмотренной коллекции удила с псалиями (рис. 1.-5) представлены на отдельном планшете, который ранее находился в экспозиции. В таком же виде они отражены в публикации [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24]. В указанной коробочке находился лишь один предмет с биркой, имеющей номер 516 (рис. 1.-6). Вероятнее всего, три изделия (рис. 1.-2, 3, 6) и являются «железными петлями». Данное заключение в определенной мере подтверждается упоминанием удила из кургана №1 памятника Курай-VI и рисунком, опубли-

Рис. 1. Курай-VI. Находки из кургана №1:
1 – цветной металл, стекло (?); 2-9 – железо; 10-11 – кость (рог?)

кованными А.А. Гавриловой [1965, с. 80, рис. 15.-3], где вместе с большими кольцами-псалями показаны восьмерковидные петли. Такой же комплект позднее обнаружен на Алтае в кургане №82 памятника Боротал-I [Кубарев, 2005, табл. 111.-1], а другой подобный зафиксирован в Туве (Уюк, курган №45) [Гаврилова, 1965, рис. 15.-2]. Однако с учетом других имеющихся модификаций [Илюшин, 2000, рис. II.-5] по отношению к находкам из Курая-VI необходимо уточнение, связанное с третьей деталью (рис. 1.-2), которая могла соединяться с внешним кольцом удила и находится рядом с одной восьмерковидной петлей. В таком виде к ней логично привязывать чумбур. При этом не стоит исключать, что в данном случае найдена рамка для пряжки или вообще могли быть иные комбинации использования трех этих находок (рис. 1.-2, 3, 6). Вышепредставленный вариант реконструкции еще не рассматривался. В определенной мере он не противоречит зафиксированной ситуации (как по контексту находок, так и по имеющейся сохранности их). Одна сломанная восьмерковидная петля (рис. 1.-6), вероятно, выпала из хорошо сохранившегося внешнего кольца удила (рис. 1.-5з). Вторая такая же, но целая деталь (рис. 1.-3) и третья (рис. 1.-2) могли оказаться отдельно из-за утраты части звена удила (рис. 1.-5в).

В последующих публикациях обычно учитывался или повторялся вариант из первоначальной статьи [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24] (см., например: [Горбунова, 2010, рис. 39]) или давалась прорисовка по иллюстрации из монографии А.А. Гавриловой [1965, рис. 15.-3] (см., например: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 24, табл.-4]). Следует также обратить внимание на то, что большие кольца-псалии на указанных графических прорисовках показаны витыми (ложновитыми), как на аналогичных изделиях из памятников, отнесенных к кызыл-ташскому этапу тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) [Тишкин, Серегин, 2011, с. 17–18, рис. 1.-10–12]. Указанное оформление просматривается и на приведенном фотоснимке (рис. 1.-5а–б). Подобные изделия в комплекте с удилами бытовали позже указанного кызыл-ташского периода. Корректируют датировку кургана №1 памятника Курай-VI обнаруженные там два разных стремена [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 26], которые будут представлены ниже. Пока же вернемся к узде.

«С левой и с правой стороны морды лошади» располагались «бляшки серебряные, низкопробные, круглые с четырехугольной выпуклой фигурой на лицевой стороне, каждая со шпёнком – №517–537». Эти изделия хорошей сохранности (рис. 2.-1–18, 20, 22–23). Вероятнее всего, они сделаны без использования серебра. Об этом косвенно свидетельствуют осуществленные рентгенофлуоресцентные анализы средневековых украшений конского снаряжения, найденных на Алтае [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009]. Для уточнения состава сплава требуется проведение специальных исследований. Вместе с предыдущими обнаружены две «крестообразные наременные бляхи – №538–539». Они выполнены из аналогичного цветного металла (рис. 2.-19, 21) и имеют следы железных окислов от шпёнков (штифтов). Среди перечисленных находок, связанных с украшением уздечных ремней, лежит фрагмент кожи (рис. 2.-24), скорее всего, от ремня, по понятным причинам не указанный в описи. Представленный набор украшений узды полностью уже публиковался в качестве одной из иллюстраций, демонстрирующих материальное проявление культуры тюрок [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 14]. В первоначальной статье даны прорисовки только двух блях [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 25]. Они, а также удила и представленное описание [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24, с. 101], как оказывается, не совсем точное, использовались при графическом воссоздании внешнего вида одного из вариантов конской узды раннетюркского времени [Горбунова, 2010, рис. 39]. Однако эта гипотетическая реконструкция требует уточнения не только из-за увеличившегося количества блях, но

и при внимательном прочтении текста описания (см. выше).

«Под животом лошади» обнаружена «пряжка железная» – №540 (рис. 1.-7). Она имеет свои специфические черты и является подпружной. У левого бока лошади найдено «стремя с плоским ушком и двумя отверстиями» – №541 (рис. 1.-8), а у правого – «стремя железное с выгнутым ушком» – №542 (рис. 1.-9). Эти находки также были закреплены вместе с вышеописанными удилами на демонстрационном планшете, на котором сохранилась этикетка: «Ойротская Авт. Обл. Кош-Агачский аймак, с. Курай Группа VI, курган №1 Раскопки С.В. Киселева...».

Они демонстрируют своеобразные и некоторые архаичные черты, но в целом отличаются от таких же изделий кызыл-ташкского этапа тюркской культуры [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 2] и применялись позднее [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, рис. 24]. Отдельного внимания заслуживает «стремя с плоским ушком и двумя отверстиями» (рис. 1.-8), аналогии которому известны за пределами Алтая [Тишкин и др., 2019, с. 309–310].

«Под тазом лошади» зафиксированы две «цурки костяные» – №543–544 (рис. 1.-10–11). Кроме перечисленных находок, в описи указаны «кости задней ноги барана» (№545), «костяк человека» (№546) и «костяк лошади» (№547). А вот отмеченный в описании могилы крестец барана отсутствует, возможно, из-за плохой сохранности.

Весь комплект изделий для снаряжения верховой лошади (рис. 1.-2–3, 5–11), а также украшения узды (рис. 2) важен для культурно-хронологической идентификации и характеристики материалов кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 10, 24].

При изучении памятника Туэкта (Туяхта/Туехта) была раскопана серия курганов, о которых частично было изложено в известных нам публикациях. В описи имеется перечень находок из кургана №9, который относится к периоду раннего Средневековья. Данный объект не представлен в рассмотренной статье Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева [1941]. Поэтому сведения о находках из него весьма актуальны. Так, в описи под номером 182 указан железный нож длиной 14 см, который числился в старом полевом списке под номером 190. Он обнаружен в грабительском ходе при снятии насыпи. В нижней части этого же грабительского хода оказался железный «топор пальштабовидный» (№183/191) длиной 14 см, шириной 4,5 см (рис. 3.-1). Там же находились «две пряжки округлые» из железа размерами 2,8×2 см, имеющие новые номера 184–185 (старые – №192–193), а также медная пряжка (рис. 3.-2) размерами 5,3×3 см (№186/194), «пряжка подпружная, с языком» (рис. 3.-3) из кости длиной 10 см, шириной 4,6 см (№187/195), «2 костылька-цурки» (№188–189 / 198–197) из кости длиной 9 и 8,3 см соответственно (рис. 3.-4–5), а также «буса цилиндрической формы» (рис. 3.-6) из рога длиной 3 см и диаметром 2 см (№190/198). Еще одна «пряжка подпружная с языком» (рис. 3.-7) зафиксирована «на месте северной лошади». Она оказалась длиной 9,3 см, шириной 4,5 см, была сделана из кости и обозначалась номерами

Рис. 2. Курай-VI, курган №1. Украшения конской узды: 1–23 – цветной металл, железо; 24 – кожа

Рис. 3. Туэкта. Находки из кургана №9:
1 – железо; 2 – цветной металл; 3–7 – кость (рог?)

191/199. В самом конце рукописной описи под номером 671 обозначен «мешочек кожаный в отдельных кусках» из кургана №9 (старый номер 200) из кургана №9 памятника Туэкта. Он был обнаружен «...у середины северной стенки могилы». Другие сведения отсутствовали. По всей видимости, их можно будет восстановить по архивным источникам. На данном этапе важно их продемонстрировать в рамках запланированного контекста.

Заключение

Представленные результаты дополняют имеющиеся сведения о тюркской культуре Алтая. Доступные материалы указанных памятников уже неоднократно становились предметом рассмотрения. В соответствии с современной культурно-хронологической схемой изучения раннесредневековой истории населения Алтая они относятся к выделенным этапам развития тюркской общности: кудыргинский, туэктинский и курайский [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 10–14, 24, 29–32]. Представленные в статье сведения и находки дополняют складывающуюся картину историко-культурного плана.

Есть смысл дать полный список объектов, которые встретились в описях музейных предметов: Туэкта (Туекта/Туяхта/Тухта), курганы №1–11; Туэкта (Туяхта), каменные кольца №1, 4, 5; Курота-I, курганы №1–3, 5–6; Курота-II, курганы №1–3, 5–6; Курота-III, курган №1; Курай-II, курган №4; Курай-III, курганы №1–5; Курай-IV (Тадила), курганы №1–3; Курай-V, курган №1; Курай-VI, курган №1; Курай-VI, круг; Курай-VII, круг. Они относятся к разным периодам древней и средневековой истории Алтая. Есть указание на покупку случайной находки: «Топор клиновидный с овальным отверстием для насаживания на топорнице, на тыльной части овальный выступ с 4-хугольным отверстием, из бронзы». Всего в осмотренном рукописном варианте коллекционного списка обозначено 647 номеров и предметов. Но это только часть, так как записи заканчиваются на памятнике Курота-III (курган №1) и на отмеченной случайной находке «топора». Сведения об остальных находках из перечисленных памятников представлены в машинописном варианте, один из которых посвящен перечню найденных вещей из драгоценных металлов, обнаруженных в 1937 г.

Намеченное направление исследований требует продолжения. Такая работа важна не только для археологов, но и для музейных работников. Четкая атрибуция и культурно-хронологическая идентификация предметов будет способствовать дальнейшему осмыслению и использованию находок в экспозиционно-выставочной деятельности. Также важно, чтобы все имеющиеся материалы были доступны для исследователей. Есть надежда, что музейные предметы из указанных памятников появятся на сайте ГИМа (<https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ>) и найдут отражение в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации.

Библиографический список

- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул : Азбука, 2010. 136 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул : Азбука, 2009. 144 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // Труды ГИМ. М. : Государственный исторический музей, 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 157–169.
- Киселев С.В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. 1936. Вып. I. С. 282–284.
- Киселев С.В. Курайская степь и Старо-Бардинский район. 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 298–304.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 272 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : Гос. Эрмитаж, 1996. 100 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Тишкин А.А., Филимонова Т.Г., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Шохидон – аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 304–311.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010. 286 с.

References

- Gorbunova T.G. Rekonstrukciya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotorye rezul'taty [Reconstruction of Horse Equipment of the Altai Medieval Nomads: Methodology and Some Results]. Barnaul : Azbuka, 2010. 136 p.
- Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Havrin S.V. Srednevekovye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altae: morfologicheskij analiz, tehnologii izgotovleniya, sostav splavov [Medieval Decoration of Horse Equipment in Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Techniques, Alloy Composition]. Barnaul : Azbuka, 2009. 144 p.
- Evtjuhova L.A., Kiselev S.V. Otchet o rabotah Sayano-Altajskoj arheologicheskoj ekspedicii v 1935 godu [Report on the Works of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935]. Trudy GIM [Transactions of GIM]. M. : Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 1941. Vyp. 16. Pp. 75–117.
- Ilyushin A.M. Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevnetyurkskoj istorii Sayano-Altaya [Kudyrge Burial Ground and Questions of the Ancient Turkic History of the Sayano-Altai]. Pamyatniki drevnetyurkskoj kul'tury v Sayano-Altai i Central'noj Azii [The Sites of Ancient Turkic Culture in the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 157–169.

Kiselev S.V. Sayano-Altajskaya arheologicheskaya ekspediciya 1935 g. [Sayano-Altai Archaeological Expedition of 1935]. Sovetskaya arheologiya. 1936. Vyp. I [Soviet Archaeology. 1936. Issue I]. Pp. 282–284.

Kiselev S.V. Kurajskaya step' i Staro-Bardinskij rajon. 1935 g. [Kuraj Steppe and Staro-Barda District. 1935]. Arheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. [Archaeological Research in the RSFSR 1934–1936]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1941. Pp. 298–304.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. 364 p. (MIA. №9).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p. (MIA. №9).

Kitova L.Yu. Istoriya sibirskoj arheologii (1920–1930-e gody): Izuchenie pamyatnikov epohi metalla [History of Siberian Archaeology (1920–1930s): The Study of the Metal Age Sites]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2007. 272 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) [The Culture of the Ancient Turks of Altai (based on materials from funerary monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Marsadolov L.S. Istoriya i itogi izucheniya arheologicheskikh pamyatnikov Altaya VIII–IV vekov do n.e. (ot istokov do nachala 80-h godov XX veka) [The History and Results of the Study of Archaeological Sites of Altai in the 8th–4th Centuries BC (from the origins to the beginning of the 80s of the 20th century)]. SPb. : Gos. Ermitazh, 1996. 100 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. Altaj v epohu srednevekov'ya: illyustrirovannyj istoricheskij atlas [Altai in the Middle Ages: an Illustrated Historical Atlas]. Barnaul : OOO «Pechatnaya kompaniya ARTIKA», 2011. 136 p.

Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyj kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoj kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI v. n.e.): tradicii i novacii [The Object Complex of the Sites of the Kyzyl-Tash Stage of the Turkic Culture (2nd half of the 5th – 1st half of the 6th century AD): Traditions and Innovations]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2011. Issue 6. Pp. 14–32.

Tishkin A.A., Filimonova T.G., Gorbunov V.V., Seregin N.N. Shohidon – avarijnyj mogil'nik rannego srednevekov'ya v Tadzhikestane [Shokhidon – Emergency Burial Ground of the Early Middle Ages in Tajikistan]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Issue XXV. Pp. 304–311.

Tishkina T.V. Arheologicheskie issledovaniya na Altae (1860–1930-e gg.) [Archaeological Research in Altai (1860–1930s)]. Barnaul : Azbuka, 2010. 286 p.

A.A. Tishkin, T.V. Tishkina

Altai State University, Barnaul, Russia

THE DESCRIPTION OF MUSEUM COLLECTION AS A SOURCE TO STUDY THE CULTURE OF ALTAI TURKS (based on materials from the State Historical Museum)

The results of the Sayano-Altai archaeological expedition of the State Historical Museum and the State Academy of the History of Material Culture, obtained in Altai in 1935 and 1937, have not been fully put into scientific circulation, although they have been repeatedly used in many scientific works. This voluminous material comes from excavation on the sites in the construction zone of the Chuysky tract and is important for studying the historical past of the region. Some of the objects investigated under the supervision of S.V. Kiselev and L.A. Evtyukhova, refer to the Turkic time. The finds are stored in the State Historical Museum (Moscow), some are located in the main exhibition. A complete picture of the composition of the collection is provided by the existing inventory of finds, which has become the source for writing this article. In this case, the main attention is paid only to individual complexes which are demonstrated as examples. The study of the entire collection must be continued, taking into account archival information and published works.

Key words: Sayano-Altai archaeological expedition, S.V. Kiselev, L.A. Evtyukhova, State Historical Museum, collection inventory, Turkic time, horse equipment, tools, jewelry

РЕЦЕНЗИИ

УДК 903.08«637»

В.И. Кузин-Лосев

Донецкий Республиканский краеведческий музей, Донецк, Донецкая Народная Республика

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ (И.В. Ковтун «Андроновский орнамент»)

В статье предпринят разбор монографии И.В. Ковтуна «Андроновский орнамент (морфология и мифология)». Внимание в работе уделено морфологии изобразительных текстов на андроновских сосудах с позиций структурализма. Выявлены основные структуры изобразительных текстов, констатируется общее тяготение мастеров андроновской культуры к асимметрическим композициям. Восстанавливается степень развитости сознания представителей андроновской культурно-исторической общности. Обрисован общий характер исторического периода поздней бронзы Северной Евразии. Андроновская изобразительность предстает завершенной системой. Она отличается разнообразием, которое реализуется в пределах ограниченного числа структур и изобразительных элементов. Подобное отражение позволяет проследить закономерности изменения изобразительных схем во времени и пространстве, а также уловить некие тенденции в пределах локальных территорий и между ними.

Ключевые слова: «новая археология», эпоха бронзы, андроновская культура, структурализм, орнамент, структура, содержание, культурные смыслы

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-15

Введение

Вышедшая монография И.В. Ковтуна «Андроновский орнамент» с подзаголовком «Морфология и мифология», несомненно, привлекла внимание специалистов в области древностей Северной Евразии и останется до появления близкой по тематике работы актуальным фактом научной жизни. Книга состоит из пяти глав, пояснительных таблиц и рисунков. Большую часть издания, почти две трети от объема, составляют рисунки орнаментированных андроновских сосудов и отдельный свод орнаментальных схем. В своей работе автор при участии коллег собрал, опубликовал и переопубликовал 1938 орнаментированных сосудов андроновской культурно-исторической общности, а в типологической классификации им учтено 1973 сосуда. Прделанная работа по сбору материалов, систематизации заслуживает уважения и признательности коллег. Впервые в таком большом объеме и систематизированном виде были собраны и опубликованы в одном своде андроновские орнаментированные сосуды. Сожаление вызывает отсутствие картографического материала, хотя бы нескольких карт с указанием месторасположения могильников и погребений, из которых происходят сосуды.

Первая глава, «Морфология андроновского орнамента», для нас представляет наибольший интерес, поскольку в ней затрагиваются методологические основы анализа андроновской орнаментики на сосудах. Очевидно, что в зависимости от методологических принципов анализа источников будет происходить интерпретация всего корпуса изображений и сопутствующих материалов. Поэтому разделу о методологии объективно принадлежит ключевое место в книге. Расхождения с автором книги относительно методологических вопросов будут затронуты ниже.

Вторая глава монографии, «Хронология андроновских древностей», затрагивает спектр проблем о соотношении отдельных археологических культур андроновской культурно-исторической общности на основе анализа стратиграфии курганных по-

гребений. В разделе дан краткий историографический обзор, автор излагает свое понимание андроновского культурного мира. Данная глава представляет наибольший интерес для традиционной археологии.

Третья глава, «Этнокультурная принадлежность», очень важна для И.В. Ковтуна. Во многом потому, что этнокультурная принадлежность носителей андроновской культуры позволяет ему для своих реконструкций использовать корпус источников индоарийского и иранского круга. Поэтому вопрос увязки между собой археологических культур Северной Евразии с индоевропейской проблематикой является для автора одним из ключевых. Ранее данная проблематика довольно подробно рассматривалась И.В. Ковтуном [2013] в его монографии «Предыстория индоарийской мифологии», и его позиция по данному вопросу хорошо известна. Поэтому в пределах одной главы он не дает развернутого описания всех проблем касательно индоевропейистики Северной Евразии, материал изложен достаточно сжато, он необходим для общего понимания вопроса. Здесь отсылка к предыдущим работам автора, и прежде всего книге «Предыстория индоарийской мифологии», вполне уместна.

Четвертая глава, «Андроновские орнаментальные традиции», неожиданно возвращается к анализу орнаментальных композиций и такому ключевому моменту, как вопрос о том, что собой представляет инвариант в качестве явления культуры и орнамента. На данных положениях остановимся особо.

Пятая глава, «Мифология андроновской орнаментации», непосредственно связана с интерпретацией андроновской орнаментики с точки зрения мифологии. Относительно этой главы не соглашусь с автором по поводу отдельных интерпретаций орнаментов и изобразительных мотивов, что во многом связано с общими методологическими вопросами. Именно расхождение в методологии и не позволяет согласиться с реконструкциями И.В. Ковтуна. Удачным является, по моему мнению, сопоставление рисунка на коже змей с некоторыми андроновскими орнаментами. Здесь есть поле для осмысления данного явления. Достаточно указать на известные случаи из мифологии примитивных народов, например американских индейцев, о заимствовании людьми рисунка на коже змеи и попадание такой орнаментики в пространство «культуры». Есть еще ряд важных замечаний автора относительно интерпретаций изображений.

Выскажу свое мнение относительно структуры книги. У любого автора всегда присутствует своя логика построения книги, впрочем, как и у читателей имеется личностное восприятие книги, которое может быть отличным от авторского. Мне представляется, что четвертая глава должна идти вслед за первой, что было бы логичнее. Видимо, для И.В. Ковтуна важно увязать изобразительные композиции с мифологическими реалиями индоарийского круга. Только так можно объяснить появление главы «Андроновские орнаментальные традиции» в конкретном месте книги.

В своей работе хотелось бы в тезисном порядке затронуть только ключевые моменты, относящиеся к методологии, поскольку они являются принципиальными.

Морфология, основы анализа текстов

Монография имеет подзаголовок «Морфология и мифология», он определяет содержательную направленность книги. Было ожидаемо, что И.В. Ковтун специально остановится на понятии «морфология». С учетом традиций русской фольклористики и семиотики анализ данного понятия сам по себе мог бы получиться достаточно развернутым. В российском и советском структурализме «морфология» неразрывно

связана с именем Владимира Яковлевича Проппа, и независимо от пожеланий любого автора использование данного термина в контексте анализа текстов культуры неизбежно перебрасывает смысловой мостик к его «Морфологии сказки», отсылая к пропповскому методу анализа материала. Но этого не произошло.

И.В. Ковтун начинает свою работу с обращения к понятию инварианта, упомянув морфологию один раз в начале первой главы. Особое внимание к инварианту позволяет допустить, что для И.В. Ковтуна данное понятие является ключевым элементом в его понимании андроновской орнаментики. Показательно, что ранее инварианту в системе изобразительности Северной Евразии им была посвящена отдельно специальная статья [Ковтун, 2005].

Под влиянием научных веяний 60–70-х гг. XX в. новомодный тогда термин «инвариант» в научную среду археологов, занимающихся проблемами изучения древнего искусства, был введен Я.А. Шером. По существу, речь идет об иконографии, иконографических схемах фигуративных изображений Северной Евразии. И, как доказывает история искусствоведения, традиционное понятие «иконаграфия» намного продуктивнее в деле изучения стилей, изображений, рисунков, картин, чем различные новшества. Даже в пределах фольклористики термин «инвариант» используется с осторожностью. «Мифологические» К. Леви-Стросса показательны тем, насколько сложно работать с различного рода вариантами и схемами мифов. Французским ученым был использован многоуровневый подход по выделению и описанию мифов, циклов мифов, семантических систем и семантических связей между единицами текстов, структурами. Текучесть текстов в системе всевозможных трансформаций объективно делает достаточно сложным выделение устойчивых, и главное, безусловных инвариантов, что и продемонстрировал К. Леви-Стросс. В советской семиотике к концу 80-х гг. XX в. начал происходить отказ от понятия «Основной миф» – настолько оказалось все неоднозначно при реконструкции архаических пластов индоевропейской мифологии, неспособных уместиться в прокрустово ложе лишь одного инварианта мифа.

Относительно непосредственно морфологии. Морфология в лингвистике относится к разделу, который занимается изучением формального состава слова, форм отдельных слов, противопоставляясь синтаксису, как учению о формах словосочетаний и построения предложений. Понятию «морфология» В.Я. Пропп [1928, с. 5] дает определение с первых же строк своей книги: «Слово “морфология” означает учение о формах». И далее он пишет, что вряд ли кто думал о таком понятии применительно к сказке. В.Я. Пропп использует понятие «морфология» для жанра волшебной сказки с позиций операции по разбивке текстов сказок на составные части и дальнейшего изучения системы отношений частей друг к другу и к целому. При таком подходе сказка выступала таксономической единицей. «Так как сказка чрезвычайно многообразна и, по-видимому, не может быть изучена сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т.е. классифицировать его. Правильная классификация – одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения. Но, хотя классификация и ставится в основу всякого изучения, сама она должна быть результатом известной предварительной проработки. Между тем мы видим как раз обратное: большинство исследователей начинает с классификации, не выводя ее из материала по существу» [Пропп, 1928, с. 12].

Фольклористы достаточно рано столкнулись с проблемой классификации текстов, и в качестве одной из классификационных единиц был выбран сюжет.

В.Я. Пропп уходит от сюжета и обращает внимание на более мелкие составляющие текста, вспоминая мотивы Н.И. Веселовского. В итоге В.Я. Пропп, обратившись к анализу отношений между величинами сказки, пришел к выводу, что в сказках «имеются величины постоянные и переменные». В качестве примера анализа приводится сравнение начальных эпизодов четырех сказок:

1. Царь дает удальцу орла. Орел уносит удальца в иное царство.
2. Дед дает Сученке коня. Конь уносит Сученку в иное царство.
3. Колдун дает Ивану лодочку. Лодочка уносит Ивана в иное царство.
4. Царевна дает Ивану кольцо. Молодцы из кольца уносят Ивана в иное царство.

В приведенных случаях, если рассматривать тексты по горизонтали, разворачиваются начальные эпизоды различных сюжетов. Если оценивать по вертикали, то заметим, что при разности персонажей все они совершают близкие действия. В.Я. Пропп доказывает, что повторяемость функций поразительна: «функция, как таковая, есть величина постоянная. Для изучения сказки важен вопрос, что делают сказочные персонажи...» [Пропп, 1928, с. 30]. Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия. «Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» [Пропп, 1928, с. 29–30].

Наблюдения над волшебными сказками позволили В.Я. Проппу [1928, с. 32–34] сформулировать следующие выводы:

I. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.

II. Число функций, известных в волшебной сказке, ограничено.

III. Последовательность функций всегда одинакова.

IV. Все волшебные сказки однотипны по своему строению.

Что касается группировки функций, было констатировано, что далеко не все сказки дают полный набор функций. Но это несколько не меняет закона их последовательности, а отсутствие некоторых функций не меняет распорядка остальных. В итоге было выделено несколько структурных схем, с помощью которых описывался весь корпус русских волшебных сказок. В.Я. Пропп на фольклорном материале волшебных сказок проследил закономерности трансформации формы, при которых неизменным оставалась *содержательная структура*. Где структура не есть содержание, переданное при помощи некой формы (читай, текста), а структура обладает содержательным, смысловым началом. Данные выводы являются ключевыми в понимании характера культурных текстов архаического облика.

Трансформации в системе структур

Хотя книга В.Я. Проппа вышла в 1928 г., но ее замысел сформировался намного раньше. Сами идеи В.Я. Проппа, изложенные в книге, начали активно востребоваться в науке с 60-х гг. XX в. В итоге пропповское наследие стало достоянием гуманитарной мысли, но с трудом находит себе место в археологии. Благодаря прежде всего Д.С. Раевскому общие положения структурализма вошли в научное пространство и обиход археологии раннего железного века, но относительно эпохи бронзы все намного

сложнее. Невостребованность достижений гуманитарной науки приводит к тому, что археология эпохи бронзы повторяет при изучении текстов культуры тот же путь, который ранее прошли фольклористы до работ В.Я. Проппа и К. Леви-Стросса.

И.В. Ковтун, как и многие археологи, пошел по пути выделения таких ключевых характеристик орнамента, как орнаментальные элементы, затем орнаментальных схем по признаку «сюжета» с подразделами: моносюжеты и полисюжеты. Для моносюжета им взято за основу многократное повторение одного базового изобразительного элемента и тождественных орнаментальных регистров, а для полисюжета – зональная комбинаторика орнаментальных мотивов, представляющих разные орнаментальные блоки либо входящие в них различные группы, типы и виды. По его мнению, звеньями андроновской орнаментальной системы являются следующие морфологические компоненты: элементы – мотивы и структура – композиционные варианты. Первые представлены в зональных сюжетах, а вторые – некоторыми общими правилами их сочетания на орнаментальном поле сосуда. Комбинаторика орнаментальных мотивов, составляющих сюжет каждой из зон, обнаруживается на сериях сосудов с различной степенью идентичности подобного сочетания [Ковтун, 2016, с. 20]. Далее выделяются инварианты: «неизменная комбинаторика зональных орнаментальных сюжетов на базе устойчиво повторяющихся типов (видов) орнаментальных элементов и вариантов композиционного решения...» [Ковтун, 2016, с. 21]. Инвариантные комбинации выстраиваются по орнаментальным элементам: меандр, треугольник и т.д. По Я.А. Шеру [1980, с. 32] изобразительный инвариант – те «элементы изображений, которые при преобразовании других элементов остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях».

Выстраивается своеобразная иерархия в системе андроновских орнаментов от простого к более сложному, где «сюжету» принадлежит одно из главенствующих мест. Инвариант превращается в особый тип, который должен подниматься над элементами и «сюжетами», но, по сути, он является комбинаторикой в пределах сюжета. По факту, в инварианте берется за основу переменчивость внутри некой синтагматической конструкции орнамента, с условием сохранения неизменным хотя бы одного изобразительного элемента. Приводимая И.В. Ковтуном классификация инвариантов как раз и основывается на изменчивости орнаментальных элементов внутри некой схемы. Отсюда разделы классификации: «Меандр 1», «Меандр 2» и т.д. Таким образом, наблюдается иерархия в пределах синтагматической конструкции, а не парадигматических структур, и в этом повторяется путь допропповского периода изучения фольклорных текстов, ярким итогом которого стала многотомная «Золотая ветвь» Д. Фрезера.

Сравнение между собой орнаментов позволило И.В. Ковтуну выделить дополнительные принципы их комбинаторики. Им выделяются семь базовых изобразительных элементов андроновской орнаментики, их варианты группы, приводятся таблицы вариаций [Ковтун, 2016, с. 15]. Приведенные таблицы прекрасно иллюстрируют большое видовое разнообразие элементов в пределах трансформаций. Распознаются, при всем разнообразии изображений на андроновских сосудах, группы орнаментов с базовыми изобразительными элементами, что позволяет автору привести всю массу орнаментированных сосудов к определенной классификации. Предлагаемая классификация является каталогом орнаментальных схем андроновской орнаментики, построенной на основе комбинаций изобразительных элементов в пределах композиционных схем. Возникает своего рода «андоновский указатель» Аарне-Томпсона. Как указатель Аарне-

Томпсона активно используется специалистами в фольклористике, так и классификатор И.В. Ковтуна будет интересен и востребован в археологии эпохи поздней бронзы.

В.Я. Пропп при анализе сказок специально останавливается на указателе сюжетов Аарне, констатируя, что «с делением на сюжеты начинается уже полный хаос. Мы не будем уже говорить о том, что такое сложное, неопределенное понятие, как „сюжет“, или вовсе не оговаривается, или оговаривается всяким автором по-своему. Забегая вперед, мы скажем, что деление волшебных сказок по сюжетам, по существу, вообще невозможно» [Пропп, 1928, с. 15–16]. Далее он пишет, что данный указатель опасен, поскольку внушает неправильные представления по существу. Четкого распределения на типы фактически не существует, оно очень часто является фикцией. Если типы и есть, то они существуют не в той плоскости, как это намечается Аарне, а в плоскости структурных особенностей сходных сказок [Пропп, 1928, с. 19]. В этом плане замечания относительно «сюжета» фольклорных текстов во многом справедливы и для древних орнаментов. То, что относится в фольклористике к пропповским функциям, отсутствует в предлагаемой И.В. Ковтуном системе.

Есть и другое принципиальное замечание. Термин «сюжет» применительно к геометрическому орнаменту первоначально неудачен. Если фигуративные образы позволяют что-то говорить о действиях персонажей, сюжетике, то орнамент – нет. В геометрической орнаментике отсутствуют персонажи, вслед за этим и их действия. Геометрия эпохи бронзы степной Евразии – это для нас абстрактные, отвлеченные знаки, как и любые геометрические фигуры. В фигуративном же искусстве из-за сопряжения персонажей между собой в картине действие так или иначе проступает: персонажи сидят или стоят, что-то делают – в итоге композиция картины позволяет понять, что запечатлено на полотне. Термин «сюжет» не подходит для описания изобразительного декора андроновских сосудов, как и других степных культур эпохи бронзы. Непригодность предложенного термина хорошо заметна при обращении к декору с одним базовым изобразительным элементом. Такой элемент мог покрывать собой всю поверхность сосуда, и во многих случаях в изображении отсутствует выраженная композиционная структура. Данному декоративному приему было присвоено название «моносюжет». На самом же деле перед нами декорирование поверхности сосуда одним орнаментальным элементом или мотивом.

В фигуративных картинах, сопоставляя между собой образы, можно выделить «функции» персонажей. Подобного нельзя ожидать от орнаментальных текстов. Однако в орнаменте сохраняется очень важная черта «текста культуры» – устойчивая *система отношений* между элементами или более крупными составляющими, вроде мотивов, орнаментальных регистров. Существенно как раз вот это сопряжение изобразительных образов, в которые они вступают в той или иной орнаментальной композиции. Так выделяется область отношений между образами. В данном случае классификация И.В. Ковтуна не имеет области, задающей значимые признаки на уровне парадигматики, относящиеся к устойчивой области отношений для той или иной серии орнаментов. Именно отношения в андроновских орнаментах остаются постоянными при трансформации тех или иных единиц текстов, именно они представляют собой содержательную структуру. При этом у И.В. Ковтуна есть понимание важности структур. «Структурообразующая функция в андроновском орнаментальном комплексе отводилась композиции», – пишет он [Ковтун, 2016, с. 19]. Только за основу морфологии им взята не содержательная структура.

Как раз отношения между регистрами (орнаментальными поясами), а не элементарными единицами орнамента позволяют выявить систему построения орнаментальных композиций андроновской культуры.

Принципиальная особенность андроновской орнаментики состоит в отсутствии безусловной закреплённости того или иного элемента только за одним регистром. Тот же меандр может встречаться, помимо среднего регистра, в нижнем, а иногда и в верхнем, как, впрочем, и другие изобразительные элементы не обязательно привязаны к одной орнаментальной зоне. В качестве примера одной из вариативностей можно привести изменчивость меандрового мотива в средней орнаментальной зоне, где меандр разнообразен в своем

изобразительном воплощении (рис. 1.-1-5). Вариативность имеет место не только в пределах элементов, но и в способности элементов занимать место в том или ином регистре. Наибольшим разнообразием изобразительных элементов отличается регистр, идущий по тулову сосуда (нижний регистр). Нижний регистр достаточно разнообразен, и для него характерны совершенно оригинальные комбинации с пирамидальными мотивами, меандровыми ковровыми рисунками, рядами «елочек» и т.д. Разнообразием отличается средний регистр, расположенный на плечике сосуда. В плане использования орнаментальных элементов наиболее устойчив верхний регистр. По подсчетам И.В. Ковтуна [2016, с. 19], около 39% орнаментированных сосудов имеют в верхней части треугольники, которые варьируются в пределах косо поставленных и равносторонних.

Андроновская орнаментика предстает пространством тотальной вариативности, которая охватывает собой буквально всё – сами изобразительные элементы, место их расположения на сосудах, орнаментальные регистры, композиции орнаментов. Подобная вариативность всех составляющих частей андроновского орнамента невероятна по своему разнообразию на фоне иных культур периода поздней бронзы Северной Евразии, и она не оставляет как будто шансов на понимание принципов построения орнаментики андроновской культуры. Внешне кажется, что отсутствует система в такой феерии орнаментики. Но как раз структурный принцип позволяет внести ясность в систему организации андроновских орнаментов.

Методика анализа текстов, предложенная В.Я. Проппом и К. Леви-Строссом и ставшая основой структурализма, в своей основе нацелена на выявление устойчивых связей на уровне парадигматики текстов. Данная методика может быть использована при изучении андроновского декора. Орнаментальные элементы и мотивы на андроновских сосудах, подобно персонажам волшебных сказок, способны меняться от одного изобразительного текста к другому, от одной композиции к иной, но основу андроновского орнамента составляют структуры, в более привычном определе-

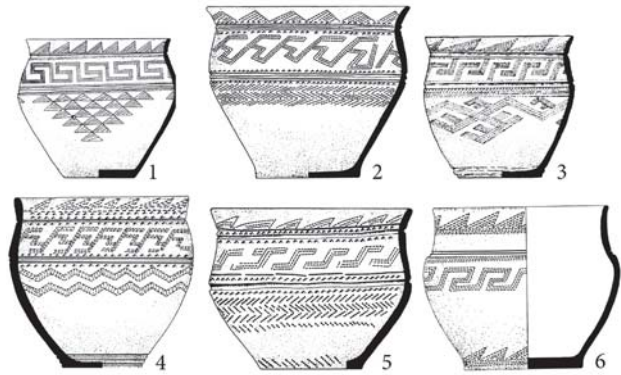

Рис. 1. Изменчивость орнаментов по регистрам (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 172.-6; 2 – табл. 180.-4; 3 – табл. 38.-3; 4 – табл. 179.-1; 5 – табл. 180.-1; 6 – табл. 231.-6])

нии – изобразительные схемы. Более того, в рамках композиций на сосудах удается достаточно легко обнаружить устойчивые структуры. Остановимся на простейших структурных принципах организации андроновских орнаментов.

Для андроновских композиций фиксируется несколько структурных схем. Так, без труда выделяется тернарная на основе сочетания трех регистров, расположенных по вертикали друг над другом (рис. 1.-1–2). Каждый регистр сопряжен с соседним, и все вместе они образуют целостную завершенность в виде композиции. Вариативность в пределах данной трехчленной композиции относится к изменчивости элементов в орнаментальных зонах. Каждый регистр композиции может состоять из разных элементов, неизменной остается структура композиции, т.е. область отношений между регистрами, которая является тернарной. Противоположность тернарной структуре – бинарная. Ее отличает симметричная уравновешенность. Наиболее наглядно симметрия равновесия проявляется при использо-

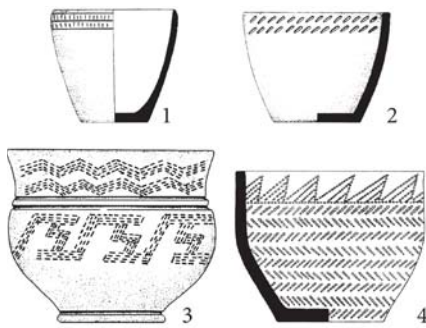

Рис. 2. Двоичная структура композиций (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 158.-14; 2 – табл. 158.-4; 3 – табл. 219.-3; 4 – табл. 134.-5])

вании тождественных орнаментальных элементов в два ряда (рис. 2.-1–2). Однако бинарная структура с тождественными рядами представляет собой достаточно редкий вид андроновской изобразительности. Вообще, в рамках двухчленной структуры распространение у «андроновцев» получили композиции, построенные на основе использования двух регистров с разными изобразительными элементами (рис. 2.-3–4), что лишает изображение внутренней уравновешенности.

В принципе структуры андроновской орнаментальной изобразительности разводятся между собой по признаку: «чет»/«нечет». Наибольшим разнообразием обладают структуры с нечетной системой. В систему нечета попадают помимо тернарных структур также орнаменты с одним-единственным базовым изобразительным элементом. При этом имеются случаи, когда один базовый элемент, полностью покрывая поверхность сосуда, выстроен в системе повторяющихся орнаментальных рядов, число которых четно (рис. 3.-1–2). Здесь срабатывал принцип опознаваемой структуры (во многом из-за крупных единиц текста). Как пример, ряды косо поставленных линий хорошо просматриваются в общем декоре, и потому именно они составляют видимое своеобразие рисунка на сосуде (рис. 3.-1). Если поверхность сосуда декорирована мелкими элементами, разного рода вдавлениями, горизонтальной елочкой и т.д., то из-за небольшого их размера создается впечатление ряби, когда структурность орнамента теряется, исчезает, и возникает сплошная ткань рисунка. В таких случаях реализуется принцип «один», т.е. нечетный ряд.

* Удвоение и утроение составляют специфическую особенность архаических текстов культуры. На ней останавливается в своей работе В.Я. Пропп [1928, с. 83], отмечая: «Утроение, как таковое, уже достаточно освещено в научной литературе, и здесь можно на этом явлении не останавливаться. Заметим только, что утраиваться могут как отдельные детали атрибутивного характера (три головы змея), так и отдельные функции, пары функций (преследование – спасение), группы функций и целые ходы».

годаря дальнейшему увеличению количества поясов возникают усложненные пятичленные структуры: в центре находится трехчленная комбинация зигзагов, а по краям расположены отличные от нее орнаментальные ряды (рис. 3.-4). Более усложненной пятичленной композицией является вариант с совершенно различными орнаментальными регистрами (рис. 3.-5).

Сам по себе принцип «чет и нечет» в традиционных культурах хорошо известен и его природа достаточно изучена. В.В. Иванов [1978] в свое время посвятил этой проблеме книгу, которая так и называется «Чет и нечет». Насколько важен данный организующий принцип в андроновской культуре, видно из построения на его основе разметки игральных костей. Недавно вышедшая в расширенной редакции статья, посвященная игральным костям периода поздней бронзы, дает полное представление об игральных наборах андроновской и срубной культур [Стефанов и др., 2016]. Авторы отмечают, что игральные кости на срубных и андроновских памятниках имеют четыре плоских (или уплощенных слабовыпуклых) грани и две полусферические. Брошенные на ровную поверхность, кости всегда становятся на одну из уплощенных сторон и не располагаются вертикально. Соответственно игра была связана с бросанием четырехсторонних (чет) размеченных костей [Стефанов и др., 2016, с. 232], при этом выпадает только одна грань (нечет). Сами плоские грани костей размечены различными знаками. Отдельные из них несут на себе бинарные признаки, в том числе чета/нечета: сочетания двух типов знаков (крест/линии), внутри самостоятельной группы знаков выделяется четное и нечетное количество линий, сами знаки нередко расположены на противоположных друг другу плоскостях в системе четности и нечетности.

Не зная «правил игры», алгоритма использования костей, сложно говорить об их функциональности (в той же погребальной обрядности). Важно другое: безусловно восстанавливаемое свойство игры в кости. Она строилась на основе случайных событий, которых по определению могло быть несколько. Соответственно возникала вариативность в игре. В интересе к игре в кости находило продолжение ориентированности стратегии сознания на многозначность вариантов. Культивирование форм культуры с первоначально заданной вариативностью (будь то роспись посуды или игра в кости), а также гибкость сознания, оперировавшего множеством возможностей и общей неоднозначностью знака, определялись содержанием самой исторической эпохи [Кузин-Лосев, 2006, с. 282].

Уже при первичном анализе андроновской орнаментики можно прийти к выводу, что андроновская культурно-историческая общность попадает в общий ряд традиционных культур, в которых активно использовались бинарные и тернарные структуры при построении культурных текстов. Для данных структур наблюдается вариативность в пределах каждого из типов, при этом имеются случаи их совместного сочета-

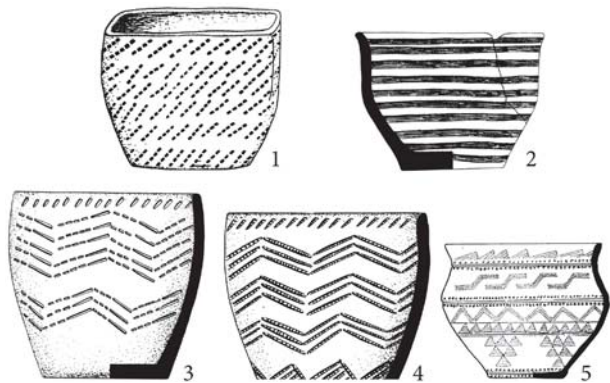

Рис. 3. Четное количество элементов орнамента по рядам и нечетные структуры (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 163.-7; 2 – табл. 154.-12; 3 – табл. 92.-1; 4 – табл. 92.-2; 5 – табл. 167.-7])

ния и усложнения. Все это создает видимое разнообразие андроновских орнаментов. Как раз обращение к структурно-семиотическому анализу позволило прийти к таким заключениям. На этом структурный позитивизм и остановился бы, удовлетворившись очевидностью. Но продолжим разбор андроновской орнаментики.

Проявление неоднозначности смыслов

Имеется достаточно внушительная подборка андроновских орнаментов, относительно которых возникает неопределенность при идентификации их структур. Неопределенность возникает в тот момент, когда с трудом можно отнести ту или иную композицию к структурам в рамках дихотомии бинарность/тернарность, чет/нечет.

В отдельных случаях мы объективно сталкиваемся с трудностью в определении количества регистров в орнаментальных композициях. Нередко между орнаментальными регистрами встречаются «разделители» в виде линий, каннелюр, вдавлений, изобразительных элементов. Даже возникают орнаментальные пояса, которые могут принимать до такой степени усложненный облик, что трудно определить: разделитель перед нами или самостоятельный орнаментальный регистр. Такая неоднозначность встречается нередко. И данное явление в андроновской изобразительности очень важно в понимании характера самой культуры, ее смысловой специфики, что позволяет более отчетливо представить себе характер культуры и самого периода поздней бронзы.

Разберем детально прием смысловой двойственности в системе знаковости «андроновцев». Обратимся, например, к орнаменту, у которого в среднем и нижнем регистрах нанесен зигзаг (рис. 4.-1). Повторное использование в двух регистрах базового элемента приводит к появлению принципа удвоения. Получается, что два ряда из трех объединяются по принадлежности к одному типу элементов – зигзагу. В итоге одному ряду треугольников противостоят два ряда зигзагов. Формально в композиции происходит следование трехчленной структурной системе, но одновременно возникает система двоичности на уровне смыслов. Смысловая двойственность основывается на том, что имеется дихотомия геометрических фигур – треугольники/зигзаги. Возникает ситуация двойственности между формальной стороной и смысловой. Подобное удвоение не является случайным приемом, что видно по его распространенности. Имеется достаточно представительная серия удвоений не только в нижних регистрах, но и в верхних, т.е. в разных зонах (рис. 4.-5-9). Однако нижний регистр отличается видимым разнообразием. Прием двоичности распространяется на самые разные мотивы: зигзаги, горизонтальные «елочки», пирамиды треугольников, меандровидные элементы (рис. 4).

Приведенные примеры интересны тем, что отражают некоторую раздвоенность, когда формально присутствует трехчленная структура композиций, а в смысловом плане наблюдается двоичная система.

Подобное свойство обнаруживается в целом ряде специфических построений изображений. Например, изобразительная композиция выстраивается так, что центральный пояс по краям охватывается идентичными рядами треугольников, в итоге возникает своего рода окантовка срединного регистра (рис. 5.-1). Усложненный вариант – увеличение количества орнаментальных рядов в срединной части, опять же окантованных треугольниками (рис. 5.-2-4). Содержательно приведенные композиции построены по принципу двоичной противопоставленности: центр/кромка (края), – когда по сторонам размещены треугольники, а по центру находятся разнообразные элементы. Построение по принципу центр/край повторяется также в пре-

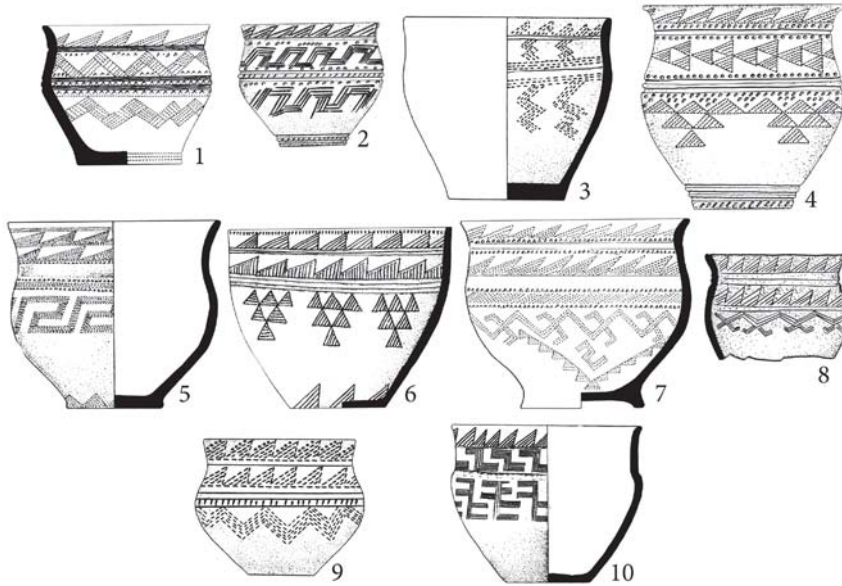

Рис. 4. Примеры удвоения мотивов (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 106.-2; 2 – табл. 26.-1; 3 – табл. 143.-2; 4 – табл. 73.-2; 5 – табл. 182.-6; 6 – табл. 63.-8; 7 – табл. 185.-5; 8 – табл. 184.-3; 9 – табл. 206.-1; 10 – табл. 43.-1])

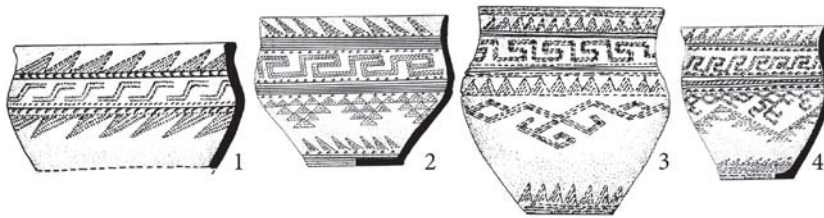

Рис. 5. Прием окантовки центральных изображений по краям (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 176.-4; 2 – табл. 171.-5; 3 – табл. 29.-6; 4 – табл. 33.-6])

делах «четных» композиций. Четырехчленный орнамент разбивается по принципу «2×2»: два идентичных пояса треугольников по краям и два пояса уже различных изобразительных элементов по центру (рис. 5.-2). Получается, что во всех случаях орнаментальная придонная часть сосуда активно включена в общую композицию сосудов.

И здесь мы подходим к одной существенной особенности андроновского орнамента. Нередко в придонной части сосуда имеется узкий бордюр орнамента. В некоторых случаях, когда орнамент на тулове сосуда опускается достаточно низко, нижний бордюр воспринимается частью общей композиции. Но большое количество декорированных сосудов обладает видимой изобразительной пустотой между центральными регистрами и нижним орнаментальным бордюром, так что последний смотрится на сосуде самостоятельным, отдельно стоящим орнаментальным элементом декора (рис. 1.-5–6). Как оценивать такую структуру? В качестве проявления четкой композиционной структурности или все же смысловой двойственности? Вопросы во многом остаются открытыми.

Очевидно, что орнаменты в верхней и срединной частях сосуда воспринимаются, как правило, единой завершенной целостностью. Тогда в системе смысловых координат придонный бордюр будет оцениваться как вторичность. Здесь, скорее всего, реализуется принцип асимметрии: крупная композиция своими масштабами подавляет небольшой бордюр, тем самым выделяясь в смысловом и визуальном планах и низводя придонный орнамент до состояния второстепенности. Подобное использование видимой диспропорции размеров в андроновской орнаментике ярко выражено. Получается, что в композициях асимметричность является рабочим, конструктивным элементом. Смысловая значимость бордюра во многом зависит от «пустоты» – свободного от изображений пространства. Если оно велико, то и визуальный разрыв между верхней и нижней орнаментикой вслед за этим приобретает смысловую значимость. Соответственно пустое пространство превращается в такой же элемент изобразительной системы андроновской культуры, как и геометрические фигуры. Об активном использовании в андроновской изобразительности свободного от изображений пространства свидетельствуют яркие случаи, как на приводимом рисунке (рис. 1.-б), где «пустота» в срединном регистре, безусловно, активная часть всей композиции. Следует констатировать, что пустое изобразительное пространство является одним из элементов андроновской изобразительности.

Значимым представляется тот факт, что двойственность имеет и иную природу своего проявления, чем только обыгрывание на уровне структур и орнаментальных элементов. В пределах андроновской изобразительности произошло овладение совершенно оригинальным изобразительным приемом, позволявшим добиваться неоднозначности в понимании изображенного. Имеется показательная серия орнаментов, в которых при восприятии изображения активно применяется прием переключения фокуса внимания зрителя. Это не что иное как смена внутренней точки зрения. В зависимости от смены фокусирования взгляда на изображаемый объект можно увидеть два совершенно различных изображения. Обратимся к конкретному случаю и попытаемся определить, что изображено – зигзаг или ряды треугольников (рис. 6.-1).

В зависимости от фокусирования взгляда наблюдатель в одном случае увидит зигзаг, в другом случае возникнет два ряда косопоставленных треугольников. Такой эффект приводит к ситуации, в которой основной элемент орнамента не обладает однозначностью при идентификации: его восприятие

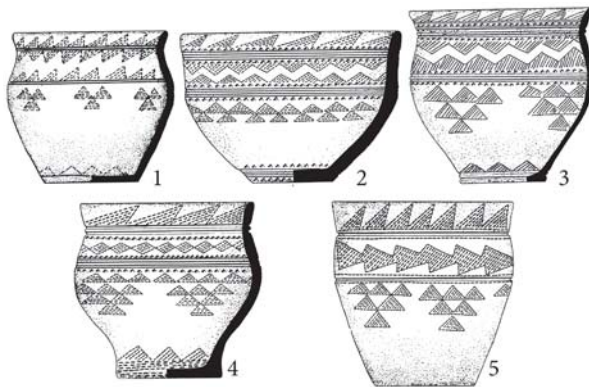

Рис. 6. Орнаменты с возможным изменением фокусирования взгляда в срединном регистре (по: [Ковтун, 2016; 1 – табл. 64.-3; 2 – табл. 64.-4; 3 – табл. 66.-5; 4 – табл. 68.-2; 5 – табл. 73.-1])

меняется в зависимости от внутренней точки зрения наблюдателя – и возникает очевидная двойственность. В другом примере главный элемент обнаруживает себя более отчетливо, хотя двойственность остается (рис. 6.-2), здесь в качестве базового элемента предпочтительнее смотрится зигзаг. В следующем орнаменте однозначность в нижнем ряду среднего регистра проявляется еще более

явственно (рис. 6.-3), что достигалось во многом благодаря слитности треугольников у основания. Аналогичный эффект возникает на другом сосуде (рис. 6.-4), где изображения ромбов смотрятся более предпочтительно, чем два ряда треугольников. Такое впечатление возникает во многом из-за того, что ромбы поддерживаются благодаря общей технике нанесения рисунка фигурами верхнего и нижнего регистров. Прием перефокусирования взгляда и игра изобразительными элементами может приводить к появлению совершенно необычных геометрических фигур. На приведенном рисунке (рис. 6.-5) в центральном регистре расположен элемент, напоминающий вертикально расположенную «елочку» или опрокинутую пирамиду, у которой треугольники соединены между собой. Если на фигуру смотреть с иной точки, то перед нами два ряда треугольников, а между ними – заштрихованное изобразительное пространство.

Игра смыслами. Симметрия и асимметрия в изобразительности

Внутренняя смысловая неустойчивость изобразительных элементов и композиций, подвижность внутренней изобразительной точки зрения, неоднозначность в понимании изображений андроновских орнаментов – все это так или иначе восходит к принципу асимметрии. Асимметричность содержит в себе одно важное свойство: она привносит с собой неуравновешенность частей изображения – до степени диссонанса и неравновесия изобразительных элементов и композиций. Неравное количество элементов или нечеткость орнаментальных регистров принципиально придают всему изображению асимметрию неравновесия.

В пределах возможностей, которые объективно предоставляет геометрия, андроновскими мастерами активно разрабатывались различные виды симметрии и асимметрии. Если обратиться к лучшим образцам андроновской орнаментики, можно видеть, что асимметрия ярко проявляется в композиционном построении орнаментов (рис. 1.-1-3; 5.-3-4; 6.-3-5).

С одной стороны, в композициях явно просматривается нацеленность на передачу принципа структурности: каждый орнаментальный ряд разделен горизонтальными линиями или узкими бордюрами, что подчеркивает зональность в рамках композиции. Зональность также проступает от расположения орнаментальных поясов по областям сосуда. Один орнаментальный пояс расположен по венчику сосуда, другой – по его плечу, третий идет по тулову сосуда. Размеры частей сосудов сказываются на размерах орнаментальных элементов. Те же треугольники в верхнем ряду по венчику невелики по размерам, поскольку сам венчик мал. По плечу, которое больше по площади, чем венчик, идут изобразительные элементы намного большего размера, чем по верхнему ряду. Тулово сосуда позволяет наносить на него не просто большие по размеру фигуры вроде ковровых меандров и пирамид, но целые орнаментальные композиции.

С другой стороны, подобное масштабирование орнаментальных фигур от верха к низу создает впечатление текучести орнамента – от меньшего к большему. Текучесть особенно ощутима в случаях отсутствия ограничений в нижней части композиции (в виде линий, поясков), когда нижний регистр центральной композиции заканчивается пустотой изобразительного пространства. В таком случае исчезает граница, очерчивающая нижние пределы орнамента. Особенно эффектно выглядит в плане «растворения» орнамента в пространстве мотив пирамиды (рис. 6.-3-5). Фигуры треугольников, сужающиеся ритмично к низу, хороши тем, что уменьшение количества треугольников происходит постепенно, шаг за шагом, приближаясь к одному-единственному. Особая форма текучести, изменчивости

орнаментики заметна не только по вертикали, но и по горизонтали. Видно, как асимметрия меандра физически создает ощущение движения волны (рис. 1.-2). В нижнем регистре этого же сосуда «елочка» благодаря своей горизонтальной направленности, нечетности рядов, малым размерам предстает как «бегущая», увлекающая за собой по горизонтали взгляд наблюдателя, так возникает своего рода эффект «бегущей строки».

Асимметрия и есть текучесть, неуравновешенность (область ощущений), переданная изобразительными средствами (планом выражения). Особенно заметны специфические свойства асимметрии, если ее сравнить с противоположностью – симметрическим построением фигур. При симметрии каждая часть равна другой до степени тождества. Активное применение в андроновской культуре разного рода художественных приемов на основе асимметрии является свидетельством подсознательного отражения в изобразительности определенных мировоззренческих установок. Можно сказать, что «андроновцев» отличает любовь к асимметрии, подвижность смыслов приятна им, она отвечает внутреннему чувству мира, в котором они жили, а сама андроновская эстетика представляет собой отклик на внутренние запросы людей, их чувства. Художественное творчество традиционно является одним из способов выражения людьми своего мироощущения. И в андроновской орнаментальной изобразительности также закреплено мироощущение, которое так или иначе реконструируется нами.

Показательно, что и на другом конце степной ойкумены, в срубной культуре, активно использовались различные виды асимметрии, но в ином формальном выражении. Своеобразие изобразительного языка срубной культуры, в отличие от андроновского, привело к тому, что в пределах срубной культуры реализация асимметрии приобрела особый вид. Иррегулярность орнаментов, воплощенная множеством способов, от простейшего разрыва тождественности фигур до «календарей», обладает тем безусловным качеством, что ломает регулярность, ритм, правильность. Небрежность в нанесении орнамента, возникающая неоднозначность в понимании отдельных композиций и изобразительных элементов срубной культуры составляют специфические приемы, направленные на то, чтобы сломать очевидность. Это во многом игра с формой, но и игра со смыслами. Ранее разбирались особенности восприятия отдельных орнаментальных рисунков на срубных сосудах, связанные с изменением внутренних точек зрения на изобразительные элементы [Кузин-Лосев, 2002, с. 64–65]. В качестве примера можно привести случай с орнаментальными поясами ромбов на срубных сосудах. При соответствующем фокусировании взгляда ромбы воспринимаются не ромбами, а рядом косых крестов, которые соприкасаются друг с другом концами. Если такой ряд в смысловом плане разорвать на сегменты, то возникнут отдельно расположенные косые кресты. Помещение крестов в рамку приведет к возникновению нового мотива – косой сетки. Срубная культура интересна еще тем, что в ней имеются случаи появления фигуративных изображений на сосудах, оставляющих после себя впечатление неоднозначности: Советское-1 2/4, Кировский-1/1, Сухая Саратовка-2/2, Старая Тойда. Высокая степень условности и схематизм крестообразных образов на них не позволяет дать бесспорную интерпретацию изображенного. Это или птицы, или люди, или солярные знаки.

Срубная культура при внешнем разительном отличии изобразительного языка содержательно переключается с андроновской – явление, ранее описанное [Кузин-Лосев, 2011, с. 213]. К этому можно добавить, что у степных народов данных культур Северной Евразии наблюдается близость в существовании особой стратегии сознания по сознательной игре смыслами, разного рода загадками, изобразительными анаграмма-

ми, усложненными текстами, у них были популярны игровые наборы костей. В приемах двойственности в период поздней бронзы видится стремление сознания уйти от безусловной однозначности и использовать двойственные смыслы. Двойственность, как культурный феномен, интересна тем, что она привносит с собой игру, нацеленную на неоднозначность. Каждый из двух миров степной Евразии своими языковыми средствами добивался передачи «игры смыслами». Тот же ковровый орнамент «андроновцев» запутывает зрителя и требует усилий для его постижения. Или взять мотив пирамиды. При ее построении происходила передача треугольника как фигуры с помощью более мелких треугольников, в итоге получается, что треугольник изображается треугольниками. Как не вспомнить анаграмму, в которой ответ вычурными средствами заложен в самой загадке. О проявлении стратегии анаграммы в контексте срубной культуры ранее писалось [Кузин-Лосев, 2002, с. 64–65].

С учетом существования единого евразийского информационного пространства, в которое входили срубная и андроновская культуры, подобные содержательные совпадения объяснимы. Их общность связана с *исторической эпохой*, в которой существовали эти культуры. В осмыслении исторического периода поздней бронзы существенно, что культивирование двойственности имело место как в андроновской, так и в срубной культуре. С какого-то исторического времени подобные приемы начинают востребоваться сознанием, превращаясь в своеобразную игру формой. Для периода поздней бронзы степной Евразии данный феномен очень показателен, поскольку позволяет говорить о том, что в то время в процессе формирования понятийного сознания вполне могла зародиться метафоричность. В свою очередь, понимание особенностей поэтического сознания позволяет реконструировать общий вид ранее существовавших культурных текстов, в том числе мифо-легендарного порядка. Другой момент связан с тем, что уяснение степени развитости древнего сознания дает возможность ставить вопросы о степени общественного развития самого общества, с дальнейшим выходом на понимание его социальной структуры.

Разобранные формы андроновской изобразительности являются свидетельством для сознания ее творцов интереса к культурным текстам, обладавшим внутренним неравновесием, подвижностью, смысловым напряжением. Вот это качество смыслового напряжения, ставшего в какой-то исторический момент актуальным для людей, и делало востребованным те изобразительные приемы, которые мы наблюдаем в андроновской изобразительности. Аналогичные явления присутствуют и в срубной культуре. Сознанию требовались культурные формы для удовлетворения своих потребностей по поиску ускользающих и неоднозначных смыслов, а также для выражения внутренней смысловой напряженности. Так возникала многозначность в оценке явлений, окружавших людей. Сама историческая эпоха с ее динамизмом событий требовала новых форм осмысления действительности и ухода от однозначной оценки происходящего [Кузин-Лосев, 2006, с. 282–283]. И в семиотических системах должны были проявляться данные процессы из области сознания. Традиционно изобразительному искусству принадлежит одно из ведущих мест в понимании мировоззренческих установок исторических эпох, и в этом плане эпоха бронзы Северной Евразии не является исключением.

В качестве заключения

Андроновская изобразительность предстает завершенной системой, отличающейся невероятным богатством преобразований, которые затрагивают собой и геометрические образы, и композиции. Данное разнообразие реализуется в пределах ограниченно-

го числа структур и изобразительных элементов. Объективно подобное многообразие позволяет проследить закономерности изменения изобразительных схем во времени и пространстве, уловить некие тенденции в пределах локальных территорий и между ними. С позиций традиционной археологии все это требует самостоятельного изучения с картографированием, созданием хронологических схем изменчивости композиций по территориям и т.д. С позиций «новой археологии» анализ андроновской орнаментики дает возможность выйти на достаточно важные наблюдения и сформулировать емкие выводы, относящиеся к культуре и исторической эпохе, в которой она существовала.

Овладение приемом смены точек зрения на объект свидетельствует прежде всего о степени развитости сознания представителей андроновской культурно-исторической общности. В пределах мифопоэтического сознания прием смены точек зрения представляет собой довольно сложную мыслительную операцию познания действительности. Более того, ее появление – исторически обусловленное явление. Подобная способность возникает в предопределенных исторических условиях, связанных с эволюцией общественного сознания в сторону его усложнения в сравнении с архаикой. В период поздней бронзы в пределах степного мира Евразии был сделан первый шаг к формированию способности овладения множеством точек зрения на мир. За этим явлением стоит усложненное сознание, нацеленное на видоизменение смыслов, на поиск и нахождение чего-то скрытого и даже тайного, если культивировались своего рода тексты «загадка – отгадка», общее игровое начало. Активное использование фризовой композиции подтверждает, что андроновское общество двигалось в сторону прогрессивных форм сознания, поскольку фризový способ компоновки изображений требует начатков понятийного сознания. Андроновское общество, что справедливо и для срубного, сделало шаг вперед в сравнении с эпохой средней бронзы и достигло значительной степени развития общественного сознания, приближаясь к эпохе высокого варварства. Вполне закономерно, что следующая историческая эпоха в Северной Евразии стала временем появления первых государственных образований раннего железного века.

Искусство помогает понять время и эпоху, в которую оно существовало. Его изучение дает богатейший материал для осмысления прошлого, что демонстрируют исследования по искусству Средневековья, Возрождения, Нового и Новейшего времени. В этом ряду обращение к изобразительности периода древности также представляется продуктивным. Книга И.В. Ковтуна «Андроновский орнамент» позволяет лучше понять искусство древней Евразии, это прекрасный свод изобразительных текстов, со своей классификацией и авторской интерпретацией образов. Несомненно, книга будет востребована не только археологами, но и специалистами, изучающими изобразительное искусство Северной Евразии, а также занимающимися общими вопросами теории древнего искусства.

Библиографический список

- Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковые системы. М. : Советское радио, 1978. 184 с.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово : Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В. Инвариантный анализ изобразительных стилей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №1 (21). С. 139–149.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань : ИД «Казанская не-движимость», 2016. 547 с.
- Кузин-Лосев В.И. Правила организации культурных текстов эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк : Донецкий национальный университет, 2002. С. 55–74.

Кузин-Лосев В.И. Концепт истории и культура. Степи Восточной Европы в эпоху бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк : Донецкий национальный университет, 2006. С. 269–290.

Кузин-Лосев В.И. Художественный стиль изобразительного декора рогового предмета из окрестностей г. Димитрова // Археологический альманах. №25. Донецк : Бытсервис, 2011. С. 199–227.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // Stratum plus. 2016. №2. С. 235–253.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

References

Ivanov V.V. Chet i nechet: Asimetriya mozga i znakovye sistemy [Even and Odd: Asymmetry of the Brain and Sign Systems]. М. : Sovetskoe radio, 1978. 184 p.

Kovtun I.V. Predystoriya indoarijskoj mifologii [Background to Indo-Aryan Mythology]. Kemerovo : Aziya-Print, 2013. 702 p.

Kovtun I.V. Invariantnyj analiz izobrazitel'nyh stilej [Invariant Analysis of Visual Styles]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2005. №1 (21). Pp. 139–149.

Kovtun I.V. Andronovskij ornament (morfologiya i mifologiya) [Andronovsky Ornament (Morphology and Mythology)]. Kazan' : ID «Kazanskaya nedvizhimost'», 2016. 547 p.

Kuzin-Losev V.I. Pravila organizacii kul'turnyh tekstov epohi pozdnej bronzy [Rules for Organizing Cultural Texts of the Late Bronze Age]. Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii. T. 1 [Structural-semiotic studies in archeology. T. 1]. Doneck : Doneckij nacional'nyj universitet, 2002. S. 55–74.

Kuzin-Losev V.I. Koncept istorii i kul'tura. Stepi Vostochnoj Evropy v epohu bronzy [The Concept of History and Culture. Steppes of Eastern Europe in the Bronze Age]. Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii. T. 3 [Structural-Semiotic Studies in Archaeology. Vol. 1]. Doneck : Doneckij nacional'nyj universitet, 2006. Pp. 269–290.

Kuzin-Losev V.I. Hudozhestvennyj stil' izobrazitel'nogo dekora rogovogo predmeta iz okrestnostej g. Dimitrova [The Artistic Style of the Decor of the Horn Object from the Vicinity of Dimitrov]. Arheologicheskij al'manah. №25 [Archaeological Almanac No. 25]. Doneck : Bytservis, 2011. Pp. 199–227.

Stefanov V.I., Kuz'minyh S.V., Chemyakin Yu.P., Koryakov I.O. Evolyuciya drevnej igry v kosti: istochniki pozdнего bronzovogo veka [The Evolution of Ancient Dice: Sources of the Late Bronze Age]. Stratum plus. 2016. №2. Pp. 235–253.

Propp V.Ya. Morfologiya skazki [Morphology of a Fairy Tale]. Л. : Academia, 1928. 152 p.

Sher Ya.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Central and Central Asia]. М. : Nauka, 1980. 328 p.

V.I. Kuzin-Losev

Donetsk Republican Regional Museum, DNR

NOTES IN THE MARGINS OF THE BOOK (I.V. Kovtun “Andronovsky Ornament”)

The article analyzes the monograph of I.V. Kovtun “Andronovo Ornament (morphology and mythology)”. Attention is paid to the morphology of pictorial texts on Andronov vessels from the standpoint of structuralism. The basic structures of pictorial texts are revealed, the general attraction of masters of Andronov culture to asymmetric compositions is stated. The degree of development of consciousness of representatives of Andronov cultural and historical community is restored. The general character of the historical epoch of the late Bronze age of Northern Eurasia is described. Andronovo art appears as a complete system. It is characterized by a variety that is realized within a limited number of structures and graphic elements. This reflection allows us to trace the patterns of graphic changes in time and space and to mark certain trends within local territories and between them.

Key words: Bronze age, Andronovo culture; structuralism; «new archaeology»; ornament; structure; content; cultural meanings

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести.
АГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВИ – Вопросы истории.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ЕНУ – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.
ЖезУ – Жезказганский университет им. О. А. Байконурова.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КазНУ – Казахский национальный университет им. аль-Фараби.
КарГУ – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МАК – Материалы по археологии Кавказа.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИС – морская изотопная стадия.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
ПАВ – Петербургский археологический вестник.
ПГУ – Пермский государственный университет.
РАН – Российская академия наук.
РГО – Русское географическое общество.
РНФ – Российский научный фонд.
САИ – Свод археологических источников.
СО – Сибирское отделение.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
УЗ – Ученые записки.
УрГУ – Уральский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.
ЮНЦ – Южный научный центр.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Алматы, пр. Достык, 44; galiya2002@gmail.com

Bazarbaeva Galia Appazovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology; 050010, Almaty, 44, Dostyk Ave.; galiya2002@gmail.com

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра истории и археологии Бегазы-Тасмола; 050008, Республика Казахстан, Алматы, ул. Жамбула, д. 175, кв. 61; azbeisenov@mail.ru

Beisenov Arman Ziadonovich, Candidate of Sciences (History), Director, Research Center for History and Archaeology of Begazy-Tasmola; 050008, Republic of Kazakhstan, Almaty, 175, kv. 61, Zhambul st.; azbeisenov@mail.ru

Вертман Евгений Густавович, кандидат технических наук, руководитель комиссии научного туризма и краеведения Русского географического общества (Томское отделение); Россия, 634063, Томск, ул. Ивана Черных, 32–272; rodnikweg@yandex.ru

Vertman Evgeny Gustavovich, Candidate of Technical Sciences, Head of the Commission of Scientific Tourism and Local History of the Russian Geographical Society (Tomsk Branch); Russia, 634063, Tomsk, 32–272, ul. Ivan Chernykh; rodnikweg@yandex.ru

Гаврилина Татьяна Александровна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; tanyaesler@gmail.com

Gavrilina Tatyana Aleksandrovna, Student of the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, 1, Pirogova Str.; tanyaesler@gmail.com

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Алматы, пр. Достык, 44; gdzhuma@mail.ru

Dzhumabekova Gulnara Sainovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology; 050010, Almaty, 44, Dostyk Ave.; gdzhuma@mail.ru

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России; докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ; 656065, Барнаул, ул. Просторная, 216; kaa-2862@mail.ru

Kazakov Alexander Albertovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Doctoral Candidate of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of AltSU; 656065, Barnaul, 216, st. Spacious; kaa-2862@mail.ru

Кирышин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; kirill-kirushin@mail.ru

Kiryushin Kirill Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality of Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; kirill-kirushin@mail.ru

Кузин-Лосев Валерий Иванович, старший научный сотрудник Донецкого Республиканского краеведческого музея; 283048, Донецкая Народная Республика, Донецк, ул. Челюскинцев, 189а; msr.val@mail.ru

Kuzin-Losev Valery Ivanovich, Senior Researcher, Donetsk Republican Museum of Local Lore; 283048, Donetsk People's Republic, Donetsk, 189a, st. Chelyuskintsev; msr.val@mail.ru

Литвинова Ксения Александровна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; ket_9595@mail.ru

Litvinova Ksenia Aleksandrovna, student of the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, 1, ul. Pirogov; ket_9595@mail.ru

Лукпанова Яна Амангелдиевна, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 50010, Алматы, пр. Достык, 44; старший научный сотрудник Западно-Казахстанского центра истории и археологии; 090000, Уральск, пр. Достык, 184; lukpanovayana@gmail.com

Lukpanova Yana Amangeldievna, Researcher at Margulan Institute of Archaeology; 50010, Almaty, 44 Dostyk Ave. Senior Researcher, West Kazakhstan Center for History and Archeology; 090000, Uralsk, 184, pr. Dostyk; lukpanovayana@gmail.com

Марченко Дарья Валерьевна, младший научный сотрудник Лаборатории «ЦифРА» Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; dasha-smychagina@yandex.ru

Marchenko Daria Valerievna, Junior Researcher at the DigitalA Laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, pr. Akademika Lavrentieva; dasha-smychagina@yandex.ru

Му Цзиньшань, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211; mujinshan@mail.ru

Mu Jinshan, Graduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave., office. 211; mujinshan@mail.ru

Онников Анатолий Викторович, Бийское отделение РГО; 658204, Рубцовск, ул. Тихвинская, 30, кв. 79; ludmilaonnikova@yandex.ru

Onnikov Anatoly Viktorovich, Biysk Branch of the Russian Geographical Society; 658204, Rubtsovsk, 30, apt. 79, st. Tikhvinskaya; ludmilaonnikova@yandex.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; papindv@mail.ru

Papin Dmitry Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of South Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; Leading Researcher, Laboratory of Interdisciplinary Studies of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; papindv@mail.ru

Плетнёва Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета; 634061, Томск, ул. Киевская, 60; pletenevalm@tspu.edu.ru

Pletneva Lyudmila Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University; 634061, Tomsk, 60, st. Kiev; pletenevalm@tspu.edu.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры; 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3; murziha@mail.ru

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Kazan State Institute of Culture; 420059, Kazan, Orenburg tract, 3; murziha@mail.ru

Рыбин Евгений Павладьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; gyber@yandex.ru

Rybin Evgeny Pavladevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Stone Age Archaeology Department, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, pr. Akademika Lavrentieva; ryber@yandex.ru

Савинов Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; 190068, Санкт-Петербург, пер. Кустарный, 4, кв. 7; lazarevskaya_n@mail.ru

Savinov Dmitry Glebovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Institute of History, St. Petersburg State University; 190068, St. Petersburg, 4, apt. 7, side str. Kustarny; lazarevskaya_n@mail.ru

Святко Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник 14Хроно Центра по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста; BT7 1NN, Великобритания, Белфаст; s.svyatko@qub.ac.uk

Svyatko Svetlana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the 14th Chrono Center for Climate, Environment and Chronology, Royal University of Belfast; BT7 1NN, UK, Belfast; s.svyatko@qub.ac.uk

Сопиев Алланазар, заведующий отделом рекламы и издательства Государственного музея Государственного культурного центра Туркменистана; 744000, Туркменистан, Ашхабад, ул. Арчабиль, 50; museum.tkm@mail.ru

Sopiev Allanazar, Head of the Advertising and Publishing Department of the State Museum of the State Cultural Center of Turkmenistan; 744000, Turkmenistan, Ashgabat, 50, ul. Archabil; museum.tkm@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Tabarev Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Ave.; olmec@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; tishkin210@mail.ru

Tishkin Alexey Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Professor; Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; tishkin210@mail.ru

Тишкина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; tvtishkina@mail.ru

Tishkina Tatyana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor; Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University; 656049, Barnaul, 61, Lenin Ave.; tvtishkina@mail.ru

Хаценович Арина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; archeomongolia@gmail.com

Khatsenovich Arina Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 630090, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentieva Ave.; archeomongolia@gmail.com

Научное издание

Журнал
«Теория и практика археологических исследований»

№2 (30) • 2020

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»
Подписной индекс П4317
Цена свободная

Подписано в печать 10.06.2020. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 500 экз. Заказ 176.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 19.06.2020.